

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

**УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«МОГИЛЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. А. КУЛЕШОВА»**

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ
ЯЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРЫ
В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ – IX**

**СБОРНИК
НАУЧНЫХ СТАТЕЙ**

Под редакцией
Е. Е. Иванова

Могилев
МГУ имени А. А. Кулешова
2026

УДК 81(062)

ББК 81.2

В78

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
МГУ имени А. А. Кулешова*

Редакционный совет:

доктор филологических наук, профессор *Е. Е. Иванов* (председатель);
кандидат филологических наук, доцент *Е. А. Болтовская*;
кандидат филологических наук, доцент *Т. И. Борбат*;
кандидат филологических наук *Е. Н. Грушецкая*;
кандидат филологических наук, доцент *А. В. Динькевич*;
кандидат филологических наук, доцент *А. В. Довгаль*;
кандидат филологических наук, доцент *Е. В. Рубанова*;
кандидат филологических наук, доцент *Е. И. Сердюкова*;
кандидат филологических наук, доцент *А. К. Шевцова*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой теоретического и славянского языкознания,
Белорусский государственный университет
А. А. Баркович;

доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета,
Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка
В. Д. Стариченок;

**В78 Восточнославянские языки и литературы в европейском
контексте – IX : сборник научных статей / под ред. Е. Е. Иванова. –
Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2026. – 340 с.**

ISBN 978-985-894-248-9

В сборник включены научные статьи, посвященные актуальным проблемам общего и восточнославянского языкознания, восточнославянской идиоматики в европейском контексте, межкультурной коммуникации и перевода, методики преподавания восточнославянских и иностранных языков и литератур, литературы и фольклора восточных славян в контексте европейского литературного процесса.

Для специалистов в области славянской, романской и германской филологии, теоретической и прикладной лингвистики, а также для аспирантов, магистрантов и студентов филологических и лингвистических специальностей университетов.

УДК 81(062)

ББК 81.2

ISBN 978-985-894-248-9

© Коллектив авторов, 2026

© Оформление.

МГУ имени А. А. Кулешова, 2026

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 811.111+811.161.1

Ахметов Руслан Бахтиярович

«Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»

(г. Могилев, Республика Беларусь)

rahmetov0210@gmail.com

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ВРЕМЯ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ)

В статье рассматривается метафорическая репрезентация одного из базовых концептов человеческого сознания «Время» в русской и английской лингвокультурах. Сопоставительный анализ показал, что в основе обеих лингвокультур лежат общие пространственные модели (время как путь, ресурс, субстанция), однако их конкретная реализация, частотность и аксиологические смыслы отличаются, отражая особенности восприятия темпоральности. Русская языковая картина мира актуализирует образы циклического, судьбоносного или ускользающего времени, английская – тяготеет к моделям времени как линейного, измеримого и управляемого ресурса.

Ключевые слова: концепт «Время», концептуальная метафора, русский язык, английский язык, сопоставительный анализ, темпоральная модель

This article presents a comparative analysis of the metaphorical representation of one of the basic concepts of human consciousness («Time») in Russian and English-speaking linguacultures. The analysis reveals that both linguacultures are based on common spatial models (time as a path, a resource, a substance); however, their specific realization, frequency, and axiological connotations differ, reflecting peculiarities in the perception of temporality. The Russian linguistic worldview more frequently actualizes images of cyclical, fateful, or elusive time, while the English one tends to favor models of time as a linear, measurable, and manageable resource.

Keywords: concept «Time», conceptual metaphor, Russian, English, comparative analysis, temporal model

Проблема осмысления времени является одной из центральных в философии, культуре и языке. Будучи абстрактной и не поддающейся прямому чувственному восприятию категорией, время требует для своей концептуализации обращения к более конкретным областям опыта. Язык выступает ключевым инструментом и одновременно «зеркалом» такого осмысления, а метафора – его основным механизмом. Как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, «сущность метафоры заключается в осмыслении и переживании явлений одного

рода в терминах явлений другого рода» [1, р. 13]. Концептуальная метафора позволяет структурировать в сознании и языке абстрактный концепт «Время» через призму пространственных, предметных и антропоморфных моделей.

Сравнительное изучение метафорических моделей времени в разных языках позволяет выявить как универсальные, обусловленные общими когнитивными и физическими параметрами человеческого бытия, так и специфические черты, детерминированные историческим, культурным и социальным опытом народа. Концепт «Время» является идеальным объектом для такого исследования, поскольку он лежит в основе множества других концептов (жизнь, изменение, прогресс и др.) и представлен в языке обширным метафорическим полем.

Цель исследования – системное описание и сопоставительный анализ основных моделей метафорической репрезентации концепта «Время» в русском и английском языках, направленный на выявление инвариантных (общечеловеческих) и вариативных (культурно-обусловленных в каждом языке) особенностей его осмысления.

Теоретической основой работы послужили положения когнитивной лингвистики о метафоре как способе мышления, теория концепта, лингвокультурологические подходы к изучению концептов. Отдельно использовались представления о метафоре в английском и русском языках [2; 3; 4]. Фактическим материалом для исследования послужили данные лексикографических источников (толковых, фразеологических, идеографических словарей), национальные корпусы (Национальный корпус русского языка, British National Corpus), фразеологические словари, тексты публицистического и художественного дискурса.

Универсальные модели концепта «Время». Сравнительный анализ выявляет ряд базовых моделей, общих для обеих лингвокультур, что подтверждает их когнитивную универсальность.

Время как движущийся объект / путь (Time is a moving object / path). Это одна из наиболее фундаментальных пространственных метафор. Время мыслится как некая траектория, по которой движется либо сам наблюдатель (мы *подходим* к концу года, we are *approaching* the deadline), либо временные отрезки (прошлое *осталось позади*, the future *lies ahead*). В рамках этой модели прошлое локализуется «сзади», будущее – «впереди». Это отражено в лексике: *предстоящие* события (upcoming events), *последующие* годы (following years).

Время как ценный ресурс / деньги (Time is a valuable resource / money). Данная модель акцентирует экономический аспект времени. Время можно *тратить* (spend waste time), *экономить* (save time), *инвестировать* (invest time), его может *не хватать* (run out of time). В английском языке временная метафора тесно связана с протестантской этикой и особенно продуктивна (Time is money – ставшая афоризмом максима Б. Франклина).

Время как субстанция / проток (Time is a substance flow). Время осмысливается как некая непрерывная, текучая среда: *течение* времени (*flow/passage of time*), *отрезок* времени (*period of time*), *в веках* (*through the ages*). Оно может быть *долгим* или *коротким*, его можно *делить* на части.

Культурно-специфические особенности метафоризации. При этом не смотря на общность базовых моделей, их актуализация, сочетаемость и ценностные оттенки в русском и английском языках демонстрируют различия.

Линейность vs. Цикличность. Английская модель времени отличается ярко выраженной линейностью, направленностью из прошлого через настоящее в будущее, что коррелирует с идеей прогресса. Русская картина мира, сформированная под влиянием аграрного цикла и православного календаря, в большей степени сохраняет элементы циклического восприятия: *Всё возвращается на круги своя; История повторяется*. Образ колеса времени, *годи́чно-го круга* более характерен для русского дискурса.

Активность vs. Пассивность субъекта. В английской метафорике чаще актуализируется модель, где человек выступает активным *пользователем* или *менеджером* времени (*manage your time, time management*). В русском языке, напротив, сильнее выражены модели, где время действует самостоятельно и часто подчиняет себе человека: *время идет, бежит, летит, тянется*; *время рассудит, покажет*. Человек чаще предстаёт пассивным наблюдателем или «*пленником*» времени: *упустить время, отстать от времени*.

Аксиологические коннотации. В русской лингвокультуре ярко выражена ностальгически-элегическая метафорика времени: *золотое время, прежнее/былое время, время уходит безвозвратно*. Английский язык чаще использует технократические и количественные метафоры: *time frame, time slot, real-time, on schedule*. Различен и образ будущего: в английском оно часто «светлое» и «обещающее» (*bright future*), в русском — *туманное* или *неизвестное*.

Время как судьба / врач. Эта модель, хотя и присутствует в обоих языках, в русском имеет особую значимость и частотность. Время выступает как высшая, почти мистическая сила, которая «лечит» (*Время лечит*), *расставляет всё по местам*, является *судьёй*. Пословица *Время работает на нас* подразумевает не активное управление, а ожидание благоприятного стечения обстоятельств, данных свыше.

Исследование показало, что базовый концепт «Время» в русской и английской лингвокультурах репрезентируется через сложную систему метафорических моделей, сочетающих универсальные когнитивные основания и культурно-обусловленную специфику.

Универсальными являются пространственно-динамические (путь), субстанциальные (ресурс, субстанция) модели, отражающие общие физические и психологические параметры человеческого взаимодействия с миром. Культурная специфика проявляется в акцентах и прагматике этих моделей. Для англоязычного сознания характерна линейно-прагматическая модель: время — это

прямой, измеримый, неделимый и крайне ценный ресурс, требующий активного управления для достижения целей. Для русского языкового сознания в большей степени свойственна циклически-созерцательная модель с элементами фатализма: время – это мощная, часто неконтролируемая сила (поток, река), обладающая собственной волей, которая может нести, исцелять или судить; оно течёт в циклах, и человек скорее приспосабливается к его ритму, чем подчиняет его.

Различия в метафорической репрезентации не абсолютны, они образуют своеобразные «фокусы» в национальных картинах мира. Их осознание важно не только для теоретической лингвистики, но и для успешной межкультурной коммуникации, перевода, а также для преподавания языков и культур, где понимание глубинных моделей восприятия таких базовых категорий, как время, является ключом к преодолению культурных барьеров.

Литература

1. Lakoff, G. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
2. Иванов, Е. Е. Метафора как объект оценочной метаязыковой рефлексии в интернет-пространстве / Е. Е. Иванов, С. Б. Кураш // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2024. – № 4. – С. 46–58.
3. Рубанова, Е. В. Субстантивная метафора в американском студенческом сленге / Е. В. Рубанова // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. Серія А. Гуманітарні навукі: історія, філософія, філологія. – 2013. – № 1 (41). – С. 48–53.
4. Рубанова, Е. В. Экзистенциальная метафора жизни сквозь призму цитат и афоризмов / Е. В. Рубанова // Вестник МГЛУ. Серия 1: Филология. – 2019. – № 2 (99). – С. 67–74.

УДК 811.111'42

Белик Владислава Александровна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

belikvlada0405@gmail.com

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРЯМОЙ ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ В ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ

В статье рассматриваются языковые средства выражения оскорбления как тактики прямой вербальной агрессии. Установлено, что лексическими средствами выражения агрессии являются лексика с негативно-оценочной коннотацией, сленговая лексика, табуированная лексика, идиомы, неформальная лексика, фразовые глаголы, наречия с усилительным значением.

Ключевые слова: вербальная агрессия, прямая вербальная агрессия, оскорбление, интернет-коммуникация, интернет-комментарий

The article examines the linguistic means of expressing insults as a tactic of direct verbal aggression. It has been established that the lexical means of expressing aggression include negative evaluative connotation vocabulary, slang vocabulary, taboo vocabulary, idioms, informal vocabulary, phrasal verbs and intensifying adverbs.

Keywords: verbal aggression, direct verbal aggression, insult, online communication, online commentary

С развитием интернета возникают новые модели коммуникативного взаимодействия между людьми. Одним из жанров современной интернет-коммуникации является интернет-комментарий, который позволяет пользователям выражать своё мнение на счёт заданной темы, а также вступать во взаимодействие с другими пользователями. Такие характеристики интернет-коммуникации, как анонимность, реактивная и диалогическая природа и постоянное хранение информации, создали новые условия для общения.

В последнее время в социальных сетях, и, в частности, в интернет-комментариях, можно отметить стремление пользователей к доминированию и навязыванию своей точки зрения другим пользователям, что часто проявляется в использовании такой формы общения как вербальная агрессия. К.Ф. Седов даёт следующее определение понятию вербальной агрессии: «Речевая агрессия – целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние (страх, фрустрацию и т.п.) у объекта речевого воздействия» [1, с. 2]. Ю.В. Щербинина определяет вербальную агрессию как «проявление грубости в речи, негативное речевое воздействие и взаимодействие; обидное общение; выражение отрицательных эмоций и намерений в неприемлемой в данной ситуации и оскорбительной для собеседника форме» [2, с. 13]. Понимание механизмов и языковых маркеров вербальной агрессии способствует более эффективному противодействию её негативным последствиям.

Цель исследования – выявить лексические средства выражения прямой вербальной агрессии в интернет-комментариях.

Прямая вербальная агрессия «реализуется в системе координат «я – ты»: субъект и объект речевой агрессии являются непосредственными участниками коммуникации. Адресант сообщения выступает субъектом речевой агрессии, адресат – её объектом» [3, с. 89]. Одной из самых распространённых тактик прямой вербальной агрессии в межличностной коммуникации в социальных сетях является оскорбление. Под оскорблением мы понимаем унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной, грубой, неуважительной словесной форме.

Приведем примеры комментариев, в которых выявлены лексические средства выражения прямой вербальной агрессии: – *Would it kill you to have an ounce of empathy and not be a **fucking dumb transphobe** for once? – You're so miserable. Work on that.* В представленных комментариях вербальная агрессия, реализуется через тактику оскорбления. Первый комментатор использует

выражение *fucking dumb transphobe*. Существительное *transphobe* обозначает человека, испытывающего ненависть в отношении трансгендерных людей. В словарях данное существительное имеет помету «disapproving», что указывает на его негативно-оценочный характер. В данном случае семантика существительного усилена прилагательным *fucking*, которое является сленговым табуированным ругательством и используется, чтобы подчеркнуть гневное высказывание, а также прилагательным *dumb*, которое в данном контексте используется в значении ‘тупой, глупый’ и является оскорбительным. В ответной реплике лексическим средством выражения вербальной агрессии является негативно-оценочное прилагательное *miserable*, которое сопровождается усиленным наречием *so* с целью гиперболизации негативной оценки.

Следующий комментарий: *How the fuck is that your take? It's not either or you dumb asshole, but i guess you can't comprehend a more nuanced scala than RHAAAAA*. В данном случае для выражения оскорбления используется существительное *asshole*, которое в английском языке относится к категории оскорбительной сленговой лексики и обладает выраженной уничижительной коннотацией. Прилагательное *dumb* в словаре имеет помету «offensive to somebody» [4], что позволяет отнести всё выражение *dumb asshole* к вербальной агрессии. Существительное *fuck*, являющееся табуированной и сленговой лексемой, в вопросительной конструкции *how the fuck* выполняет эмфатическую функцию, подчёркивая злость и недовольство адресанта.

В комментарии *You're a pathetic loser* для выражения тактики оскорбления используется сочетание лексем *pathetic loser*. Прилагательное *pathetic* является негативно-оценочным и в словарях отмечено как неодобрительное. Существительное с негативной коннотацией *loser* используется в неформальном общении и означает человека, не заслуживающего, по мнению адресанта, никакого уважения. В большинстве случаев данная лексема носит оскорбительный характер.

В комментарии *You're a disgusting piece of trash* средством выражения вербальной агрессии выступает словосочетание *disgusting piece of trash*. Прилагательное *disgusting* является негативно-оценочным, выражает неодобрение и даже физиологическое отвращение. Сленговое выражение *piece of trash* это уничижительная фраза, используемая для описания кого-то или чего-то, что считается никчёмным, бесполезным и не представляющим ценности. Оно часто используется как оскорбление, чтобы принизить характер или действия человека. Ключевым компонентом выражения является существительное *trash* – неформальное, обладающее негативной коннотацией, «offensive word used to describe people that you do not respect» [4]. Словосочетание *piece of* усиливает эффект, подчёркивая неуважительный тон высказывания.

Комментарий *Shameless whore* является примером вербальной агрессии по гендерному признаку. Существительное *whore* относится к табуированной и оскорбительной лексике, это гендерно-маркированный вербальный инстру-

мент унижения, направленный исключительно на женщин. Использовано также негативно-оценочное прилагательное *shameless*, которое усиливает моральное осуждение адресата.

Комментарий *Shut the fuck up* является примером грубого требования. Адресант использует фразовый глагол *shut up*, который является неформальным и «often used as an order as a rude way of telling somebody to stop talking» [4]. Существительное *fuck* являющееся грубой, табуированной и сленговой лексемой, в конструкции *shut the fuck up* выполняет эмфатическую функцию, подчёркивая злость и недовольство адресанта.

В комментарии *You're so ugly, just kill yourself* негативно-оценочное прилагательное *ugly* сопровождается усилительным наречием *so* и является грубой оценочной характеристикой адресата. Повелительная конструкция *kill yourself* используется для выражения крайнего презрения к другому человеку и часто употребляется для психологического давления на жертву, кибербуллинга. В данном примере реализуется тактика оскорбления и грубого требования.

В комментарии *You're a kid-scarer. A fucking monster. Get the hell back to your cave and don't you dare crawl out, you antisocial troll* комбинируются тактики оскорбления и грубого требования. Словосочетания *fucking monster* и *antisocial troll* являются грубым, неуважительным обращением к адресату. Существительные *monster* и *troll* используются как оскорбительные негативно-оценочные метафоры. Выражение *get the hell back* является грубым требованием. Лексема *hell* выполняет в данном случае эмфатическую функцию и используется как ругательство для того, чтобы подчеркнуть агрессивный тон высказывания.

В комментарии *What a freak... you can Google mental institution* является еще одним примером оскорбления. Существительное *freak* обладает негативной семантикой, в словарях помечено как неодобрительное, неформальное и оскорбительное. Словосочетание, состоящее из прилагательного *mental* и существительного *institution*, несмотря на отсутствие негативного значения в медицинском дискурсе, в данном случае используется для дискредитации адресата.

Можно сделать вывод, что прямая вербальная агрессия в интернет-комментариях выражается с помощью таких лексических средств, как лексика с негативно-оценочной коннотацией, сленговая лексика, табуированная лексика, идиомы, неформальная лексика, фразовые глаголы, наречия с усилительным значением.

Литература

1. Седов, К. Ф. Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации / К. Ф. Седов // Юрислингвистика. – 2005. – № 6. – С. 87–104.
2. Щербина, Ю. В. Вербальная агрессия / Ю. В. Щербина. – М. : URSS, 2008. – 355 с.

3. Доўгаль, А. В. Тыпы і тактыкі вербальнай агрэсіі ў інтэрперсанальнай камунікацыі ў сацыяльных сетках / А. В. Доўгаль // Весті БДПУ. Серыя 1: Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2023. – № 3. – С. 88–91.

4. Oxford Learner's Dictionaries [Electronic resource]. – 2025. – Mode of access : <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>. – Date of access : 10.12.2025.

УДК 811.111

Бычкова Анастасія Владимировна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Республика Беларусь)
bychkovskaya_av@m.msu.by

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ МАНИПУЛИРОВАНИЯ ПОСРЕДСТВОМ ТАКТИКИ СМЕЩЕНИЯ АКЦЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ЦИСФОБИИ

Статья посвящена анализу тактики смещения акцентов как ключевого инструмента стратегии манипулирования в дискурсе, сопряженном с проявлениями цисфобии. На материале интернет-коммуникации исследуются конкретные вербальные механизмы реализации данной тактики, целью которой является изменение тональности дискуссии, перевод внимания с одной проблемы на другую или обесценивание высказанной позиции. Особое внимание уделяется тому, как смещение акцентов используется для дискредитации мнения трансгендерных людей, принижения их опыта и манипулирования общественным восприятием. Делается вывод о деструктивной роли подобных риторических приемов, затрудняющих конструктивный диалог и углубляющих межгрупповые противоречия.

Ключевые слова: смещение акцентов, стратегия манипулирования, вербализация, цисфобия, интернет-дискурс, дискредитация

The article is devoted to the analysis of the tactic of shifting focus as a key tool of manipulation strategy in discourse associated with manifestations of cisphobia. Using internet communication as material, the study examines specific verbal mechanisms for implementing this tactic, the goal of which is to change the tone of a discussion, shift attention from one problem to another, or devalue a stated position. Particular attention is paid to how the shifting of focus is used to discredit the opinions of cisgender people, belittle their experiences, and manipulate public perception. The conclusion is drawn about the destructive role of such rhetorical devices, which hinder constructive dialogue and deepen intergroup contradictions.

Keywords: Shifting focus / shifting of emphasis, manipulation strategy, verbalization, cisphobia, internet discourse, discrediting

В современном цифровом коммуникативном пространстве риторические стратегии, направленные на дискредитацию и манипулирование, приобретают все более изощренные формы. Одной из наиболее распространенных и действенных тактик в этом арсенале является тактика смещения акцентов, позволяющая кардинально трансформировать повестку дискуссии и оказать

давление на оппонента. В контексте гендерного дискурса, и, в частности, в проявлениях цисфобии, данная тактика используется для систематического принижения, обесценивания и демонизации позиций и переживаний цисгендерных людей [1; 4].

Целью настоящей статьи является лингвистический анализ конкретных способов вербализации тактики смещения акцентов в интернет-коммуникации, где разворачиваются конфликты между цисгендерными и трансгендерными пользователями. В фокусе исследования находятся механизмы, с помощью которых происходит подмена тезиса: обсуждение серьезных вопросов безопасности, справедливости или личного комфорта подменяется насмешками над внешностью, статистическими манипуляциями или обвинениями в фанатизме. Такие приемы не только блокируют содержательный диалог, но и формируют враждебную коммуникативную среду, усиливая раскол между группами.

На материале реальных примеров из интернет-диалогов (социальные сети, форумы) в работе выявляются и классифицируются основные модели смещения акцентов, демонстрируется их риторическая структура и прагматическое воздействие на адресата и аудиторию. Актуальность исследования обусловлена необходимостью критического осмысления языковых механизмов манипуляции для противодействия деструктивным практикам в публичной сфере и поиска путей к более инклюзивному и уважительному диалогу.

Тактика смещения акцентов, будучи самой частотной, представлена большим количеством способов ее вербализации. Стоит отметить, что смещение акцентов происходит для того, чтобы, например изменить тон беседы или сместить акцент с одной проблемы на другую, или же изменить акцентуацию так, чтобы высказанная проблема, больше не являлась проблемой [2; 3]. Такой случай мы видим в следующем комментарии: *apparently specifically her take that mtf rapists shouldnt be in women prison... a little silly because procentages of cis woman rapists is the same if not higher than trans woman rapists. and trns women are more likely to be raped and assaulted specifically by men*. В данной ситуации дискуссии подвергалась проблема отбывания наказания трансженщинами в женской тюрьме. В беседе цисженщина сделала акцент на страх возможных изнасилований трансженщинами в тюрьме, о которых она неоднократно слышала. В результате чего тем, кто оставил данный комментарий был смещен акцент с проблемы изнасилований женщин в тюрьме на факт того, что женщины сами являются насильниками и еще более активными, чем трансженщины. Это мы видим во фразе: *Procentages of cis woman rapists is the same if not higher than trans woman rapists*.

Следующий тип смещения акцентов мы видим здесь: *Unblended straight out the pack hair extensions. 2002 eyebrows and unblended nose contour. Obsession with other people's genitals and identity to the point that even other cis women who can't conceive are caught in the crossfire of your transphobia. Sounds about white*. Здесь цисженщина опять пыталась доказать свою точку зрения, однако

акцент разговора был смещен на ее внешность. Указание на неопрятность и старомодность вкусов была направлена, на манипуляцию с целью показать, что ее мнение не является существенным и слушать такого человека совершенно не стоит. Акцент на внешность часто используется, для манипуляции самого оппонента для того, чтобы доставить ему дискомфорт, а также для того, чтобы принизить его и его мнение в глазах остальных участников дискуссии.

Далее мы видим еще один случай смещения акцентов: *Idk what's funnier a) she's not actually the fastest girl in Connecticut, that's just something she calls herself & she was beaten by 5 women including 4 cis women or b) scholarships are based on times, not placement so apparently the presence of a trans woman slowed her down.* Данная дискуссия велась по поводу девушки проигравшей трансженщине в соревнованиях по бегу. Ее основной претензией было участие трансженщины наравне с цисженщинами. Однако акцент с этого был переведен на то, что не важно, что в соревнованиях участвовала трансженщина. И хоть, та трансженщина и пришла первой, однако пожаловавшаяся девушка все равно пришла пятой, так что ее претензия незначительна.

В следующей ситуации женщина жаловалась на то, что хотела бы знать если ее доктор, скорее всего она имела ввиду гинеколога, является трансперсоной. Она утверждает, что это важно для ее личного комфорта: *Im not transphobic i just think trans ppl are so dangerous that i have a right to know if my doctor is one... again, not transphobic.* В ответ акцент с комфорта и проблемы возможности выбора врача был смещен на то, что такое поведение является фанатичным и должно быть пристыжено: *'Gender critical' isn't feminism. It's bigotry.*

Проведенный анализ наглядно демонстрирует, что тактика смещения акцентов представляет собой мощный и многоаспектный инструмент манипуляции в рамках стратегии дискредитации цисгендерных людей. Как показали примеры из интернет-дискурса, ее вербализация может принимать различные формы: от подмены темы дискуссии (например, перевод разговора о безопасности в тюрьмах в плоскость статистики о преступлениях) до прямых атак, направленных на внешность, компетентность или моральный облик говорящего. В других случаях смещение акцентов работает через обесценивание исходной проблемы, представление ее как незначительной или надуманной.

Объединяющей целью всех этих приемов является не поиск истины или компромисса, а стремление лишить высказывание оппонента силы, вывести его из равновесия, принизить его опыт и, в конечном счете, маргинализировать его позицию в глазах публики. Это ведет к эскалации конфликта, углублению взаимного непонимания и создает токсичную среду, в которой конструктивный диалог становится практически невозможным.

Таким образом, критическое осмысление и выявление языковых механизмов тактики смещения акцентов является важным шагом для деконструкции манипулятивных стратегий в публичной коммуникации. Понимание этих риторических уловок способствует развитию медиаграмотности и помогает соз-

давать условия для более честного, предметного и уважительного диалога по сложным социальным вопросам, в том числе в сфере гендерных отношений. Преодоление подобных манипулятивных практик является необходимым условием для снижения уровня цисфобии и построения подлинно инклюзивного общества, основанного на взаимном уважении и признании опыта всех его членов.

Литература

1. Бычковская, А. В. Динамика популярности термина цисгендер / А. В. Бычковская // Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в УВО : сб. науч. ст. / под ред. Е. Н. Грушецкой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2024. – С. 85–88.
2. Бычковская, А. В. Способы вербализации цисфобии в интернет дискурсе / А. В. Бычковская // «Благословенны первые шаги...» : сб. работ молодых исследователей / под ред. С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск : МГТУ им. Г. И. Носова, 2023. – Вып. 17. – 38–44.
3. Бычковская, А. В. Способы вербализации цисфобии как нового вида мизогинии (на материале англо- и русскоязычного интернет дискурса) / А. В. Бычковская // Молодая наука – 2023 : материалы Междунар. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов, 20 апреля 2023 г. / под ред. О. А. Лавшук, Н. В. Маковской. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2023. – С. 56–57.
4. Бычковская, А. В. Цисгендер как одна из разновидностей гендерной идентичности / А. В. Бычковская // На перекрестке культур: единство языка, литературы и образования – III : сб. науч. ст. / под ред. А. К. Шевцовой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2023. – С. 18–20.

УДК 81'373.613

Ваджибов Малик Джамалутдинович
Дагестанский государственный университет
(г. Махачкала, Российская Федерация)
malikvad@yandex.ru

ОТРАЖЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ ОБОГАЩЕНИЯ ЛЕКСИКИ ТАБАСАРАНСКОГО ЯЗЫКА ПОСРЕДСТВОМ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ш.И. ШАХМАРДАНОВА)

В статье рассмотрен вопрос об употреблении в художественной речи русизмов, которые обогащают лексику табасаранского языка. В качестве иллюстрации использованы прозаические произведения писателя Ш.И. Шахмарданова. В них представлены как русские заимствования, совпадающие орфографически и орфоэпически в начальных формах в русском и табасаранском литературных языках, так и адаптированные к законам живого табасаранского языка варианты русизмов.

Ключевые слова: русский язык, табасаранский язык, лексика, художественная речь, Ш. Шахмарданов, заимствование, обогащение, отражение, адаптация

This paper examines the use of Russianisms in literary speech, which enrich the vocabulary of the Tabasaran language. Prose works by the writer Sh. I. Shakhmardanov are used as illustrations. They present both Russian loanwords that share the same spelling and orthoepical origins in the Russian and Tabasaran literary languages, as well as variants of Russianisms adapted to the laws of the living Tabasaran language.

Keywords: Russian language, Tabasaran language, vocabulary, artistic speech, Sh. Shakhmardanov, borrowing, enrichment, reflection, adaptation

Табасаранская художественная речь постоянно обогащается за счет новых заимствований. В основном это происходит за счет русизмов или европеизмов посредством русского языка. Кроме того, возвращаются к жизни ориентализмы (в основном исламизмы-арабизмы), которые в советское время мастера слова в своих произведениях обычно не использовали. Произведения, написанные на табасаранском литературном языке, показывают, какие именно русизмы и европеизмы проникли в дагестанский автохтонный язык, который стал письменным относительно недавно – в 1932 г., что способствовало дальнейшему развитию табасаранской художественной речи, которая до этого времени использовалась только в устном народном творчестве.

В настоящей работе мы рассматриваем те русские слова, которые встречаются в прозаических произведениях Шахвелела Ибрагимовича Шахмарданова, табасаранского писателя, Народного поэта Дагестана.

Перу Ш.И. Шахмарданова принадлежат повести «Грушевое дерево», «Чунгур» (название музыкального струнного инструмента), новелла «Мать солдата», рассказы «Котенок», «Кукла», «Огурец Гулец», «Дивная дружба» и др. В его прозе нами обнаружены те русские лексемы, которые носители табасаранского языка использовали и используют в настоящее время и в повседневной жизни.

В повести «Грушевое дерево» (в оригинале «Жихир») представлены следующие русизмы: *власть* [9, с. 42, 43, 46 и др.], *заведиш* [9, с. 103] «заведующий», *завхоз* [9, с. 14], *зарядар* [9, с. 12] «заряды», *колхоз* [9, с. 6], глагол *машат апуб* [9, с. 12, 27, 29 и др.] «мешать», *отпуск* [9, с. 89], *палат* [9, с. 100, 110] «платье», глагол *пиян шуб* [9, с. 71, 72] «пьянеть», *пожарник* [9, с. 103], *пожарный* [9, с. 103], *правление* [9, с. 13], *председатель* [9, с. 15, 17, 18 и др.], *склад* [9, с. 43], *стол* [9, с. 17], *указание* [9, с. 15], *участок* [9, с. 13], *часть* [9, с. 37], *четвер* [9, с. 97] «четверть», *член* [9, с. 15].

Оговоримся, что аббревиатуры *завхоз* и *колхоз* мы рассматриваем как русизмы на основании того, что они впервые образовались именно в русском языке путем сложения первых слогов двух разных слов: *заведующий* + *хозяйством* и *коллективное* + *хозяйство*, где лексема *хозяйство* по происхождения является тюркизмом [7, с. 326], а *коллективный* – образованием от латинского слова *коллектив* «kollektivus» [2, с. 331], что означает собирательный.

В повести же «Чунгур» нами обнаружено небольшое количество русизмов: *доярка* [3, с. 74], *заведши* [3, с. 74], *паднус* [3, с. 72] «поднос», *пич* [3, с. 99] «печь», аббревиатуру *совхоз* [3, с. 74] и др. При этом в указанном произведении даны целые собственные наименования произведений (фильмов), в которых оба слова этимологически являются русскими («*Тихий Дон*», «*Цветок в пыли*») или одна из лексем представляет собой русизм – «*Три мушкетера*» [3, с. 74]. В последнем примере употреблен европеизм (галлицизм) «*мушкетер*» [2, с. 442], проникший в табасаранскую художественную речь посредством русского языка.

В одной из своих публикаций мы писали: «А слово *памятник* в оригинале использовано 9 раз в разных падежных формах, что важно при полной адаптации иноязычной лексики: 4 раза на стр. 132 и пять раз на стр. 133: *памятник-диин* (2 р.) «на памятнике, на памятник», *памятник* (3 р.), *памятникдихьинди* (2 р.) «на памятник, в сторону памятника», *памятникдихьна* (1 р.) «к памятнику», *памятникдиз* (1 р.) «памятнику» [9, с. 132, 133]. Эта лексема представлена и в переводе [6, с. 344, 345]» [1, с. 72]. Речь идет о новелле писателя «Мать солдата» (в оригинале «Эскрин дада»). В ней также использованы другие русизмы, что нами подчеркнуто следующим образом: «При этом констатируем наличие минимального количества употребленных в новелле русизмов, проникших в табасаранский язык под непосредственным влиянием русского языка: *маружна* [9, с. 129] «мороженое», *гражданка* [9, с. 133], [4, с. 76], аналитическая форма глагола *машат анурайи* [9, с. 129] «мешает», *кепек* [9, с. 129] «копейка», *палат* [9, с. 129] «одежда», «платье» [4, с. 271]» [1, с. 72].

В рассказе «Синица» (в оригинале «Гатхумухур») использована русская речь: ребенок ласкательно по-русски произносит: – *Синичка!* [9, с. 152]. С этого слова и начинается само художественное произведение. При этом отмечаем, что табасаранцы редко называют синицу по-табасарански. В тексте даже даны высказывания на русском языке, используемые в разговорной речи: – *Она пришла, ма!.. синица... Я знал, что она придет!* [9, с. 154]; – *Мама, они у нее не отберут червя. Он ведь ее...* [9, с. 156]. Как видим, в последнем обращении мысль ребенка не завершена.

Такой же прием использования русской речи в высказываниях персонажей мы обнаруживаем и в рассказе «Кукла» (в оригинале «Жакул»): *Куклу лучше посади на глыбу. Она же стоять не будет!..* [8, с. 217]. Или: – *Так не честно! – зарбиди сарпири чан наразивал мялум гьанлу* (8, с. 218) (перевод: громко выразил свое недовольство первый) [6, с. 386].

Благодаря русскому языку, в прозаических произведениях Ш. Шахмарданова прослеживается большое количество русских лексем, образованных от слов, заимствованных из европейских языков, с помощью русских суффиксов: *пилотка* [9, с. 127, 131] ← *пилот* (фр.) [5, с. 377], *коммунист* [9, с. 31, 42] ← *коммуни* «общий» (из лат.) [2, с. 335], *булушка* [8, с. 99, 107, 110; 9, с. 23, 55, 129] «блузка» ← *блуза* (из фр.) [4, с. 46], *скамейка* (9, с. 120) ← *скамья* (из

греч.) [4, с. 347], *электричка* [9, с. 155] «электропоезд» ← *электро* (из греч.) [5, с. 579] и др.

Часто русские слова в творчестве писателя реализуются без каких-либо изменений, то есть они даются так же, как пишутся и произносятся в начальных формах в русском языке. Например, во втором предложении рассказа «Кукла» мы находим словосочетание *холодильный завод* [8, с. 183], где оба слова являются исконно русскими. В этом же рассказе использовано сочетание *заводдин рабочий* [8, с. 185], что в переводе означает «рабочий завода».

Ряд русских слов полностью адаптировались к законам табасаранского языка, и они использованы в художественной речи так, как их произносят табасаранцы: лексема *бедре* [8, с. 99] «ведро» в рассказе «Огурец Гулец» по происхождению является общеславянским словом, что дает нам право считать его русизмом. Очевидно, это слово табасаранский язык заимствовал из русского языка больше века назад. В вышеназванной повести «Чунгур» употреблено слово *паднус* [3, с. 72] «поднос», а в «Грушевом дереве» применен адаптированный вариант русского слова «четверть»: *четвер* [9, с. 97] – это результат усечения не характерного для табасаранской фонетики мягкого согласного на конце слова, а один из персонажей произносит «*пирсидатил*» [9, с. 17] «председатель» и др.

Таким образом, мы показали русские слова, которые заимствовал табасаранский язык и к которым обратился писатель Ш.И. Шахмарданов при создании своих прозаических произведений, тем самым обогащая лексику табасаранской художественной речи. Большая часть этих русизмов в начальных формах орфографически и орфоэпически совпадают в обоих языках. При этом в текстах даются и проникшие давно в табасаранскую устную речь русские лексемы, которые уже адаптировались к другой лингвистической системе – к кавказской. Что касается европеизмов, которые были заимствованы табасаранским языком посредством русского языка, они станут объектом наших дальнейших исследований.

Литература

1. Ваджибов, М. Д. Иноязычные слова в табасаранском подлиннике и в русском переводе новеллы Ш. И. Шахмарданова «Мать солдата» (к 80-летию Победы в ВОВ) / М. Д. Ваджибов // Куляшоўскія чытанні : зб. навук. арт. / пад рэд. К. І. Сердзюковай. – Мажыцёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2025. – С. 70–74.
2. Егорова, Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка / Т. В. Егорова. – М. : Аделант, 2014. – 800 с.
3. Литературный Табасаран / сост. П. Асланов. – Махачкала : Дагестанское книжное изд-во, 1990. – 156 с.
4. Свиридова, М. Н. Этимологический словарь современного русского языка / М. Н. Свиридова. – М. : Аделант, 2014. – 512 с.
5. Словарь иностранных слов. – 15-е изд., перераб. – М. : Русский язык, 1988. – 608 с.

6. Шахмарданов Ш. Мать солдата : сборник поэзии и прозы / Ш. Шахмарданов ; пер. с табасаранского языка. – Махачкала : Дагестанское книжное изд-во, 2018. – 408 с.
7. Шипова, Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке / Е. Н. Шипова. – Алма-Ата : Наука, 1976. – 444 с.
8. Шагьмарданов Ш. Булагъдин аьлхьюб: Шиърар во ихтилатар / Ш Шагьмарданов. – Махачкала : Дагестанское книжное изд-во, 2023. – 320 с.
9. Шагьмарданов, Ш. Жихрин гьар: Повесть ва ихтилатар / Ш Шагьмарданов. – Махачкала : Дагестанское книжное изд-во, 1988. – 160 с.

УДК 070.17:81'42

Груммо Екатерина Николаевна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

ekaterina.grummoby@gmail.com

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КРИЗИСНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

В рамках представленной статьи рассматривается проблематика гендерной идентичности, ее конституирующая роль и механизмы влияния в пространстве кризисного медийного дискурса. Выявлено, что в процессе медийной репрезентации кризисных ситуаций гендерный фактор, присущий субъекту журналистской деятельности, непосредственно воздействует на семантическую структуру и прагматический потенциал информационного сообщения.

Ключевые слова: гендерная идентичность, медийный дискурс, кризисная ситуация, медийная коммуникация, средства массовой информации

Within the framework of the presented article, the problems of gender identity, its constitutive role and mechanisms of influence in the space of crisis media discourse are considered. It is revealed that in the process of media representation of crisis situations, the gender factor inherent in the subject of journalistic activity directly affects the semantic structure and pragmatic potential of the information message.

Keywords: gender identity, media discourse, crisis situation, media communication, mass media

В современном информационном пространстве медиадискурс, генерируемый средствами массовой информации (СМИ), приобретает статус фундаментального источника формирования индивидуальных представлений о реальности и текущих событиях. Глобальные трансформации, обусловленные стремительным развитием технологий массовой коммуникации, оказывают многоаспектное воздействие, затрагивая не только социальную стратификацию и условия жизни, но и глубинные когнитивные процессы, а также формируя целостную модель информационного восприятия современного человека.

В современной научной парадигме понятие «дискурс» трактуется многогранно, однако нам наиболее значимым представляется определение, предло-

женное Н.Д. Арутюновой в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (1990), где дискурс (от фр. discours – речь) понимается как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», как «речь, погруженная в жизнь» [2, с. 136–137].

Повышенный исследовательский интерес к медиадискурсу продиктован его многоплановой природой. Медийная коммуникация функционирует как своеобразное социально-информационное поле, представляющее собой совокупность процессов обмена информацией, которые, в свою очередь, структурируют общественно-политическую, экономическую, социальную и культурную сферы социума.

Предпосылки для систематического исследования медийного дискурса начали формироваться в 1970-х годах, ознаменовавшись регулярной публикацией академической литературы, посвященной функциональным аспектам языка в контексте массовой коммуникации, как в отечественной, так и в европейской науке [7].

Современный мир, характеризующийся высоким уровнем глобальной взаимосвязанности и динамичными социальными трансформациями, периодически подвергается воздействию событий, выходящих за рамки привычной повседневности. Эти явления требуют оперативного реагирования со стороны как государственных институтов, так и широких слоев общества. Подобные обстоятельства, определяемые как кризисные ситуации, представляют собой условия, провоцирующие возникновение психологических затруднений, с которыми индивиды не могут справиться с применением стандартных адаптивных механизмов [5].

Кризисные ситуации, обладающие значительным общественным резонансом и затрагивающие большое количество индивидов, неизбежно становятся центральным объектом внимания средств массовой информации (СМИ). К числу типичных кризисов, регулярно попадающих в фокус медийного внимания, относятся: военные конфликты, глобальные пандемии и эпидемии, природные и техногенные катастрофы, масштабные экономические кризисы [6].

В контексте научного дискурса, посвященного изучению кризисного медийного дискурса, основополагающей концепцией выступает теория кризисной коммуникации. Данная теория фокусируется на изучении того, каким образом организации, правительства и, в более широком смысле, медийные структуры должны осуществлять управление информационными потоками в условиях чрезвычайных ситуаций [1].

Гендерная идентичность, будучи фундаментальным элементом самосознания, определяется как субъективное переживание индивидом своей принадлежности к определенной гендерной категории. Это переживание конституируется в рамках социокультурных дефиниций маскулинности и фемининности.

Данная концепция, введенная в научный оборот американским психоаналитиком Р. Столлером в 1963 году на Международном психоаналитическом конгрессе в Стокгольме (Швеция), изначально подразумевала осознание индивидом своей биологической половой принадлежности, а также сопутствующие когнитивные и социальные процессы, связанные с категоризацией на основе гендерной дихотомии [3].

Следовательно, гендерная идентичность выступает не только как результат осознания биологической половой принадлежности, но и как продукт сложного процесса социального конституирования. Этот процесс включает в себя усвоение гендерных норм, стереотипов и ролей, а также их активное воспроизводство и/или критическое переосмысление индивидом в ходе социализации и интересубъектного взаимодействия [8].

В психологии гендерная идентичность определяется как базовая структура социальной идентичности. В педагогике она интерпретируется как личностный тип идентичности и ключевой компонент развития личности, обусловленный физиологическими процессами роста и культурным наследием.

Большинство научных определений склоняются к пониманию гендерной идентичности как внутренней структуры, интегрирующей гендерные роли и оказывающей влияние на самовосприятие индивида. Ряд исследователей (И.С. Клецина, И.А. Кириллова, Н.Ю. Флотская и др.) выделяют в структуре гендерной идентичности три основных компонента: когнитивный, эмоционально-оценочный и поведенческий. Когнитивный компонент охватывает совокупность знаний и убеждений, связанных с гендером. Эмоционально-оценочный компонент включает систему индивидуальных смыслов и ценностных ориентаций. Поведенческий компонент, в свою очередь, проявляется в потенциальной поведенческой реакции индивида, соответствующей его гендерной идентичности [4].

Исторически, ранние концепции гендерных различий в языке часто базировались на стереотипных представлениях о «мужском» и «женском» стилях. Например, в начале XX века лингвист Отто Есперсен утверждал, что женская письменная речь менее выразительна, оригинальна и логична, склоняясь к стандартизированным языковым средствам. Он также постулировал фундаментальные синтаксические различия, приписывая мужчинам способность к построению сложных аргументативных конструкций с использованием придаточных предложений и логических коннекторов («because», «however», «hence»), тогда как женщинам – более простые, «паратаксические» структуры с использованием союза «and» [11].

В отличие от этих ранних, часто стереотипных представлений, современные эмпирические исследования предлагают более детализированную картину. Масштабный корпусный анализ (25 миллионов слов из Британского национального корпуса) выявил потенциальные лексические маркеры гендерной принадлежности автора. Установлено, что высокая частотность местоимений

положительно коррелирует с женским авторством, в то время как частотность артиклей, числительных и предложных конструкций с «of» – с мужским. В художественной литературе мужчины также чаще используют количественные числительные в именных группах, нарицательные и собственные имена. В женской же речи отмечается более высокая частотность глаголов в прошедшем времени и лингвистических маркеров неуверенности [9; 10].

Анализ использования местоимений дополнительно демонстрирует гендерные различия в коммуникативных стратегиях. Женщины чаще используют местоимения второго лица («you»), что указывает на стратегию, ориентированную на вовлеченность читателя. Мужчины, напротив, чаще применяют местоимения первого лица множественного числа («we»). Общая частота употребления личных местоимений, маркированных по роду («he», «she»), значительно выше у женщин как в художественной, так и в научно-популярной литературе, особенно для женских местоимений. В целом, авторы-женщины склонны к «вовлекающим» стратегиям, а авторы-мужчины – к «информационным».

Как показал обзор научной литературы, медийный дискурс является основным механизмом, формирующим персональное представление о событиях окружающей реальности [12; 13]. Ключевое положение в анализе данного дискурса занимает понятие гендерной идентичности, которое рассматривается как социокультурный феномен, проявляющийся в специфических лингвистических особенностях.

Литература

1. Акимович, Е. В. История становления теории кризисной коммуникации / Е. В. Акимович // Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ. Теория, стратегии. Научное мнение. – 2015. – № 7. – С. 117–120.
2. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: СовЭн, 1900. – С. 136–137.
3. Гендерная идентичность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/gendernaia-identichnost-2b8b30>. Дата доступа: 13.11.2025.
4. Дресвянина, А. В. Понятие «Гендерная идентичность»: сущность и основные исследовательские подходы / А. В. Дресвянина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 4. – С. 154–157.
5. Кризисная ситуация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://multilang.pravo.by/ru/term/index/6049?langname=ru&size=25&page=6&type=0>. Дата доступа: 13.11.2025.
6. Линь, Ф. Роль современных СМИ в преодолении глобальных кризисов и их влияние на международное общественное мнение / Ф. Линь, В. А. Бандурин // История. Культурология. Политология. – 2024. – № 3. – С. 121–124.
7. Раджапбаева, Г. М. Теоретические предпосылки изучения медиатекстов в современной лингвистике / Г. М. Раджапбаева // Журнал междисциплинарных инноваций и научных исследований в Узбекистане. – 2022. – Т. 1. – № 8. – С. 35–39.

8. Социокультурный анализ гендерных отношений : сб. науч. тр. / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой. – Саратов : Изд-во СГУ, 1998. – 208 с.

9. Argamon, C. Gender, Genre, and Writing Style in Formal Written Texts / C. Argamon, M. Koppel, J. Fine, A. R. Shimoni // *Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*. – 2003. – No. 23(3). – 33 p.

10. Do women and men write differently? [Electronic resource]. – 2025. – Mode of access : <https://debuk.wordpress.com/2016/03/06/do-women-and-men-write-differently/>. Date of access : 13.11.2025.

11. Jespersen, O. Language: its nature, development and origin / O. Jespersen. – New York : Henry Holt and Co., 1925. – 448 p.

12. Шевцова, А. К. Жанр радиодискуссии в британской и белорусской лингвокультурах / А. К. Шевцова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 180 с.

13. Шаўцова, А. К. Вербалізацыя сацыякагнітыўных мадэлей у беларускамоўных публіцыстычных загаловах / А. К. Шаўцова // *Роднае слова*. – № 12. – 2024. – С. 53–56

УДК [37.016:811.112.2]:81'373.4

Дедович Ольга Геннадьевна

Белорусский государственный педагогический университет

имени Максима Танка

(г. Минск, Республика Беларусь)

olya-de@yandex.ru

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ВИЗУАЛЬНЫХ МЕТАФОР ЛИНГВОДИДАКТИКИ

В статье представлены тематические группы визуальных метафор, функционирующих в сфере лингводидактики. Фокус исследования сконцентрирован на учебном предмете «Иностранный язык (немецкий)» на базовом и повышенном уровнях. В результате исследования устанавливаются доминантные области-источники метафорической экспансии немецких и русских визуальных метафор.

Ключевые слова: метафора, визуальная метафора, семантика, лингводидактика, немецкий язык, русский язык

The article presents a semantic classification of visual metaphors functioning in the field of linguodidactics. The research focuses on the academic subject “Foreign language (German)” at the basic and advanced levels. As a result of the research, dominant areas are identified as sources of metaphorical expansion of German and Russian visual metaphors.

Keywords: metaphor, visual metaphor, semantics, German language, Russian, linguodidactics

Метафора в современной лингводидактике имеет форму выражения в «различных знаковых системах (текст, изображение, комбинация текст / изображение)» [1, S. 243; 2, S. 267]. В зависимости от представленности исходной понятийной области выделяют вербальные (в виде лексических единиц) и визуальные метафоры (в виде иллюстраций, схем, как правило, дополненных

поясняющим вербальным компонентом). Визуальная метафора обладает широкой палитрой образовательных возможностей для обогащения словарного запаса, развития навыков говорения и аргументации, творческого мышления учащихся [3, с. 223].

Цель исследования – систематизация немецких и русских визуальных метафор, выявление доминантных областей-источников метафорической экспансии. Материалом для исследования послужили свыше 130 визуальных метафор, извлечённые методом сплошной выборки из учебных изданий по немецкому языку как родному (*), иностранному (**), второму иностранному (***), а также из материалов образовательных сетей, онлайн-платформ, интернет-порталов (eduki.de, infourok.ru, multiurok.ru, nsportal.ru).

В результате исследования установлены следующие сферы-источники метафорической экспансии, ориентированные в реципиентную область преподавания иностранного языка.

1. Сфера-источник «Артефакты»

1.1 предметы быта и обихода (*die Büroklammer** ‘скрепка’, *das Gedankengitter** ‘решётка мыслей’, *der Haken** ‘крючок’, *das Wörternetz*.** ‘словарная сеть’, *das Ideennetz** ‘сеть идей’, *das Begriffsnetz** ‘сеть понятий’, *der Koffer* ‘чемодан’, *der Mülleimer* ‘мусорная корзина’, *der Rettungsring*** ‘спасательный круг’, *das Schloss** ‘замок’, *der Schlüssel*** ‘ключ’, *das Schlüsselloch*** ‘замочная скважина’, *der Stick* ‘флешка’, *die Schubkarre* ‘тачка’, *die Waage*** ‘весы»; *чемодан, мусорная корзина*);

1.2 детали и инструменты (*der Hammer* ‘молоток’, *die Säge*.** ‘пила’, *die Schere*.** ‘ножницы’, *die Schraubzwinge*.** ‘струбцина’, *die Zange** ‘клещи»; *ножницы*.*.**);

1.3 приборы и механизмы (*die Rechtschreibampel* ‘светофор правописания’, *die Lärmampel* ‘светофор шума’, *das Fernrohr*** ‘подзорная труба’, *die Lupe* ‘лупа’, *die W-Fragen-Uhr* ‘часы вопросов’, *die Gefühlsuhr* ‘часы чувств’, *der W-Fragen-Kompass* ‘компас вопросов»; *дискуссия-светофор, магнит***, *микроскоп****, *лупа****, *фонарик****);

1.4 здания, сооружения и их части (*das Erzählhaus*** ‘дом рассказа’, *das Geschichtenhaus* ‘дом историй’, *das Meinungshaus* ‘дом мнения’, *das Haus-Garage-Modell** ‘модель дома с гаражом’, *das Methodenhaus* ‘дом приёмов’, *das Zeilenhaus* ‘строка-дом’, *das Buchstabenhaus* ‘буквенный дом’, *das Wortartenlabor* ‘лаборатория частей речи’, *dreistufige Treppe*** ‘трёхступенчатая лестница’, *offene Tür* ‘приоткрытая дверь»; *маяк****);

1.5 транспортные средства (*der Anhänger*** ‘прицеп’, *das Auto*** ‘автомобиль’, *das Silbenboot* ‘слоговая лодка’, *der Satzbus** ‘автобус для предложения’, *die Express-Strategie* ‘стратегия поезда-экспресса’, *der Wortarten-Express* ‘экспресс частей речи’, *das abhebende Flugzeug** ‘взлетающий самолёт’, *der Silbenwagen** ‘слоговой вагончик’, *der Satzglieder-Zug* ‘поезд членов предложения»; *самолёт****);

1.6. предметы одежды и аксессуары (*die Denkhüte* ‘мыслительные шляпы’, *der Reißverschluss*** ‘застёжка-молния’; *цветные шляпы мышления*);

1.7. ткачество (*die Nadel mit Faden*** ‘иголка с ниткой’).

2. Сфера-источник «Зоонимы»

2.1 зоонимы (*das Eichhörnchen* ‘белка’, *der Fuchs** ‘лиса’, *der Hase*** ‘заяц’, *der Wortigel*** ‘словарный ёж’, *die Spannungsmaus** ‘кульминационная мышь’, *die Erzählmaus* ‘мышь рассказа’, *die Geschichtenmaus* ‘мышь истории’; *словарный ёжик*);

2.2 инсектонимы с точки зрения биологии и в свете наивной картины мира, в частности вторичные наименованиями пауков, улиток, многоножек [4, с. 12] (*der Tausendfüßler**** ‘сороконожка’, *die Schnecke*** ‘улитка’ *die Ideenspinne* ‘паук идей’, *die Spinne*** ‘паук’; *паучки***, *светлячок****);

2.3 орнитонимы (*die Eule** ‘сова’, *der Vogel*** ‘птица’; *сова******);

2.4 ихтионимы (*der Problem-Fisch* ‘рыба проблем’);

2.5 части тела животных (*die Fischgräte** ‘рыбья кость’, приём «Рыбная кость», «Рыбья кость»);

2.6 стадии развития (*куполка бабочки* ***);

2.7 совокупность, множество (*der Gedankenschwarm* ‘рой мыслей’);

2.8 способ поведения (*die Schnüffel-Strategie*** ‘стратегия вынюхивания’; *вынюхивание***);

2.9 жизнедеятельность живых организмов и её продукты (*das Spinnennetz** ‘паутина’; *словесная паутина*, *схемы-паутинки*).

3. Сфера-источник «Фитонимия»

3.1 дендронимы (*der Erwartungsbaum* ‘дерево ожиданий’, *der Begriffsbaum* ‘дерево понятий’, *der Verbenbaum* ‘глагольное дерево’; *дерево предсказаний*, *дерево решений*, *ассоциативный куст*);

3.2 флоронимы (*die Wörter-Blüten* ‘словарные цветы’);

3.3 миконимы (*мухомор*).

4. Сфера-источник «Гастрономия»

4.1 продукты питания в кулинарии (*die Nuss*** ‘орех’, *die Orange* ‘апельсин’, *die Traube* ‘виноград’, *das Votum-Ei* ‘яйцо для голосования’, *die Zitrone* ‘лимон’; *виноградная гроздь*, *лимон опасений*, *яблоко ожиданий*);

4.2 сладости (*das Bonbon** ‘конфета’);

4.3 кухонная утварь (*das Messer** ‘нож’; *мясорубка*).

5. Сфера-источник «Спорт и игра»

5.1 виды спорта (*der Tafelfußball** ‘футбол на доске’, *das Tennis*** ‘теннис’, *das Bogenschießen* ‘стрельба из лука’);

5.2 спортивно-игровые приспособления (*die Evaluationszielscheibe* ‘мишень оценки’, *das Jo-Jo** ‘йо-йо’, *die Puzzle-Elemente*** ‘пазл-элементы’, *die Rutsche** ‘горка’; *рефлексивная мишень*).

6. Сфера-источник «Природа»

6.1 небесные тела (*die Forschersonne* ‘исследовательское солнце’;

*der Wortstern**,** ‘словарная звезда’, *der Ideenstern** ‘звезда идей’; *ассоциативная звезда*);

6.2 природные образования (*die Stein-Feder-Reflexion* ‘камень-перо-рефлексия’).

7. Сфера-источник «Человек»

7.1 род занятий и профессиональная деятельность (*der Ritter* ‘рыцарь’, *der Knappe* ‘оруженосец, паж’, *der Geschicklichkeitskünstler** ‘жонглер’);

7.2 соматизмы (*das Herz** ‘сердце’).

8. Сфера-источник «Пространство и рельеф местности»

8.1 возвышенность (*der Geschichtenberg* ‘гора истории’);

8.2 изображение пространства (*die Wissenskarte* ‘карта знаний’, *die Gedankenlandkarte** ‘карта мыслей’, *das Land des Wissens und Könnens*** ‘страна знаний и умений’; *карта памяти, ментальные карты*).

9. Сфера-источник «Торговля»

9.1 металлический груз определённой массы (*das Gewicht** ‘торговая гиря’).

10. Сфера-источник «Медицина»

10.1 специализированный транспорт (*der Krankenwagen*** ‘автомобиль скорой помощи’).

11. Сфера-источник «Война»

11.1 оружие (*Argumente als Waffen* ‘аргументы как оружие’).

Визуальные метафоры, функционирующие в учебных изданиях по немецкому языку, чаще всего возникают на основе артефактных и зоонимических образов. Артефактные визуальные метафоры включают широкий спектр наименований предметов, механизмов, сооружений, транспортных средств, созданных человеком. Зоонимические визуальные метафоры также тематически неоднородны и охватывают наименования диких животных, птиц, рыб, насекомых, их паративов, способов поведения, количественных показателей и др. Значительно реже для выражения лингводидактических значений используются торговые, военные и медицинские визуальные метафоры, в которых актуализируется семантика особо сложного учебного задания; своеобразной подсказки, помощи; многокомпонентной структуры аргумента. Своеобразие немецких и русских визуальных метафор заключается в разной представленности и смысловой наполненности донорских сфер.

Литература

1. Heinz, T. Metaphern in Sprache und Bild – Zum Vermittlungspotenzial von Arbeitsmaterialien in Deutschlehrwerken / T. Heinz, J. Pflaeging // Linguistik und Schulbuchforschung : Gegenstände, Methoden, Perspektiven / Hrsgs.: J. Kiesendahl, C. Ott. – Göttingen, 2015. – S. 235–254.

2. Holder, F. Didaktisierung der Metapher / F. Holder // Wege zum Metaphernverstehen. Ein Zeichensystemübergreifender Ansatz zur Didaktik der Metapher mit empirischer

Fundierung. – [Baltmannsweiler], 2019. – S. 257–285. – (Thema Sprache Wissenschaft für den Unterricht ; Bd. 31).

3. Чулкина, Н. Л. Визуальные метафоры в педагогическом дискурсе / Н. Л. Чулкина, В. В. Макашова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2024. – Т. 15. – № 1. – С. 211–231.

4. Мусси, В. Энтомологические метафоры в русской и итальянской картинах мира / В. Мусси. – М. : Флинта, 2019. – 208 с.

УДК 811.111'42

Довгаль Алеся Валерьевна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

dovgal_av@m.su.by

Криштапова Дарья Валерьевна

Средняя школа № 24 г. Могилева имени К. М. Симонова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

dariakrishtapova@gmail.com

ТАКТИКИ ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ КОММЕНТАРИЕВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ИНСТАГРАМ)

В статье рассматриваются такие тактики вербальной агрессии в социальных сетях, как тактика оскорбления, тактика угрозы, тактика проклятья (злопожелания), тактика возмущения, тактика насмешки (колкости), тактика обвинения, тактика упрёка, тактика требования (рекомендации, предложения, совета) и тактика грубого прекращения коммуникативного контакта. Делается вывод о деструктивном, конфликтогенном характере такого речевого поведения.

Ключевые слова: вербальная агрессия, интернет-коммуникация, комментарий

The article discusses such tactics of verbal aggression in social networks as insult tactics, threat tactics, curse tactics (malice), indignation tactics, ridicule tactics (taunts), accusation tactics, reproach tactics, demand tactics (recommendations, suggestions, advice) and tactics of rude termination of communicative contact. The conclusion is made about the destructive, conflictogenic nature of such speech behavior.

Keywords: verbal aggression, Internet communication, comment

Вербальная агрессия является одной из форм конфликтного интерперсонального общения, которая всё чаще встречается в реальной и виртуальной коммуникации. В словарях вербальная агрессия определяется как «речевая грубость по отношению к собеседнику, проявляющаяся в отборе резких, оскорбительных слов, в том числе нецензурных ругательств, насмешливых интонаций, в повышенной громкости голоса, в резко отрицательных оценках собеседника, неприятных для него намеках, грубой иронии и др.» [1, с. 7]. Оче-

видно, «вербальная агрессия является преднамеренным воздействием одного человека на другого средствами (лексическими, грамматическими, стилистическими) языка, способом причинения морального вреда партнеру / оппоненту по коммуникации через слово» [2, с. 89].

Как и любая коммуникация, интернет-общение отражают состояние современного общества, поэтому проявления вербальной агрессии свидетельствуют о социальной напряженности, конфронтации между людьми, а преднамеренный выбор такой стратегии речевого поведения не способствует эффективной коммуникации в целом. Социальные сети создают пространство для свободного самовыражения, которого не хватает в реальной коммуникации, что «стирает дозволенные границы этических стандартов взаимодействия, и тогда для некоторых людей неуважение, хамство, жестокость становятся нормой» [3, с. 186].

Ниже приведены примеры комментариев, в которых были реализованы различные тактики вербальной агрессии. Под тактикой мы понимаем совокупность речевых приёмов для достижения определённой коммуникативной цели.

Тактика оскорбления. Под вербальным оскорблением понимается грубое, оскорбительное, неуважительное обращение к адресату, который может быть как непосредственным участником коммуникативной ситуации, так и являться третьим лицом, не участвующим в коммуникативной ситуации.

Следующий комментарий был написан в период предвыборной кампании президента США 2024 г.: *Trump is a horrible man but the fact that you can't see that Biden is a genus sidal wr crmnl is the single biggest problem in this country*. Данный комментарий содержит оскорбления, направленные в адрес двух кандидатов в президенты США: Дональда Трампа и Джо Байдена. Дональд Трамп характеризуется негативно-оценочным прилагательным *horrible*. Особое внимание привлекает оскорбление, направленное на Джо Байдена *genus sidal wr crmnl*, которое является эрративом (словом с искаженным написанием) *genocidal war criminal*. Такое изменение написания могло быть сделано намеренно для обхода автоматической модерации комментариев в социальной сети Instagram. Выражение *genus sidal wr crmnl* причисляет Джо Байдена к преступной группе людей.

Ещё одним примером оскорбления является комментарий: *She's nothing but a bint*. Лексема *bint* является жаргонизмом, который используется в отношении женщин лёгкого поведения.

Тактика угрозы. Угроза понимается как запугивание, обещание причинить кому-либо зло, неприятность. Структура угрозы включает в себя следующие составляющие: 1) адресант – угрожающий; 2) адресат – тот, кому угрожают; 3) содержание угрозы – действия, которые будут совершены при невыполнении адресатом определенных условий; 4) возможный результат; 5) средство достижения угрозы, которое может совпадать или не совпадать с действиями самого адресанта.

Данная тактика реализуется посредством повелительных конструкций, часто сопровождаемых условными придаточными предложениями. Приведём следующие примеры: *I'll make you wish you were never born if you keep pushing me. Keep talking like that and I'll make sure you never speak again. I'll make your life a living hell if you don't back off.*

Тактика проклятья (злопожелания). Проклятие трактуется как злое пожелание в адрес кого-либо. Обычно проклятья выражается через использование императивных конструкций с семантикой проклятья: *You're a terrible excuse for a human being, go rot in hell; Go to hell; D.i.e; I hope you get f***ing cancer and die a slow, painful death!*

Тактика возмущения. Возмущение представляет собой крайнее недовольство, негодование, гнев. Данная эмоция часто направлена на усиление эмоционального воздействия на адресата. Оно может быть как реакцией на конкретную ситуацию, так и способом манипуляции, направленным на обострение конфликта. Данная тактика обычно сопровождается риторическими вопросами или саркастическими комментариями. Например, *Will any of those protestors have those migrants in their home?? Or pay for them?? Thought so a.; Selena Gomez being nominated for the highest acting award is proof the awards mean nothing anymore. It's all merit and publicity anymore.*

Тактика обвинения. Обвинение представляет собой приписывание вины кому-либо. Цель тактики обвинения — критиковать действия определенной группы людей, которых человек считает виновными в той или иной ситуации (независимо от обоснованности обвинений), при этом подчеркивая своё недовольство этими действиями: *Most of the problems you see in the world today are mostly down to British governments over the centuries poking their finger in other countries.* Автор комментария приписывает большинство нынешних проблем в мире британским властям, так как они, по его мнению, вмешивались в политические дела других государств. Обвинение выражается при помощи метафорического словосочетания *poking their finger in other countries*.

Приведём примеры комментариев, в которых Дональд Трамп обвиняется в корысти, предательстве страны и её граждан, коррупции: *Donald Trump will sell this country for a dollar* (для усиления эмоционального воздействия на читателя используется гипербола *sell this country for a dollar*); *He's selling off the country and the people to the highest bidders. Not caring about anything but his pockets and power* (лексемы *pockets and power* приобретают негативный оттенок, указывая на то, что Дональд Трамп заботится исключительно о личной выгоде и власти).

Тактика упрёка. Упрёком является высказанное кому-либо или обращённое к кому-либо неодобрение, неудовольствие, обвинение. Предметом упрёка может быть совершенно невинный поступок, который просто не понравился субъекту упрёка. Например, *Doesn't even know what he did! Just doing*

what someone else told him do; How does any of this sound like presidential behavior? What a shame; And what did you do the last four years.

Тактика насмешки (колкости). Насмешка является обидной шуткой, издёвкой, реализуется через короткие меткие высказывания, в которых адресант намеренно высказывает претензию адресату. Критика в саркастической форме воспринимается адресатом не так остро, как высказанная прямо. Лексическими маркерами юмористического тона зачастую выступаю междометия, например: *Aww, did your fragile little ego get hurt? Haha, you're such a joke, I can't take you seriously. Ah yes, rich celebrities moaning about life...*

Звительные комментарии строятся на гиперболе – намеренном преувеличении с выставить адресата в нелепом свете перед окружающими (*Is she a celebrity or something? Seems the world turns around Gomez's but; Few days until she moves to Biology Lab*).

Основанием для насмешки в следующем комментарии являются умственные способности целой нации: *Americans didn't pass IQ test. How sad.* Выражение **How sad** имеет ироничный подтекст: говорящий вовсе не испытывает сожаления, а, напротив, насмехается над адресатами.

Таким образом, тактика насмешки позволяет пользователю сети высмеивать оппонента косвенно, не используя прямых оскорблений, подрывая его репутацию и формируя негативный образ.

Тактика требования (рекомендации, предложения, совета). Требование представляет собой настоятельную просьбу, выраженную в категоричной форме. Основным коммуникативным намерением адресанта является желание избавиться от адресата или оказать на него сильное влияние, побуждая к совершению каких-либо действий в интересах говорящего. Характерным для данного типа высказываний является использование глаголов в повелительном наклонении. Например, *Get rid of the turquoise jacket for a start. You are dressing like a retired Sunday afternoon stately home grounds hiker; Go away and don't come back; Shut up with such news. Please; Get her out of congress.*

Тактика грубого прекращения коммуникативного контакта. Данная тактика характеризуется нежеланием коммуниканта продолжать разговор с собеседником. Комментарий **WE REALLY DO NOT CARE** выражает полное пренебрежение и отсутствие интереса к разговору с собеседником. Использование заглавных букв указывает на повышенную эмоциональность. Для усиления утверждения используется наречие **REALLY**.

Стоит отметить, что тактики вербальной агрессии часто сочетаются. Например: 1) оскорбление (инвектива) + насмешка (колкость): *You're loser, Joey. You will go down as the worst president ever. Pha q;* 2) насмешка (колкость) + оскорбление (инвектива): *Really? What dumb woman thinks she is being told to look like Kylie Jenner?;* 3) оскорбление + проклятие (злопожелание): *You're a terrible excuse for a human being, go rot in hell;* 4) возмущение + оскорбление (инвектива): *It's a joke that trump and this clown is the best candidates that the*

United States of America has to offer; 5) оскорбление (инвектива) + требование (рекомендация, предложение, совет): *I can't believe how stupid you are, do us all a favor and disappear*.

Таким образом, вербальная агрессия является распространённым явлением в межличностной интернет-коммуникации. Такое речевое поведение является деструктивным, провоцирует и усиливает конфликт, представляет серьёзную угрозу для эффективного общения, поскольку в его основе лежит негативное эмоциональное воздействие на адресата.

Литература

1. Романова, Н. Н. Агрессия (агрессивность) речевая / Н. Н. Романова // Словарь. Культура речевого общения : этика, прагматика, психология / Н. Н. Романова, А. В. Филиппов. – М. : Флинта : Наука, 2016. – С. 7.

2. Доўгаль, А. В. Тыпы і тактыкі вербальнай агрэсіі ў інтэрперсанальнай камунікацыі ў сацыяльных сетках / А. В. Доўгаль // Весці БДПУ. Сер. 1 : Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2023. – № 3. – С. 88–91.

3. Доўгаль, А. В. Маўленчая агрэсія як паказчык канфліктнай інтэрперсанальнай камунікацыі / А. В. Доўгаль // Немецкий язык – лингводидактическое обеспечение и методика преподавания – III : сб. науч. ст. / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2023. – С. 97–100.

УДК 811.161.1'04-26

Зуева Ольга Владимировна

Белорусский государственный университет

(г. Минск, Республика Беларусь)

zuyeva@bsu.by

НОМИНАЦИЯ КЪНИГИ 'ПИСЬМО, ПОСЛАНИЕ' В ДРЕВНЕРУССКОМ И СТАРОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

На материале исторических словарей русского языка, изданий письменных памятников, данных Национального корпуса русского языка определяются семантические и дискурсивные особенности номинации *кънигы* как обозначения эпистолярных текстов в древнерусском и старорусском языках.

Ключевые слова: древнерусский язык, старорусский язык, эпистолярный текст, жанровое обозначение

Based on the material of historical dictionaries of the Russian language, publications of written monuments, data from the National Corpus of the Russian Language, the semantic and discursive features of the nomination *кънигы* as a designation of epistolary texts in the Old Russian language and the Middle Russian language are determined.

Keywords: the Old Russian language, the Middle Russian language, epistolary text, genre designation

Данная статья посвящена истории отдельного ЛСВ полисеманта *кѣни-га* в древне- и старорусском языках, а именно номинации *кѣнигы* в значении ‘письмо, послание’. Цель исследования – установить характер денотативной отнесенности номинации *кѣнигы* как обозначения эпистолярного текста в названных языках и выявить особенности ее функционирования в текстах различных жанров. Источники фактического материала – исторические словари, издания письменных памятников, древнерусский и старославянский корпусы НКРЯ (ruscorpora.ru; данные приводятся по состоянию на 06.11.2025).

В современных исторических словарях русского языка в заголовках соответствующих статей приведена форма ед. ч. *кѣнига* с уточнением «чаще мн.» и даны следующие толкования данного ЛСВ: ‘5. Грамота, послание, письмо; расписка’ [1, с. 355]; ‘2. То, что написано, любой текст; запись, надпись...; письменный документ. || Письмо, грамотка’ [2, с. 196]; в словаре И. И. Срезневского содержится помета: «употр. во множ. ч. – *книгы*» [3, стлб. 1391], пятым приводится значение ‘письмо, послание’ [3, стлб. 1394]. Таким образом, *кѣнигы* ‘письмо, послание’ функционирует как существительное *pluralia tantum*.

Словари приводят также следующие частные значения слова *кѣнигы*, производные от указанных выше: ‘Послания, постановления церковного собора’ [1, с. 355]; ‘Послание, обращение духовных лиц, церкви к верующим’ [2, с. 196]. В [1] соответствующее значение дано только для устойчивого выражения *кѣнигы съборьныѣ*; в [2] – как для этого выражения, так и для нефразеологизированного употребления номинации *кѣнигы*. В [3] данная устойчивая номинация не толкуется, но сопровождается иллюстрацией – цитатой из повести о Мамаевом побоище, где она обозначает не разновидность послания, а церковный документ.

Слово **kъniga* принадлежит к праславянскому лексическому фонду и скорее всего является древним заимствованием [4, с. 204]. Древнерус. *кѣнигы* как жанровое обозначение присутствует в переводных церковно-религиозных сочинениях с XI–XII в.; такое употребление пришло из старославянского языка, где одно из значений *кѣнигы* – ‘грамота, послание’; греческие соответствия – *τὰ ὑράγματα, ἐπιστολή* [5, с. 301; 6, с. 158].

Практически все лексемы, функционировавшие в древнерусском языке как жанровые обозначения (номинации документов, эпистолярных текстов, дидактических сочинений и др.), вне зависимости от их происхождения были многозначными. На семантический синкретизм лексемы *кѣнигы* в старославянском и древнерусском языках указывала Н. Б. Мечковская, сопоставляя ее с другими лексемами, имеющими общее значение ‘буква, написанное’: *боуки, писма, писание* и др. – и номинирующими в том числе послания. В «матрице идентификации», предложенной Н. Б. Мечковской, показаны «семантическая широта и диффузность» этих номинаций в старославянском языке [7, с. 198–200]. То же актуально и для различных обозначений письменных диалогических текстов в истории русского языка.

В древнерусском корпусе НКРЯ отсутствуют примеры, отражающие функционирование номинации *кѣнигы* ‘письмо, послание’, что может косвенно говорить о меньшей частотности данного обозначения писем по сравнению с другими (*послание, еписистолия*). Цитаты из памятников, приведенные в статьях исторических словарей, и более широкие контексты этих цитат в источниках показывают, что в древнерусском языке *кѣнигы* – это индивидуальные или коллективные послания духовных лиц к церковным и светским иерархам, к другим духовным лицам. Слово употребляется в старейших переводных текстах, относящихся к церковно-религиозному дискурсу: *Архиепискупъ же Петръ съжаливъ си въсписа къ нему кѣнигы* (о письме патриарха Иерусалимского Петра игумену Георгию, Синайский патерик XI–XII вв.; в греч. тексте *τὰ γράμματα* [2, с. 196]); *кѣнигами же оубо възвъстити* (об учительном послании игумена Феодора Студита, Житие Феодора Студита в составе Выголексинского сборника XII в.; в греч. тексте *γράμματα* [1, с. 355]) и др. Монастырский устав игумена Иоанна в составе Варсонофиевской Кормчей конца XIV в. призывал воздерживаться от переписки: *Да не пишетъ бѣсѣды никто же въ кѣнигы къ дру(г). аще ли юму нѣ(с) нужи велики* [1, с. 355].

В старорусском языке номинация *кѣнигы* > *книгы, книги* ‘письмо, послание’ остается принадлежностью книжной речи. В [2] приведены два примера: в Житии Феодора Стратилата в составе февральской Минеи Четьи XV в. этим словом названо послание святого к царю Ликинию: *Написа книги (epistolam)* [2, с. 196]; в Русском хронографе 1512 г. *книги* – письмо библейского царя Давида к своему полководцу Иоаву: *И написа Давидъ книги ко Иоаву, глаголя...* [там же]. Выше была приведена цитата из Жития Феодора Студита XII в. в составе Выголексинского сборника; при обращении к более широкому ее контексту обнаруживается, что номинация *кѣнигы* соседствует с номинацией *еписистолия* и выступает ее синонимом [8, с. 305]. Тот же фрагмент Жития Феодора Студита в составе Великих Миней Четьих мтрп. Макария XVI в. содержит другую синонимическую пару: *книгы – послание* [9, стлб. 407].

Слово *кѣнигы*, таким образом, может сохраняться в старорусских списках и редакциях древнерусских сочинений. Например, в житии «Сказание об Еустафии Плакиде», известном на Руси с XI–XII вв., также включенном в состав Великих Миней Четьих мтрп. Макария, *книгы* – это царские послания-грамоты: *и написаны быша кѣнигы от царя во вѣся грады и въ вся веси Римьския области* [10, стлб. 1294]; в качестве синонимов к слову *книгы* в тексте этого сказания употребляются обозначения *написание* и *букви*. А вот Житие Феодора Стратилата в изложении свт. Димитрия Ростовского («Книга житий святых» 1684–1705 гг.) уже не содержит слова *книгы*, в отличие от Жития Феодора Стратилата в Минее Четье XV в. (см. цитату выше): *свѣтѣ к царю Ликинию написѣ посланіе* [11, л. 487].

Старорусский корпус НКРЯ содержит примеры употребления *книгы, книги* ‘письмо, послание’ в повествовательной и исторической литерату-

ре – текстах «светской книжности». Так, в переводной «Александрии» XV в. *книги* – это окружное царское послание, а также дипломатическое послание; пример реализации второго значения: *Александр же ко Антиоху рече: «Вели листъ писати к ней»*. *Кандавлюсь же стоя рече: «Не подобает книги писати таково мудру послу, якоже еси ты»* (синонимия *листъ* – *книги*). В «Сказании о Мамаевом побоище» первой четверти XV в. *книги* – это княжеские послания, в том числе дипломатические (представлена синонимия *книги* – *грамоты*) и пастырское воодушевляющее «послание на брань» (синонимия *книги* – *писание*). В Никоновской (1526–1530 гг.) и Вологодско-Пермской (1490–1550 гг.) летописях рассказывается о тех же событиях борьбы с Мамаем и его союзниками, и номинация *книги* употребляется в аналогичных контекстах в тех же значениях.

Таким образом, номинация *книги* ‘письмо, послание’, встречающаяся вместе с другими обозначениями эпистолярных текстов в старейших переводных памятниках, употреблялась в древнерусских сочинениях по отношению к посланиям духовных лиц, служебным и учительным; официальным обращениям церковных и светских властей; посланиям, адресованным высшим правителям. В старорусских текстах *книги* – это также дипломатические и окружные послания светских правителей. Номинация присутствует в житийной, исторической и повествовательной литературе, принадлежащей к книжному дискурсу. Аналогичное употребление данного слова не фиксируется в словарях старобелорусского и староукраинского языков, испытавших меньшее влияние со стороны церковнославянского языка (хотя, к примеру, в белорусском Курницком списке «Александрии» обозначение *книги* ‘письмо, послание’ встречается; список, однако, «старорусский в своей основе» [12, с. 5, 236]).

В системе жанровых номинаций в диахронии происходило преодоление «избыточной, нефункциональной синонимии» [7, с. 200]. Номинация *книги* не выдержала конкуренции с другими обозначениями писем в истории русского языка. Слово имело широкий спектр значений, далеких от эпистолярного – см., например, многообразие составных наименований жанров актовой письменности с компонентом *книги* в старорусском языке [2, с. 197]. Употребление номинации *книги* по отношению к собраниям всевозможных документов было прозрачно мотивировано самим внешним видом тетрадей с записями текстов, в то время как для корреспонденции никакой мотивации не было. Связь слова с эпистолярной коммуникацией уходила в пассивное знание и была полностью утрачена.

Литература

1. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / гл. ред. Р. И. Аванесов. – М. : Русский язык, 1991. – Т. 4 (*изживати* – *моление*). – 559 с.
2. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Ф. П. Филин. – М. : Наука, 1980. – Вып. 7 (К–Крагуяр). – 404 с.

3. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб. : Типография Импер. акад. наук, 1893–1912. – Т. 1. А–К. – IX с., 1420 стлб., 49 с.

4. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. – М. : Наука, 1974–. – Вып. 13 (*kroměžigrь – *kyžiti). – 1987. – 286 с.

5. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. – М. : Русский язык, 1994. – 842 с.

6. Львов, А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности / А. С. Львов. – М. : Наука, 1966. – 321 с.

7. Мечковская, Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета : курс лекций по общему языкознанию / Н. Б. Мечковская. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 584 с.

8. Выголексинский сборник / под ред. С. И. Коткова. – М. : Наука, 1977. – 646 с.

9. Великие Миней Четии, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Ноябрь, дни 1–12. Издание Археографической комиссии. – СПб. : Типография Импер. акад. наук, 1897. – VI с., 884 стлб.

10. Великие Миней Четии, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь, дни 14–24. Издание Археографической комиссии. – СПб. : Типография Импер. акад. наук, 1869. – Стлб. 673–1392.

11. Книги житий святых : в 4 т. / Свт. Димитрий Ростовский. – Киев : Тип. Киево-Печерской лавры, 1764. – Кн. 2: Декабрь, январь, февраль. – 567, 4 л.

12. Александрия / склад. У. В. Анічэнка. – Мінск : АН БССР, 1962. – 368 с.

УДК 81'37:82-3

Килевая Людмила Тимофеевна

Казахский национальный исследовательский технический университет
имени К. Сатпаева

(г. Алматы, Республика Казахстан)

kilevaya@mail.ru

Арзиева Евгения Руслановна

НАО «Университет Нархоз»

(г. Алматы, Республика Казахстан)

Yevgeniya.Arziyeva@narхоз.kz

ПРОСПЕКТИВНАЯ СЕМАНТИКА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ГЛАГОЛА В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Настоящая статья посвящена обоснованию семантической идентичности проспектива как составляющей футуральной семантики в восточнославянских, польском и английском языках. Фактическим материалом послужили структурно-семантические средства передачи категории проспективности в обозначенных языках в их диахроническом и синхроническом состояниях. Исследование осуществлялось на основе методов структурно-семантического,

диахронического, сопоставительного и контекстуального анализов. В результате сделан вывод о том, что смысловое единство проспектива обосновывается эволюционной устойчивостью семантики восточнославянских, польского и английского языков и обнаруживается лишь в формальном разнообразии. Широкий контекст данного феномена проявляется в сюжетной линии художественных текстов.

Ключевые слова: футуральная семантика, проспектив, Future Perfekt, условное будущее время, сюжетная канва

This article is devoted to substantiating the semantic identity of prospectivity as a component of futuristic semantics in East Slavic, Polish, and English. The factual material is based on the structural and semantic means of conveying the category of prospectivity in these languages in their diachronic and synchronic states. The study utilized structural-semantic, diachronic, comparative, and contextual analysis. It concluded that the semantic unity of the prospective is based on the evolutionary stability of the semantics of East Slavic, Polish, and English languages and is only revealed through formal diversity. The broad context of this phenomenon is manifested in the plot line of literary texts.

Keywords: futuristic semantics, prospective, future perfect, conditional future tense, plot outline

Индоевропейский источник восточнославянских и европейских языков, несмотря на их длительное эволюционное развитие, обеспечивает современную семантическую устойчивость данных языков. Этим объясняется тот факт, что за формальными различиями выражения грамматических значений категории времени глагола кроется единство их семантической идентичности. Актуальность настоящего исследования заключается в необходимости осмысления носителями языков целостности отдельных пластов восточнославянской и европейской грамматической семантики с целью ее эффективного освоения. В эту концепцию с полным основанием вписывается проспектив – языковой феномен, недостаточно разработанный на данном этапе развития лингвистической науки.

Цель настоящей статьи – обосновать семантическую идентичность русского, белорусского, украинского, польского и английского грамматического значения проспектива как составляющей будущего времени глагола. Предмет исследования – проспективная семантика глагола обозначенных языковых систем, которая определялась с помощью анализа используемого фактического материала в виде структурно-семантических средств передачи категории проспективности в восточнославянских, польском и английском языках. Материал извлекался из исторических и современных грамматик данных языков, а также из современных художественных текстов, отражающих проспективную семантику. Основными методами исследования явились методы: а) структурно-семантического анализа, позволивший проанализировать грамматическое значение и формальное выражение глаголов с проспективной семантикой; б) диахронического анализа, благодаря которому сравнивались древние и современные языковые единицы в их эволюционном развитии; в) сопоставитель-

ного анализа, способствовавшего обнаружению идентичных зон в семантике проспектива анализируемых языковых систем; г) контекстуального анализа, используемого с целью выявления проспективной семантики в сюжете художественных текстов.

Следует подчеркнуть, что термин «проспектив» (*prospectif*) отнюдь не является новаторским в лингвистических источниках: он был введен еще во второй половине прошлого столетия французским ученым Э. Бенвенистом. Стоит лишь указать на тот факт, что, на наш взгляд, в его трудах данный термин имеет довольно расплывчатую дефиницию, предполагающую его использование для обозначения будущих действий в виде перифрастических конструкций [1, с. 5]. На морфологизацию данных перифрастических конструкций указывает российский ученый В.А. Плунгян. Он подчеркивает: «Дальнейшая грамматикализация проспективов часто приводит к развитию у них более общего значения будущего времени» [2, с. 288]. Данную мысль развивают Э.М. Рянская и Р.В. Федорова [3], С.И. Буркова [4], что способствует выделению проспектива как самостоятельного грамматического значения в семантическом спектре будущего времени.

Сущность проспективной семантики заключается в следующем: ее базовую основу составляет синергетика сем «намерение», ‘цель’ или ‘желание’ – с одной стороны, и семы ‘благоприятное условие для их реализации в будущем’ – с другой стороны. Иными словами, важнейшим критерием проспективной семантики и проспектива как ее ядерного компонента является фактор благоприятных условий, способствующих успешности осуществления намеченных будущих действий. Схематически с учетом семы ‘модальность действия’ данная семантика может быть представлена в следующем виде: $X\cup U \# Y\cup F(M)$, где X – предшествующее действие, U – будущее действие, U – условие, F – план будущего, M – модальный план. Предлагаемая схема эксплицируется следующим образом: действие X принадлежит условию, обеспечивающему облигаторность действия U , принадлежащего плану будущего в разнообразии модальных оттенков.

Европейский контекст восточнославянского проспектива отчетливо обнаруживается в соотношении форм английского глагола *Future Perfekt* и будущего времени современного польского литературного языка с древнерусской формой условного будущего времени глагола. Его семантика и формальное выражение обуславливается эволюцией формирования условного будущего времени в древнерусском языке. Анализ перифрастических конструкций древнерусского языка, представленных вспомогательными глаголами *хотети*, *стати*, *имети*, *быти* и элевыми причастиями, указывает на последовательную их морфологизацию, в результате которой сформировалось так называемое условное будущее время глагола, выражаемое формами типа *иму читать*, *буду читать*, постепенно уступившими в русском литературном языке место аналитической форме будущего времени в составе с инфинитивом типа *буду читать* [5, с. 251].

В остальных славянских языках эволюция этих конструкций носила иной характер. Праславянский полисемантический глагол *имети* со значениями футуральности, возможности, необходимости трансформируется, участвуя в организации конструкции со значением предвидения типа *tamy sluchać* в польском языке; словоформы будущего времени типа *чытацьму, чытацьмеш* в белорусском просторечии, типа *працаватиму, працаватимеш* в украинском литературном языке. В русском языке формы, включающие глагол *имети*, также окончательно не утратились. Они употребляются в северновеликорусских диалектах, например: *иму читать*. Кроме того, без каких бы то ни было изменений темпоральное значение проспектива сохранилось в современном английском языке, в котором оно представлено в виде форм Future Perfect либо Future Continuous Perfect, например: *They will have played tennis by 6 o'clock* [6]. Итак, несмотря на обозначенное формальное разнообразие проспектива в анализируемых языках, его семантика остается в них единой, в том числе и в современном русском языке.

Применительно к русскому менталитету интерес представляет проведенный учеными анализ формирования проспективной семантики в проекцию на возможный мир. Как отмечает И.П. Ильин, специфика русского менталитета состоит в постоянном стремлении переоценивать реальность прошлого и настоящего с позиции предположительного будущего [7]. Данное утверждение созвучно с наблюдением В.В. Колесова, указывающего на такую черту русского народа, как мечтательность («жить по мечте») [8, с. 137].

В этот контекст вписывается семантика проспектива в ее расширенной трактовке, что последовательно обнаруживается в сюжетной канве художественных произведений. Так, проспектив как составляющая футуральной семантики с проекцией на прогноз занимает значительное место в рассказе М. Веллера «Колечко» [9]. Сюжетная линия рассказа включает два временных плана: предшествующий – предопределяющий неизбежность влекущих за ним последствий; последующий – представленный в виде реальной действительности. Данная сюжетная канва предопределяет проспективную семантику. Эпистемический и аксиологический ее аспекты реализуются благодаря воплощению мысли о том, что в транскультуральный период человек оказывается на перепутье, выбор пути на котором зависит не столько от обстоятельств, сколько от его личностных качеств. Используемые языковые средства представлены языковыми единицами в виде проспектива как средства выражения идеи автора.

Итак, смысловое единство проспектива восточнославянских, польского и английского языков обосновывается эволюционной устойчивостью его семантики и позволяет использовать это явление в широком контексте, при формировании сюжетной линии художественного текста.

Літаратура

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 446 с.
2. Плунгян, В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматическая система языков мира / В. А. Плунгян. – М. : РГГУ, 2011. – 377 с.
3. Рянская, Э. М. Категория проспективности: специфика, вербализация / Э. М. Рянская, Р. В. Федорова. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. – 166 с.
4. Буркова, С. И. Показатели с семантикой проспектива в северно-самодийских языках / С. И. Буркова // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2015. – № 1(7). – С. 9–18.
5. Килевая, Л. Т. Становление категории наклонения славянского глагола / Л. Т. Килевая. – Алматы, 2003. – 276 с.
6. Килевая, Л. Т. Семантика грамматики в свете освоения темпоральной парадигмы английского глагола / Л. Т. Килевая, Э. Стэрналъ // Идеи. Поиски. Решения : сб. статей : в 7 ч. Ч. 2 / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С. 62–67.
7. Ильин, И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мира / И. П. Ильин. – М. : Интрада, 1998. – 255 с.
8. Колесов, В. В. Жизнь происходит от слова / В. В. Колесов. – СПб. : Златоуст, 1999. – 368 с.
9. Веллер, М. И. Колечко / М. И. Веллер. – М. : АСТ 2009. – 383 с.

УДК 811.161.3'373

Кураш Сяргей Баніфачыевіч

Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна

(г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь)

s.kurash0611@gmail.com

Струкаў Віктар Віктаравіч

Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна

(г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь)

text2005@mail.ru

ТЭКСТАЎТВАРАЛЬНАЯ ФУНКЦЫЯ І ЛІНГВАКУЛЬТУРНА-ІДЭНТЫФІКАЦЫЙНЫ СТАТУС ЛЕКСЕМЫ *БАЛОТА* У РАМАНЕ ІВАНА МЕЛЕЖА “ЛЮДЗІ НА БАЛОЦЕ”

У артыкуле разглядаецца функцыянаванне лексемы *балота* (у сукупнасці яе дэрыватаў і граматычных форм) на матэрыяле рамана І. Мележа “Людзі на балоце”. Вызначаны яе намінацыйная і тэкстаўтваральная функцыі (найменне дамінантага ключавога слова-канцэпта, аксіялагічна амбівалентнага і этнакультурна маркіраванага сімвала), абгрунтаваны яе статус як аднаго з асноўных ідэнтыфікатараў беларускай лінгвакультуры.

Ключавыя словы: беларуская мова, балота, мастацкі тэкст, тэкстаўтваральная функцыя, лінгвакультурны ідэнтыфікатар, канцэпт

The article examines the functioning of the lexeme *Balota* (swamp) (in the totality of its direct derivatives and grammatical forms) in the text of I. Melezh's novel "People in the Swamp". Its nominative and text-forming functions are defined (the name of a dominant keyword-concept, an axiologically ambivalent and ethnoculturally labeled symbol), and the status of one of the main identifiers of the Belarusian linguistic culture is substantiated.

Keywords: Belarusian language, swamp, artistic text, text-forming function, linguistic and cultural identifier, concept

Ключавым элементам канцэптасферы жыхароў Паўднёва-Ўсходняга (Мазырска-Прыпяцкага) Палесся з'яўляецца *балота*. У моўнай свядомасці беларуса, і ў першую чаргу палешука, гэта лексема прадстаўлена не толькі ў намінацыйнай функцыі (у якасці ядра адпаведнага лексіка-семантычнага поля), але і ў якасці міфалагемы, аксіялагічна амбівалентнага сімвала і этнакультурна маркіраванага канцэпта, аднаго з семіятычных цэнтраў моўнай і паэтычнай карцін свету, адлюстраваных у розных камунікатыўных сферах – ад гаспадарча-бытавой да медыйнай і мастацкай [1].

Характэрна і тое, што за самімі палешукамі трывала замацавалася перыфрастычная намінацыя *людзі на балоце*, асабліва пасля выхаду ў свет аднайменнага рамана Івана Мележа ў 1962 годзе, які ўваходзіць у цыкл «Палеская хроніка», і знятага вядомым рэжысёрам Віктарам Туравым па гэтым творы аднайменнага мастацкага фільма (1981). Менавіта з пачатку 1980-х гг. пачынаецца «самастойнае жыццё» перыфразы ў камунікатыўнай прасторы Беларусі, а лексема *балота* трывала ўвайшла ў корпус тых адзінак беларускай камунікатыўнай прасторы, якія можна кваліфікаваць як лінгвакультурныя ідэнтыфікатары [2].

Вядома, што балоты – вельмі значная па тэрыторыі частка Палесся, неад'емны аtryбут яго прыроды, устойлівы асацыят да тапоніма *Палессе*, а Мазырска-Прыпяцкае Палессе – адно з найбольш забалочаных месцаў, ад 20 да 70% тэрыторыі [3, с. 45]. У канцэптасферы беларускай літаратуры *балота* таксама адзін з дамінантных вобразаў, а ў многіх твораў – ключавы канцэпт (для прозы гэта «Дрыгва», «У палескай глушы» Якубам Колас, «Палескія рабінзоны» Янкі Маўра і інш.).

Разгледзім асаблівасці функцыянавання лексемы *балота* ў рамана Івана Мележа «Людзі на балоце».

У гэтым рамане гэта ключавая лексема (ужываецца ўжо ў загаловку – ініцыяльнай «моцнай пазіцыі» тэксту), прадстаўлена граматычнымі формамі *балота* (43), *балоце* (30), *балоты* (7), *балотам* (7), *балот* (5), *балоце* (1), варыянтнай формай, якая ўжываецца ў маўленні персанажаў, – *балото* (20), а таксама вытворнымі ад яе прыметнікам *балотны* ў яго граматычных формах *балотнай* (7), *балотнае* (4), *балотная* (3), *балотным* (2), *балотных* (2), *балотныя* (1), *балотную* (1), а таксама субстантыўным дэрыватам, прадстаўленым словаформай *узбалоткам* (1), што ў сукупнасці складае крыху больш за 1,5 ужыванняў на 1000 слоў тэксту (падлік быў зроблены пры дапамозе рэсур-

cy <https://sanstv.ru/wordsTools/wordStat>). Паказчык 1 словаўжыванне на 1000 слоў тэксту многія статыстычныя Інтэрнэт-аналізатары і аўтары частотных слоўнікаў [4] кваліфікуюць як «залаты стандарт» для натуральнай частотнасці ключавых слоў мастацкай прозы. Таму атрыманы паказчык 1,5 пацвярджае статус лексемы *балота* як канцэптуальнай дамінанты тэксту [5] (пры гэтым пры падліку не ўлічваліся сінанімічныя і перыфрастычныя намінацыі *дрыгва*, *багна*, *чортава месца*, *гіблае месца* і інш.).

У рамане *балота* – гэта, перш за ўсё, цэнтральны элемент пейзажу, але не проста пейзажу, а фону, на якім адбываецца разгортванне падзей, напр.: *Вёска тулілася ля берага вострава — платы агародаў дзе-нідзе забягалі на куп'ё ўзболатка. З другога боку, на поўнач, балоты крыху адступалі, дорачы людзям пясчанае поле. Адступалі балоты і на заходнім баку, дзе рунелі ці жаўцелі да краю лесу палі, таксама скупыя, няўдзячныя, хоць у іх глебе і было менш пяску. З поўдня балоты зноў падбіраліся да саламяных, замішэлых радоў стрэх, але ў гэты бок ішла найбольш сувязь са светам, і тут на дрыгве была намошчана дарожка. <...> Які непрыветны дзень, які нядобры гэты голы, чорны балотны хмызняк!*

У адным вобразным ланцугу разам з лексемай *балота* часцей за ўсё ўжываюцца намінацыі *лес*, *луг*, *поле*, *затокі* і інш., напр.: *Кожны зручны момант хапаліся з лугу, з поля ў лес і жанкі і мужчыны, працаўнікі — у лесе цяпер была важная праца.(...) Лес быў памочнік полю, скупой, ненадзейнай зямлі. <...> Памагала полю балота, ціхі, цёплыя, зарослыя асакою затокі, зацягнутыя тванню канавы з асклізлым ламаччам, смярдзючыя лужыны з цінай і раскай.*

Адзначаюцца і такія кантэксты, дзе *балота* становіцца аўтарскім сінонімам роднай хаты: — *Хваліўся Дамецік: сын яго са службы прыйсці павінен... Скора... — А... адпускаюць... — Міканор. Мабуць жа, помніш?.. — А чаго ж... — Вучыцца хацелі там аставіць... А ён сказаў: дадому. — У балото... пацягнуло. — Ведамо — дамоўка!..*

Мясцовыя жыхары, мележаўскія персанажы, характар і паводзіны якіх шмат у чым абумоўлівае жывцё на балоце, з цяжкасцю ўяўляюць сабе такія месцы, дзе балот няма, напр.: — *І як ёто яно: зямля без балота! — нібы не паверыла Дамеціха. — Як ёто яно можа буць, штоб без балота! — От, баба! У Маньжурый, дак не то што балота, а і кусточка на сто вярстоў не пабачыш. Гола, як падлога...*

Асноўнай асаблівасцю канцэптуалізацыі лексемы *балота* ў беларускай камунікатыўнай прасторы, і ў першую чаргу – у самім Палессі, з'яўляецца амбівалентнасць. З аднаго боку, гэта ўнікальны ў прыродным дачыненні куток зямлі, выратавальнае месца для мясцовых жыхароў, шчодры карміцель: *Ягады былі не якія там прысмакі, як у другіх, — у Куранях ягадамі карміліся, ягады збіралі, сушылі на продаж, на грошы, на чорны зімовы ці веснавы дзень. <...> От надысь на балото хадзіў. Уюноў прынёс. Кажа: Васілю, браціку...*

З іншага боку, *балота* – гіблае, праклятае месца, месцазнаходжанне містычных сіл і з’яў, напр.: *Моўчкі, час ад часу асклізваючыся, мясіў гразь ён, цёгса за сяло, дзе была гіблая дарога цераз балота, невядомасць.* <...> У душу лезла квояя асыярога, упаўзала ліпкая, як *балотны туман, боязнасць*: ужо не *ценымі нежывымі, а грознымі непрыяцелямі* раслі ў памяці Яўхім, Маслак, Глушак стары. <...> — *І што за зямля тут: то балото, гразюка такая, што канца-краю не відно, то пясок, што ў самого чорта нічога не вурасло б! Праклятае якоесь месца!* <...> — *Балото як возьме ногу, зассе, зацягне ўсяго. Душу зацягне...*

У той жа час *балота* – гэта яшчэ і супернік чалавеку ў справе меліярацыі, адносіны да якой вельмі неадназначныя. Характэрна, што ў тых месцах мележаўскага рамана, дзе абмяркоўваецца праблема асушэння балот, у межах бліжэйшага кантэксту можна выявіць ужыванне дадзенай ключавой лексемы як у прамым значэнні ('Нізкае багністае месца, звычайна з стаячай вадой і вільгацелюбнай рпасліннасцю' [6, с. 333]), так і ў пераносна-метафарычным ('Усё, што характарызуецца застоём, адсутнасцю жывой дзейнасці, маральным падзеннем' [6, с. 333]), напр.: — *А ты не сілаю, а свядомасцю старайся браць. Актывістаў арганізуй, каб памаглі. Падбяры групу талковых, сумленных, пагавары шчыра. Паднімі іх над балотнай тванню, выведзі з царства затхласці, пакажы — што навокал робіцца, што наперадзе будзе! Ты ж бачыў многа сам, ведаеш нямала! Зацікаў жа другіх, запалі іх! <...> А цёмнае наша балото і рада! Нашым абы злосць спагнаць на кім-небудзь! <...> Апошнім, ад Куранёў, стаў на калёсы Міканор. Ён сказаў, што беднасць і цемра закрываюць жыццё ў Куранях, як раска закрывае балота. Раска заўсёды чапляецца за балота, за ваду, якая не варушыцца, стаіць. Каб разгнаць раску, трэба разварушыць жыццё! І грэбля — гэта першае «вочка», першы пробліск у моры векавечнай раскі! Трэба, не шкадуючы нічога, не баючыся, варушыць балота, затхлае жыццё — і цемра, і раска назаўсёды прападуць. Будзе адна чыстая, светлая вада, светлае жыццё!*

Такім чынам, у тэкставай архітэктоніцы рамана Івана Мележа “Людзі на балоце” лексема *балота* (у сукупнасці яе дэрыватаў і граматычных форм) прадстаўлена не толькі ў якасці намінацыі цэнтральнага элемента пейзажу, але і ў якасці слова-канцэпта, аксіялагічна амбівалентнага і этнакультурна маркіраванага сімвала, аднаго з асноўных ідэнтыфікатараў як беларускай лінгвакультуры ў цэлым, так і лінгвакультурнага ландшафту Мазырска-Прыпяцкага (паўднёва-ўсходняга) Палесся.

Літаратура

1. Кураш, С. Б. Лексема *балото* как мифологема, символ и концепт в языковом сознании жителей Юго-Восточного Полесья / С. Б. Кураш, В. В. Струков // Русское слово как феномен духовности в славянской лингвокультуре пограничья : научные доклады Междунар. науч.-просвет. форума (г. Новозыбков, Брянская область, 18–21 мая 2021 г.) /

ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтов, С. М. Пронченко. – Брянск : РИСО «БГУ», 2021. – С. 114–119.

2. Кураш, С. Б. Лінгвакультурныя ідэнтыфікатары ў розных камунікатыўных практыках / С. Б. Кураш, Г. В. Буркова, В. В. Струкаў. – Мазыр: МДПУ, 2024. – 115 с.

3. Полесье. Материальная культура / В. К. Бондарчик, И. Н. Браим, Н. И. Бураковская [и др.] ; редкол.: В. К. Бондарчик, Р. Ф. Кирчив (отв. ред.) и др. – Киев : Наукова думка, 1988. – 448 с.

4. Ляшевская, О. Н. Частотный словарь современного русского языка: на материалах Национального корпуса русского языка / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Словари.ру, 2015. – 1087 с.

5. Огнева, Е. А. Концепты-доминанты как информативные конструкты текстовых миров / Е. А. Огнева. – М. : Эдитус, 2019. – 190 с.

6. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад агул. рэд. К. К. Абрамовіча (К. Крапівы). – Мінск : Беларуская Савецкая энцыклапедыя, 1977. – Т. 1. – 608 с.

УДК 81'276.6

Лавицкий Антон Алексеевич

Витебский филиал Международного университета «МИТСО»

(г. Витебск, Республика Беларусь)

antonlavitski@gmail.com

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ В БЕЛАРУСИ И РОССИИ

В статье систематизированы актуальные для белорусской и российской лингвистической экспертологии проблемы, представлен авторский взгляд на возможности их решения. Аналитически описываются различия в процессуальном статусе специального лингвистического исследования в белорусском и российском законодательстве. Приводятся примеры терминологических проблем, в частности – отсутствие отдельных легальных дефиниций понятий, используемых экспертом-лингвистом. В проблемном освещении представлена характеристика методического обеспечения лингвистической экспертологии.

Ключевые слова: лингвистическая экспертология, судебная лингвистическая экспертиза, юрислингвистическая терминология, методы экспертизы текста

This article systematizes the challenges facing Belarusian and Russian linguistic expert studies and presents the author's perspective on potential solutions. It analytically describes the differences in the procedural status of specialized linguistic research in Belarusian and Russian legislation. Examples of terminological issues are provided, particularly the lack of specific legal definitions of concepts used by linguistic experts. A comprehensive analysis of these issues provides a description of the methodological support for linguistic expert studies.

Keywords: linguistic expertology, forensic linguistic examination, legal linguistic terminology, text examination methods

Теорія і практыка лінгвоекспертологіі ў Беларусі і Расіі сталківаюцца з аднаковымі труднасцямі, што ўполне логічна, улічваючы агульнасць

источников права и, следовательно, родственный характер юридических механизмов. С нашей точки зрения, ключевые проблемы современной экспертизы текста имеют системный характер и могут быть классифицированы на организационно-тактические, терминологические и методологические.

Организационно-тактические проблемы лингвоэкспертологии связаны с назначением, производством экспертизы текста, ее статусом в системе доказательств. Эти вопросы нельзя назвать сугубо правовыми, так как вне «языкового» взгляда невозможно решить даже технические задачи назначения и проведения экспертизы продуктов речевой деятельности, ибо правоприменители не всегда сами могут решить, в какой помощи они нуждаются (консультационной, аналитической, исследовательской, технической и др.).

В белорусской правовой системе существуют (а) институт *судебной* лингвистической экспертизы, которая является лицензируемым видом деятельности, и (б) институт лингвистической экспертизы, проводить которую могут неаттестованные эксперты. В Российской Федерации отсутствует такая дифференциация, так как лингвистическая судебно-экспертная деятельность не лицензируется. Оба подхода имеют свои положительные стороны, но не лишены и отдельных недостатков. В Республике Беларусь фактически все аттестованные эксперты-лингвисты работают в Государственном комитете судебных экспертиз и занимаются, в первую очередь, практической деятельностью – подготовкой экспертных заключений. В определенной мере это сдерживает решение актуальных исследовательско-теоретических задач, а также здоровую научную конкуренцию за счет преимуществ в сборе фактического языкового материала. При этом экспертиза текстов проводится только в соответствии с утвержденными методиками, количество которых представляется пока достаточно скромным – 6 наименований, из которых 2 подготовлены в Российской Федерации.

Отсутствие в Российской Федерации требований по лицензированию лингвистической судебно-экспертной деятельности фактически позволило ей стать отдельной отраслью сферы услуг. С одной стороны, это повысило уровень конкурентности. С другой стороны, отсутствие четкой регламентации подготовки экспертных заключений нередко приводит к возникновению спорных ситуаций. В России появилось также такое понятие, как «ангажированная лингвистическая экспертиза».

Однако, как мы уже обозначили выше, организационно-тактические проблемы лингвоэкспертной деятельности носят прежде всего юридический характер, в связи с чем мы не будем освещать вопрос о возможных путях совершенствования законодательства.

Терминологические проблемы лингвоэкспертологии во многом обусловлены необходимостью использовать в исследовательской деятельности так называемые легальные дефиниции. Однако далеко не всегда дефиниции понятий, которыми должен оперировать эксперт, зафиксированы законода-

тельно. Приведем в качестве примера понятие «дискредитация», включенное в квалификацию преступлений, предусмотренных статьей 369¹ УК Беларуси (Дискредитация Республики Беларусь) и статьей 280.3 УК России (Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации <...>).

На национальном правовом Интернет-портале (pravo.by) в разделе «Юридический словарь» размещено эталонное определение понятия «дискредитация Республики Беларусь», которое вторит содержанию соответствующей уголовной статье и трактует дискредитацию через причастие *дискредитирующий*: «распространение заведомо ложных сведений, дискредитирующих Республику Беларусь». В российском законодательстве также отсутствует легальная дефиниция дискредитации. Поэтому в научно-методической литературе и экспертной практике это понятие трактуется как «действия, направленные на подрыв доверия к государственной власти и ее органам, умаление их авторитета и значения» [1, с. 44]. Иными словами, в основу лингвоэкспертного понимания дискредитации положено лексическое значение глагола *дискредитировать* – ‘подрывать / подорвать доверие к кому-л., чему-л.; умалить – умалить авторитет, значение’ [2, с. 261].

Представим пример из экспертной практики, когда в рамках расследования уголовного дела по статье 369¹ УК Беларуси в постановлении о назначении лингвистической экспертизы следствие поставило на разрешение такой вопрос: *Имеется ли в представленных видеозаписях сведения, негативно характеризующие политическое, экономическое и международное положение Республики Беларусь?* Данная формулировка полностью отождествляет понятия дискредитации и клеветы, так как поставленный вопрос по сути соответствует вопросу о наличии признаков вербальной клеветы. Для подтверждения приведем вопрос из экспертной практики по уголовному делу, сопряженному с распространением клеветы, напр.: *Содержится ли в представленной публикации информация, негативно характеризующая личность <X>, или сведения о нарушении им закона?*

Приведенные примеры вопросов сущностно являются идентичными, но очевидно, что «дискредитировать» и «порочить» – это не одно и то же: *дискредитировать* – это значит ‘подрывать доверие и умалить авторитет’, то есть указать, что кто-то или что-то не справляется со своими задачами, с решением возложенных на него обязанностей, не пользуется уважением и авторитетом, напр.: *Наше Правительство полностью некомпетентно в реалиях экономической ситуации; МВД не способно противостоять современной киберпреступности; Облисполкомы полностью игнорируют решения Правительства*. Клевета же – понятие более широкое (можно согласиться с тем, что дискредитация – это частный случай опорочивания, то есть клеветы). Лингвистическими маркерами клеветы являются любые атрибутивные конструкции с негативной семантикой, напр.: *Только эмиссионные махинации позволяют Правительству*

удерживать экономику на плаву; МВД относится к самым коррумпированным органам; Облсполкомы наглым образом врут в своих статистических отчетах.

В настоящее время оптимальным видится два варианта решения ключевых терминологических проблем лингвоэкспертной деятельности. Первый – это официальная юридикация понятий, то есть закрепление значения понятий законодательно или через соответствующие комментарии Верховного суда. Второй вариант – создание специального юрислингвистического словаря и придание ему статуса официального справочного издания. В 2022 году, например, утвержден ГОСТ «Судебная лингвистическая экспертиза: термины и определения». Однако, как понятно уже из самого названия, в данном стандарте собраны не легитимизированные термины, а понятийные единицы, относящиеся к лингвистическому компоненту экспертизы текста.

Методические проблемы лингвоэкспертологии можно разделить на теоретические и прикладные. Остановимся на вторых, которые связаны с собственно исследовательским компонентом. Фактически речь идет о проблеме методов специального лингвистического исследования.

Современные исследователи практически единодушны во мнении о том, что «реальная практика лингвистической экспертизы показывает чрезвычайно богатую палитру методов и отчасти связанных с ними методик, которые используют в своих исследованиях лингвисты-эксперты» [3, с. 119]. В тоже время в специальной и исследовательской литературе достаточно часто поднимается вопрос о нормализации методических основ проведения лингвистической экспертизы. При этом под нормализацией обычно подразумевают разработку родовой методики и уточнение перечня методов экспертной работы с текстом. Однако нельзя исключать, что установление единого «методического стандарта» может привести к негативным последствиям. Сам факт утверждения ограниченного числа методов как базовых не является панацеей от потенциальных экспертных ошибок, которые фатально отразятся на итогах для судебного разбирательства. Во-первых, большое значение имеет не только выбор методов экспертного изучения, но и правильность их применения. Во-вторых, количество коммуникативных ситуаций, которые могут стать предметом правового разбирательства, потенциально не ограничено.

Вариативность использования методов лингвистической экспертизы, а также поиск новых следует рассматривать как одно из значимых направлений развития общей юрислингвистической теории и судебной экспертологии в частности. Специалистами, прежде всего российскими, предприняты прогрессивные, с нашей точки зрения, шаги в разработке родовых методик и в трансфере из других гуманитарных, технических наук новых методов исследования конфликтогенного текста. Исходя из этого, можно сделать вывод, что прикладные методологические проблемы лингвоэкспертологии являются главным триггером исследовательской активности в сфере юридической лингвистики.

Литература

1. Секераж, Т. Н. Методический подход к исследованию информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией применения Вооруженных Сил Российской Федерации / Т. Н. Секераж // Теория и практика судебной экспертизы. – 2022. – Т. 17. – №2. – С. 41–48.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Баранов, А. Н. Методы и методики в лингвистической экспертизе текста / А. Н. Баранов // Язык. Право. Общество : сб. ст. / под ред. О. В. Барабаш [и др.]. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. – С. 119–122.

УДК 811.161.1'373.21(043)

Лукина Ольга Анатольевна

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
(г. Витебск, Республика Беларусь)
olga1983lukina@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЭККЛЕЗИОНИМИКИ

В статье рассматривается современный этап развития восточнославянской экклезионики – науки о наименованиях культовых сооружений, религиозных объектов. Дается обзор научных статей, посвященных названиям церквей, монастырей России, Беларуси и Украины. Обозначен круг проблем для дальнейшего изучения. Показаны тенденции развития экклезионики в ближайшие десятилетия.

Ключевые слова: экклезионим, экклезионимика, ономастика, имена собственные

The article examines the current stage in the development of East Slavic ecclesionyms – the science of naming religious buildings and religious sites. An overview of scientific articles devoted to the names of churches and monasteries in Russia, Belarus and Ukraine is given. The range of problems for further study is outlined. The trends in the development of ecclesionyms in the coming decades are shown.

Keywords: ecclesionym, ecclesionimics, onomastics, proper names

В настоящее время большое внимание уделяется религиозной жизни общества. Восстанавливаются старые церкви и монастыри, строятся новые. В связи с этим возрождается интерес к наименованиям религиозных объектов определенного региона, города, страны. Конец XX – начало XXI вв. ознаменовали становление новой ономастической науки, изучающей имена собственные религиозных объектов. Данную область знания считаем целесообразным назвать экклезионимикой – наукой об экклезионимах (по аналогии с топонимикой – наукой о топонимах, антропонимикой – наукой об антропонимах, урбанонимикой – наукой об урбанонимах и т.п.).

Первые попытки научного изучения названий мест совершения обряда были сделаны в работах А.В. Суперанской [1] и А.М. Мезенко [2]. Учёные-ономатологи обратили внимание на данный класс лексики, на его специфику и место среди других классов онимных единиц. Своё терминологическое определение наименования культовых объектов нашли в словаре Н.В. Подольской [3].

Дальнейшее изучение экклезионимов привело к защите двух кандидатских диссертаций: Е.П. Ариной на материале русских названий религиозных объектов [4] и О.А. Борисевич (Лукиной) на материале экклезионимов Беларуси [5]. И.В. Бугаева посвятила одну главу докторской диссертации храмонимам – такой термин исследователь даёт названиям церквей [6].

Современный этап развития восточнославянской экклезионики характеризуется интересом к названиям культовых сооружений определённого города. В поле научного интереса попали экклезионимы Москвы, Новгорода, Суздаля, Тамбова, Витебска, Могилева и др. Изучается как современное состояние экклезионимики, так и его история.

Так, например, в статье А.Ю. Асанова предпринимается попытка выявления культурной информации, создающей историческую ауру города Тамбова. На материале тамбовского городского ономастикона осмысливается категория экклезионимов как результат длительной целенаправленной историко-культурной и языковой деятельности человека. Доказывается, что рассмотрение экклезионимов необходимо в процессе их развития и изменения с учётом экстралингвистических и региональных факторов [7]. Автором приводятся примеры экклезионимов из древнерусских текстов: «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона, «Повести временных лет» (XII в.), «Повести о разорении Рязани Батыем» (XIII в.). При описании современного состояния урбанонимов Тамбова делается экскурс в историю внутригородских названий. Так, например, в Тамбове некогда существовала улица Покровская. Она получила своё название от Покровской церкви. Улица Христорождественская мотивирована названием церкви, которая стояла на этом месте до революции. Церковь в свою очередь получила наименование в честь одного из великих праздников в православной церкви – Рождества Христова. Как считает автор, урбанонимный материал города Тамбова содержит не только интересную информацию об истории заселения края, но и репрезентирует составляющие концепта «христианство». В отдельных топонимах находят отражение мемориальные представления религиозного значения.

В статье О.А. Селиверстовой представлен краткий обзор различных групп урбанонимов ономастического пространства Суздаля на основе мотивированности. Подробно рассматриваются названия объектов, относящихся к религии, их семантика, история и значение в культуре, описывается специфика экклезионимов Суздаля и возможности использования сокрытой в названиях информации [8]. Как и в предыдущей статье, автор анализирует урбанонимы, мотивированные экклезионимами (названия, связанными с религией). В дан-

ной группе были выделены следующие подгруппы: наименования, связанные со святыми (*Церковь Антипы Пергамского, Козьмо-Дамианская церковь*); наименования, связанные с церковными праздниками и библейскими событиями (*Входо-Иерусалимская церковь*), наименования, связанные с церковными реликвиями (*Ризоположенский монастырь*).

В упомянутых выше двух работах [7; 8] отсутствует, на наш взгляд, чёткое разграничение терминов *урбаноним* и *эклезионим*, иногда они взаимозаменяются («...урбанонимы на основе антропонимов и эклезионимов. Последние представляют собой наименования церквей и монастырей...» [8, с. 3]).

В нашей статье [9] рассматриваются наименования религиозных объектов города Могилева, представляющих собой архитектурную, культурную, историческую и религиозную ценность для туристов и паломников. Каждый эклезионим – лингвокультурема, кодирующая информацию о прошлом и настоящем белорусского народа. Туристический эклезионимикон города Могилева представляет собой своеобразный сакральный мир белорусского христианина со своей спецификой и характерными чертами. 1. В него входят как названия православных религиозных объектов, так и одного католического, что является доказательством мирного сосуществования и взаимодействия разных религий и культур на территории белорусского города (условно православный восток и католический запад). 2. Названия фиксируются на русском и белорусском языках, что также является примером межкультурной и межъязыковой коммуникации.

В статье Т.В. Шмелевой предлагается описание новгородских названий храмов как фрагмента городского ономастикона. Представлена их типология, основанная на противопоставлении эклезионимов, мотивированных именами святых, христианскими понятиями и эпизодами евангельской истории. Показано, как эклезионимы взаимодействуют с другими фрагментами городского ономастикона, выявлено три таких случая. Сделан вывод, что эклезионимы составляют одну из ономастических доминант ономастикона Великого Новгорода и вносят серьёзный вклад в язык города, соединяя его с миром христианства. Высказана мысль о необходимости словаря имён храмов с объяснением всех входящих в него слов [10].

Употребление названий культовых сооружений в художественном произведении – ещё один новый аспект изучения эклезионимии. Новизна проблемы ставит перед исследователем задачи не столько выявления такого материала в языке художественной литературы, сколько выработки методики изучения поэтики онимов этого разряда.

Как пример, на материале романа «Лето Господне» и повести «Богомолье» И.С. Шмелева в статье Е.С. Синенко анализируются онимы этого разряда. Эклезионимы в произведениях И.С. Шмелева не только служат для обозначения места, где разворачиваются события, но и «работают» на их стилистику и поэтику, придавая тексту ярко выраженную православную эстетику [11].

Таким образом, экклезионимика как наука об именах собственных мест совершения обряда является достаточно новой отраслью знания. Перечисленные выше работы посвящены данному классу онимов. Сделана попытка описания экклезионимикона Беларуси, России, Украины. Постоянно появляются статьи, анализирующие названия культовых сооружений одного города. В них выявлены особенности структуры, номинации и распространения экклезионимов. Также появились работы, посвящённые изучению наименований религиозных объектов в художественных произведениях. Однако существует ряд нерешённых ещё вопросов. Во-первых, отсутствуют лингвистические словари названий культовых объектов, отражающие особенности орфографического оформления экклезионимов, что приводит к различным вариантам одного и того же наименования. Во-вторых, с точки зрения лингвистики нет описания экклезионимикона многих стран мира. Наименования религиозных сооружений становятся объектом изучения историков, религиоведов, архитекторов, но не филологов. В-третьих, интересным, на наш взгляд, было бы исследование структурно-семантической специфики экклезионимов, относящихся к нехристианским конфессиям. Почти отсутствуют работы, посвящённые диахроническому описанию экклезионимов. Современный этап развития восточнославянской экклезионимики характеризуется непрекращающимся интересом к названиям религиозных объектов отдельных городов и регионов.

Литература

1. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – 3-е изд., испр. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 368 с.
2. Мезенко, А. М. Урбанонимия Белоруссии / А. М. Мезенко. – Минск : Университетское, 1991. – 167 с.
3. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
4. Аринина, Е. П. Содержательное и структурное своеобразие русских экклезионимов в типологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. П. Аринина. – Самара, 2008. – 19 с.
5. Борисевич, О. А. Экклезионимия Беларуси: структурный, номинативный, лингвогеографический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / О. А. Борисевич. – Витебск, 2012. – 26 с.
6. Бугаева, И. В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / И. В. Бугаева. – М., 2010. – 48 с.
7. Асанов, А. Ю. Экклезионимы на карте современного города Тамбова / А. Ю. Асанов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 9 (137). – С. 170–174.
8. Селиверстова, О. А. Экклезионимы в ономастическом пространстве Суздаля / О. А. Селиверстова // Russian Linguistic Bulletin. – 2024. – № 8 (56). – С. 1–4.
9. Лукина, О. А. Туристический экклезионимикон города Могилева как пример межкультурной коммуникации / О. А. Лукина // Thesaurus: збірник наукових прац. Вып. IX. Мова і комунікація. – Могилёў : Могилёўскі інстытут МУС, 2021. – С. 93–99.

10. Шмелева, Т. В. Имена новгородских храмов в современном ономастиконе / Т. В. Шмелева // Учёные записки Новгородского гос. ун-та. – 2019. – № 2 (20). – С. 1–4.

11. Синенко, Е. С. Экклезионимия диалогии Ивана Шмелева «Лето Господне» и «Богомолье» / Е. С. Синенко // Вестник ДонНУ. Серия Д: Филология и психология. – 2020. – № 2. – С. 112–117.

УДК 808.5

Михальчук Тамара Григорьевна

Независимый исследователь

(г. Могилев, Республика Беларусь)

mikhalchukt@mail.ru

ФОНЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭТИКЕТНОСТИ

В статье речь идет об интонации и других просодиях, которые являются важнейшими средствами создания этикетности. Лексический запас, грамматическая структура языка еще не определяют характер этикетности, важны также тон, интонация, контекст.

Ключевые слова: интонация, авторские ремарки, интонация модальных значений, модальный переключатель

This article discusses intonation and other prosodies, which are essential tools for creating etiquette. Vocabulary and the grammatical structure of a language do not necessarily determine the nature of etiquette; tone, intonation, and context are also important.

Keywords: intonation, author's remarks, intonation of modal meanings, modal switch

Речевой этикет в узком смысле слова может быть охарактеризован как система языковых средств, в которых проявляются этикетные отношения. Элементы этой системы могут реализовываться на разных языковых уровнях.

Вопрос о средствах выражений этикетных действий в лингвистике решается неоднозначно. Так, В.В. Виноградов относит единицы речевого этикета к особому разряду междометий, Г.А. Лекант выделяет их в особый класс фразеологизированных предложений, обладающих свойством воспроизводимости. С.А. Корзина рассматривает ФРЭ как идиоматические формулы с четкой семантической стабилизацией [1], Н.И. Формановская анализирует их как эквиваленты предложения, характеризующиеся категориальной закрепленностью и устойчивостью структуры [2].

Следует особо отметить исключительно важную роль интонации в создании этикетности. Лексический запас, грамматическая структура языка еще не определяют характер этикетности, важен также тон, интонация. Одно и то же слово или фраза могут влиять на нас по-разному в зависимости от того, каким тоном они произнесены.

В русской речи выделяют (вслед за Е.А. Брызгуновой) семь основных «интонационных конструкций» (т.е. типов фразовой интонации). Произнесе-

ние одного и того же высказывания с различной интонацией (соответственно, реализация различных интонационных конструкций) выражает различные противопоставления: по смыслу, по актуальному членению, по стилистическим оттенкам и в том числе – по выражению отношения говорящего к слушающему. Этим отношением и определяется, какую интонационную конструкцию в данном случае следует использовать, а какую – нет. Так, в соответствии с этикетными правилами интонация не должна указывать на пренебрежительное или покровительственное отношение, намерение поучать собеседника, агрессию и вызов (например, фраза *Будьте любезны, закройте дверь* может звучать с разной интонацией в зависимости от того, предполагается в ней вежливая просьба или бесцеремонное требование).

В грамматике русского языка интонация характеризуется как средство языка, обеспечивающее выделение какой-либо части высказывания, акцентирование на конкретном смысловом отрезке (синтагме), реализацию цели сообщения (повествование, побуждение, волеизъявление, вопрос), а главное – выражение отношения к тому, о чем сообщается в предложении, т.е. высказываемому [3, с. 96].

Интонация – это в целом «сложный комплекс просодических элементов, включающих мелодику, ритм, интенсивность, темп, тембр и логическое ударение, служащий на уровне предложения для выражения как различных синтаксических значений и категорий, так и экспрессивных и эмоциональных коннотаций» [4, с. 180-181].

Интонация в русском языке выполняет грамматически синтезирующую, расчленяющую на синтагмы, предикативную и модальную – дифференцирующую функции [5, с. 98].

Говоря об оценочной информации сообщаемого, нужно назвать еще один вид интонации, который в лингвистической литературе еще не нашел достаточно широкого освещения – интонацию модальных значений, например: «Неодобрение»: *Нынешняя молодежь, не в обиду будь сказано, какая-то, господь с нею, кислая, переваренная* (А. Чехов. Иванов) – интонация с оттенком извинения, эмоциональной неуверенности в необходимости сообщения. «Согласие»: – *Он здесь? – Безусловно. Где же ему быть, скажите, как не в Одессе?* (К. Паустовский. Золотая роза) – интонация категоричности, несомненности, с оттенком ответа на вопрос, согласия. «Обращение»: – *Эй! послушай, брат, – крикнул он, – а примерно, далеко ли отсель до столовой дороги?* (Д. Григорович. Антон-Горемыка) – интонация приглашения к размышлению, к сравнению относительности с оттенком заинтересованности.

Однако есть такие предложения (состоящие из нескольких синтагм), где в конце стоит восклицательный знак, и здесь граница выражения интонационной модальности восклицания предстает несколько размытой. Ср., например, *Мостовая пока новая – ездить нельзя, а как пообъездят ее немножко, то мое почтение!* (А. Чехов. Жених и папенька). В этом предложении воскли-

цательной является только заключительная часть *то мое почтение!* Можно, конечно, предположить, что все предложение произнесено с повышенной восклицательной интонацией, но это не согласуется с содержанием предшествующего заключительной части целого речевого отрезка. Совсем иначе рассматривалось бы это предложение, если бы оно выглядело так: *Мостовая! Пока новая – ездить нельзя! А как пообъездят ее немножко! То мое почтение!* Но поскольку А.П. Чехов не расставил так восклицательные знаки, можно полагать, что в целом это предложение не восклицательное, а повествовательно-восклицательное.

Модальность интонации обладает достаточно широкими возможностями реализации в русском языке. Однако они еще мало изучаются, это, в частности, касается и модальности интонации обращения. В «Русской грамматике» (1980) обращение определяется как «распространяющий член предложения – имя в форме им. п., возможно – с зависящими от него словоформами, называющий того, к кому адресована речь» [3, с. 163]. Но роль интонации здесь перемежается с такими формами реализации, как повторение обращения, сопровождение его междометиями или частицами, что сужает функциональную значимость интонации и с позиции ее онтологической сущности. Ведь интонация присутствует и при обращении, и при повторении обращения, и при использовании вместе с ним других форм языка. Поэтому модальность интонации необходимо рассматривать не в общем ряду возможных средств, сопровождающих обращение, а как организующий фактор в образовании и реализации обращения.

Вместе с тем само обращение в языке является своеобразной специфической реализацией модального отношения. При этом обращение как факт модальности может сопровождаться вторым уровнем модальности, выражаемой отправителем речевого отрезка (или предложениями) с помощью модальных слов, частиц, словосочетаний. В таких случаях наблюдается модально-интонационное построение внутри самого обращения. Например: – *Эй ты, фигура!* – крикнул толстый, белотелый господин, завидев в тумане высокого и тучного человека (А. Чехов. В бане). В данном предложении обращение представляет собой сочетание междометий *эй* и местоименного обращения *ты* с уточнением именного обращения *фигура*. Интонационно такое обращение фактически состоит из трех единиц: *эй, ты, фигура*, которые, объединяясь, создают еще один интонационно-модальный оттенок со значением пренебрежения, высокомерного модального отношения к респонденту.

Модальность интонации обращения может быть реализована и еще одним способом отношения к сообщаемому, например: – *Так... Надоело мне, брат, все человеческие слова* (М. Горький. На дне). Здесь обращение *брат* трансформировалось в модальное слово, поскольку слово *брат* не означает определение родственника, а носит абстрактный характер модального обращения с соответствующей синтагмой.

Модальная интонация обращения может быть реализована наложением другого уровня модальности – вопроса, восклицания, побуждения и др., например: – *Что такое, Paul?* (А. Пушкин. Пиковая дама). – *Молодец, Федор!* – с привычной хрипотцой сказал Болдин (И. Стаднюк. Война). – *Эй, Ванюшка! Ишь, куда забрался! Того и гляди ветром снесет, ступай наземь!..* – *Не замай, дядя Антон, – откликнулся парнишка, – небось не снесет!* (Д. Григорович. Антон-Горемыка).

При образовании вежливых форм несогласия интонация часто служит своего рода суперформой (накладкой). Интонация говорящего, накладываясь на несогласие, не только придает ему вежливость, но и передает эмоциональное состояние говорящего, его отношение к адресату речи.

В текстах художественных произведений при передаче диалога имеются авторские указания на интонацию, «смягчающую» прагматический эффект речи: – *Жизнь Анны Аркадьевны не может интересовать меня, – перебил Алексей Александрович...* – *Позволь мне не поверить, – мягко возразил Степан Аркадьич...* (Л. Толстой. Анна Каренина).

Большую роль играет интонация и в оформлении категорий, подключенных к этикетности: категоричности, интенсивности, эмоциональности, акцентированности.

В художественных произведениях не только сами реплики, но и авторские ремарки конкретизируют тональность общения. Так, например, у героев рассказов В. Токаревой встречается высокомерный отказ, деликатная просьба, интеллигентное приветствие, угодливая благодарность.

Для осмысления семантики реплики необходим соответствующий контекст, например: [Ярцев:] *Угодно папиросу, поручик?* [Полевой:] *Мерси, господин полковник, не откажусь* (Б. Лавренев. Разлом). Судя по контексту, здесь согласие. Ср.: [Берснев:] *Если действительно хочешь России служить, так служи по-честному, и без лишних претензий.* – [Штубе:] *Служить этому быдлу? Забыть честь и достоинство офицера и дворянина? Покорно благодарю* (Б. Лавренев. Разлом). Судя по контексту, здесь отказ, этикетное несогласие с интонацией огорчения, обиды.

Отрицательная интонация – средство совершенно автономное и в письменном тексте незаменимое. Восстановить ее может авторская ремарка или «сильный» контекст, например: – *Что же вы, братцы? Ишо каша молочная есть! Хозяйка, живо мечи на стол!* – *Благодарствуем за хлеб-соль, – насмешливо сказал чей-то голос* (М. Шолохов. Батраки).

В ответной реплике возникает стилистический эффект контраста: не соблюдается единство нормативной семантики выражения речевого этикета и тона, каким это выражение произносится.

Интонацию следует рассматривать как важнейшее средство эмоциональной речи. «Значение интонации возрастает, а сама она становится более выразительной с увеличением доли аффективных элементов в высказывании

мысли; из этого можно заключить, что особенно сильная или особенно характерная интонация является признаком преобладания аффективного начала в самой мысли» [6, с. 315].

Из вариантов эмоциональной интонации особо выделяется экспрессивно-ироническая интонация, которая функционально равноценна семантическому модификатору противоположности («отрицанию»). Ср.: очень нужно = не нужно; чудесно = очень плохо.

На характер интонации указывают авторские ремарки. Например, ситуация «Неодобрение»: – *Хорош!* – сказала она насмешливо. – *Знаю, хорош,* – улыбнулся Жмыхов (А. Фадеев. Разгром). – *Созывай уж прямо ревком, а я посмотрю, как ты перед чужими людьми будешь дискредитировать свой большевистский комитет! Не чаял я тебя видеть в этой роли...* – *Очень хорошо,* – грозно фыркнул Петр, и верхняя губа его дрогнула (А. Фадеев. Последний из удэгэ). [Офицер:] *Солдаты без выстрела отошли в гору, и часть на вокзал ушла.* [Яровой:] *Отлично...* *И пусть себе подавятся тюрьмой* (К. Тренев. Любовь Яровая). [Незнамов:] *... Позвольте, Обаб, но кто же наше непосредственное начальство?* [Обаб:] *Не могу знать.* [Незнамов:] *(в бешенстве) Превосходно! Мы представлены самому себе? Очень хорошо...* (Вс. Иванов. Бронепоезд 14-69).

Одиночное извините склонно замещать в первую очередь согласие. В то же время оно может быть оформлено с интонацией резкого несогласия. Коммуникативная норма вежливой речи требует все же дополнительной мотивировки – пояснения извините как в функции согласия, так и несогласия. Ср.: формулы извинения в функции несогласия (вежливый отказ в просьбе): – *Обыщите его, Семенов.* – *Нет, уж извини, брат!* – *серьезно сказал Алеша. Такого обычая мы не держимся – оружие сдавать* (А. Фадеев. Последний из удэгэ). [Штубе:] *Я не могу. Я нездоров. Пусть без меня.* – [Берсенов:] *Ну, это извини, мой милый. Не настолько ты нездоров* (Б. Лавренев. Разлом).

Таким образом, интонация играет важную роль в создании этикетности. Особую роль для осмысления семантики реплики играет контекст и интонация модальных значений. Отрицательная интонация, противительные союзы, частицы, слова-предложения выполняют функции семантического (модального) переключателя.

Литература

1. Козина, С. А. Французский язык. Речевые клише в диалогической речи / С. А. Козина. – М. : Высшая школа, 1991. – 111 с.
2. Формановская, Н. И. Вы сказали «Здравствуйте». Речевой этикет в нашем общении / Н. И. Формановская. – М. : Знание, 1982. – 158 с.
3. Русская грамматика : в 2 т. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 783 с.
4. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : СовЭн, 1966. – 607 с.

5. Немец, Г. П. Актуальные проблемы модальности в современном русском языке / Г. П. Немец. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ун-та, 1991. – 187 с.
6. Балли, Ш Французская стилистика / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1961. – 394 с.

УДК 811.111

Перезашкевич Анастасия Юрьевна

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

perezashkevich_ay@m.msu.by

МЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС КАК ОБЛАСТЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Статья посвящена комплексному лингвистическому анализу феномена медиадискурса как ключевого элемента современной коммуникации. Особое внимание уделяется дискуссионным вопросам терминологии и многообразию научных подходов к определению медиадискурса, а также характеристике ключевых свойств медиатекста как основной единицы медийного дискурса.

Ключевые слова: медийный дискурс, дискурс-анализ, лингвистика СМИ, медиатекст

The article is devoted to a comprehensive linguistic analysis of the phenomenon of media discourse as a key element of modern communication. Particular attention is paid to the debatable issues of terminology and the variety of scholarly approaches to defining media discourse, as well as to the characterization of the key properties of a media text as the basic unit of media discourse.

Keywords: media discourse, linguistics, communication, media texts

Конец XX – начало XXI столетия отмечены бурным развитием массовой коммуникации и цифровых технологий. Эволюция традиционных средств информации – прессы, радио, телевидения – вместе с возникновением и глобальным распространением интернета способствовали формированию целостного информационного поля, особой виртуальной реальности, которая складывается из многочисленных медиапотоков. Эти изменения оказали прямое воздействие на порождение и циркуляцию речи, на характер речевого употребления и вектор языковой эволюции [7].

В современном обществе сфера массовой коммуникации стала основным каналом речевой деятельности. Тексты СМИ, или медиатексты, представляют собой одну из наиболее распространённых форм существования языка, а их общий объём значительно превосходит количество речи, производимой во всех остальных областях человеческого общения. Причём массив текстов, ежедневно создаваемых и распространяемых через медиаканалы, продолжает неуклонно расти [7].

Начиная с 1970-х годов, как в русскоязычной, так и в зарубежной науке регулярно выходят работы, посвящённые функционированию языка в массмедиа [4]. Медиатексты изучаются в рамках разнообразных научных парадигм: социолингвистики, функциональной стилистики, теории дискурса, контент-анализа, когнитивной лингвистики и риторической критики. Учёных интересует широкий спектр проблем: определение функционально-стилевого статуса языка СМИ, методы описания различных типов медиатекстов, влияние социокультурных факторов на медиаречь, а также лингвистические технологии воздействия в медиасреде [7].

В лингвистике дефиниция понятия «медиадискурс» остаётся дискуссионной и значимой проблемой. Это связано с ключевой ролью данного дискурса как зеркала современных языковых норм, основного источника неологизации, инструмента для анализа актуального состояния лексико-грамматического уровня языка и выявления тенденций в специальных переводах [8].

В основе различных трактовок медиадискурса лежат два основных подхода. Первый рассматривает его как особый тип дискурса, который аккумулирует и отражает базовые когнитивные и коммуникативные свойства речемыслительной деятельности, характерные исключительно для сферы масс-медиа. Второй подход определяет медиадискурс как самостоятельный институциональный тип, однако критерии его выделения отличаются от тех, что применяются к классическим институциональным дискурсам (политическому, научному, религиозному и др.) [3].

В рамках нашего исследования мы придерживаемся точки зрения М.Р. Желтухиной и считаем, что под медиадискурсом целесообразно понимать «связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [3].

К числу российских авторов, чьи исследования внесли значительный вклад в исследование медиадискурса, относятся С.И. Бернштейн, Д.Н. Шмелёв, В.Г. Костомаров, Ю.В. Рождественский, Г.Я. Солганик, С.И. Трескова, И.П. Лысакова, Б.В. Кривенко, А.Н. Васильева.

Западная традиция изучения языка СМИ представлена такими именами, как Т. ван Дейк, М. Монтгомери, А. Белл, Н. Фейерклаф, Р. Фаулер и другие [5].

Изучение медийного дискурса во всем многообразии его жанров является одним из ведущих направлений современной лингвистики и в Беларуси. Сегодня белорусских лингвистов интересуют категория интенциональности в медиадискурсе (Т.П. Карпилович), аксиологический аспект дискурса СМИ (Т.В. Подоляк), корреляция дискурсивных категорий в публицистическом дискурсе (И.В. Лешкевич), маркирование актуальной информации в структуре аналитической статьи (Т.А. Сысоева) и многое другое [9].

Ключевой структурной единицей медиадискурса выступает медиатекст. В современной научной традиции этот термин обозначает «динамически сложную единицу высшего порядка, посредством которой реализуется речевое взаимодействие в сфере массовых коммуникаций» [1]. Так, немецкие исследователи Кох и Остеррайхер, анализируя устную и письменную речь, выделяют внутри медийного текста концептуальную устную речь, медийную устную речь и письменную речь [6]. К разряду медиатекстов принадлежат газетно-публицистические тексты, рекламные и PR-тексты, телетексты, интернет-тексты и другие подобные форматы.

Специфика медиатекста обусловлена, главным образом, внешними условиями его функционирования:

- **содержательный аспект:** уникальный тип и характер информации, распространяемой через СМИ;

- **условия производства:** серийный характер создания, ориентация на однократное потребление и быструю замену новым контентом;

- **коллективное авторство:** текст является результатом работы команды специалистов (журналиста, редактора, оператора, режиссера и др.);

- **характер коммуникации:** опосредованное общение с особым типом обратной связи – она часто ограничена, минимальна, отсрочена во времени и пространстве или отсутствует вовсе;

- **роль технического канала:** средства передачи (технологии печати, вещания, цифровой среды) не просто доставляют контент, но и активно формируют его структуру и способ подачи. Одно и то же событие будет представлено по-разному в печатной новости, радиозфире, телесюжете или интернет-публикации;

- **экономическая обусловленность:** финансовые факторы определяют идеологию медиапродукта и влияют на его содержательное и техническое оформление [8].

Т.Г. Добросклонская, рассматривая медиатекст как «сложное, многоуровневое и многомерное явление» [1], предлагает следующую систему параметров: способ производства, форма создания, форма воспроизведения, тематическая доминанта, канал распространения, функционально-жанровый тип текста. В качестве важного статусного параметра медиатекста исследователи выделяют канал распространения – телевидение, радио, СМИ, Интернет, где опредмечивается определенным образом кодировка действительности [8].

Отличительные особенности дискурса средств массовой информации в значительной степени формируются под влиянием специфики текстов (журналистских, рекламных, PR), распространяемых через медиаканалы. Ключевыми характеристиками медиатекста, определяющими его природу, являются:

- **медийность:** свойства текста напрямую зависят от канала коммуникации. Например, текст радионовостей адаптируется для слухового восприятия, а в видеоформате он дополняет и поясняет визуальный ряд;

- **массовость:** эта черта проявляется в двух аспектах: в коллективном авторстве (текст – результат работы редакции, даже при наличии номиналь-

ного автора) и в массовом, но индивидуализированном адресате (информация предназначена широкой аудитории, но потребляется каждым человеком отдельно);

- **интегративность:** медиатекст объединяет разнородные элементы (вербальные, визуальные, звуковые) и различные коды (жанровые, культурные, идеологические) в единое смысловое целое;

- **открытость:** каждый медиатекст является частью глобального информационного потока. Он существует в общем коммуникативном пространстве, что обеспечивает многозначность интерпретаций и широкий диапазон понимания со стороны аудитории;

- **полиинтенциональность:** наличие сложной иерархии целей, формируемой на разных уровнях: общей стратегии медиасферы, политики конкретного издания, особенностей жанра и намерений субъекта речи [8].

В коллективном сознании носителей языка медийный дискурс существует как лингвокультурный концепт и содержит определенные представления о речевом поведении в СМИ как сфере человеческой деятельности. Так, человек обладает знаниями о целях общения, которые заключаются в передаче информации различных типов; имеет наглядные представления о каналах общения в данной области – газете, радио, телевидении, компьютере др., через которые транслируется информация [2].

Современный этап развития коммуникации характеризуется непрерывным расширением системы средств массовой информации. Традиционные форматы (пресса, радио, телевидение) дополняются и трансформируются под влиянием новых технологий – кабельного и спутникового телевидения, интернета, цифровых медиа. В результате понятие «СМИ» становится открытой, динамичной категорией, охватывающей всё многообразие форм, предназначенных для массовой аудитории и производимых коллективно [2].

Актуальные лингвистические исследования медиатекста развиваются в двух взаимосвязанных направлениях. Функциональный подход рассматривает его как продукт речевой деятельности с присущими ему стилистическими особенностями. Прагматический подход фокусируется на коммуникативных интенциях автора, адресности текста и механизмах его воздействия на аудиторию. Особое внимание уделяется культурной специфике: медиатексты не просто фиксируют события, но и насыщают их дополнительными смыслами с помощью особого «медиа-языка» – системы выразительных средств, отражающих ценности и картину мира определённого общества [8].

Этот процесс носит ярко выраженный этнокультурный характер. Как отмечают исследователи, медиадискурс в разных странах строится на различных контекстуальных моделях и фоновых знаниях, разделяемых тем или иным обществом. Авторы текстов опираются на культурные стереотипы, ценности и установки, прогнозируя их наличие у адресата и используя для достижения коммуникативных целей. Таким образом, восприятие информации аудиторией глубоко опосредовано её культурным багажом [9].

Именно поэтому медиадискурс остаётся одним из наиболее актуальных и сложных объектов изучения как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Он представляет собой мощную коммуникативную среду, которая не только транслирует, но и активно формирует культурные коды, отражая и одновременно моделируя ключевые характеристики социума [4].

Литература

1. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь : учеб. пособие / Т. Г. Добросклонская. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 264 с.
2. Жанры современного медийного дискурса [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа : <https://webdissertation.com/teoriya-yazyika/janryi-sovremennogo-mediynogo-133555.html>. – Дата доступа : 04.11.2025.
3. Желтухина, М. Р. Медиадискурс / М. Р. Желтухина // Дискурс-Пи. – 2016. – С. 292–296.
4. Медиадискурс как когнитивно-коммуникативное явление [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа : https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/84695/1/978-5-8295-0708-4_2020_005.pdf. – Дата доступа : 04.11.2025.
5. Медиалингвистика в России и за рубежом: достижения и перспективы [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/medialingvistika-v-rossii-i-za-rubezhom-dostizheniya-i-perspektivy>. – Дата доступа : 04.11.2025.
6. Оломская, Н. Н. К вопросу о жанровой классификации медиадискурса / Н. Н. Оломская // Научный диалог. – 2013. – № 5. – С. 250–259.
7. Роль СМИ в динамике языковых процессов [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-smi-v-dinamike-yazykovykh-protsessov>. – Дата доступа : 04.11.2025.
8. Фомичева, М. П. Медийный дискурс как объект лингвистического исследования / М. П. Фомичева, В. С. Джабраилова // Тенденции развития науки и образования. – 2019. – № 46–3. – С. 56–61.
9. Шевцова, А. К. Теоретические основания социокогнитивного исследования медийного дискурса / А. К. Шевцова // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – VI: сб. науч. ст. / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – С. 32–36.

УДК 811.161.3

Руклянскі Дзмітрый Аляксандравіч

Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова

(г. Магілёў, Рэспубліка Беларусь)

ruklyanskij@bk.ru

ТЭМАТЫЧНАЯ КЛАСІФІКАЦІЯ СУБСТАНТЫЎНАЙ ЛЕКСІКІ Ў МОВЕ “ЛІСТОЎ” Ф.С. КМІТЫ-ЧАРНАБЫЛЬСКАГА

У артыкуле даецца прадметна-тэматычная класіфікацыя субстантыўнай лексікі ў мове “Лістоў”. Устаноўлена, што тэматычнае ядро ўтвараюць групы “Грамадска-

палітычная лексіка” (30,2%) і “Лексіка, якая характарызуе чалавека ў фізічных, псіхічных і інтэлектуальных адносінах” (21,9%). Астатнія тэматычныя групы (ад 9,0% да 1,5%) далучаюцца да ядзерных. У лексічным складзе “Лістоў” адлюстроўваецца шматслойная моўная карціна свету другой паловы XVI ст.

Ключавыя словы: старабеларуская мова, Ф.С. Кміта-Чарнабыльскі, “Лісты”, субстантыўная лексіка, лексічна-тэматычная група, моўная карціна свету

The purpose of the study is to give a subject-thematic characteristic of the substantive vocabulary of the “Letters”, defining the thematic core of the monument. The study found that the thematic core of the monument is formed by “Socio-political vocabulary” – 30.2% and “Vocabulary characterizing a person in physical, mental and intellectual relationships” – 21.9%. The remaining thematic groups (from 9.0% to 1.5%) are adjacent to the main ones, resulting in a multi-layered linguistic picture of the world of the second half of the 16th century.

Keywords: the Old Belarusian language, F.S. Kmita-Chernobylsky, “Letters”, substantive vocabulary, lexical-thematic group, picture of the world

У лексічны склад “Лістоў” уваходзіць 1633 лексічныя адзінкі, сярод іх 663 назоўнікі (з якіх 535 агульных, 128 – уласных), 526 дзеясловаў, 222 прыметнікі, 78 прыслоўяў, 43 злучнікі, 33 прыназоўнікі, 18 лічэбнікаў, 17 часціц, 3 прэдыкаты. Субстантыўная лексіка як адна з найбольш буйных у колькасных адносінах частак лексічнага складу помніка патрабуе асобнага прадметна-тэматычнага апісання для рэканструкцыі моўнай карціны свету аўтара “Лістоў”.

Мэта даследавання – даць прадметна-тэматычную характарыстыку субстантыўнай лексікі “Лістоў” і вызначыць лексічна-тэматычнае ядро помніка. Матэрыялам для даследавання паслужылі тэксты “Лістоў”, якія былі падрыхтаваны да публікацыі А.Ф. Коршунавым, у выданні “Помнікі старажытнай пісьменнасці” (1975) [1, С. 41–103]. Лексічныя значэнні слоў вызначаліся паводле даведніка “Гістарычны слоўнік беларускай мовы” (1982–2017) [2].

Даследаванне паказала, што найбольш значнай у колькасных адносінах з’яўляецца тэматычная група “Грамадска-палітычная лексіка”, якая размяжоўваецца на 11 лексічна-тэматычных падгруп (далей – ЛТП): назвы аспектаў і рэальнай службовай дзейнасці (30,2%): **зачепка** ‘перашкода, заміна, затрымка’ (Л 15, тут і далей Л – Ліст), **обварунок** ‘умацаванне’ (Л 23), **стаража** ‘ахоўванне, вартаванне’ (Л 19) і інш.; назвы палітычна- і адміністрацыйна-тэрытарыяльных адзінак (16%): **королевство** (Л 12), **слобода** ‘пасёлак, жыхары якога не былі прыгоннымі’ (Л 1), **царство** (Л 1) і інш.; назвы асоб па сацыяльным становішчы (12%): **владыка** ‘гаспадар’ (Л 15), **государь** ‘гаспадар, галава манархічнай дзяржавы’ (Л 3), **королева** ‘каралева’ (Л 21) і інш.; назвы асоб па службовых абавязках (10,3%): **жылец** ‘той, хто знаходзіцца на службе пры кім-н.’ (Л 8), **приставщик** ‘службовая асоба’ (Л 5), **хлопец** ‘слуга’ (Л 5), (Л 13) і інш.; назвы аспектаў і рэальнай знешнепалітычнай дзейнасці (7,4%): **мир** ‘адсутнасць вайны’ (Л 1), **пожытё** ‘мірнае суіснаванне’ (Л 23), **уния** ‘аб’яднанне дзяржаў, саюз дзяржаў’ (Л 4); назвы асоб па этнічнай прыналежнасці (6,9%): **литвин** ‘прадстаўнік этнічнай Літвы’ (Л 19), **москви-**

тинь ‘выхадзец з Маскоўскай дзяржавы’ (Л 14), **нагаець** ‘нагаец’ (Л 1) і інш.; назвы асоб па адміністрацыйных пасадах (6,9%): **воевода** ‘начальнік горада і гарадской акругі’ (Л 8), **канцлерь** ‘канцлер, кіраўнік дзяржаўнай канцылярыі, які выконваў функцыі міністра ўнутраных і замежных спраў’ (Л 16), **маршалоць** ‘міністр пры каралеўскім двары’ (Л 13) і інш.; назвы асоб па месцы жыхарства (4%): **волощанинь** ‘жыхар воласці’ (Л 8), **мещанинь** ‘жыхар горада’ (Л 9), **обователь** ‘насельнік, жыхар пэўнай мясцовасці’ (Л 17) і інш.; назвы сімвалаў і атрыбутаў улады (2,9%): **казня** ‘грошы і іншая маёмасць, якая належала князю, царкве, дзяржаве’ (Л 1), **коруна** ‘каштоўны галаўны ўбор, карона’ (Л 9), **столица** ‘трон, прастол’ (Л 3); назвы форм калектыўнага прыняцця рашэнняў (2,3%): **зьездь** ‘сход духоўных ці свецкіх асоб для вырашэння якіх-н. спраў’ (Л 30), **конвокацья** ‘сейм, скліканы напярэдадні выбараў’ (Л 30), **сеймык** ‘з’езд шляхты або ваяводства’ (Л 19) і інш.; назвы легітыўных форм каралеўскай улады (1,1%): **корунацья** ‘каранацья’ (Л 2), **панованіе** ‘уладарства’ (Л 8).

Дастаткова шырока прадстаўлена тэматычная група “Лексіка, якая характарызуе чалавека ў фізічных, псіхічных і інтэлектуальных адносінах” (21,9%), у яе межах вылучаюцца 6 ЛТП: назвы пачуццяў, эмацыянальнага стану, рыс характару, разумовых здольнасцей чалавека (63,2%): **вдячність** ‘добрабычлівасць’ (Л 19), **обелживость** ‘абраза, знявага’ (Л 19), **послушенство** ‘паслухмянасць’ (Л 19) і інш.; назвы фізічных якасцей і стану чалавека (12,0%): **голодь** (Л 10), **здоровіе** (Л 9), **неспане** ‘няспанне’ (Л 6) і інш.; назвы асоб па роднасці і сваяцтве (9,4%): **братъ** (Л 19), **внуць** (Л 19), **матухна** (Л 19) і інш.; назвы частак цела чалавека (7,7%): **зубъ** (Л 13), **колєно** (Л 14), **нога** (Л 19) і інш.; агульныя назвы асоб (6,0%): **выростокъ** ‘падлетак’ (Л 4), **дитя** ‘дзіця ранняга ўзросту’ (Л 19), **невєста** ‘жанчына’ (Л 19) і інш.; назвы асоб па пэўных прыкметах (1,7%): **гость** ‘госць, наведвальнік’ (Л 7), **суседь** ‘сусед’ (Л 2).

Тэматычная група “Эканамічная лексіка” (9,0%) уключае 9 ЛТП, якія называюць або характарызуюць маёмасныя адносіны, іх арганізацыю (20,9%): **долгъ** ‘тое, што пазычана або ўзята ў пазыку’ (Л 5), **застава** ‘заклад, залог’ (Л 16), **опатрєніє** (**опатрєньє**, **опатрєнє**) ‘забеспячэнне чым-н., матэрыяльнымі сродкамі’ (Л 28) і інш.; гандлёвыя і фінансавыя аперацыі, іх вынікі (14,6%): **коштъ** ‘выдаткі’ (Л 13), **накладъ** ‘выдатак, расход’ (Л 13), **фрмаркъ** ‘абменны гандаль’ (Л 4) і інш.; падаткі, пошліны і плацяжы (12,5%): **дань** ‘падатак’ (Л 7), **обходъ** ‘падатак’ (Л 19), **подвода** ‘асобая павіннасць цяглых людзей: абавязак пастаўлення коней для перавозу службовых асоб і грузаў’ (Л 24) і інш.; розныя віды маёмасці (12,5%): **имєніє** ‘зямельнае ўладанне, маёнтак’ (Л 16), **маєтність** ‘маёмасць’ (Л 13), **отчызна** ‘спадчына’ (Л 4) і інш.; адзінкі вымярэння і лічэння (10,4%): **локоть** ‘мера, якая адпавядае даўжыні рук да канца сярэдняга пальца, роўная прыблізна 14 вяршкам (45–47 см.)’ (Л 9), **мера** ‘велічыня, памер чаго-н.’ (Л 9), **верста** (Л 7) і інш.; грашовыя адзінкі (10,4%):

грошъ ‘старажытная літоўская і польская грашовая адзінка рознай вартасці’ (Л 16), **копа** ‘грашовая адзінка, якая змяшчала шэсцьдзясят грошаў’ (Л 16), **пенезъ** ‘манета ў Вялікім Княстве Літоўскім’ (Л 20) і інш.; асоб, якія ўдзельнічалі ў эканамічным жыцці, камерцыйнай і фінансавай дзейнасці (8,3%): **ангилейшыкъ** ‘гандлёвы агент’ (Л 9), **купецъ** ‘купец, гандляр’ (Л 7), **поборца** ‘зборшчык падаткаў’ (Л 17) і інш.; формы перадачы каштоўнасцей (6,2%): **данина** ‘дар, падарунак’ (Л 4), **даръ** ‘дар, паднашэнне, падарунак’ (Л 7), **поменокъ** ‘дар, падарунак; від падатку’ (Л 3); эканамічнае становішча асобы (4,2%): **убоство** ‘беднасць’ (Л 16), **нендза** ‘беднасць’ (Л 19).

Тэматычная група “Ваенная лексіка” (7,5%) размяжоўваецца на 8 ЛТП: назвы ўдзельнікаў ваенных падзей (27,5%): **вязень** ‘палонны’ (Л 15); **гетманъ** ‘гетман, камандуючы войскамі ў краіне’ (Л 13), **пушкарь** ‘артылерыст’ (Л 17) і інш.; назвы частак і дэталей агнястрэльнай і халоднай зброі, кідальных снарадаў і ваенных прыстасаванняў (20%): **дело** ‘гармата’ (Л 15), **куля** ‘ядро, куля, бомба’ (Л 2), **ножь** (Л 7) і інш.; назвы абарончых збудаванняў (17,5%): **валь** ‘насып для абароны ў час вайны’ (Л 6), **гуляй-городъ** ‘рухомае абарончае збудаванне’ (Л 12), **обланокъ** ‘зубчатая сцяна, умацаванне’ (Л 17) і інш.; назвы войска і асобных яго частак (15%): **войско** (Л 1), **золога** ‘гарнізон’ (Л 8), **полкъ** (Л 12) і інш.; назвы паняццяў ваеннай стратэгіі і тактыкі (7,5%): **облежение** ‘акружэнне, асада’ (Л 2), **оборона (оброна)** ‘адбіццё нападу ворагаў’ (Л 17), **фортель** ‘хітрасць, выкрутас’ (Л 13); назвы вынікаў ваенных дзеянняў (5%): **везене** ‘палон’ (Л 1), **полонъ** ‘ваенная здабыча, тое, што захоплена’ (Л 3); назвы ўзброенага сутыкнення (5%): **битва** (Л 13), **война** (Л 9); назвы, якія характарызуюць колькасць або інтэнсіўнасць ваенных сіл (2,5%): **множество** (Л 15).

Тэматычная група “Бытавая лексіка” (5,8%) прадстаўлена 8 ЛТП: назвы ежы і пітва, іх складнікаў (41,9%): **брага** (Л 7), **вода** (Л 19), **каша** (Л 19) і інш.; назвы адзення і абутку (22,5%): **ботъ** ‘боты’ (Л 19), **ермякъ** ‘армяк, даўгаполая вопратка з тоўстага сукна’ (Л 7), **шлыкъ** ‘высокая мужчынская футравая шапка’ (Л 1) і інш.; назвы тканін і іншых каштоўных вырабаў (13,0%): **аксамить** ‘аксаміт’ (Л 1), **злотоглавь** ‘назва тканіны з залатой ніткай’ (Л 1), **соболь** ‘футра собаля’ (Л 9) і інш.; назвы прадметаў гаспадарчага ўжытку (6,5%): **дрова** (Л 2), **поврозъ** ‘вяроўка’ (Л 19); назвы транспартных сродкаў і іх частак (6,5%): **возокъ** ‘вазок, лёгкія сані, спецыяльна абсталяваныя для выезду’ (Л 15), **подвода** ‘воз, падвода’ (Л 3); назвы прадметаў кухоннага ўжытку (3,2%): **горшечокъ** (Л 19); назвы месцаў і прадметаў, звязаных з пахаваннем і памяццю аб памерлых (3,2%): **могила** ‘месца пахавання’ (Л 14); Назвы, якія характарызуюць вонкавы выгляд, параметры, канфігурацыю прадметаў (3,2%): **форма** ‘знешні выгляд’ (Л 9).

Тэматычная група “Тэмпаральная лексіка” (5,4%) уключае 6 ЛТП: назвы месяцаў (34,6%): **августъ** (Л 18), **апрель** (Л 10), **генваръ** ‘снежань’ (Л 1) і

інш.; назви тидня і дзён тидня (24,1%): **второкъ** ‘аўторак’ (Л 5), **неделя** ‘нядзеля; тидзень’ (Л 27, 21), **понеделокъ** (Л 18) і інш.; назвы часавых паняццяў (20,7%): **векъ** ‘час’ (Л 4), **время** ‘час’ (Л 21), **годъ** (Л 15), (Л 7) і інш.; назвы часавых паняццяў у межах сутак (10,3%): **день** ‘суткі; календарная дата’, **ночь** (**ночь**) (Л 20), **обедъ** (Л 10); назвы адзінак вымярэння часу (6,9%): **година** (Л 24), **месяць** ‘месяц, адзінка вымярэння часу’ (Л 1); назвы пор года (3,4%): **лето** ‘лета’ (Л 7).

Тэматычная група “Канцылярская лексіка” (5,2%) уключае 5 ЛТП: назвы дакументаў і іх частак (75%): **аспектатива** ‘каралеўскі прывілей’ (Л 19), **кглейтъ** ‘ахоўная грамата, пропуск для свабоднага праезду’ (Л 26), **мамранъ** ‘дакумент на пергаменце’ (Л 1) і інш.; назвы асоб, звязаных са справаводствам (7,1%): **писаръ** (Л 1), **секретаръ** ‘сакратар’ (Л 18); назвы прадметаў канцылярскага ўжытку (7,1%): **паперъ** ‘папера’ (Л 16), **печать** ‘прылада з выразанымі выпуклымі знакамі для аддзісання на паперы, пергаменце, воску, свінцы, сургучы; адбітак пячаці (пячаткі) на паперы, пергаменце або на прывешаным да дакумента кавалку воску, свінцу, сургучу для сведчання чаго-н.’ (Л 14); назвы, звязаныя з падрыхтоўкай і напісаннем дакументаў (7,1%): **подписание** (ад **подписатьи**) ‘падпісаць, паставіць подпіс для пацвярджэння чаго-н.’ (Л 6); **шэрокость** ‘падрабязнасць пісьмовага выкладу’ (Л 6); назвы ўстаноў, звязаных з дзяржаўным кіраваннем і справаводствам (3,7%): **канцелярия** (**канцелярыя**) (Л 4).

Тэматычная група “Рэлігійная лексіка” (4,5%) уключае 7 ЛТП: абстрактныя паняцці, звязаныя з рэлігійным вучэннем (50%): **благословенство** (**благославленство**) ‘благаслаўленне’ (Л 3), **герезъ** ‘ерась’ (Л 19), **грехопадение** ‘ўпадзенне ў грэх’ (Л 19) і інш.; назвы царкоўных свят, памятных дат (20,8%): **вилая** ‘дзень перад якім-н. святам’ (Л 1), **день** ‘дата нараджэння, свята памяці або шанавання якога-н. святога ці евангельскай падзеі’ (Л 1), **Покровъ** (Л 23); назвы асоб па адносінах да рэлігійнага вучэння і па паводзінах згодна з хрысціянскім светаўспрыманнем (8,3%): **пророкъ** (Л 19), **рабъ** ‘хрысціянін’ (Л 13); найменні Вярхоўнай Істоты (8,3%): **богъ** (Л 13), **господь** (Л 19), **збавитель** ‘збавіцель, выратавальнік’ (Л 19); найменні біблейскіх постацей (4,2%): **дъябель** (Л 19); імёны святых (4,2%): **законодавца** (магчыма, маецца на ўвазе прарок Маісей) (Л 19); назвы культавых пабудов і іх частак (4,2%): **шпиталь** ‘багадзельня’ (Л 16).

Тэматычная група “Юрыдычная лексіка” (3,9%) уключае 7 ЛТП: назвы злачынстваў і дзеянняў, якія сталі прычынай судовага разбіральніцтва (52,3%): **бурда** ‘разлад, сварка’ (Л 17), **втискъ** (**утискъ**) ‘прыгнёт’ (Л 17), **гвалтъ** (**кгвалтъ**) ‘гвалт, беззаконны напад на каго-н. або захоп чужой маёмасці’ (Л 17) і інш.; назвы складнікаў выканаўчай і следчай дзейнасці судовых органаў (23,7%): **врадъ** (**урадъ**, **урядъ**) ‘адміністрацыйна-судовая ўстанова’ (Л 17), **вырокъ** ‘рашэнне, пастанова’ (Л 16), **позва** ‘выклік у суд’ (Л 16); на-

звы судовых работнікаў (4,8%): **возный** ‘судовы выканаўца’ (Л 17); назвы парушальнікаў закону (4,8%): **осуженный** ‘той, каму вынесены прысуд’ (Л 16); агульныя і прыватныя назвы судаводства (4,8%): **право** ‘суд, судовы орган’ (Л 17); назвы месцаў адбывання пакарання (4,8%): **турма** ‘месца зняволення’ (Л 14); назвы паняццяў, якія абазначаюць права на што-н., валоданне чым-н. (4,8%): **вечность** ‘бестэрміновае права валодання’ (Л 4).

Тэматычная група “Прыродазнаўчая лексіка” (2,6%) уключае 4 ЛТП: назвы жывых істот і частак іх цела (64,3%): **бестыя** ‘жывёла’ (Л 10), **вольт** (Л 13), **шкапа** ‘кляча’ (Л 10) і інш.; назвы элементаў зямнога рэльефу (14,3%): **дорога** ‘паласа зямлі, прыстасаваная для язды і хадзьбы’ (Л 10), **земля** ‘верхні слой зямной кары’ (Л 13); назвамі водных аб’ектаў (14,3%): **омуть** (Л 19), **река** (Л 18); назвамі раслін, дрэў, іх частак, пладоў (7,1%): **травя** (Л 14).

Тэматычная група “Прафесійна-вытворчая лексіка” (1,5%) уключае 3 ЛТП: назвы жылых і гаспадарчых пабудов і іх частак (75%): **ворота** (Л 19), **домъ** (Л 13), **комора** ‘невялікі пакой’ (Л 13), **корчма** ‘карчма, пітны дом з начлегам’ (Л 16); назвы асоб па прафесійнай прыналежнасці і родзе заняткаў (12,5%): **баба** ‘знахарка, чараўніца’ (Л 13); назвы прылад для працоўнай дзейнасці і іх частак (12,5%): **топорыще** ‘тапарышча’ (Л 13).

Як бачым, субстантыўная лексіка ў мове “Лістоў” характарызуецца дакладна структураванай тэматычнай іерархіяй, у якой тэматычныя групы “Грамадска-палітычная лексіка” – 30,2% і “Лексіка, якая характарызуе чалавека ў фізічных, псіхічных і інтэлектуальных адносінах” – 21,9% складаюць больш за палову фонду субстантыўнай лексікі і ўтвараюць ядро ў моўнай карціне свету аўтара. Іх дамінаванне можна падмацаваць, з аднаго боку, службова-справавым характарам помніка, з другога, высокай ступенню інстытуцыяналізацыі грамадскага жыцця другой паловы XVI ст. Акрамя гэтага перавага ў складзе тэматычнай групы “Лексіка, якая характарызуе чалавека ў фізічных, псіхічных і інтэлектуальных адносінах” ЛТП “Назвы пачуццяў, эмацыянальнага стану, рыс характару, разумовых здольнасцей чалавека” – 63,2% указвае на наяўнасць у “Лістах” асабістай аўтарскай карціны свету, якая адлюстроўвае суб’ектыўнае ўспрыманне навакольнай рэчаіснасці самім Ф.С. Кмітам-Чарнабыльскім як удзельнікам падзей, што апісваюцца ў помніку, і можа быць абумоўлена эпістальнай формай выкладання інфармацыі.

Астатнія тэматычныя групы (лексіка эканамічная – 9,0%, ваенная – 7,5%, бытавая – 5,8%, тэмпаральная – 5,4%, канцылярская – 5,2%, рэлігійная – 4,5%, юрыдычная – 3,9%, прыродазнаўчая – 2,6%, прафесійна-вытворчая – 1,5%) знаходзяцца на перыферыі тэматычнай іерархіі помніка. Тэматычная разнастайнасць лексічнага складу “Лістоў” адлюстроўвае шматслойную моўную карціну свету другой паловы XVI ст.

Даследаванне выканана ў межах навуковага гранта Беларускага рэспубліканскага фонду фундаментальных даследаванняў на 2025–2027 гг. (навуковы праект Г25М-053).

Літаратура

1. Помнікі старажытнай беларускай пісьменнасці / склаў А. Ф. Коршунаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1975. – 248 с.
2. Гістарычны слоўнік беларускай мовы : вып. 1–37 / рэд. А. І. Жураўскі, А. М. Булыка. – Мінск : Навука і тэхніка; Беларуская навука, 1982–2017.

УДК 81'27:659.1

Шаблинская Вероника Александровна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Республика Беларусь)
nekachan1001@gmail.com

ЭМОТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЕ (СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ПРАГМАТИЧЕСКАЯ РОЛЬ)

Статья посвящена выявлению специфики функционирования и прагматической роли эмотивных глаголов в современной англо- и русскоязычной рекламе. На материале корпуса из 50 рекламных роликов выявляются основные функции эмотивных глаголов, предлагается их классификация по типам выражения эмоций, воздействию на аудиторию и сфере применения. Проводится сравнительный анализ, выявляющий как универсальные закономерности, так и культурно-обусловленные различия в использовании данного лингвистического средства в рекламном дискурсе двух языков. Установлено, что эмотивные глаголы являются ключевым инструментом создания эмоциональной связи с потребителем. При этом в англоязычной рекламе акцент делается на продвижении конкретного товара, а в русскоязычной – на формировании имиджа бренда или компании.

Ключевые слова: эмотивные глаголы, рекламный дискурс, прагматика, эмоциональное воздействие, англоязычная реклама, русскоязычная реклама

The article is devoted to identification the specifics of functioning and pragmatic role of emotive verbs in modern English- and Russian-language advertising. The material of 50 commercials the main functions of emotional verbs are revealed, their classification is proposed by types of expression of emotions, impact on the audience and scope of application. A comparative analysis is carried out, which identifies both the universal regularities and cultural differences in the use of this linguistic medium in the advertising discourse of two languages.

Keywords: emotive verbs, advertising discourse, pragmatics, emotional impact, English-language advertisement, Russian-language advertisement

В условиях перенасыщенного информационного пространства эффективность рекламы определяется её способностью вызывать эмоциональный отклик у потребителя. Эмоциональный маркетинг, апеллирующий к чувствам, желаниям и стремлениям аудитории, становится доминирующей стратегией. Важнейшим лингвистическим инструментом реализации этой

стратегии выступают эмотивные глаголы, обладающие способностью непосредственно выражать и вызывать чувства. Несмотря на обширные исследования эмотивности, специфика функционирования эмотивных глаголов в сравнительном аспекте англо- и русскоязычного рекламного дискурса изучена недостаточно.

Цель исследования – выявить и сопоставить специфику функционирования и прагматическую роль эмотивных глаголов в современной англо- и русскоязычной рекламе.

Эмпирическую базу составил корпус из 50 рекламных видеороликов (25 англоязычных и 25 русскоязычных), отобранных методом случайной выборки с ресурсов Ads of the World и YouTube. Основным критерием отбора было наличие эмотивных глаголов. В исследовании применялись методы описательного, сравнительно-сопоставительного и количественного анализа.

Несмотря на близость к понятию «текст», используемый в современной лингвистике термин «дискурс» делает акцент на динамике и процессуальности речевого взаимодействия. Если «текст» чаще понимается как некий завершённый продукт, статический объект, то «дискурс» включает в себя элемент развертывания во времени. Ряд ученых трактуют дискурс как единство этих двух составляющих – живого процесса языковой активности, погруженного в социальный контекст, и его результата, то есть текста. Именно такое понимание, как правило, считается наиболее предпочтительным [1].

В.Н. Бабаян дает дискурсу следующее определение: дискурс – это связанный текст, понимаемый нами как семантически и грамматически связанная последовательность предложений-высказываний (реплик), в устной или письменной, монологической или диалогической форме, обращенный к слушателю/читателю/наблюдателю, отражающий целостную коммуникативно-речевую ситуацию и учитывающий в качестве экстралингвистических факторов всех ее участников [2].

Понятие рекламного дискурса тесно связано с понятием рекламы. Реклама – это платные сообщения, распространяемые через средства массовой информации и финансируемые теми, от кого они исходят (спонсорами) [3]. Рекламные сообщения могут быть реализованы в различных форматах. Одним из ключевых достоинств рекламы считается возможность охватить большое количество потенциальных клиентов при относительно низкой стоимости привлечения каждого из них. Однако, следует учитывать, что реклама также имеет свои минусы. К ним можно отнести: значительные финансовые вложения на старте кампании, невозможность оперативной обратной связи с аудиторией, как в случае личного общения, и трудности с персонализацией рекламного сообщения. Кроме того, в некоторых ситуациях, личный контакт с покупателем оказывается более эффективным инструментом стимулирования продаж, чем реклама.

В обширном и многогранном поле лингвистики, где язык рассматривается как система знаков, средство коммуникации и инструмент познания, особое место занимает изучение эмотивности. Эмотивность как фундаментальная характеристика языка выходит за рамки простого описания и анализа грамматических конструкций и лексических единиц. Она проникает в самую суть человеческого общения, отражая и формируя наше эмоциональное восприятие мира.

Эмотивность – это не просто способность языка передавать информацию об эмоциях, это гораздо более глубокое и многогранное явление. Она охватывает широкий спектр языковых средств и приемов, с помощью которых выражаются, вызываются и интерпретируются эмоции. Это сложная система, которая включает в себя как непосредственно выражающие эмоции языковые единицы (например, междометия, эмоционально-оценочную лексику), так и те, которые приобретают эмоциональную окраску в определенном контексте или ситуации.

Эмотивность – это лингвистическое явление, характеристика языковых средств, которые используются для выражения эмоций в речевом акте, оказывают эмоциональное воздействие на читателя или показывают эмоциональное отношение к объекту. Эмотивность – именно вербальное выражение эмоций. Следовательно, эмоции, имея словесное воплощение, проявляются на языковом уровне посредством эмотивности [4].

Анализ материала позволил выделить ключевые прагматические функции эмотивных глаголов. Побуждение к покупке: глаголы формируют прямую или косвенную мотивацию к действию (e.g., «Enjoy the meal», «Хочется быстрее? Переходи на Мегафон»). Создание эмоциональной связи: глаголы способствуют установлению доверительных отношений между брендом и потребителем (e.g., «We care about you», «Добрые дела любят тишину»). Формирование позитивного отношения: через ассоциацию продукта с положительными переживаниями (e.g., «I love Chanel», «Роллтон любят за вкус»). Создание запоминающегося контента: использование ярких, интенсивных глаголов для усиления воздействия и повышения запоминаемости сообщения. Количественный анализ показал, что функции побуждения, создания эмоциональной связи и формирования позитивного отношения являются наиболее частотными (по 25% каждая).

На основе исследованного материала предложена многомерная классификация эмотивных глаголов. По типу выражения эмоций: позитивные (love, enjoy, хотеть, нравиться) – 70%; негативные (hate, fear, бояться) – 30%. По типу воздействия на аудиторию: экспрессивные (выражают эмоцию говорящего) – 72%; побудительные (напрямую призывают приобрести продукт/услугу) – 22%; убеждающие (убеждают в необходимости приобретении продукта/услуги) – 6%. По сфере применения: наиболее активны в рекламе продуктов

питания (52%) и косметики/парфюмерии (44%); реже используются в рекламе страховых услуг и автомобилей (по 2%).

Сравнительный анализ показал, что общими для обоих дискурсов являются ключевые функции эмотивных глаголов и высокая частотность базовых лексем love / любить и enjoy / наслаждаться. Основное различие заключается в фокусе рекламного сообщения. В англоязычном дискурсе эмотивные глаголы чаще используются для продвижения конкретного товара (бургер McCrispy, духи Chanel, попкорн SkinnyPop), через который формируется отношение к бренду. В русскоязычном дискурсе акцент смещен на рекламу самой компании, бренда или услуги (М.Видео, МТС, СберМегаМаркет), а эмотивные глаголы призваны сформировать лояльность к организации в целом. Это различие может быть обусловлено разными стадиями развития рынка и потребительских культур, где в одном случае акцент делается на продуктовых инновациях, а в другом – на укреплении доверия к поставщику услуг.

Проведенное исследование подтвердило, что эмотивные глаголы являются мощным и многогранным инструментом прагматического воздействия в рекламном дискурсе. Они выполняют функции побуждения, установления эмоциональной связи, формирования позитивного имиджа и повышения запоминаемости рекламы. Универсальной тенденцией является доминирование глаголов, выражающих позитивные эмоции, сильной и средней интенсивности, используемых в экспрессивной функции.

Культурно-специфическая особенность заключается в различном объекте рекламирования: в англоязычном материале – это конкретный продукт как носитель эмоциональной ценности, в русскоязычном – компания или бренд как источник надежности и положительных эмоций. Полученные результаты могут быть использованы в практике копирайтинга, межкультурной рекламной коммуникации и дальнейших лингвистических исследованиях дискурса.

Литература

1. Хурматуллин, А. К. Понятие дискурса в современной лингвистике [Электронный ресурс] / А. К. Хурматуллин // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 151. – № 6. – С. 31–37.
2. Бабаян, В. Н. Различные подходы к определению понятия «Дискурс» и его основные характеристики [Электронный ресурс] / В. Н. Бабаян // Верхневолжский филологический вестник. – 2017. – № 1. – С. 76–81.
3. Трацевская, Л. Ф. Основы маркетинга и рекламы: учеб.-метод. комплекс / Л. Ф. Трацевская. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2024. – 43 с.
4. Петрова, Е. А. Понятие эмотивности в современной лингвистике / Е. А. Петрова // Перевод и межкультурная коммуникация: теория и практика. – 2020. – № 7. – С. 69–74.

Шаршнёва Вольга Мікалаеўна
Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова
(г. Магілёў, Рэспубліка Беларусь)
omam17081971@gmail.com

ЛІНГВАСТАТЫСТЫЧНЫ НАПРАМАК ДАСЛЕДАВАННЯ ІНДЫВІДУАЛЬНАГА АЎТАРСКАГА СТЫЛЮ

У артыкуле ідзе гаворка пра статыстычныя метады ў сучасных лінгвістычных даследаваннях, прымяненне якіх пры мадэляванні спецыфікі індывідуальнага аўтарскага стылю паўплывала на ўзнікненне цэлых напрамкаў вывучэння яго графіка-фанетычных, лексіка-семантычных, сінтаксічных, кампазіцыйных асаблівасцей. Указваюцца перавагі і недахопы лінгвастатыстычнага аналізу. Сцвярджаецца неабходнасць выкарыстання названага напрамку ў комплексе з іншымі метадамі, уключаючы інтэрпрэтацыйны аналіз і ўлік кантэксту.

Ключавыя словы: лінгвастатыстычны, індывідуальны аўтарскі стыль (ідыястыль), мастацкі тэкст, метад даследавання

The article discusses statistical methods in modern linguistic research, the use of which in modeling the specifics of an individual author's style influenced the emergence of whole directions of studying its graphic-phonetic, lexical-semantic, syntactic and compositional features. Advantages and disadvantages of linguistic statistical analysis are indicated. The necessity of using this direction in combination with other methods, including interpretive analysis and taking into account the context, is confirmed.

Keywords: linguistic statistics, individual authorial style (idiostyle), literary text, research method

Значнае месца ў сучаснай лінгвістыцы мастацкага тэксту наогул і ў вывучэнні індывідуальнага аўтарскага стылю ў прыватнасці займаюць лінгвастатыстычныя даследаванні, у аснову метадалогіі якіх пакладзены статыстычныя метады апрацоўкі даных, якія дазваляюць вызначыць частотнасць выкарыстання ў мастацкім тэксце тых ці іншых слоў, фраз, сінтаксічных канструкцый. Аднаводна, аб'ектамі лінгвастатыстычнага аналізу з'яўляюцца лексічныя, фразеалагічныя, граматычныя сродкі, якія адрозніваюць маўленне аднаго пісьменніка ад другога. Даследаванне частаты выкарыстання пэўных гукаў, слоў, граматычных формаў і сінтаксічных канструкцый дазваляе скласці статыстычны профіль аўтарскага стылю. Важным этапам з'яўляецца параўнанне атрыманых даных з адпаведнымі паказчыкамі іншых аўтараў або з літаратурнай нормай, што дазваляе выявіць адметнасці і індывідуальныя рысы. Лінгвастатыстычны напрамак даследавання індывідуальнага аўтарскага стылю засяроджваецца на колькасных паказчыках моўных адзінак як на сродку аб'ектывацыі і выяўлення спецыфікі манеры пісьма пэўнага аўтара. Такі падыход дазваляе выявіць заканамернасці ў выкарыстанні моўных сродкаў, якія могуць не быць відавочнымі пры традыцыйным аналізе тэксту.

Да найбольш актыўных статыстычных метадаў, якія выкарыстоўваюцца ў сучасных даследаваннях, адносяцца наступныя: *частотна-лексічны* аналіз, накіраваны на выяўленне частаты выкарыстання характэрных для пэўнага аўтара лексічных, марфалагічных ці сінтаксічных адзінак; *структурны* аналіз, які прадугледжвае колькасную характарыстыку структуры тэксту (напрыклад, аб'ём абзацаў, даўжыня сказаў, частата выкарыстання сказаў пэўнага тыпу і інш.), асноўных тэматычных напрамкаў і сэнсавых блокаў, спосабаў камунікацыі (дыялагічнае маўленне, выражэнне звароту); *фармальны* аналіз, які прадугледжвае ўстанаўленне тыповых для аўтара слова- або формаўтваральных марфем і, адпаведна, спосабаў словаўтварэння; *канцэптуальны* аналіз, звязаны з апісаннем асноўных канцэптаў, кагнітыўных структур, разнастайных праяў вобразнага мыслення аўтара; *маркемалагічны* аналіз, які дазваляе распазнаваць словы, выразы ці іншыя вербальныя і невербальныя элементы, якія могуць быць сродкамі фарміравання індывідуальнага аўтарскага стылю; *класіфікацыйны* аналіз, арыентаваны на высвятленне заканамернасцей і тэндэнцый у выкарыстанні моўных сродкаў; *генеалагічны* аналіз, які выкарыстоўваецца пры даследаванні паходжання пэўных моўных адзінак або эвалюцыі аўтарскага ідыястылю.

Прымяненне лінгвастатыстычных метадаў патрабуе выкарыстання сучасных камп'ютарных тэхналогій і спецыялізаванага праграмнага забеспячэння. Аўтаматызаваны аналіз вялікіх масіваў тэкставых даных дазваляе значна скараціць час і павысіць дакладнасць даследавання. Асабліваю каштоўнасць уяўляюць інструменты для аўтаматычнага вызначэння марфалагічных і сінтаксічных характарыстык слоў, што дазваляе праводзіць дэталёвы аналіз структуры тэксту.

Названыя метады накіраваны на механічнае супастаўленне тэкстаў аднаго аўтара і тэкстаў розных аўтараў і дазваляюць выявіць своеасаблівае ідыястылю праз аналіз кантэкстаў частотнай лексікі, тэматычных блокаў, эмацыянальных апэрак шляхам вылучэння “дамінантных сфер тэкстаў” па выніках “колькаснай апрацоўкі і кантэкстуальнага аналізу”, калі “творчасць пісьменніка становіцца аб'ектам статыстычных вымярэнняў” [1, с. 182].

Прымяненне гэтых метадаў для мадэлявання спецыфікі індывідуальнага аўтарскага стылю паўплывала на ўзнікненне цэлых напрамкаў вывучэння графіка-фанетычных, лексіка-семантычных, сінтаксічных, кампазіцыйных асаблівасцей [2, с. 9]. Метадалогія лінгвастатыстычных даследаванняў ідыястылю абапіраецца на электронны аналіз тэкставага матэрыялу з прымяненнем статыстычных метадаў для выяўлення заканамернасцей у выкарыстанні пісьменнікам пэўных моўных сродкаў.

Сучасныя лінгвістычныя даследаванні ілюструюць схільнасць да фармалізацыі апісання разнастайных моўных з'яў, абумоўленую “магчымасцямі аўтаматызаванай апрацоўкі тэксту, корпуснай лінгвістыкі і

ідэаграфічнай лексікаграфіі” [3, с. 3]. Такая схільнасць накіроўвае вучоных не толькі да выяўлення індывідуальнасці асобнага аўтара, асобнага твора, але і да аналізу спецыфікі індывідуальна-аўтарскіх мастацкіх сістэм.

У замежнай лінгвістыцы адзначаецца актыўнае развіццё стыламетрыі, якая падразумявае аўтаматычную апрацоўку тэксту з мэтай правядзення статыстычнага аналізу для атрымання тэксту, накіраванай на выяўленне ў ім пэўных заканамернасцей. Выкарыстанню стыламетрыі ў значнай ступені спрыяе магчымасць хуткай апрацоўкі вялікіх аб’ёмаў даных і стварэнне корпусаў, якія змяшчаюць разметку (у тым ліку семантычную) на розных узроўнях тэксту (М. В. Копачеў, В. А. Плунгян, А. А. Палікарпаў, А. Я. Шайкевіч). Даследчыкі лінгвастатыстычнага напрамку мяркуюць, што прымяненне статыстычных метадаў дапамагае размежаваць аказіянальныя і індывідуальна-тэкставыя з’явы ўжо на этапе выбаркі фактычнага матэрыялу, і сцвярджаюць, што, “вывучаючы і сістэматызуючы семантыку тэкставых адзінак (у першую чаргу лексічных мностваў), можна выявіць сэнсавую структуру тэксту, а таксама канцэптуальныя і стылістычныя асаблівасці аўтарскага ідыястылю і яго адрозненні ад іншых мастацкіх сістэм” [3, с. 4].

Аўтары манаграфіі “Корпусная модель ідыостиля Достоевского” зыходзяць з таго, што “моўны феномен ідыястылю выяўляецца ў выбары фармальных сродкаў выражэння сэнсу ў параўнанні з альтэрнатыўнымі спосабамі перадачы той жа семантыкі. Тым самым дапускаецца схільнасць аўтара выражаць падобныя сэнсы паўторным рэпертуарам фармальных сродкаў. Інакш кажучы, ідыястыль праяўляецца як тэндэнцыя, сукупнасць пераваг у выкарыстанні мовы” [2, с. 9]. Даследчыкі тлумачаць неабходнасць апісання ідыястылю ў корпусным вымярэнні, сцвярджаючы, што “корпусная мадэль ідыястылю пісьменніка <...> фарміруецца як вынік адлюстравання асаблівасцей частотнага размеркавання лексічных (і збольшага сінтаксічных) канструкцый у корпусе тэкстаў аўтара ў тэарэтычны канструкт, ці, гаворачы сучаснай мовай прыкладной лінгвістыкі, анталогію, якая ствараецца сродкамі метамоў лінгвістычнай тэорыі” [2, с. 21]. Пры гэтым аўтары манаграфіі выкарыстоўваюць лінгвастатыстычнага метада пры вывучэнні адметнасці лексікі (А. М. Баранаў, Д. А. Дабравольскі, М. М. Міхайлаў, Н. А. Фадеева, Л. Л. Фёдарова, К. В. Шарапова) і фразеалогіі (А. А. Асокіна, Я. А. Балашоў, А. М. Баранаў, Д. А. Дабравольскі, А. Д. Казярэнка, К. Л. Кісялёва, М. М. Корбава) Ф. М. Дастаеўскага.

Лінгвастатыстычны напрамак сучасных даследаванняў канцэнтруецца на наступных аспектах: вывучэнне фанетычных, арфаграфічных, лексічных, фразеалагічных, сінтаксічных, стылістычных, канцэптуальных асаблівасцей ідыястылю; вывучэнне ўзаемасувязі паміж частатой ужывання пэўных моўных сродкаў і іншымі параметрамі аўтарскага маўлення (тэматыкай, праблематыкай, эмацыянальнасцю, экспрэсіўнасцю, эстэтычнасцю і інш.) – т. зв.

карэляцыйны аналіз; класіфікацыя індывідуальна-аўтарскіх моўных сродкаў; параўнальна-супастаўляльная характарыстыка індывідуальнага аўтарскага стылю розных аўтараў або аднаго і таго ж аўтара ў розныя прамежкі часу; мадэляванне ідэястылю для аўтаматычнага распазнавання аўтарства.

Лінгвастатыстычны аналіз мае несумненныя перавагі, паколькі дазваляе атрымаць колькасныя аб'ектыўныя звесткі, незалежныя ад суб'ектыўных ацэнак даследчыка. Аднак разам з тым відавочныя і недахопы лінгвастатыстычнага падыходу, звязаныя з немагчымасцю адлюстравання ўсіх аспектаў ідэястылю: графіка-пунктуацыйнай арганізацыі, інтанацыйнай афарбоўкі мастацкага маўлення, выкарыстання пераважнай большасці стылістычных сродкаў арганізацыі мастацкага тэксту і інш.

Вынікі даследаванняў лінгвастатыстычнага напрамку ўплываюць на ўсведамленне значнасці разумення моўных асаблівасцей аўтара і персанажа, іх камунікатыўных паводзін і індывідуальнага стылю зносін. Тэарэтычнымі набыткамі гэтага напрамку з'яўляюцца звесткі аб моўнай ідэнтычнасці і культурных асаблівасцях розных аўтараў, што спрыяе больш глыбокаму асэнсаванню разнастайнасці аўтарскага маўлення.

Лінгвастатыстычныя даследаванні знаходзяць шырокае прымяненне ў розных галінах лінгвістыкі, у прыватнасці, у аўтарскай атрыбуцыі, стыламетрыі і лексікаграфіі. Яны дазваляюць з высокай ступенню дакладнасці вызначыць аўтарства ананімных тэкстаў, выявіць і апісаць стылістычныя асаблівасці розных жанраў і напрамкаў, а таксама стварыць частотныя слоўнікі і іншыя даведчныя матэрыялы.

Аднак нягледзячы на сваю дакладнасць і аб'ектыўнасць, лінгвастатыстычны падыход не варта разглядаць як адзіны і вычарпальны метада аналізу індывідуальнага аўтарскага стылю. Ён павінен выкарыстоўвацца ў комплексе з іншымі метадамі, уключаючы інтэрпрэтацыйны аналіз і ўлік кантэксту. Толькі ў такім выпадку можна дасягнуць поўнага і глыбокага разумення творчай манеры пісьменніка.

Літаратура

1. Мухин, М. Ю. Проза, драматургия, публицистика и переписка А. П. Чехова в сопоставительно-статистическом ракурсе / М. Ю. Мухин, Е. Р. Филатова // Уральский филологический вестник. Сер. Язык. Система. Личность Лингвистика креатива. – 2016. – № 2. – С. 181–191.
2. Корпусная модель идиостиля Достоевского / Е. А. Балашов [и др.] ; под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. – М. : ЛЕКСРУС, 2021. – 358 с.
3. Мухин, М. Ю. Лексическая статистика и идиостиль автора: корпусное идеографическое исследование (на материале произведений М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова): дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / М. Ю. Мухин. – Екатеринбург, 2011. – 383 с.

Шевцова Алеся Константиновна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

shevtcova@m.msu.by

СОЦИОКОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ЭМБИЕНТНОЙ РЕКЛАМЫ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АНГЛОЯЗЫЧНОГО И БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСОВ)

Статья посвящена социокогнитивному анализу вербальных стратегий в эмбиентной рекламе на материале английского и белорусского языков. Сравнительный анализ показал культурную специфику: англоязычная реклама ориентирована на фонетическую игривость и лаконичность, тогда как белорусскоязычная тяготеет к развернутым образам и грамматической игре, что отражает разные познавательные сценарии восприятия. На основе результатов разработаны практические рекомендации по оптимизации белорусскоязычной медиакommunikации.

Ключевые слова: эмбиентная реклама, социокогнитивный подход, лингвокультурная специфика, медиадискурс, белорусскоязычная коммуникация

The article is devoted to a sociocognitive analysis of verbal strategies in ambient advertising based on material from the English and Belarusian languages. A comparative analysis revealed cultural specificity: English-language advertising is oriented towards phonetic playfulness and conciseness, while Belarusian-language advertising tends towards elaborate imagery and grammatical play, reflecting different cognitive scenarios of perception. Based on the results, practical recommendations for optimizing Belarusian-language media communication have been developed.

Keywords: ambient advertising, sociocognitive approach, linguocultural specificity, media discourse, Belarusian-language communication

Современное медийное пространство характеризуется высокой степенью конкуренции за внимание аудитории, что обуславливает потребность в развитии нестандартных рекламных форматов. Среди них особое место занимает эмбиентная реклама (ambient media), которая интегрируется в окружающую среду, создавая эффект неожиданности и непосредственного взаимодействия. Данный вид рекламы представляет собой перспективный объект для лингвистических исследований на стыке медиалингвистики, дискурс-анализа и социокогнитивистики. Последний подход, рассматривающий язык как связанный с социальными и познавательными процессами, особенно важен для понимания того, как эмбиентная реклама конструирует значения и влияет на сознание реципиента. В Республике Беларусь, где на повестке дня стоит проблема популяризации белорусскоязычной коммуникации, эмбиентная реклама может играть ключевую роль для восприятия белорусского языка как естественного инструмента общения.

Целью одного из этапов нашего исследования стал анализ вербальных стратегий и тактик эмбиентной рекламы с социокогнитивной точки зрения, определение ее культурной специфики путем сравнительного анализа англоязычных и белорусскоязычных рекламных текстов. Материалом исследования послужила выборка из 200 единиц эмбиентной рекламы (100 англоязычных и 100 белорусскоязычных). В качестве основного метода использован сравнительный анализ, а также методы классификации и статистической обработки данных.

Эмбиентная реклама функционирует на грани институционального и личного дискурса. С одной стороны, она является частью институциональной коммуникации, а с другой – за счет интеграции в частное пространство и использования интерактивных механизмов приближается к персональной [1; 2; 3; 4]. Это создает уникальную социокогнитивную ситуацию: потребитель вынужден переосмысливать привычное пространство, что увеличивает степень восприятия и запоминания рекламного сообщения. Вербальный компонент здесь выступает ключевым элементом, который направляет этот процесс переосмысления.

В целом в эмбиентной рекламе анализ показал преобладание эмоциональной стратегии (около 70% случаев), что объясняется целью данного вида рекламы – быстро взаимодействовать с эмоциями и подсознанием реципиента. Наиболее часто встречаются тактики создания атмосферы (реализуется через метафоры, эпитеты, причастия *The tasty way to start your day – Nutella*; сближения с реципиентом, которая маркируется через личные местоимения (*you, ты*), повелительное наклонение, риторические вопросы, разговорную лексику; самовосхваление / гиперболизация, реализуется через гиперболу, оксюморон, сравнения (*Цэлая бібліятэка ў вашым смартфоне*).

Всего в выборке выявлено 622 стилистических средства. Статистическое распределение по языкам выявило определенную культурную специфику. Англоязычная реклама (54,8% средств) более ориентирована на фонетическую игривость и лаконичность. Наиболее часто встречаются: аллитерация (*Good day to die hard*), гипербола (*For some this is the Everest*), эллипсис (*Fit whatever*). Белорусскоязычная реклама (45,2% средств) более склонна к развернутым образам и грамматической игре. В эмбиентной рекламе на белорусском языке преобладают гипербола, ирония (*Трэба было ставіць Clifford – об автосигнализации*), антитеза (*Скандалы ці прыемныя мерапрыемствы?*), каламбур (*Мы працуем на Льва Талстога – реклама компании на одноименной улице*).

Эти различия свидетельствуют о разных социокогнитивных моделях воздействия. Англоязычный рекламный дискурс в большей степени направлен на непосредственное запоминание и эмоциональный всплеск, в то время как белорусскоязычная реклама – на умственное “решение” языковой головоломки и последующую рефлекссию.

Тактики, связанные с рациональной стратегией (апелляция к разуму, демонстрация пользы), встречаются редко (менее 15%). Это объясняется ограниченными возможностями носителя эмбиентной рекламы для передачи сложной информации. Ее маркерами являются термины, цифры и сложноподчиненные предложения, которые плохо вписываются в скорость и сжатость восприятия.

Исходя из проведенного исследования, можно разработать конкретные и обоснованные рекомендации для белорусских медиапрофессионалов, которые способны развивать и продвигать белорусскоязычную коммуникацию. Основная идея состоит не просто в переводе рекламного контента, а в создании медиакommunikации, основанной на социокультурных и познавательных особенностях белорусского языка и его носителей. Данное исследование показывает, что белорусскоязычная аудитория имеет иные познавательные сценарии восприятия, чем англоязычная.

Англоязычная коммуникация рассчитана на быстрый эмоциональный всплеск и лаконичность, в то время как белорусскоязычная коммуникация более эффективна, когда она развернута, образна, требует небольшой интеллектуальной работы (решения “языковой головоломки”), что приводит к более глубокой рефлексии и запоминанию. Таким образом, попытки копировать западные лаконичные форматы без учета этой специфики могут быть менее эффективными.

Конкретные рекомендации по оптимизации и популяризации белорусской медиакommunikации.

1. Создавать оригинальный контент на белорусском языке, а не реализовывать его как переведенную версию западного контента, поскольку перевод часто не передает языковую игру, каламбуры и культурные реалии, которые, как показывает исследование, являются сильной стороной белорусскоязычной коммуникации, поскольку мировоззрение и познавательные схемы различны. В качестве примера может служить разработка собственных рекламных слоганов, основанных на белорусских топонимах, исторических реалиях или фразеологизмах.

2. Развитие сильных сторон белорусского языка. Исследование выявило, что белорусскоязычные тексты эффективны благодаря стилистической и грамматической многоплановости. Следует активнее использовать стилистические приемы. Ярким примером эффективных стилистических средств служит как антитеза (противопоставление), способствующая созданию контента вокруг контрастов (*Старажытны горад – сучасныя магчымасці*). Ирония способна создавать неожиданные, провокационные слоганы, вызывающие улыбку и рефлексии (*Трэба было ставіць... – уже стало классикой*).

Как показало исследование, не нужно бояться экспериментировать с грамматикой белорусского языка: использовать причастия и деепричастия для создания динамичных и образных описаний. Не бояться более длинных, но именно образных фраз, которые “живописно” передают мысль. Для белорусского восприятия это плюс, а не минус.

3. Следует сделать ставку на эмоциональную связь и интерактивность, поскольку исследование подтверждает доминирование эмоциональной стратегии, необходимо форматировать контент соответствующим образом. В частности, использовать приемы сближения с аудиторией (обращение “ты” / “вы”), использование риторических вопросов, побуждающих к размышлениям (А вы калі апошні раз былі ў тэатры?) и разговорной, неофициальной лексики, разрушающей барьер между медиа и человеком.

4. Развивать интерактивные и эмбиентные форматы на белорусском языке. А именно: создавать медиапроекты, требующие участия аудитории (голосования, конкурсы, медиаквесты в городском пространстве). Активно использовать возможности эмбиентной рекламы (например, в метро, парках, на смартфонах), так как она, как показано, создает сильный эффект переосмысления и запоминания. При этом вербальная составляющая контента должна быть именно белорусскоязычной и образной.

На профессиональном уровне назрела необходимость формирования нового поколения специалистов. Для этого следует проводить тематические семинары и тренинги для журналистов, рекламистов и маркетологов по теме «Социокогнитивные основы белорусскоязычной коммуникации». Необходимо создавать примеры и кейсы успешных белорусскоязычных кампаний, чтобы разрушить стереотип о «некоммерческом» и «несовременном» характере белорусского языка в медиа. Следует поощрять сотрудничество с лингвистами и писателями для разработки ярких, подлинно белорусских текстов, а не переводных суррогатов.

Таким образом, главной рекомендацией является переход от стратегии «белорусский язык как объект охраны» к стратегии «белорусский язык как инструмент эффективной и психологически точной коммуникации».

Белорусский язык обладает собственными, выявленными в ходе исследования, сильными сторонами: глубиной, образностью, склонностью к интеллектуальной игре. Современные медиа должны не «упрощать» его по образцу других языков, а, напротив, развивать и использовать эти уникальные качества для создания более доверительной, эмоциональной и, как следует из исследования, более запоминающейся коммуникации с аудиторией.

Исследование выполнено в рамках НИР «Направления и перспективы развития белорусскоязычного медийного дискурса в социокогнитивном освещении» Государственной программы научных исследований 2021–2025 гг. (ГР № 20211504).

Литература

1. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления / Т. Г. Добросклонская. – М. : Интеллектуальная издательская система Ridero, 2020. – 180 с.

2. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. трудов. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–20.

3. Шевцова, А. К. Пути вербализации социокогнитивного плана заголовков англоязычных газетных статей / А. К. Шевцова // Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в УВО : сб. науч. ст. / под ред. Е. Н. Грушецкой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2024. – С. 151–155.

4. Шаўцова, А. К. Вербалізацыя сацыякагнітыўных мадэлей у беларускамоўных публіцыстычных загаловах / А. К. Шаўцова // Роднае слова. – 2024. – № 12. – С. 53–56.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ИДИОМАТИКА В ЕВРОПЕЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ КОНТЕКСТЕ

УДК 811.161+811.512.1+398.91

Бредис Михаил Алексеевич

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
(г. Москва, Российская Федерация)
bredis_ma@pfur.ru

ТРАДИЦИИ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ И ТЮРКСКИХ ПОСЛОВИЦ

В статье рассматриваются взгляды славянских и тюркских исследователей на изучение понятия пословица (в русской, белорусской, турецкой и якутской филологии). Тема представляется актуальной в виду необходимости изучения национальных традиций описания пословиц, что дает дополнительный материал к обобщению в понимании феномена пословиц в целом. Анализ демонстрирует наличие длительной традиции изучения пословиц в рассматриваемых языках. Исследователи имеют много сходного в понимании и описании пословиц и их свойств, что связано с отражением в паремиях общечеловеческого мышления, но при этом представители разных лингвокультур выделяют в качестве важнейших разные аспекты описания пословиц.

Ключевые слова: паремия, пословицы, дефиниция пословицы, славянские языки, тюркские языки, компаративистика

The paper presents a comparative perspective on the views of Slavic and Turkic scholars on the concept of proverb (in Russian, Belarusian, Turkish, and Yakut philology). This topic is relevant given the need to study national traditions of describing proverbs, which provides additional material for a general understanding of the phenomenon of proverbs. The analysis demonstrates the existence of a long tradition of studying proverbs in the languages under consideration. Researchers share many similarities in their understanding and description of proverbs and their properties, which is related to the reflection of universal human thinking in paremias. However, representatives of different linguistic cultures emphasize different aspects of their descriptions of proverbs.

Keywords: paremia, proverbs, definition of proverb, Slavic languages, Turkic languages, comparative studies

Паремиология как направление лингвистики сформировалась относительно недавно. Это направление занимается изучением малых жанров фольклора, среди которых пословицы, загадки, приметы, скороговорки и присловья. Паремия как научный термин часто используется в качестве родового понятия по отношению к перечисленным видовым [1].

Цель исследования – краткий обзор национальных традиций изучения и определения пословиц в ряде славянских и тюркских языков (на материале русского, белорусского, турецкого и якутского языков).

Изучение пословиц в славянских языках (на примере русского и белорусского языков).

Русский термин *пословица* восходит к древнерусскому слову, которое было многозначным: им обозначалось соглашение между отдельными людьми, словесный договор, и вообще согласие. Одним из значений было ‘краткое, выразительное изречение, иносказание, сентенция’» [2, с. 34]. Знакомство с античными паремиями русские начали непосредственно из первых рук – из Византии, благодаря переводам с греческого с началом распространения православия на Руси.

Первый известный сборник русских пословиц на русском языке – «Повести или пословицы всенароднейшие по алфавиту» – датируется XVII в. и содержит 2871 паремию. Сборник бывшей Петровской галереи, составленный в начале XVIII в., содержал 1049 пословиц и присловий.

Этап научного осмысления русских пословиц начался в XIX в. Одним из первых исследований пословиц можно считать книгу И. М. Снегирева (1793–1868), „Русские в своих пословицах”, написанную в середине XIX века. Именно И. М. Снегирев дал одно из первых определений пословиц: «...Все почти оне суть краткия, остроумныя, иногда темныя и даже загадочныя изречения, важныя по содержанию, излагают частный опыт в общности, руководствуя к добродетельной и благоразумной жизни» [3, с. 8]. Масштабным собранием и исследованием отечественных пословиц стал труд В.И. Даля (1801–1872), названный им «Пословицы русского народа» и вышедший в свет в 1861–1862 гг. (около 30000 различных изречений). В.И. Даль предложил свое ёмкое определение: «Пословица – обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми» [4, с. XXI].

Современные российские исследователи дают различные определения пословицы, рассматривая их культурологическом, системно-структурном, а также когнитивно-прагматическом аспектах. Каждый исследователь обращает внимание на отдельные аспекты пословицы. Так, О.С. Ахманова выделяет особую ритмическую организацию пословицы [5, с. 341], Т.Г. Бочина подчеркивает диалогичность пословицы [6, с. 32–53]. Л.Б. Савенкова определяет пословицу как «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное обобщающее изречение, хотя бы часть элементов которого наделена переносным значением и которое пригодно к использованию в дидактических целях» [7, с. 100]. Нам представляется, что основным семантическим элементом является опыт, и мы можем считать пословицы весьма компактным вместилищем опыта или, другими словами, упаковкой опыта. Мы понимаем под понятием пословица – общеупотребительное краткое обобщение человеческого опы-

та, стандартизированное для типичных жизненных ситуаций и выраженное в речи законченным устойчивым предложением, чаще всего с переносным смыслом [8, с. 70].

В белорусской лингвокультуре пословица обозначается термином *прыказка*. Впервые на территории современной Беларуси просветитель Соломон Рысинский собрал более 1800 белорусских пословиц, которые вошли в сборник “*Proverbiorum Polonicorum*”, изданный в 1618 г. на польском языке с латинскими комментариями [9].

К числу важнейших паремиологических сборников XIX в. относится «Сборник белорусских пословиц» И.И. Носовича, изданный в 1874 г. в Санкт-Петербурге (3715 пословиц и поговорок). Особенность этого труда состоит в том, что автор не просто расположил собранные паремии в алфавитном порядке, но и раскрыл смысл большинства приведённых пословиц. Поэтому сборник считается первым в восточнославянской филологии толковым словарем пословиц [10, с. 4].

Паремиология в белорусской лингвистике сформировалась в конце XX – начале XXI в., хотя систематическое изучение пословиц в точки зрения лингвистики началось с 1950-х гг. Значительный вклад в изучение белорусского пословичного фонда и становление белорусской паремиологии внёс И.Я. Лепешев. В 2006 г. вышло в свет его учебное пособие «Парэміялогія як асобны раздзел мовазнаўства» («Паремиология как особый раздел языкознания»), в котором впервые даётся теоретический и отчасти практический материал для систематического изучения пословиц с семантической, этимологической, грамматической и стилистической точек зрения.

Современные белорусские исследователи изучают народные пословицы в этимологическом, этнолингвистическом, лингвокультурологическом и лингвострановедческом аспектах [11, с. 149]. И.Я. Лепешев и М.А. Яколевич приводят в своём «Толковом словаре белорусских пословиц» развёрнутое определение пословицы: это «устойчивое, воспроизводимое, по крайней мере, двухкомпонентное афористическое, чаще всего полностью или частично аллегорическое законченное высказывание, обычно поучительного характера в форме простого или сложного предложения» [12, с. 18].

Основные проблемы белорусской паремиологии на современном этапе её развития определены известным исследователем Е.Е. Ивановым в докладе на XV Международном конгрессе славистов, который прошёл в Минске в 2013 г. В числе этих проблем: систематизация и описание паремиологического материала; выявление количественных параметров паремиологического фонда белорусского языка; лексикографическое описание паремиологических единиц в словарях нового типа; определение общего (универсального) и специфического (национально-культурного) компонентов белорусской паремиологии на фоне других славянских и неславянских языков и др. [11, с. 148]. В настоящее время публикуются работы по изучению белорусских паремий в сопостави-

тельном аспекте на фоне родственных и неродственных языков ([13, 14, 15] и др.). Подробный библиографический обзор о современной белорусской паремиологии был опубликован Е.Е. Ивановым и Ю.П. Петрушевской [16].

Отметим, что в русском и белорусском языках изучение пословиц имеет богатую традицию и отличается довольно высоким уровнем теоретической разработанности в различных аспектах.

Изучение пословиц в тюркских языках (на примере турецкого и якутского языков).

Турецкий термин для обозначения пословицы *atasözü* (букв. 'слово отца', то есть слова предков), подчёркивает авторитет и традиционность турецких пословиц, передающихся в течение веков из поколения в поколение [17, с. 169]. Традиция письменной фиксации тюркских пословиц восходит к каменным стелам с надписями, выполненными Орхно-Енисейской письменностью ещё в V–VIII вв. В надписях встречаются древнетюркские пословицы, которые и в те времена были словами предков и почитались традицией [17, с. 169].

В памятник средневековой тюркской филологии «Дивāн Лугāt ат-Турк» («Диван тюркских языков») его автор, Махмуд ибн ал-Хусейн ибн Мухаммад ал-Кашгари, включил 290 тюркских пословиц [18]. Позднее в трактаты разных средневековых ученых также включались тюркские пословицы.

Систематически пословицы стали собираться в Турции в XIX в. Вышли в свет сборники турецких пословиц Ахмета Вефика Паши (1852), Шинаси (1863), Эбюззии (1885), Ахмеда Мидхада Эфенди (1871). С 1965 г. в стране было издано более 70 сборников турецких паремий [17, с. 170]. Наиболее популярны паремиографические сборники О.А. Аксоя, которые переиздавались с 1965 г. в общей сложности 11 раз, а также словарь М. Юртбаши, в котором насчитывается 5274 пословицы [17, с. 170].

В турецкой традиции не существует единого общепризнанного краткого определения пословицы. В энциклопедии турецкого языка и литературы «*Türk Dili ve Edebiyatı Ansiklopedisi*» Э. Эльверди и М. Кутлу определяют пословицы как «суждения, к которым пришли наши предки после долгих размышлений и опыта путём мудрых мыслей, советов и примеров; многие из которых имеют переносное значение; стереотипны по форме, сложившейся в течение веков; живут преимущественно в устной традиции, передаваемые из поколения в поколение; являясь анонимными высказываниями» [19, с. 214].

По определению Догана Аксана, «Пословицы, входящие в словарный запас языка, представляют собой изречения, которые отражают мудрость, опыт, мировоззрение и выразительную силу общества и могут сохраняться на протяжении веков. Они могут передаваться из поколения в поколение без изменений или же могут претерпевать изменения, быть забыты и утрачены» [20, с. 33]. В подтверждение древности пословиц Д. Аксан приводит пословицу *Tag tagka kavuşması, kişi kişi kavuşur* из сборника Махмуда Кашгари XI в., которая в современной Турции является общеупотребительной в следующем виде: *Dağ*

dağa kavuşmaz, insan insana kavuşur ‘Гора с горой не встречается, человек с человеком встречается’ [20, с. 33].

Турецкие исследователи по-разному понимают феномен пословиц, выделяя главные, по их мнению стороны. Так, О.А. Аксой считает наиболее важной устойчивость формы пословиц, отмечая, что, будучи созданной одним человеком, пословица со временем шлифуется народом, пока не приобретает окончательный вид. И потом уже, по его мнению, нельзя менять в пословице слова или порядок слов, так как иначе пословица не сможет восприниматься как подлинное слово предков [21, с. 13–14]. З. Шенгюдер подчеркивает нравственную ценность пословиц, представляющих народную мудрость: «Определение понятию “пословица” пытались дать многие известные лингвисты и исследователи. Каждый трактовал по-своему, но суть одна. Пословица – это важнейшая составляющая устного народного творчества. Пословицы выражают моральные устои народа на основе его жизненного опыта, хранят народную мудрость» [22, с. 58].

В целом в турецком обществе преобладает уважительное отношение к пословицам как к ‘словам предков’, воплощению народной мудрости и моральных ценностей.

В якутской традиции термин для обозначения пословицы – *өс хоһооно* (букв. слово + содержание, основная суть изложения, тема, стих, стихотворение), т.е. по-русски это можно передать как ‘слово в тему’ или ‘меткое поэтическое слово’. Согласно переводу А.Е. Кулаковского, *өс хоһооно* – ‘гармония слова’ [23, с. 5]. В переводе Н.В. Емельянова *өс хоһооно* – ‘смысл обычая’, ‘содержание обычая’ или ‘обычай (правило), закреплённый в стихах’ [24, с. 42].

Традиция изучения якутских паремий берет свое начало в конце XIX в. в работах политических ссыльных, изучавших якутский фольклор: И.А. Худякова (1890), В.Л. Серошевского (1896), С.В. Ястремского (1900), Э.К. Пекарского (1907–1930). В них включались якутские пословицы и поговорки, иногда с пояснениями, и приводились переводы на русский язык [там же]. Первым крупным сборником текстов якутского фольклора стал изданный в 1890 г. «Верхоянский сборник» И.А. Худякова.

Важной вехой в изучении якутских паремий стал сборник пословиц основоположника якутской литературы А.Е. Кулаковского (1925 г.), в который он включил 925 пословичных единиц, отметив их общеизвестность и равномерность распространения по всей территории Якутии [23, с. 7].

Следующий этап изучения якутских паремий пришелся на вторую половину XX в., когда стали появляться серьёзные работы по фольклористике и лингвистике, среди которых выделяются труды Н.В. Емельянова [25] и Г.У. Эргиса [26]. Н.В. Емельянов рассматривал пословицу как законченное суждение о различных явлениях, вывод или поучение, например: *Арыы үрдүгэр уу даг-дайбат, кырдьык үрдүгэр сымыйа ыттыбат* ‘Над маслом вода не всплывает, над правдой кривда не поднимается’ [25, с. 7].

Согласно классификации Л.М. Готовцевой, с 1990-х гг., после предыдущего 'классического' выделяется 'неклассический' период изучения якутской фразеологии с новыми подходами [27]. Так, примером исследования якутских паремий с позиций когнитивной науки является кандидатская диссертация Л.П. Борисовой, посвященная лингвокогнитивному аспекту изучения якутских паремий как фразеологизмов в сопоставлении с русскими [28].

Период последних двух десятилетий Л.М. Готовцева называет 'постнеклассическим' временем развития якутской фразеологии, для которого характерен особый интерес к исследованиям лингвокультурологической направленности, когда фразеологизмы якутского языка сопоставляются с единицами других тюркских языков, в частности хакасского, алтайского и тувинского, с целью выявления семантической близости с пратюркским ядром тюркских языков [27, с. 64]. В современной якутской традиции пословицы определяются как «краткие народные изречения, обобщающие жизненный опыт народа в виде кратких законченных суждений, выводов, поучений» [29].

Краткий обзор традиций изучения пословиц в славянских и тюркских языках показал, что во всех рассматриваемых лингвокультурах пословица воспринимается как краткое обобщение народного опыта. При этом ни в одной из них нет краткого всеобъемлющего определения пословицы, что связано с многоплановостью и многозначностью феномена пословицы. Паремии активно исследуются лингвистами в самых разных аспектах, в том числе лингвоаксиологическом, лингвокультурологическом, сопоставительном и др.

Литература

1. Бредис, М. А. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал / М. А. Бредис, М. С. Димогло, О. В. Ломакина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 265–284.
2. Мокиенко, В. М. Пословица и поговорка: от терминологического плюрализма к унификации / В. М. Мокиенко // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие (Пятое Жуковские чтения) : материалы Междунар. научн. симпоз. К 90-летию со дня рождения Власа Платоновича Жукова : в 2 т. / отв. ред. В. И. Макаров. – Великий Новгород : НовГУ, 2011. – Т. 1. – 508 с.
3. Снегирев, И. М. Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках / И. М. Снегирев. – М. : Либроком, 2012. – 184 с.
4. Даль, В. И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, загадок, поверий и проч. / В. И. Даль. – М., 1862. – 1146 с.
5. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М., 1966. – 608 с.
6. Бочина, Т. Г. Пословица на века молвится: избранные труды по русской паремии / Т. Г. Бочина. – Казань : Изд-во Казанского университета, 2023. – 286 с.
7. Савенкова, Л. Б. Русская паремиялогия: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л. Б. Савенкова. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ун-та, 2002. – 240 с.

8. Бредис, М. А. Человек и деньги: Очерки о пословицах русских и не только / М. А. Бредис. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2019. – 296 с.

9. Иванов, Е. Е. “Proverbiorum Polonicorum” (1618) С. Рысинского и основной паремиологический фонд белорусского языка / Е. Е. Иванов // Личность-слово-социум : материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. – Минск : Ин-т современных знаний, 2003. – Ч. 3. – С. 47–49.

10. Лепешаў, І. Я. Парэміялогія як асобны раздзел мовазнаўства : дапаможнік / І. Я. Лепешаў. – Гродна : ГрДУ, 2006. – 219 с.

11. Петрушевская, Ю. Направления исследований национально-культурного своеобразия белорусских пословиц (конец XIX – начало XXI в.): методология, перспективы (Часть 1) / Ю. Петрушевская // Językoznawstwo. – 2021. – № 1(15). – S. 147–181.

12. Лепешаў, І. Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэ-вич. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 695 с.

13. Иванов, Е. Е. Белорусская фразеология и паремиология в контексте европейских языков и культур (задачи и этапы исследования) / Е. Е. Иванов // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: тез. 79-й Междунар. науч.-технич. конф. – Магнитогорск : Изд-во МГТУ имени Г. И. Носова, 2021. – Т. 2. – С. 520.

14. Иванов, Е. Е. Ценности и антиценности в русской, белорусской, итальянской и немецкой паремиологических картинах мира / Е. Е. Иванов // Весці БДПУ. – 2016. – № 1. – С. 115–117.

15. Петрушевская, Ю. А. Универсальное и национальное в паремиологической системе языка (на материале английского и белорусского языков) / Ю. А. Петрушевская // Acta Germano-Slavica. – 2015. – Вып. 6. – С. 213–216.

16. Иванов, Е. Е. Белорусская паремиология конца XX – начала XXI века (1991–2014 гг.): библиографический обзор / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская // Паремиология в дискурсе. – М., 2015. – С. 252–292.

17. Бредис, М. А. Паремия в азербайджанском, турецком, английском и немецком языкознании: определение, особенности изучения / М. А. Бредис, О. В. Ломакина, А. Р. Мамедова // Вопросы прикладной лингвистики. – 2025. – № 57. – С. 161–187.

18. Кашгари, М. Диван Лугат ат-Турк / М. Кашгари ; перев., предисл. и комм. З.-А. М. Ауэзовой ; индексы сост. Р. Эрмерсом. – Алматы : Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.

19. Elverdi, Ezel. Türk Dili ve Edebiyatı Ansiklopedisi / Ezel Elverdi, Mustafa Kutlu. – İstanbul : Dergah Yayıncılık, 1977. – 557 s.

20. Aksan, Doğan. Türkçenin Söz Varlığı / Doğan Aksan. – Ankara : Ünal Ofset, 2004. – 255s.

21. Aksoy, Ömer Asım. Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü 1, Atasözleri Sözlüğü / Ömer Asım Aksoy. – İstanbul: İnkilap, 2021. – 484 s.

22. Шенгюдер, З. Сопоставительный анализ турецких и русских пословиц с компонентом “семья” / З. Шенгюдер // Stephanos. – 2023. – № 3 (59). – С. 56–68.

23. Кулаковский, А. Е. Якутские пословицы и поговорки / А. Е. Кулаковский. – Якутск : Saqa Kesile, 1925. – 122 с.

24. Готовцева, Л. М. «Сборник якутских пословиц и поговорок» Н. В. Емельянова: особенности структурирования языкового материала / Л. М. Готовцева // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2021. – № 2 (35). – С. 41–53.

25. Сборник якутских пословиц и поговорок / сост. Н. В. Емельянов. – Якутск : Якуткнигоиздат, 1965. – С. 6.

26. Эргис, Г. У. Очерки по якутскому фольклору / Г. У. Эргис. – М. : Наука, 1974. – 402 с.

27. Готовцева, Л. М. Современное состояние изучения фразеологии якутского языка / Л. М. Готовцева // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. – 2022. – № 2. – С. 58–68.

28. Борисова, Л. П. Лингвокогнитивный аспект исследования паремиологических единиц (на материале пословиц и поговорок якутского языка и их русских эквивалентов) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Л. П. Борисова. – М., 1999. – 208 с.

29. Виртуальная выставка – Якутские пословицы и поговорки. Национальная библиотека Республики Саха (Якутия). Якутск [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа : <https://old.nlrs.ru/exhibitions/obuge-nomoho/> – Дата доступа : 23.12.2025.

УДК 811.581+811.161.1

Ван Янь

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

3139931440@qq.com

ОБРАЗНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА КИТАЙСКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

В статье в сравнительном аспекте рассматриваются особенности использования природных образов, философских взглядов, социальных норм и структурно-стилистических черт в китайских и русских пословицах, выявляются общие закономерности мышления и уникальные культурные коды.

Ключевые слова: китайский язык, русский язык, пословица, природный образ, культурный код

The article examines in a comparative aspect the peculiarities of the use of natural images, philosophical views, social norms and structural-stylistic features in Chinese and Russian proverbs, revealing common patterns of thinking and unique cultural codes.

Keywords: Chinese language, Russian language, proverb, natural image, cultural code

Как известно, пословицы – это «устойчивые фразы, передаваемые из поколения в поколение, концентрирующие народную мудрость, жизненный опыт и ценностные ориентиры» [3, с. 3]. Как важный компонент культуры любого народа, китайские и русские пословицы не только отражают уникальные особенности языковой картины мира двух народов, но и являются хранителями национальных культурных кодов.

Сопоставительно исследование пословиц представляет ценность не только для выявления универсальных закономерностей человеческого мышления и уникальных национальных культурных кодов [1], но и для практики преподавания иностранного языка, составления переводных и сопоставительных словарей, а также углубления межкультурного взаимопонимания.

Цель исследования – сравнительный анализ китайских и русских пословиц с компонентами-метеонимами по четырём ключевым аспектам: использованию природных образов, отражению философских взглядов на жизнь и судьбу, представлению о социальных отношениях и моральных нормах, а также структурно-стилистическим особенностям.

Фактический материал составляют китайские и русские пословицы из сборников «汉语谚语词典» (1981) [3] и «Словарь русских пословиц и поговорок» (1991) В.П. Жукова [2]. Китайские пословицы: 干打雷, 不下雨 (Гром гремит, а дождя нет); 天有不测风云, 人有旦夕祸福 (Как в небе бывают внезапные бури, так в жизни человека бывают неожиданные беды и радости); 行得春风, 便有夏雨 (Подул весенний ветер — жди летнего дождя); 冰冻三尺非一日之寒 (Лёд в три чи толщиной не за один день замёрз); 人随王法草随风 (Люди живут по закону, как трава гнётся по ветру); 各人自扫门前雪, 莫管他家瓦上霜 (Каждый метёт снег у своих ворот, не заботясь об ином на крыше соседа) [2]; 只有锦上添花, 哪有雪中送炭 (Все готовы добавить цветов к парче, но кто подаст угля в снежную погоду); 不是东风压了西风, 就是西风压了东风 (То восточный ветер одолевает западный, то западный — восточный). Русские пословицы: *Пока солнце взойдет, роса очи выес; Гром гремит не из тучи, а из навозной кучи; Весной дни длинные, а ночь короткая; Своя земля и в горсти мила; Не так живи, как хочется, а так, как бог велит; Человек предполагает, а бог располагает; Терпение и труд всё перетрут; Береги платье снову, а честь смолоду; Не дай бог свинье роз, а мужику барства; Друг познаётся в беде; Как ни вертись собака, а хвост позади; Что хочу, то и ворочу.*

И в китайской, и в русской традиции природные явления часто служат метафорами для описания человеческой жизни, социальных событий и эмоций. В китайских пословицах особенно часты образы ветра, дождя, грома и облаков. Так, пословица 干打雷, 不下雨 (Гром гремит, а дождя нет) [2, с. 77] означает «Много шума, но отсутствие действий». Аналогично этому в русских пословицах встречаются образы грома, ветра и дождя, но иногда с иной стилистической окраской. Пословица *Гром гремит не из тучи, а из навозной кучи* [1, с. 377] подчёркивает, что громкие события могут иметь низменное происхождение. Русские пословицы активно используют образы воды, земли, снега, времени года: *Весной дни длинные, а ночь короткая* [1, с. 393] — констатация природного факта; *Своя земля в горсти* [1, с. 402] — метафора родины. Таким образом, обе культуры используют природные явления для образного выражения абстрактных понятий, но китайские пословицы чаще носят философско-назидательный характер, а русские — более конкретны, иногда ироничны.

Китайские пословицы часто отражают идеи непостоянства жизни, взаимосвязи причины и следствия, смирения перед судьбой. Например, 天有不测风云, 人有旦夕祸 (Как в небе бывают внезапные бури, так в жизни человека бывают неожиданные беды и радости) [2, с. 112] говорит о непредсказуемости жизни; 行得春风, 便有夏雨 (Подул весенний ветер — жди летнего дождя)

[2, с. 250] подчёркивает переменчивость судьбы. В русских пословицах также сильно ощущение фатальности, но с более ярко выраженным религиозным (христианским) контекстом: *Не так живи, как хочется, а так, как бог велит* [1, с. 384]; *Человек предполагает, а бог располагает* [1, с. 384]. При этом в обеих культурах ценятся терпение и труд: 冰冻三尺非一日之寒 (Лёд в три чи толщиной не за один день замёрз) [2, с. 260] и *Терпение и труд всё перетрут* [1, с. 394]. Однако русские пословицы чаще акцентируют противостояние судьбе или ироничное принятие её, тогда как китайские — гармонию с естественным порядком вещей.

В пословицах обеих культур отражены нормы поведения, оценка человеческих качеств, критика социальных пороков. Китайские пословицы часто подчёркивают важность соответствия законам и авторитетам: 人随王法草随风 (Люди живут по закону, как трава гнётся по ветру) [2, с. 65], а также осуждают эгоизм и неискренность: 各人自扫门前雪, 莫管他家瓦上霜 (Каждый метёт снег у своих ворот, не заботясь об иное на крыше соседа) [2, с. 252]. Русские пословицы также ценят справедливость и честь: *Береги платье снову, а честь смолоду* [1, с. 377], но при этом часто носят более антиавторитарный или пессимистический социальный оттенок: *Не дай бог свины рог, а мужику барства* [1, с. 384], здесь критика злоупотребления властью. Тема дружбы и предательства общая для обеих культур: 只有锦上添花, 哪有雪中送炭 (Все готовы добавить цветов к парче, но кто подаст угля в снежную погоду) [2, с. 180] и *Друг познаётся в беде* [1, с. 60]. Однако русские пословицы чаще говорят о бедности, обмане, житейской хитрости, отражая сложные исторические условия.

Китайские пословицы строятся как четырёх- или восьмисимвольные фразы, обладают ритмичностью, в них широко используется параллелизм и противопоставление: 不是东风压了西风, 就是西风压了东风 (То восточный ветер одолевает западный, то западный — восточный) [2, с. 130]. Русские пословицы обычно более синтаксически развёрнуты, могут иметь форму коротких диалогов или назидательных изречений, часто используют сравнения с животными, предметами быта: *Как ни вертись собака, а хвост позади* [1, с. 56]. Для обеих традиций характерна афористичность, но китайские пословицы в большей степени опираются на литературную, книжную традицию, тогда как русские сохраняют разговорную, подчас грубоватую образность: *Что хочу, то и ворочу* [1, с. 391] — ироничная гипербола. В пословицах обоих языков присутствуют рифма, аллитерация, игра слов, что облегчает запоминание и передачу из поколения в поколение.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что китайские и русские пословицы, при всём их культурном своеобразии, решают схожие задачи: передают жизненный опыт, формируют моральные ориентиры, сохраняют национальный менталитет. Китайские пословицы отличаются большей лаконичностью, философской глубиной и ориентацией на гармонию с миропорядком. Русские пословицы более многословны, эмоциональны, часто окрашены юмо-

ром или горечью, отражают сложный исторический опыт народа. Обе традиции активно используют природные образы, но если в китайских пословицах природа часто выступает как метафора социальных и моральных законов, то в русских — как фон, условие или символ жизненных трудностей. Изучение паремиологического фонда культур двух народов способствует лучшему взаимопониманию и раскрывает богатство национальной мысли.

Литература

1. Бредис, М. А. Паремнология на перекрестках языков и культур / М. А. Бредис, Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, Н. Ю. Нелюбова, Ю. А. Петрушевская. – М. : Изд-во РУДН, 2021. – 246 с.
2. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М.: Русский язык, 1991. – 534 с.
3. 无锡师范学校《汉语谚语词典》编写组. 汉语谚语词典. – 江苏人民出版社. 1981. – 615页.

УДК 398.91

Гишкаева Лаура Ибрагимовна

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

(г. Москва, Российская Федерация)

gishkaeva-li@rudn.ru

СЕМАНТИКА ПОСЛОВИЦ ЮРИДИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ

В статье рассматриваются семантические свойства юридических пословиц в аспекте обобщенности (универсальности) и иносказательности (идиоматичности). Исследование показало, что универсальность значения пословиц гарантирует на когнитивном уровне речемыслительной деятельности общеобязательность юридических предписаний в их в пословичном изложении. Преимущественно прямое общее значение, общеизвестные либо прозрачные по своей внутренней форме идиомы-компоненты обеспечивают адекватное восприятие и понимание всеми членами данного социума отраженных в пословицах правовых норм.

Ключевые слова: паремнология, юридические пословицы, семантика, обобщение, универсализм, идиоматичность

The article examines the semantic properties of legal proverbs in the aspect of generality (universality) and allegory (idiomaticity). The study showed that the universality of the meaning of proverbs guarantees, at the cognitive level of verbal and mental activity, the universality of legal regulations in their proverb presentation. Predominantly direct general meaning, well-known or transparent in its internal form, idiom components ensure adequate perception and understanding by all members of a given society of the legal norms reflected in proverbs.

Keywords: paremiology, legal proverbs, semantics, generalization, universalism, idiomaticity

Многочисленные определения семантики пословицы, которые часто повторяют друг друга с незначительными отклонениями и несущественными

уточнениями, можно свести к двум основным ее свойствам: обобщенности и иносказательности. При этом обобщенность содержания пословиц понимается преимущественно в том, что они обозначают «типичные, повторяющиеся жизненные ситуации» [1, с. 39], а иносказательность пословичной семантики связывается прежде всего с ее образным планом, а также с идиоматичностью в отражении действительности. Свойство идиоматичности применительно к пословицам понимается в современной лингвистике как следствие действия трех факторов: «переинтерпретации, непрозрачности, усложнения способа указания на денотат» [2, с. 30–33].

Однако обобщенность содержания пословиц заключается не только и не столько в типичности, стереотипности обозначаемых ситуаций, сколько в том, что пословичное обобщение предполагает универсализацию сообщаемого, т.е. его всеобщность для всех без исключения адресатов. «При универсальном (всеобщем) обобщении в высказывании сообщается не о множествах объектов, их свойств или связей, а о них как о целых классах. В этом случае предметом сообщения могут выступать только неединичные объекты, количество которых ничем не ограничено и при нейтральном восприятии высказывания (вне речевого контекста) не может быть точно известно (определено) ни при каких обстоятельствах (является когнитивно нерелевантным для носителей языка), даже если их количественный объем намеренно дифференцируется» [3, с. 675].

Универсальность можно рассматривать как одно из семантических свойств пословицы. Именно благодаря своей универсальной семантике пословицы отражают все без исключения аспекты жизни общества, включая правовые нормы. При этом выражение правовых норм в пословицах имеет, как известно, не только фиксирующий, но и предписывающий характер (юридические пословицы – это не только сохранение, но и использование правовых норм, особенно актуальное в бесписьменный период существования языка). Этому во многом способствует универсализм семантики пословиц, гарантирующий на когнитивном уровне речемыслительной деятельности общеобязательность юридических предписаний в их в пословичном изложении.

Иносказательность пословиц, в свою очередь, не всегда связана только с предметно-образным переосмыслением и с идиоматичностью.

Образность пословиц традиционно преувеличивается под влиянием преимущественно образного характера семантики поговорок (фразеологизмов в их лингвистическом понимании), которые многие исследователи часто не разделяют. Вместе с тем существует значительное количество пословиц, которые вовсе не имеют переносного значения (например, *Злая жена сведет мужа с ума* и т.п.), а также таких пословиц, в которых действительность отображается иносказательно, однако без употребления предметных образов, с помощью безобразного семантического переноса (например, *Женится – переменится* 'Говорится с надеждой на исправление легкомысленного, ветреного и т.п. человека' [4, с. 117]).

Идиоматичность в пословицах имеет градуальный характер, как и у фразеологизмов. Однако если среди фразеологизмов полная (абсолютная) идиоматичность является обычной, то среди пословиц идиомы такого рода – случаи исключительные (например, *По одежке протягивай ножки* ‘Живи по своим средствам, доходам, в соответствии со своими возможностями’ [4, с. 252]). Показательно при этом, что каждый такой случай обусловлен преимущественно вполне конкретным факторами: собственно языковыми или экстралингвистическими (например, *Не подмажешь, не поедешь* ‘Если не дашь взятку, ничего и не добьешься’ [4, с. 216], где идиоматичность общего значения пословицы имеет функциональный характер, т.е. возникает, если не знать одно из переносных значений лексемы *подмазать* ‘разг. дать взятку; подкупить’ и/или если не иметь представления о специфике колесно-конного способа передвижения, поскольку оси, на которые надеты колеса в конной телеге, нужно регулярно смазывать дегтем для лучшего скольжения колес на осях, иначе коню будет трудно ее везти либо вообще невозможно сдвинуть с места).

Большинство пословиц не являются идиомами в строгом смысле (сверхсловными единицами, значение которых не выводимо из суммы значений их компонентов). Обычно, в пословицах, у которых «общее значение полностью переосмыслено, их обобщенное значение мотивируется общим прямым значением, которое сохраняется либо одновременно с переносным значением, либо только в их прототипах (свободных высказываниях как аналогов пословиц)» [3, с. 676]. Пословицы, будучи фразовыми текстами, всегда понятны (т.е. понимаемы) при своем употреблении в речи безотносительно ее контекста, что делает возможным их функционирование как дискурсивно самостоятельных единиц (что принципиально невозможно для фразеологизмов и еще раз свидетельствует о глубоком различии объектов изучения фразеологии и паремологии как лингвистических дисциплин). Ни один фразеологизм не может употребляться вне контекста, а пословицы могут, поэтому и рассматриваются как фольклорные тексты. Именно в этом и есть различие между пословицами и фразеологизмами (первые – это прежде всего тексты, и употребляются как тексты в текстах, а вот вторые текстами быть не могут, а используются как единицы языка для построения текстов).

Пословицы тематического поля ‘правопорядок’ в своем большинстве имеют прямое общее значение, однако их отдельные компоненты при этом могут быть переосмыслены, в том числе при помощи предметно-образного переноса значения. Например, *Всякая вина виновата* ‘Всякая, малейшая провинность не прощается (о строгом, придирчивом отношении)’ [4, с. 79], где компонент *виновата* переосмыслен, однако без участия предметного образа. Или: *Закон, что дышло: куда повернешь, туда и вышло*, ‘Закон всегда может быть истолкован произвольно’ [4, с. 123], где сравнительный оборот *что дышло* образован на основе предметной образности.

Несмотря на наличие у пословиц юридического содержания частично переносного значения степень их идиоматичности весьма низкая. Полное переосмысление таких пословиц встречается в единичных случаях и вызвано, как правило, утратой пословицами внутренней формы в связи с забвением (исчезновением) их текстового источника – народного рассказа, анекдота, сказки и т.д. Например, *На воре шапка горит* ‘Тот, кто чувствует за собой какую-либо вину, своим поведением невольно выдает себя’ [4, с. 182], где полностью переосмысленная паремия «восходит к старинному народному анекдоту о том, как знахарь нашел на рынке вора. Однажды после напрасных попыток поймать вора люди обратились к знахарю за помощью. Тот вывел их на рынок, где собралась большая толпа, и громко крикнул: “Смотрите! На воре-то шапка горит!” И вдруг все увидели, как какой-то человек схватился за шапку. Так вор был пойман и уличен» [Словарь русских пословиц 2007: 66]. Прототип такой переосмысленной пословицы «воспринимается как лишенный всякого смысла, необъяснимый, т.е. без знания речевого контекста его порождения (употребления) не соответствующий ни одной из возможных картин мира» [3, с. 694]. Вместе с тем фиксация и воспроизведение правовых норм и обычаев в форме паремий требует их полного и адекватного понимания всеми (без каких бы то ни было дополнительных объяснений, которых жанр паремий не предполагает), поэтому весьма немногочисленные юридические пословицы-идиомы всегда являются общеизвестными, всегда входят в активный состав пословичного фонда, всегда понятны всем носителям данного языка.

Гораздо чаще в юридических пословицах идиоматического характера встречается либо последовательное (преимущественно взаимосвязанное), либо параллельное (как правило, независимое друг от друга) переосмысление их отдельных компонентов и целых структурных частей. Последовательное переосмысление, например: *Повинную голову и меч не сечет* ‘Того, кто раскаивается, не наказывают’ [4, с. 255], где идиомами одновременно являются синтаксически связанные между собой сочетания *повинная голова* ‘кто-либо раскаявшийся’ и *меч не сечет* ‘не наказывают’. Параллельное переосмысление, например: *В воре, что в море, а в дураке, что в пресном молоке* ‘С вором опасно, а с дураком скучно’ [4, с. 56], где соотносятся в рамках синтаксического параллелизма два идиоматических сравнительных оборота *что в море* ‘опасно’ и *что в пресном молоке* ‘скучно’. Отдельные идиоматические выражения, образующие юридическую пословицу, либо в нее входящие, не влияют сколь-нибудь существенно на понимание ее общего содержания, поскольку являются либо широко употребительными (и в силу этого общеизвестными в плане своего значения), либо прозрачными по своей внутренней форме (и поэтому без труда адекватно интерпретируемыми).

Преимущественно прямое общее значение, а также общеизвестные либо прозрачные по своей внутренней форме идиомы-компоненты целесообразно рассматривать как основное семантическое свойство юридических пословиц,

благодаря которому обеспечивается адекватное восприятие и понимание отраженных в паремиях правовых норм всеми членами данного социума.

Литература

1. Верещагин, Е. М. Национально-культурная семантика языковых афоризмов / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1990. – С. 71–80.
2. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Знак, 2008. – 656 с.
3. Иванов, Е. Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки / Е. Е. Иванов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семантика. Семантика. – 2020. – Т. 11. – № 4. – С. 659–706.
4. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок: около 1200 пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1991. – 534 с.
5. Словарь русских пословиц: около 1000 единиц / под ред. В. М. Мокиенко. – М. : Астрель ; Аст, 2007. – 381 с.

УДК 81'23:81'373.7

Городецкий Иван Вячеславович

Белорусский государственный университет иностранных языков
(г. Минск, Республика Беларусь)
gorodetsky22@yandex.by

ДЕЙКТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С СЕМАНТИКОЙ ОДНОВРЕМЕННОСТИ В БЕЛОРУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ (КОНТРАСТИВНЫЙ АСПЕКТ)

В статье представляются общие и национально-специфические характеристики белорусских, английских и французских фразеологических средств выражения одновременности.

Ключевые слова: фразеология, темпоральный дейксис, одновременность, семантика, сопоставительный анализ

The article presents common and national-specific characteristics of Belarusian, English, and French phraseological means of expressing simultaneity.

Keywords: phraseology, temporal deixis, simultaneity, semantics, contrastive study

Проблема осмысления времени традиционно занимает важное место в гуманитарном знании. В философской традиции время рассматривается как универсальная онтологическая категория, выражающая длительность бытия и смену состояний материальных систем и процессов [1, с. 79]. В физике время трактуется как одна из координат пространства-времени, вдоль которой протянуты мировые линии физических тел, а также сознание [1, с. 79].

Сегодня лингвисты уделяют особое внимание изучению языковой репрезентации времени – категории, играющей ключевую роль в организации человеческой коммуникации. При этом исследователи оперируют не только узким понятием «время», но и более широкой категорией «темпоральности». Если категория времени в первую очередь описывается через грамматические временные формы, то темпоральность охватывает весь спектр языковых средств, фиксирующих как внутреннее время высказывания (таксис), так и привязку к моменту речи – *темпоральный дейксис*.

Несмотря на многочисленные исследования языковых средств реализации данного вида указания в разноструктурных языках предложениями (А.М. Бертонно, М. Брас, Л. Госселен, К.С. Ермакова, Л.Н. Фоменко, К.К. Кашлева, Э. Кенинг, А. Либерт, Д. Стозич), наречиями (Н.Д. Арутюнова, Л.П. Крысин, Э. Бенвенист, Н. Хорштейн, Г. Клейбер, В. Кляйн, Дж. Лионс, С. Левинсон, Г. Муанье, М. Вильме), прилагательными (Е.В. Падучева, А.Д. Шмелев, А. Вежбицкая, Д. Круз, М. Гревис, Р. Хаддлестон, Дж. Лич, Дж. Пуллум), глаголами (В.Г. Гак, М.А. Кронгауз, А.В. Бондарко, Б. Комри, Х. Райхенбах, К. Смит, К. Веттерс), существительными (Ю.Д. Апресян, Ю.Н. Караулов, Т.П. Ломтев, А. Греймас, В. Эванс, М. Джонсон, Дж. Лакофф, Р. Квирк), белорусские фразеологические средства выражения темпорального дейксиса в сопоставлении с английскими и французскими фразеологическими маркерами данной категории не были отдельным предметом исследования лингвистов. При этом именно фразеология как носитель системы национальных ценностей, культурно-исторического прошлого, устоявшихся норм социального поведения, обычаев и повседневной бытовой практики, позволяет выявить универсальные и уникальные особенности реализации временного указания в неблизкородственных языках, что обуславливает актуальность и новизну предпринятого нами исследования.

Репрезентация темпоральным дейксисом указания на время в виде линейной структуры и расположения событий во взаимосвязанной последовательности обуславливает его стратификацию на предшествование, одновременность и следование. Согласно А.Е. Антроповой [2], именно значение одновременности служит базой для разграничения актуального (происходит в момент речи), неактуального (не относится к моменту речи напрямую) и исторического (формы настоящего времени для описания прошлых событий) настоящего, а также для описания таксисных отношений между событиями.

Одновременность является структурообразующим принципом временной организации деятельности человека, так как обеспечивает привязку событий к акту речи и служит отправной точкой для построения других временных отношений. Тем самым данная категория не только упорядочивает временную сетку языка, но и определяет способы интерпретации происходящего говорящим. В нашем исследовании под одновременностью понимается диалектическое единство двух форм временного совпадения двух типов синхронии: абсолютной – предполагающей полное совпадение событий во времени, и относительной – отражающей их неполное или частичное совпадение [3, с. 140].

Данный дейктический параметр реализуется 18 белорусскими, 23 английскими и 38 французскими фразеологизмами. Общим для белорусской и французской фразеосистем выступает реализация одновременности событий через указание на текущий день в 24-часовом промежутке (белорус. *сягонняшні дзень* ‘настоящее’ [4, с. 375]: *Аповесць – менавіта пра цяперашнюю нашу калгасную вёску, пра яе сённяшні дзень*. Гіль [4, с. 375]; франц. *au jour d'aujourd'hui* – букв. на сегодняшний день [6, с. 863]: *Au jour d'aujourd'hui, il y a des domestiques qui n'aiment pas la campagne*. M. Donnay et H. Duvernois. ‘Ны́нче есть слуги, которым не по вкусу жить в деревне’ [6, с. 863]). В английской фразеологии указание на одновременность событий актуализуется единой онтологической платформой актуального настоящего («сейчас») и локуса говорящего («здесь») (*the here and now* – букв. здесь и сейчас – ‘настоящее время, данный период’ [5, с. 384]: *Animals live only in the here and now* (RHD). ‘Животные живут только настоящим’ [5, с. 384]).

Для белорусской фразеосистемы характерно наличие единиц, маркирующих коллективную согласованность – единство действий, солидарность и синхронность реакций участников социального взаимодействия (*як па камандзе* ‘одновременно, вместе’ [4, с. 545]: *Калі я выходзіў з канторы, мужчыны ўсе ўсталі як па камандзе*. Сабаленка [4, с. 545] и *у адзін голас* ‘одновременно, вместе’ [4, с. 317]: *Божа! – толькі і сказалі ў адзін голас важаты і Ролік*. Караткевіч [4, с. 317]).

Английские и французские фразеологические средства указания на одновременность

1) не маркируют коллективного синхронного начала (англ. *all at once* – букв. ‘все сразу’ – ‘одновременно, в одно и то же время’ [5, с. 38]: *He is a planner, supervisor, and public-relations man all at once* (RHD). ‘Он и проектировщик, и руководитель работ, и одновременно в интересах фирмы осуществляет связь с общественностью’ [5, с. 38], *at one go* – букв. За один подход – ‘одним ударом, сразу’ [5, с. 317]: *He knocked down several skittles at one go* (P. Selver). ‘Он одним ударом сбил несколько кеглей’ [5, с. 317], *in a (one / the same) breath* – букв. на одном дыхании – ‘одновременно, в то же время’ [5, с. 108]: ... *don't refer to my business in the same breath as your own gimcrack huckster's trade* (A. Cronin). ‘... не ставьте мое предприятие на одну доску с вашим ярмарочным балаганом, торгующим побрякушками’ [5, с. 108]; франц. *tout à l'heure* – букв. все ввремя – ‘сейчас, в настоящее время’ [6, с. 805]);

2) наделяют актуальный момент времени эпохальной значимостью, когда настоящее становится смысловым центром, измеряемым через призму исторического или социального контраста (англ. *these days* – букв. эти дни – ‘в наши дни, в наше время’ [5, с. 202]: *You don't run across many fine men like him these days* (E. Caldwell). ‘Такие люди, как он, в наши дни встречаются редко’ [5, с. 202]; франц. *par les temps qui courent* – букв. в те времена, которые бегут – ‘в наше время, ныне, в наши дни’ [6, с. 1478]: *Des équipes de bûcherons, même nombreuses,*

par les temps qui courent, ça paraîtra normal (J. Fréville) ‘Артель лесорубов, даже многочисленная, в наше время не вызовет никаких подозрений’ [6, с. 1478]).

Таким образом, общим во фразеологической репрезентации одновременности является фиксация единицами сопоставляемых языков интегративного соотношения абсолютного и относительного совпадения событий во времени. Английские и французские фразеологические средства указания на одновременность актуализируют особое – «эпохальное» – восприятие настоящего через призму исторического или социального контраста. Белорусской спецификой выступает маркирование коллективной синхронности и социальной сплочённости. Английская специфика указания на одновременность событий заключается в его актуализации единой онтологической платформой актуального настоящего («сейчас») и локуса говорящего («здесь»).

Литература

1. Артаманов, Г. А. Что такое время? / Г. А. Артаманов // Инновационная наука. – 2021. – № 1. – С. 79–88.
2. Антропова, А. Е. Формы настоящего времени в русском и английском языках как средства выражения категории одновременности / А. Е. Антропова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – № 5. – С. 1647–1653.
3. Шарипова, Ш. К вопросу об одновременности действий в языкознании / Ш. Шарипова // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4. – С. 138–143.
4. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы: у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2008. – Т. 1 : А – Л. – 669 с.
5. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – М. : Рус. яз., 1984. – 944 с.
6. Гак, В. Г. Новый большой французско-русский фразеологический словарь / В. Г. Гак [и др.]. – М. : Русский язык – Медиа, 2005. – 1625 с.

УДК 398.91:811.111'25

Зубрий Сергей Петрович

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

zubrii@m.msu.by

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ПОСЛОВИЦ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Перевод пословиц представляет собой сложную задачу, требующую не только лингвистической компетенции, но и глубокого понимания культурных реалий. Данная статья посвящена исследованию трех основных способов перевода пословиц с английского на русский язык: поиск эквивалента, использование аналога и калькирование. Анализируются преимущества и недостатки каждого подхода, а также условия их применения.

Ключевые слова: пословица, перевод, эквивалент, аналог, калькирование, культурная специфика

Translating proverbs is a complex task that requires not only linguistic competence, but also a deep understanding of cultural realities. This article explores three main approaches to translating proverbs from English into Russian: finding an equivalent, using an analogue, and literal translation. It analyzes the advantages and disadvantages of each approach, as well as the conditions under which they can be applied.

Keywords: proverb, translation, equivalent, analogue, literal translation, cultural specificity

Пословицы – это лаконичные, образные выражения, отражающие народную мудрость, опыт и мировоззрение. Они обладают высокой степенью устойчивости, часто имеют метафорический смысл и глубоко укоренены в культуре своего происхождения. Перевод пословиц с одного языка на другой является одной из наиболее трудных задач в переводческой практике, поскольку прямой перенос их значения и формы зачастую оказывается невозможным или неэффективным.

В переводческой практике можно выделить три основных способа перевода пословиц: поиск эквивалента в языке перевода, подбор аналога и калькирование (дословный перевод).

Эквивалентный перевод пословиц – это наиболее сложный и часто наиболее предпочтительный способ перевода, который стремится передать не только смысл, но и стилистические, эмоциональные и культурные коннотации исходной пословицы, используя при этом средства переводящего языка. «Эквивалент – слово или выражение целиком и полностью совпадающее со словом или выражением оригинала, т.е. прямое соответствие, не зависящее от контекста». [1, 253] Эквивалент может быть как полным, так и частичным, и часто требует от переводчика творческого подхода. При переводе английской пословицы *Appetite comes with eating* мы находим в русском языке полный эквивалент – *Аппетит приходит во время еды*. Примером частичного эквивалента является английская пословица *To know something like the palm of one's hand* – *Знать, как свои пять пальцев*. Эквивалентный перевод стремится передать все аспекты пословицы: ее смысл, образность, эмоциональную окраску и культурный подтекст. Необходимо отметить, что эквивалентный перевод требует от переводчика глубокого понимания культурных нюансов как исходного, так и целевого языков.

Следующий способ перевода – подбор аналога в переводном языке. «Аналог – перевод (результат перевода) по аналогии посредством выбора одного из нескольких синонимов». [1, 19] Данный способ перевода подразумевает нахождение пословицы, которая передает схожую идею, но не является дословным эквивалентом, т.е. отличается по форме и лексическому составу. Этот способ часто используется, когда в целевом языке отсутствует прямой эквивалент.

Пословицы-аналоги, существующие в русском языке, воспринимаются носителями языка естественно и не требуют дополнительных пояснений. Ана-

лог позволяет достичь того же коммуникативного эффекта, что и исходная поговорка, будь то выражение предостережения, совета или констатации факта. Использование аналога способствует более глубокой культурной адаптации текста, делая его более близким и понятным для целевой аудитории. Например, аналогом английской поговорки *Make hay while the sun shines* является русский вариант *Куй железо, пока горячо*.

Однако при замене одной поговорки на другую теряется уникальный образ, метафора или стилистическая особенность исходного выражения. Не для каждой английской поговорки можно найти абсолютно точный и общепотребительный аналог в русском языке, что требует от переводчика глубоких знаний обоих языков и культур.

Калькирование представляет собой дословный перевод, при котором сохраняется структура и лексический состав исходной поговорки. Этот способ перевода используется, если в переводном языке отсутствует эквивалент или аналог поговорки языка оригинала. В некоторых случаях калькирование позволяет сохранить уникальность и колорит исходной поговорки, что может быть важно для передачи авторского стиля или создания особого эффекта. Рассмотрим английскую поговорку *A volunteer is worth twenty pressed men*. Данная поговорка обозначает, что маленькая группа людей может быть эффективнее и полезнее, чем большая группа, если у них есть энтузиазм и стремление. При передаче этой поговорки применяется дословный перевод, т.к. в русском языке нет ни эквивалента, ни аналога данной английской поговорки: *Один доброволец стоит двадцати принужденных*.

При наличии очевидной структурной и смысловой параллели калькирование может быть самым быстрым и простым способом перевода. Если структура или лексика английской поговорки не имеют прямых аналогов в русском языке, или если метафора не воспринимается носителями русского языка, калькирование может привести к полной потере смысла или даже к его искажению. Дословный перевод может звучать неестественно, архаично или даже комично для русскоговорящего слушателя.

Выбор между калькированием, аналогом и эквивалентом при переводе поговорок с английского на русский язык не является произвольным. Он определяется комплексом лингвистических, культурных и прагматических факторов, которыми «обуславливаются характер и способы передачи единиц одного языка средствами другого языка» [2, 19], и которые переводчик должен учитывать для достижения адекватного и эффективного перевода.

Пословицы с ярко выраженной, но при этом универсальной метафорой (например, *The early bird catches the worm*) могут быть успешно переведены калькированием (*Ранняя птичка ловит червя/червячка*) или путем поиска близкого по смыслу аналога (*Кто рано встает, тому Бог подает*). Однако, если метафора специфична для английской культуры или языка, калькирование может привести к непониманию. Например, *A bird in the hand is worth two*

in the bush – дословный перевод *Птица в руке стоит двух в кустах* может быть понятен, но русский аналог *Лучше синица в руках, чем журавль в небе* является более естественным и устоявшимся.

Наличие в русском языке устойчивых выражений, близких по структуре и лексике к английской пословице, облегчает выбор в пользу поиска прямого эквивалента. Например, *Early to bed and early to rise makes a man healthy, wealthy and wise* – *Кто рано ложится и рано встает, тот здоровье, богатство и ум наживет* является практически полным эквивалентом, сохраняющим и смысл, и некоторую структурную параллель.

Перевод пословиц с английского на русский язык – это сложная задача, требующая учета множества факторов. Способы эквивалентного, аналогичного перевода и калькирования могут быть успешно использованы в зависимости от конкретных условий и требований. Умелое сочетание всех трех подходов может существенно улучшить качество перевода и сделать его более естественным для носителей целевого языка. Таким образом, для достижения наилучшего результата переводчик должен быть не только мастером языка, но и культурным посредником.

Исследование выполнено в рамках НИР «Белорусские фольклорные и литературные афоризмы в контексте других языков и культур» Государственной программы научных исследований 2026–2030 гг.

Литература

1. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта : Наука, 2003. – 320 с.
2. Бредис, М. А. Провербальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) / М. А. Бредис, Е. Е. Иванов // Новые исследования Тувы. – 2022. – № 1. – С. 17–36.

УДК 811.161.3

Іваноў Яўген Яўгенавіч

Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова

(г. Магілёў, Рэспубліка Беларусь)

ivanov_ee@m.msu.by

БЕЛАРУСКАЯ ФАЛЬКЛОРНАЯ І ЛІТАРАТУРНАЯ АФАРЫСТЫКА Ў КАНТЭКСЦЕ ІНШЫХ МОЎ І КУЛЬТУР (АКТУАЛЬНЫЯ ПРАБЛЕМЫ І ЗАДАЧЫ ДАСЛЕДАВАННЯ)

У артыкуле вызначаюцца і абгрунтоўваюцца актуальнасць, мэта, задачы і навуковая навізна вывучэння беларускіх фальклорных і літаратурных афарызмаў у кантэксце іншых

моў і культур (ва ўласна лінгвістычным, а таксама лінгвакагнітыўным, лінгвакультурным, лінгвааксіялагічным, лексікаграфічным і лінгвадыдактычным аспектах).

Ключавыя словы: беларуская мова, беларускі фальклор, беларуская літаратура, афарызм, іншамоўны ўплыў, культурны трансфер

The article defines and substantiates the relevance, purpose, tasks and scientific novelty of the study of Belarusian folklore aphorisms and literary aphorisms in the context of other languages and cultures (in the proper linguistic, as well as linguistic-cognitive, linguistic-cultural, linguistic-axiological, lexicographic and linguistic-didactic aspects).

Keywords: Belarusian language, Belarusian folklore, Belarusian literature, aphorism, foreign language influence, cultural transfer

Адным з актуальных напрамкаў у сучасным беларускім і замежным мовазнаўстве з’яўляецца шырокае, рознааспектнае і міждысцыплінарнае вывучэнне афарыстычных адзінак (фальклорных і літаратурных афарызмаў), у якіх найбольш яскрава адлюстраваны ўнікальныя ўласцівасці нацыянальных моў (ідэяматыка і стылістыка), нацыянальных менталітэтаў (катэгарызацыя і канцэптуалізацыя свету), нацыянальных культур (культурныя коды і рэаліі), нацыянальных каштоўнасцей (сістэма звычаяў, норм і правіл жыцця). Нацыянальным набыткам і гонарам кожнай нацыі з’яўляюцца тэзаўрусы фальклорных афарызмаў (прыказак) і літаратурных афарызмаў (выслоўяў), да якіх звяртаюцца кожны раз, калі трэба спіска і дакладна вызначыць сутнасць нейкай з’явы, ацаніць асобны факт, абгрунтаваць пэўны погляд з пазіцый носьбітаў той ці іншай мовы, прадстаўнікоў той ці іншай этнакультуры або цэлай нацыі. Такія рупліва складзеныя і навукова абгрунтаваныя тэзаўрусы (слоўнікі і энцыклапедычныя даведнікі) афарызмаў ёсць ва ўсіх народаў, якія паважаюць сваю нацыянальную, дзяржаўную, моўную, культурную, духоўную і інтэлектуальную незалежнасць і ідэнтычнасць. Такія тэзаўрусы лічаць за вялікі гонар складаць знаныя лінгвісты і філолагі, звычайна вядомыя далёка за межамі сваіх краін (гл., напрыклад, на рускай мове [1; 2] або на англійскай мове [3; 4]). Афарызмам у розных мовах прысвечана шмат навуковых прац як у межах асобных навуковых дысцыплін (мовазнаўства, літаратуразнаўства, філасофіі, фалькларыстыкі, гісторыі), так і міждысцыплінарнага характару (гл., напрыклад [5–8]).

У межах беларусістыкі ў гэтай галіне зроблена вельмі і вельмі мала. Так, існуе толькі некалькі невялічкіх зборнікаў літаратурных афарызмаў, у якіх адлюстравана малая частка вельмі багатай беларускай літаратурнай (мастацкай і публіцыстычнай) афарыстыкі (гл., напрыклад, выданне “кішэннага” фармату [9], таксама выданні [10; 11]). Дагэтуль няма тэзаўруса беларускіх фальклорных афарызмаў, толькі трэцяя частка беларускіх прыказак змешчана ў самым вялікім парэміялагічным зборніку, дзе адлюстравана каля 12 000 адзінак [12]. Беларускія літаратурныя і фальклорныя афарызмы вывучаны вельмі мала. Існуе толькі адна манаграфія агульнага характару [13], а таксама некалькі ра-

бот, присвечаных прыватным пытаннем вывучэння афарызмаў (напрыклад [14; 15]). Беларускі фальклорны і літаратурны афарызм амаль не даследаваны і ў аспекце кагнітыўнай лінгвістыкі, лінгвакультуралогіі, лінгвааксіялогіі, а таксама міжмоўнага параўнання на фоне іншых моў і культур. Існуе толькі адна работа, прысвечаная лінгвакультуралагічнаму апісанню ўласна беларускіх фальклорных афарызмаў на фоне іншых моў [16], а таксама адна работа, у якой разглядаюцца беларускія фальклорныя афарызмы ў аксіялагічным плане [17].

Беларускія фальклорныя і літаратурныя афарызмы або адсутнічаюць, або вельмі мала (і часта недакладна) прадстаўлены ў найбольш аўтарытэтных шматмоўных і/або полілінгвакультурных даведніках афарызмаў розных народаў. Гэта вядзе да неапраўданага прыніжэння, а нярэдка і ўвогуле да адмаўлення беларусам у праве на наяўнасць самабытнай нацыянальнай думкі, гістарычна абумоўленага самастойнага выбару свайго дзяржаўнага, культурнага і грамадскага шляху, нарэшце сваёй нацыянальнай, дзяржаўнай, моўнай, культурнай, духоўнай і інтэлектуальнай ідэнтычнасці і незалежнасці.

Адсутнасць міжмоўнага супастаўляльнага і тыпалагічнага вывучэння беларускіх фальклорных і літаратурных афарызмаў, іх лінгвакагнітыўнага, лінгвакультуралагічнага і лінгвааксіялагічнага аналізу на шырокім моўным фоне прыводзіць, з аднаго боку, да неапраўданага колькаснага і якаснага перабольшання ўласна нацыянальнага кампанента (у склад спецыфічных, унікальных адзінак залічваюцца тыя, якія сустракаюцца і ў іншых мовах або ўвогуле з'яўляюцца моўнымі ўніверсальямі), а з другога – да немагчымасці аб'ектыўна ацаніць і эфектыўна выкарыстоўваць як у навуковых мэтах, так і ў сферах адукацыі, культуры, інфармацыі, ідэялогіі такія ўласна беларускія фальклорныя і літаратурныя афарызмы, у якіх адлюстраваны сапраўды ўнікальныя, уласцівыя толькі беларускаму народу (што не сустракаюцца ў іншых народаў) асаблівасці светаўспрымання і светапогляду, культурна і каштоўнасна абумоўленых адносін да рэчаіснасці і чалавека, нацыянальна дыферэнцаванай карціны свету.

Гэта вядзе да таго, што ў афіцыйным палітычным дыскурсе, у сродках масавай інфармацыі, у адукацыйным і выхаваўчым працэсе пры неабходнасці сцісла і дакладна вызначыць сутнасць нейкай з'явы, ацаніць асобны факт, абгрунтаваць пэўны погляд з пазіцый беларускай дзяржавы і беларускага грамадства вельмі часта выкарыстоўваюцца афарыстычныя адзінкі, у якіх адлюстраваны не ўласна беларускі, а чужы светапогляд, чужая культура, чужы каштоўнасці (носьбітаў іншай мовы, прадстаўнікоў іншай этнакультуры, іншых норм і правіл грамадскага жыцця). А гэта ўжо прамая ці ўскосная пагроза бяспецы нацыянальна-культурнай ідэнтычнасці і беларускай дзяржаўнасці.

Вызначэнне і рознааспектнае апісанне ўнікальных фальклорных і літаратурных афарыстычных адзінак беларускай мовы, у якіх адлюстраваны комплекс гістарычна, традыцыйна, сацыякультурна і духоўна дэтэрмінаваных катэгорый ментальнасці беларускага народа, з'яўляецца адной з надзённых

проблем сучаснага беларускага мовазнаўства, якая патрабуе тэрміновага вырашэння.

Аktуальнасць даследавання беларускай фальклорнай і літаратурнай афарыстыкі ў кантэксце іншых моў і культур заключаецца:

- у распрацоўцы ў беларускім мовазнаўстве шэрага кірункаў міжмоўнага сінхронічнага і дыяхронічнага параўнання адзінак нацыянальнага корпуса беларускіх фальклорных і літаратурных афарызмаў з адзінкамі нацыянальных корпусаў фальклорных і літаратурных афарызмаў іншых моў;

- у вызначэнні, дыферэнцыяцыі і рознааспектным апісанні ўніверсальных і спецыфічных уласна лінгвістычных, лінгвакагнітыўных, лінгвакультурных, лінгвааксіялагічных характарыстык адзінак корпуса беларускіх фальклорных і літаратурных афарызмаў (на шырокім фоне іншых моў і культур);

- у стварэнні лінгвістычнай базы дадзеных (для ўнутраных і знешніх карыстальнікаў) – лексікаграфічнага мадэлявання і перакладу беларускіх фальклорных і літаратурных афарызмаў, унікальных па ўласна лінгвістычных, лінгвакагнітыўных, лінгвакультурных, лінгвааксіялагічных характарыстыках (на шырокім фоне іншых моў і культур);

- у распрацоўцы комплексу рэкамендацый для практычнага выкарыстання ўнікальных (спецыфічных на фоне іншых моў і культур) беларускіх фальклорных і літаратурных афарызмаў у сферах адукацыі, культуры, інфармацыі, ідэялогіі ў мэтах забеспячэння бяспекі нацыянальна-культурнай ідэнтычнасці і беларускай дзяржаўнасці.

Мэта даследавання – усталяваць і апісаць універсальныя і спецыфічныя ўласна моўныя, лінгвакагнітыўныя, лінгвакультурныя, лінгвааксіялагічныя характарыстыкі адзінак нацыянальнага корпуса беларускіх фальклорных і літаратурных афарызмаў у межах іх сінхронічнага (тыпалагічнага і кантрастыўнага) і дыяхронічнага (гістарычна-этымалагічнага) міжмоўнага параўнання з адзінкамі нацыянальных корпусаў фальклорных і літаратурных афарызмаў розных моў (рускай і іншых славянскіх, а таксама асобных германскіх, раманскіх, балтыйскіх, фіна-ўгорскіх, цюркскіх), на падставе чаго вызначыць унікальныя афарыстычныя адзінкі беларускай мовы, у якіх адлюстраваны комплекс гістарычна, традыцыйна, сацыякультурна і духоўна дэтэрмінаваных катэгорый ментальнай і духоўнай нацыянальнай ідэнтычнасці беларускага народа.

Задачы даследавання:

- распрацаваць тэарэтычнае абгрунтаванне, прынцыпы, метады і прыёмы міжмоўнага сінхронічнага (тыпалагічнага і кантрастыўнага) і дыяхронічнага (гістарычна-этымалагічнага) параўнання корпуса беларускіх фальклорных і літаратурных афарызмаў з адзінкамі нацыянальных корпусаў фальклорных і літаратурных афарызмаў розных моў (рускай і іншых славянскіх, а таксама асобных германскіх, раманскіх, балтыйскіх, фіна-ўгорскіх, цюркскіх);

– устанавіць, дыферэнцаваць і апісаць універсальныя і спецыфічныя ўласна моўныя уласцівасці і характарыстыкі (семантычныя, структурныя, стылістычныя, функцыянальныя) адзінак корпуса беларускіх фальклорных і літаратурных афарызмаў у межах іх сінхранічнага і дыяхранічнага параўнання з адзінкамі нацыянальных корпусаў фальклорных і літаратурных афарызмаў розных моў (рускай і іншых славянскіх, а таксама асобных германскіх, раманскіх, балтыйскіх, фіна-ўгорскіх, цюркскіх);

– устанавіць, дыферэнцаваць і апісаць універсальныя і спецыфічныя лінгвакагнітыўныя уласцівасці і характарыстыкі (рэпрэзентацыя адносін да рэчаіснасці, катэгарызацыя і канцэптуалізацыя свету, спосабы абагульнення эмпірычных і тэарэтычных ведаў) адзінак корпуса беларускіх фальклорных і літаратурных афарызмаў у межах іх сінхранічнага і дыяхранічнага параўнання з адзінкамі нацыянальных корпусаў фальклорных і літаратурных афарызмаў розных моў (рускай і іншых славянскіх, а таксама асобных германскіх, раманскіх, балтыйскіх, фіна-ўгорскіх, цюркскіх);

– устанавіць, дыферэнцаваць і апісаць універсальныя і спецыфічныя лінгвакультурныя ўласцівасці і характарыстыкі (вербалізацыя культурных кодаў, вынікі культурнага трансферу, праявы акультурацыі і культурнай асіміляцыі) адзінак корпуса беларускіх фальклорных і літаратурных афарызмаў у межах іх сінхранічнага і дыяхранічнага параўнання з адзінкамі нацыянальных корпусаў фальклорных і літаратурных афарызмаў розных моў (рускай і іншых славянскіх, а таксама асобных германскіх, раманскіх, балтыйскіх, фіна-ўгорскіх, цюркскіх);

– устанавіць, дыферэнцаваць і апісаць універсальныя і спецыфічныя лінгвааксіялагічныя ўласцівасці і характарыстыкі (рэпрэзентацыя аксіялагічнай карціны свету, а таксама асноўных традыцыйных, гістарычных, сацыяльных, культурных, духоўных каштоўнасцей беларускага народа ў праекцыі на асобу і дзяржаву) адзінак корпуса беларускіх фальклорных і літаратурных афарызмаў у межах іх сінхранічнага і дыяхранічнага параўнання з адзінкамі нацыянальных корпусаў фальклорных і літаратурных афарызмаў розных моў (рускай і іншых славянскіх, а таксама асобных германскіх, раманскіх, балтыйскіх, фіна-ўгорскіх, цюркскіх);

– вызначыць, параметрызаваць і абагульніць у выглядзе лінгвістычнай базы дадзеных для ўнутраных і знешніх карыстальнікаў (пераклад, лексікаграфічнае мадэляванне) корпус беларускіх фальклорных і літаратурных афарызмаў, унікальных па моўных, лінгвакагнітыўных, лінгвакультурных, лінгвааксіялагічных характарыстык (на фоне іншых моў і культур), распрадаваць рэкамендацыі для яго практычнага выкарыстання ў сферах адукацыі, культуры, інфармацыі, ідэялогіі ў мэтах забеспячэння бяспекі нацыянальна-культурнай ідэнтычнасці і беларускай дзяржаўнасці.

Навуковая навізна прапанаванай навукова-даследчай тэмы заключаецца:

– у інтэграваным падыходзе да вызначэння ўніверсальных (агульных з іншымі мовамі) і спецыфічных (унікальных, уласна беларускіх) характарыстык

беларускіх фальклорных і літаратурных афарызмаў (выкарыстанне адначасова прыёмаў тыпалагічнага, кантрастыўнага і гістарычна-этымалагічнага метадаў даследавання корпуса афарыстычных адзінак на шырокім іншамовным і іншакультурным фоне);

- у вызначэнні новых уласна лінгвістычных, лінгвакагнітыўных, лінгвакультурных, лінгвааксіялагічных уласцівасцей і параметраў беларускіх фальклорных і літаратурных афарызмаў (у супастаўленні з афарыстычнымі адзінкамі розных моў – рускай і іншых славянскіх, а таксама асобных германскіх, раманскіх, балтыйскіх, фіна-ўгорскіх, цюркскіх);

- ва ўстанаўленні і рознааспектным апісанні корпуса беларускіх фальклорных і літаратурных афарызмаў, унікальных па сваіх уласна мовных, лінгвакагнітыўных, лінгвакультурных, лінгвааксіялагічных характарыстыках (на шырокім фоне іншых моў і лінгвакультур);

- у лексікаграфічным мадэляванні корпуса ўласна беларускіх фальклорных і літаратурных афарызмаў, стварэнні новых навуковых работ і лінгвадыдактычных рэсурсаў па выніках даследавання;

- у распрацоўцы рэкамендацый па практычным выкарыстанні вынікаў і матэрыялаў даследавання (корпуса ўласна беларускіх фальклорных і літаратурных афарызмаў) у сферах адукацыі, культуры, інфармацыі, ідэалогіі для забеспячэння бяспекі нацыянальна-культурнай ідэнтычнасці і беларускай дзяржаўнасці;

- у стварэнні экспертна значнай прадукцыі ў галіне філалогіі і культуралогіі – перакладнога (на рускай і на англійскай мовах) даведніка ўласна беларускіх фальклорных і літаратурных афарызмаў для тых, хто вывучае беларускую мову, літаратуру, культуру, грамадскую думку і/або выкарыстоўвае іх у прафесійных мэтах.

Магчымыя сферы выкарыстання вынікаў – сфера навукі (падрыхтоўка спецыялістаў вышэйшай навуковай кваліфікацыі), сфера адукацыі (агульнай і паглыбленай вышэйшай, агульнай і спецыяльнай сярэдняй), сацыяльна-эканамічная сфера (генерацыя рэкламных тэкстаў, пераклад грамадска-палітычных тэкстаў), сфера інфармацыі (генерацыя публіцыстычных тэкстаў і літаратурнае рэдагаванне).

У МДУ імя А.А. Куляшова на працягу апошніх дзесяці гадоў створана неабходная тэарэтычная і метадалагічная база для даследавання беларускіх фальклорных і літаратурных афарызмаў на падставе іх супастаўляльнага, лінгвакагнітыўнага, лінгвакультуралагічнага, лінгвааксіялагічнага апісання ў адносінах да іншых моў і лінгвакультур [18–27]. Прапанаваная навукова-даследчая тэма з’яўляецца натуральным працягам папярэдніх даследаванняў у галіне супастаўляльнага вывучэння афарыстычных адзінак беларускай і іншых моў.

Даследаванне выканана ў межах НДР “Беларуская фальклорная і літаратурная афарыстыка ў кантэксце іншых моў і культур” Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў 2026–2030 гг.

Літаратура

1. Королькова, А. В. Словарь афоризмов русских писателей / А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов. – М. : Русский язык-Медиа, 2005. – 627 с.
2. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц : около 70000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1023 с.
3. Smith, L. P. A Treasury of English Aphorisms / L. P. Smith. – London : Constable, 1928. – 1261 p.
4. Wilson, F. P. The Oxford Dictionary of English Proverbs / F. P. Wilson. – Oxford : Clarendon, 1970. – 930 p.
5. Королькова, А. В. Русская афористика / А. В. Королькова. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 344 с.
6. Aforyzm europejski : studia i szkice / pod red. A. Jarzyny, J. Jęcz, M. Junkierta, K. Kuczyńskiej-Koschany. – Kraków : Wydawnictwo Pasaż, 2015. – 274 s.
7. Geary, J. The World in a Phrase: A Brief History of the Aphorism / J. Geary. – New York : Bloomsbury, 2006. – 240 p.
8. Der Aphorismus. Zur Geschichte, zu den Formen und Möglichkeiten / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. – М. : РУДН, 2021. – 242 с.
9. Гаўрош, Н. В. Афарыстычныя выслоўі беларускіх пісьменнікаў / Н. В. Гаўрош, Н. М. Нямковіч. – Мінск : Вышэйшая школа, 2012. – 638 с.
10. Леванюк, А. Я. Майстры кажуць...: беларускія літаратурныя афарыстычныя выслоўі / А. Я. Леванюк. – Брэст : БрДУ імя А. С. Пушкіна, 2010. – 161 с.
11. Леванюк, А. Я. Пацёркі жыццёвай мудрасці : слоўнік беларускіх літаратурных афарызмаў / А. Я. Леванюк. – Брэст : БрДУ імя А. С. Пушкіна, 2018. – 242 с.
12. Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. / склад. М. Я. Грынблат. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976.
13. Іваноў, Я. Я. Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2017. – 208 с.
14. Дзядова, А. С. Чалавек у лютэрку беларускай фразеалогіі і парэміялогіі / А. С. Дзядова. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2013. – 162 с.
15. Леванюк, А. Я. Беларуская афарыстыка як нацыянальна-культурны феномен: беларускі літаратурны пазычны афарызм / А. Я. Леванюк. – Брэст : БрДУ, 2018. – 101 с.
16. Петрушэўская, Ю. А. Моўная спецыфічнасць і нацыянальная адметнасць прыказак беларускай мовы / Ю. А. Петрушэўская. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2021. – 220 с.
17. Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в поговорках / Е. В. Ничипорчик. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.
18. Ivanov, E. Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian) / E. Ivanov. – Prague : RSS, 2002. – 136 p.
19. Іваноў, Я. Я. Праблемы лінгвістычнага вывучэння афарызма / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : Брама, 2003. – 194 с.
20. Іваноў, Я. Я. Дыферэнцыяльныя прыметы афарызма / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : Брама, 2004. – 160 с.
21. Иванов, Е. Е. Лингвистика афоризма / Е. Е. Иванов. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 156 с.
22. Иванов, Е. Е. Паремиялогия на перекрёстках языков и культур / Е. Е. Иванов [и др.] ; под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. – М. : Изд-во РУДН, 2021. – 246 с.

23. Іваноў, Я. Я. Афарызмы ў мове і мова афарызмаў (аспекты тэорыі афарыстыкі) / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2024. – 296 с.

24. Іваноў, Я. Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове : з іншамовных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. – XX ст. : тлумачальны слоўнік / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2011. – 164 с.

25. Иванов, Е. Е. Лепта библейской мудрости : библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках / авт.-сост.: Д. Балакова, Х. Вальтер, Н. Ф. Венжинович, М. С. Гутовская, Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2014. – 208 с.

26. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках : в 2 т. / под ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко [и др.]. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – Т. 1. – 334 с.

27. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках : в 2 т. / под ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко [и др.]. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – Т. 2. – 308 с.

УДК 82-193.1

Иванькова Ольга Николаевна

Витебский филиал Международного университета «МИТСО»

(г. Витебск, Республика Беларусь)

olga.ivankova25@gmail.com

О СЕМАНТИКЕ ФРАНЦУЗСКИХ И РУССКИХ ЗАГАДОК О ПРИРОДЕ

Статья посвящена изучению когнитивного уровня семантики загадок с природным компонентом в русском и французском языках с позиций сопоставительной лингвистики. Реализация поставленной цели предопределила задачи исследования: обоснование применения лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов к исследованию загадок; выделение и описание когнитивных уровней семантики русских и французских загадок о природе. Описательно-аналитический метод исследования позволил выявить общую для исследуемых языков модель построения загадок о природе и значимую когнитивную, что особенно важно при изучении лексикологии, лингвокультурологии и сравнительной типологии языков.

Ключевые слова: загадка, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, языковая картина мира

This article explores the cognitive dimensions of riddles featuring natural elements in both Russian and French, through the lens of comparative linguistics.

The pursuit of this objective necessitated the formulation of specific research objectives: to justify the application of linguo-cognitive and linguo-cultural approaches in the examination of riddles, and to delineate and describe the cognitive layers of semantics inherent in Russian and French nature-related riddles.

Through descriptive and analytical methods, we have been able to discern a shared model for constructing riddles about natural phenomena across these languages, as well as a cognitive

framework that holds significance for both languages, particularly in the realm of lexicological, linguo-culturological, and comparative typological analysis.

Keywords: riddle, cognitive linguistics, linguistic culturology, and linguistic worldview

Исследование русских и французских загадок о природе ставит своей задачей описать эти единицы как языковые знаки и как знаки культуры. Материалом для исследования послужили 240 загадок, отобранных методом сплошной выборки из следующих источников: сборник Д.Н. Садовникова «Загадки русского народа», сборник В.В. Митрофановой «Загадки», сборник И.А. Худякова «Великорусские загадки», сборник Эжена Роллана «Популярные французские загадки» (Rolland, Eugène «Devinettes ou énigmes populaires de la France») сборник Жака Канелла и Крюгера Фритца «Французские загадки» (Canellas, Jacques & Krüger, Fritz. «Devinettes françaises») и сборник Элизабет Соз «Загадки региона Прованс» (Sauze, Élisabeth. «Devinettes provençales»).

Поскольку изучение влияния концептосфер культуры и языка является относительно новым и не до конца разработанным направлением в рамках лингвокультурологии, этой междисциплинарной области гуманитарных знаний, данная статья приобретает особую актуальность.

Детальное рассмотрение специфики лингвокультурологического метода и его практической реализации представлено в работах М.Л. Ковшовой. В 2019 году были опубликованы результаты комплексного лингвокультурологического анализа русских загадок в монографии М.Л. Ковшовой «Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры» [2]. Ковшова, в частности, постулирует, что «суть лингвокультурологического метода во фразеологии видится в обосновании глубинной, культурной мотивированности фразеологизма; в комплексном описании его языковой и культурной семантики; экспликации ментальных операций, которые происходят в сознании носителя языка (и культуры) при выборе или восприятии того или иного фразеологизма в речи».

Целью данного исследования является определение специфики семантического моделирования природного мира во французских и русских загадках через системный сопоставительный анализ. Исходя из вышеуказанной цели, обозначены следующие задачи: изучить мнения ведущих лингвистов применительно к вопросам лингвокогнитивного и лингвокультурного исследования загадок; собрать, систематизировать наглядный материал; выделить типы информации, заложенные в загадках, и коннотации, которые формируются в процессе их восприятия, сформулировать выводы об особенностях национального восприятия природы, отраженного в семантике загадок. Теоретическая значимость данного сопоставительного исследования заключается в том, что результаты анализа вносят вклад в развитие лингвокультурологического подхода, в частности, в исследование загадки как знака культуры.

«Человек, владеющий культурно значимой информацией, владеет ценностным кодом этнической культуры, ориентирующим его в эмпирической, социальной, интеллектуальной и духовной сферах жизни» [1, с. 14]. Согласно А. Н. Баранову и Д. О. Добровольскому, выявить национально-культурную специфику фразеологических единиц возможно двумя типами исследовательских работ: сопоставительным (определение национальной специфики языковых единиц на фоне другого языка) и интроспективным (отношение носителей языка к языковым явлениям) [2, с. 112]. В рамках сопоставительного подхода «специфическими признаются все факты языка, которые представляются не тривиальными с точки зрения традиционной народной культуры, исходя из перспективы языка и соответствующей культуры» [3, с. 258]. Исследование национально-культурных особенностей фразеологизмов предполагает обращение к их плану содержания, и в первую очередь к образной составляющей плана содержания. Чтобы изучить национально-культурные особенности фразеологизмов, необходимо анализировать их смысловое наполнение, уделяя особое внимание образной стороне. Хотя значения многих фразеологизмов схожи в разных языках, их образное содержание часто отражает уникальные культурные особенности.

Следует отметить, что настоящая статья представляет собой исследование проблемы репрезентации объектов природного мира во фразеологическом фонде русского и французского языков. Проанализированные загадки в большинстве своём построены по метафорической модели. Суть метафорических моделей заключается в переосмыслении языковых единиц. Этот процесс основан на взаимодействии двух областей мышления, когда одна концепция объясняется через другую. Зооморфная метафора, например, «люди – животные», является фундаментальной концептуальной метафорой [4, с.3]. Она служит основой для всей метафорической системы языка, поскольку проистекает из нашего антропоцентричного взгляда на мир, что делает ее ценным объектом исследования в рамках антропоцентрической парадигмы [5, с.941].

Русские загадки о природе славятся своей образностью и живостью. В них природные явления часто предстают как деятельные, живые существа, наделенные способностью совершать поступки. Главный художественный прием – это преувеличенное олицетворение, берущее начало в древних мифах и народном творчестве. «*По темному лесу хожу-брожу, рогом быка боду-боду (Месяц)*». В данном контексте луна олицетворяется с активным мифологическим персонажем, чье действие («*хожу-брожу*») и зооморфный атрибут («*рог*») подчеркивают ее живую, почти животную природу. «*Летит – не птица, воет – не зверь (Ветер)*». Образ создается через отрицание и сравнение с другими активными элементами, выделяя его неопределенную, демоническую природу.

Французские загадки опираются на перенос значения по смежности и измененные характеристики. Образ создается через упоминание материальных

следов, последствий или составных частей чего-либо. Аналогии в них часто связаны с общественными структурами, повседневной жизнью или профессиональной деятельностью. «*Je suis une reine couronnée, mais je change de figure chaque semaine*» (*La lune*) «Я коронованная королева, но я меняю облик каждую неделю» (*Луна*). Луна предстает как величественная правительница, чей облик постоянно меняется, подобно ее переменичивой короне. Ее суть определяется высоким положением и впечатляющим внешним видом, а не активными действиями. «*Il n'a pas de bouche, mais il souffle; il n'a pas de bras, mais il emporte les chapeaux*» (*Le vent*) «У него нет рта, но он дует; нет рук, но он уносит шляпы» (*Ветер*). Восприятие ветра формируется посредством его взаимодействия с артефактами повседневной жизни, в частности, со шляпами. Повествовательная стратегия основана на парадоксальном отчуждении антропоморфных характеристик, за которым следует акцентирование функциональной роли объекта.

Как в русских, так и во французских загадках популярны образы, связанные с небом (*солнце, луна, звезды*), погодой (*снег, дождь, радуга, ветер*) и некоторыми растениями (*гриб, дуб, рожь*). Однако русские загадки больше внимания уделяют широкому спектру природных тем, включая лес, реки и степи, что отражает их значимость в русской культуре. Французские загадки, напротив, чаще касаются сельскохозяйственных мотивов, таких как роса, иней и фрукты.

Во французском языке грамматическая категория рода существительного часто диктует выбор персонифицирующего образа: «*le soleil*» (мужской род) может быть представлен как «золотой гвоздь», а «*la lune*» (женский род) – как «королева». В русском же языке, где категория рода не столь тесно связана с признаком одушевленности, персонификация обладает большей свободой и охватом. Солнце может представлять в образе «барина», «царя обезьян» или просто как некое круглое создание. Русская загадка чаще всего «очеловечивает» или «одушевляет» явление целиком, вовлекая его в повествовательный контекст, в то время как французская загадка наделяет его лишь отдельным человеческим или общественным свойством.

Русские загадки о природе отличаются сильной метафоричностью, основанной на архетипах и пантеистическом мироощущении, где природные явления наделяются человеческими действиями и эмоциями: лес «шумит», река «бежит», метель «воет», представляя природу как живого, непредсказуемого собеседника или противника. Французские загадки, напротив, тяготеют к более упорядоченным и дидактическим сравнениям, где природа вписывается в рациональный контекст: радуга – это «лента» или «мост»: «*Un ruban qui est au ciel et qui ne se vend ni ne s'achète*» (*Лента, что на небе, которая не продается и не покупается*) «*Un pont entre terre et ciel où personne ne peut passer*» («Мост между землей и небом, по которому никто не может пройти») или иней – «сахар» «*Il est blanc et ce n'est pas de la neige, ll poudroie et ce n'est pas*

de la farine, il scintille et ce n'est pas du sucre» (Он белый, а это не снег, он сыпется, как пыль, а это не мука, он блестит, а это не сахар) или роса – “жемчуг”: *«Une perle qui naît avec le jour et qui meurt avec le soleil» (Жемчужина, которая рождается с рассветом и умирает с солнцем).* Это отражает более классифицирующий взгляд и влияние куртуазной культуры на образный строй народного творчества.

Исследование показывает, что семантика загадок о природе является надежным показателем национальной ментальности. Общая тематика загадок лишь подчеркивает глубокие различия в способах осмысления мира: русская культура использует мифопоэтическое уподобление и динамику, а французская – рациональную аналогию и статичное описание атрибутов. Это исследование закладывает основу для дальнейшего сравнительного изучения других тематических групп загадок (о человеке, орудиях труда, понятиях) в русско-французском и других лингвокультурных парах.

Литература

1. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
2. Ковшова, Л. М. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры / Л. М. Ковшова. – М.: Ленанд: URSS, 2019. – 400 с.
3. Ковшова, Л. М. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры / Л. М. Ковшова. – М.: Ленанд, 2016. – 456 с.
4. Кубрякова, Е. С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2006. – № 2. – С. 3–13.
5. Хамитова, Э. Р. Концептуальная метафора «Природа-Человек» в антропоцентрической парадигме исследования / Э. Р. Хамитова // Вестник Башкирского университета. Серия: Языкознание. – 2008. – № 4. – С. 941–943.

УДК 398.91

Каранчук Родион Васильевич

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

karanchuk.rodion23@gmail.com

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУЩНОСТИ ПОСЛОВИЦЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЕЕ ОСНОВНЫХ ПРИЗНАКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

В статье рассматривается проблема определения пословицы в современной паремиологии через анализ ее основных признаков. Отмечается отсутствие единого общепринятого

определения данной языковой единицы, что обусловлено ее многогранностью, междисциплинарным характером изучения и различиями в подходах исследователей. На основе трудов российских и зарубежных ученых обобщаются ключевые трактовки пословицы и подчеркивается значимость таких аспектов, как устойчивость, воспроизводимость, дидактичность и связь с коллективным опытом. Особое внимание уделяется систематизации признаков пословицы, среди которых выделяются общепотребительность, традиционность, анонимность, обобщающий характер, диалогичность и образность. Установлено, что совокупность указанных признаков позволяет наиболее полно раскрыть сущность пословицы как сложного лингвокультурного феномена.

Ключевые слова: паремиология, пословица, единица языка, лингвокультура

This article examines the definition of proverbs in modern paremiology through an analysis of their key characteristics. It notes the lack of a single, generally accepted definition of this linguistic unit, due to its multifaceted nature, the interdisciplinary nature of its study, and the differences in research approaches. Based on the works of Russian and international scientists, key interpretations of proverbs are summarized, emphasizing the importance of aspects such as stability, reproducibility, didacticism, and connection to collective experience. Particular attention is paid to the systematization of proverb characteristics, including common usage, traditionality, anonymity, generalizing nature, dialogicity, and figurativeness. It is established that the combination of these characteristics allows for the most complete revelation of the essence of proverbs as a complex linguacultural phenomenon.

Keywords: paremiology, proverb, unit of language, linguaculture

В современной паремиологии как разделе филологии существует достаточное количество работ, в которых исследуются пословицы с точки зрения их статуса и функционирования, а также такие их аспекты, как лексические, синтаксические, лингвокультурологические и т.д. (например, труды Т.Г. Бочиной, М.А. Бредиса, Е.Е. Иванова, О.В. Ломакиной, Г.Л. Пермякова, Л.Б. Савенковой, Е.И. Селиверстовой, В.М. Мокиенко и др.). На данный момент дать точное определение пословицы как единицы языка, которое устроило бы всех исследователей в данной области, не представляется возможным, в силу того что каждый из исследователей считает различные аспекты пословицы определяющими [1, с. 18]. В этой связи следует согласиться с мнением Г.Л. Пермякова, который считает, что трудность определения пословиц заключается в их многогранности и многоплановости как языковых знаков и моделей жизненных ситуаций [2, с. 145].

Рассматривая проблему определения понятия «пословица», нельзя не учесть мнение Л.Б. Савенковой относительно русских пословиц, согласно которому главные причины возникновения трудности в определении пословицы кроются в общепотребительности и многозначности слова *пословица* в русском языке. Есть и еще одна причина, которая заключается в том, что «в настоящее время пословица является объектом изучения в разных науках – фольклористике, поэтике, лингвистике, которые обращают внимание на различные аспекты ее сущности и в соответствии с этим дают определения с нежестокими наборами признаков» [3, с. 52].

Л.Б. Савенкова квалифицирует пословицу как фразеологическую единицу в культурологическом, системно-структурном и когнитивно-прагматическом аспектах, которая характеризуется как «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное обобщающее изречение, хотя бы часть элементов которого наделена переносным значением и которое пригодно к использованию в дидактических целях» [3, с. 100]. Однако Е.Е. Иванов рассматривает пословицу с точки зрения ее принадлежности к афористическим единицам языка, подсистема которых противопоставлена фразеологии в узком смысле [4, 5, 6].

Краткость пословицы указывает на ее компактную, но при этом вместительную форму, что способствует запоминанию формулировки определенной ценностной установки и жизненного опыта, которые заложены в паремию. М.А. Бредис отмечает опыт как определяющий аспект пословицы, под которой понимает «общеупотребительное краткое обобщение человеческого опыта, стандартизированное для типичных жизненных ситуаций и выраженное в речи законченным устойчивым предложением, чаще всего с переносным смыслом» [7, с. 70].

Вместе с российскими исследователями, занимающимися изучением пословиц, нельзя игнорировать точку зрения зарубежных ученых на определение пословицы. Так, американский паремиолог Алан Дандис дает следующее определение пословице, выдвигая на первый план ее структуру: «пословица – это традиционное высказываемое утверждение, состоящее, по меньшей мере, из одного дескриптивного элемента, дескриптивного элемента, который состоит из темы и комментария» [8, с. 127]. Другой американский паремиолог В. Мидер выдвинул определение пословицы, которое является одним из наиболее авторитетных и цитируемых: «пословица – короткое, общеизвестное изречение народа, содержащее мудрость, истину, мораль и традиционные взгляды в метафорической, фиксированной и запоминающейся форме, и которое передается из поколения в поколение» [9, с. 5].

В пословице выделяется целый ряд признаков, каждый из которых способствует ощущению носителями языка такого «непередаваемого качества» паремии, как «пословичность», и позволяет дать представление о сущности пословицы как языковой единицы: общеупотребительность, традиционность, анонимность, обобщение, диалогичность и образность языка.

Первый признак играет основную роль среди остальных, поскольку благодаря **общеупотребительности** мы способны распознавать пословицу. Каждый человек, общаясь с другими людьми, особенно с представителями старшего поколения, узнаёт и накапливает пословицы, что происходит с раннего детства. Сформировав базу накопленных пословиц, человек формирует и понятие о пословицах, которые он продолжает слышать от окружающих его людей. Общеупотребительность как один из определяющих признаков пословицы должны распространяться только на те паремии, которые люди используют наиболее часто и считают популярными. В противном случае, как отмечает Р. Тренч, «ни

одно высказывание, даже краткое, даже мудрое, даже приправленное солью, даже достойное во всех отношениях стать пословицей, даже при выполнении всех других условий, не может расцениваться как пословица» [10, с. 10].

Другим признаком пословицы является **традиционность**. В это понятие В. Мидер вкладывает и общеупотребительность, и возраст пословицы, который Ш. Ароа считает одним из наиболее привлекательных аспектов традиционности [9, с. 4; 11, с. 7]. Большинство людей считают, что пословица должна характеризоваться традиционностью, мудростью, проверенной временем, а также своим возрастом. Исходя из этого следует, что авторитет пословицы как еще один ее признак зависит от возраста паремии. В то же время любая пословица имеет безоговорочный авторитет, поскольку ее истинность не подлежит сомнению [12, с. 42]. Незакрытым остается вопрос временного промежутка, после которого пословица приобретает традиционность. Е.И. Селиверстова, как и В. Мидер, согласна с тем, что для утверждения статуса пословицы с момента появления нового изречения должно пройти определенное время: «Борьба за статус пословицы появившегося изречения, начинающаяся с момента его возникновения, служит своего рода испытанием, призванным в конечном итоге либо утвердить этот статус и, следовательно, признать изречение пословицей, либо отвергнуть его» [12, с. 43].

На данный момент в условиях стремительного развития интернет-технологий люди все чаще и чаще предпочитают интернет-общение, чем живое взаимодействие. В различных мессенджерах пользователи могут вести диалог, оставлять комментарии к публикациям других, тем самым выражать свое мнение, используя пословицы. В силу достаточно быстрого распространения различных высказываний в интернет-среде, можно говорить о том, что и удачно сказанная пословица также может «разлететься» по всей всемирной паутине, при этом сохраняя **анонимность** того, кто ее использовал. Такая возможность интернет-коммуникации представляет собой еще один признак пословицы. Стоит отметить, что использование пословиц в интернет-общении теоретически может влиять на период приобретения пословицей традиционности, значительно его сокращая. Вероятно, поэтому О. Лаухакангас говорит о том, что устаревшие изречения вновь начинают использовать, если их употребит определенный известный человек [13, с. 114]. Анонимность, которую приобретает каждый пользователь интернет-ресурсов, гипотетически может играть роль в желании носителей языка подкрепить свою точку зрения с помощью пословиц. Более того, О. Лаухакангас убеждена, что «анонимность, возможно, даже может усилить необходимость в повышении собственного авторитета посредством авторитета общеизвестных пословиц» [13, с. 115].

Следующим признаком пословицы выступает их **обобщающий характер**. Данный признак обосновывается с точки зрения В.В. Колесова тем, что суть любой пословицы заключается в обобщении накопленного опыта. Отсюда неоспоримы его слова, касающиеся ценности «возрастных» пословиц:

«Оттого-то в особой цене наиболее старые, веками осмысленные изречения» [14, с. 11].

Многие паремиологи отмечают такой признак пословицы, как **диалогичность** (Т.Г. Бочина, Е.И. Селиверстова и др.). Т.Г. Бочина дает определение пословицы с точки зрения ее диалогичности: «пословица, за которой стоит многовековая история масс с большим стандартизированным опытом, и по своему возникновению, и по использованию представляет собой диалогический процесс» [15, с. 27]. В свое время А.А. Потебня выделял диалогичность пословиц как их признак, поскольку считал, что все пословицы произошли от басен. «Из инверсии в басне рождается другая форма, по мере того как усиливается перевес конечного изречения, поставленного спереди, над остальным рассказом, по мере того как этот рассказ отходит вдаль; а это бывает тогда, когда он не нужен, когда мы его легко можем воспроизвести. Такая форма превращается в более короткое изречение. Это более короткое изречение и есть одна из форм пословицы» [16, с. 95].

Последним признаком пословицы является **образность**. Нельзя не отметить, что пословицы характеризуются наличием определенных стилистических средств выразительности, например метафора, олицетворение и др. Одним из идентификаторов пословичности, по мнению носителей языка, является образность. При этом пословица не всегда содержит в себе такое выразительное средство, как метафора, т.е. она не всегда метафорична. Однако А. Дандис выдвигает, вероятно, более корректное мнение на этот счет, говоря, что «подавляющее большинство настоящих пословиц очевидно метафоричны в такой степени, что они на законных основаниях могут быть применены к целой серии контекстов и ситуаций» [17, с. 95].

Таким образом, совокупность рассмотренных признаков позволяет наиболее полно раскрыть сущность пословицы как языковой единицы и сложного лингвокультурного феномена.

Литература

1. Паремология без границ / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. – М. : РУДН, 2021. – 242 с.
2. Пермяков, Г. Л. К вопросу о паремологическом минимуме языка (на материале русских народных изречений) / Г. Л. Пермяков // Основы структурной паремологии. – М. : Наука, 1988. – С. 143–169.
3. Савенкова, Л. Б. Русская паремология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л. Б. Савенкова. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ун-та, 2002. – 240 с.
4. Иванов, Е. Е. Лингвистика афоризма / Е. Е. Иванов. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 156 с.
5. Іваноў, Я. Я. Афарызм як прадмет філалогіі і аб'ект лінгвістыкі / Я. Я. Іваноў // Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. Псіхалогія. – 1994. – № 3. – С. 61–65.
6. Іваноў, Я. Я. Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2017. – 208 с.

7. Бредис, М. А. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование / М. А. Бредис, О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 3. – С. 34–43.
8. Dundes, A. The meaning of folklore: the analytical essays of Alan Dundes / ed. and introd. by Simon J. Bronner. – Logan : Utah State University Press, 2007. – 443 p.
9. Mieder, W. Proverbs: A Handbook / W. Mieder. – Westport : Greenwood Press, CT, 2004. – 305 p.
10. Trench, R. Ch. Proverbs and Their Lessons / R. Ch. Trench ; ed. by W. Mieder. – Burlington, Vermont : Proverbium in cooperation with the Department of German and Russian, The University of Vermont, 2009. – 179 p.
11. Arora, Sh. The Perception of Proverbiality / Sh. Arora // Wise Words: Essays on the Proverb / ed. by W. Mieder. – New York : Garland, 1994. – P. 3–29.
12. Селиверстова, Е. И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость / Е. И. Селиверстова. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2017. – 296 с.
13. Лаухакангас, О. Пословицы в дискуссионных интернет-форумах / О. Лаухакангас // Паремология в дискурсе / под ред. О. В. Ломакиной. – М. : Ленанд, 2015. – С. 101–119.
14. Колесов, В. В. Афористика Древней Руси / В. В. Колесов // Мудрое слово Древней Руси (XI–XVII вв.). – М., 1989. – С. 5–22.
15. Бочина, Т. Г. Диалогичность русской паремии / Т. Г. Бочина // Паремология в дискурсе / под ред. О. В. Ломакиной. – М. : Ленанд, 2015. – С. 26–47.
16. Потебня, А. А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка / А. А. Потебня // Потебня А. А. Теоретическая поэтика. – М. : Высшая школа, 1990. – С. 90–97.
17. Dundes, A. Folklore Matters / A. Dundes. – Knoxville : The University of Tennessee Press, 1989. – 172 p.

УДК 811.161.1'373.7

Ковалёва Елена Валерьевна

Мозырский государственный педагогический университет

имени И.П. Шамякина

(г. Мозырь, Республика Беларусь)

alena.kavaliova@gmx.de

Гриб Дарья Геннадьевна

Мозырский государственный педагогический университет

имени И.П. Шамякина

(г. Мозырь, Республика Беларусь)

chairofenglish@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ

‘УМСТВЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ И ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ’ В БЕЛОРУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются фразеологические единицы со значением «умственные способности и отношение к труду» в белорусском и немецком языках. Выделены три семантические группы данных устойчивых выражений, обозначающих умственные способности, особенности умственной активности, затраченные усилия и целеустремленность, ценностное отношение к труду. Авторы указывают на сходство и различие немецких и белорусских фразеологизмов в данных семантических группах.

Ключевые слова: фразеологизм, семантика, семантическая группа, смысловые особенности

The article deals with phraseological units with the meaning «mental abilities and attitude to work» in the Belarusian and German languages. Three semantic groups of these set expressions are revealed, denoting mental abilities, features of mental activity, efforts and goal achievement, value attitude to work. The authors point out the similarities and differences between German and Belarusian phraseological units in these semantic groups.

Keywords: phraseology, semantics, semantic group, semantic features

Фразеологизмы, являясь неотъемлемой частью языковой картины мира, содержат в своей семантике исторический опыт, культурные традиции, обычаи и менталитет народа. Сопоставительное изучение фразеологического фонда неродственных языков позволяет выявить как универсальные, так и уникальные черты мировосприятия двух народов. Выражая национально-культурную идентичность, фразеологические единицы выявляют культурный код как белорусского, так и немецкого языков. Актуальность работы обусловлена необходимостью системного сопоставительного анализа фразеологических систем белорусского и немецкого языков.

Фразеологические единицы в их семантике, структуре, этимологии, как одного языка, так и в сравнении с другими, исследовались в работах Ш. Балли [1], В.В. Виноградова [3], А.В. Кунина [2], Н.М. Шанского [4] и др. Так, Ш. Балли первоначально выделял четыре основные группы словосочетаний: свободные словосочетания, которые не обладают признаками устойчивости и распадаются после их образования (*ein kurzer Film*, *eine kurze Nacht*); сочетания со свободной связью компонентов, допускающие некоторые изменения (*eine schwere Krankheit* ‘тяжелое заболевание’, *eine gefährliche Krankheit* ‘опасное заболевание’); фразеологические ряды, в которых два понятия практически соединяются в одно: *ein Ohr leihen* ‘прислушаться, выслушать’, *stattfinden* ‘происходить, состояться’; фразеологические единства/сочетания, в которых их компоненты полностью утратили свое значение и выражают единое понятие без деления на составляющие: *die Nase immer in die Bücher stecken* ‘не вылезать из книг; постоянно заниматься чтением или учебой’ [1, с. 37]. А.В. Кунин рассматривает фразеологизм как «раздельно оформленные образования с полностью или частично переосмысленными компонентами», а ключевой характеристикой фразеологизма является наличие переосмысления значения

отдельных слов, составляющих фразеологическую единицу; при этом под идиоматичностью понимается «невыводимость значения фразеологической единицы из значений составляющих ее компонентов» [2, с. 7, 24]. Подобная устойчивость фразеологизмов имеет динамический характер. Максимальной степенью устойчивости обладают фразеологизмы, не допускающие ни одного изменения. Высокая устойчивость фразеологизмов достигается рядом факторов, к которым, в частности, можно отнести наличие в их составе устаревших или малоупотребительных слов, как, например, в выражении *байды біць*; а также выраженное переосмысление, характерное для таких образных выражений, как *абдымаць неабдымнае*. Степень устойчивости фразеологизма следует определять на основе сопоставления с образцовым уровнем максимальной устойчивости [2, с. 55].

В результате проведенного лингвистического анализа материала, отобранного методом сплошной выборки, выявлены три семантические группы данных устойчивых выражений, обозначающих умственные способности, отношение к интеллектуальному труду или в противопоставление, к его отсутствию. Первая группа, объединяющая фразеологизмы, обозначающие умственную деятельность, учебу и сообразительность, включает в себя сложный спектр оценок – от высшей степени одобрения до критики. Например, в белорусском языке устойчивые выражения *ад А да Я*, *ад альфы да амегі*, *ад дошкі да дошкі* и *ад коркі да коркі*, имеющие значение ‘прохождение пути от начала до конца’, акцентируют внимание на системности и полноте приобретенных знаний. В свою очередь, фразеологизмы *глядзець у карань* и *на костачках разбіраць*, обозначающие ‘детальный анализ’, демонстрируют необходимость и ценность глубокого познания сути вещей. Сложный процесс мышления, представленный как интенсивная работа, отражается в фразеологических оборотах *ламаць галаву* и *хоць галавой аб сцену біся*, имеющих значение ‘напряженный поиск решения’ и ‘интеллектуальный тупик’. Продуктивность мышления оценивается позитивно через выражение *галава варыць*, подчеркивающее находчивость и сообразительность; легкость усвоения информации передается оборотами *матаць на вус* и *браць у цям*, свидетельствующими о легком запоминании и быстром усвоении материала. Высшая оценка интеллекта выявляется во фразеологизме *сямі пядзяў у ілбе*, обозначающем ‘необычайный ум’, а ироничное отношение к прописным истинам – во фразеологизме *адкрываць Амерыку* ‘делать очевидное открытие’. В немецком языке выявлены следующие устойчивые выражения, обозначающие вовлеченность в учебу: *die Nase immer in die Bücher stecken* и *Bücher verschlingen* ‘постоянно сидеть за книгами’, а самоотверженное усердие – в выражениях *sich die Augen überlackieren / überbrettern, bis tief in die Nacht hinein lernen, sich knochenhart hinsetzen*, обозначающими ‘полное погружение в учебный процесс’. Идея знания, доведенного до автоматизма владения, выражена в конструкциях *etwas im Schlaf können, den Stoff beherrschen wie sein Einmaleins* со значением ‘знать что-то даже во сне’. Философское осмысление процесса обучения отражено в

устойчивых выражениях *es ist noch kein Meister vom Himmel gefallen* и *was man nicht im Kopfe hat, muss man in den Beinen haben*, подчеркивающих, что ‘мастером не рождаются’, а цена незнания – лишние физические усилия. Отрицательные характеристики умственных способностей (невежество и глупость) в белорусском языке содержат следующие фразеологические единицы: *ní a ní bə, ní bə ní mja, ní ŭ zub naŭoi, дубовая галава, медны лоб и каша ŭ галаве*, в то время как немецкое устойчивое выражение *mit der Dummheit kämpfen Götter selbst vergebens* указывает на огромный масштаб глупости в значении ‘с глупостью и боги борются тщетно’.

Вторая группа включает в себя фразеологические единицы со значением ‘физический труд, усилия и целеустремленность’, раскрывает ценностное отношение к труду как к целенаправленному и энергичному действию. Ключевыми здесь становятся образы самоотдачи и энтузиазма: *закасаўшы рукавы, абедзюма рукамі* и *акунуцца з галавой*, обозначающие ‘готовность к действиям’. Энергия для начала дела передается фразеологизмом *браць быка за рогі*, имеющим значение ‘смело браться за дело’, в то время как идея правильной последовательности действий выявлена во фразеологизме *пачынаць ад яйца* со значением ‘начинать с самого начала’. Настойчивость и методичность в процессе труда выражены в фразеологических оборотах *крок за крокам, не пакладаючы рук*, а высшая степень прилагаемых усилий фиксируется в устойчивых выражениях *варочаць горы, выдаваць нагара* и *у поце твару* в значении усердного, тяжелого труда. Ценность результата такого труда подчеркивается выражением *з рукамі адарваць*, обозначающим ‘большое желание получить что-либо качественное’. В немецком языке для описания максимального результата деятельности фиксируется целый ряд синонимичных выражений: *sich ins Zeug legen, sich reinhängen, alle Hebel in Bewegung setzen, sich durchbeißen*. Образ полной самоотдачи и погружения в дело передается фразеологическим оборотом *mit Haut und Haaren bei der Sache sein*, а для выражения энтузиазма используются устойчивые выражения *mit Eifer bei der Sache sein* и *mit Feuereifer dabei sein*.

Третья группа включает в себя фразеологизмы со значением ‘лень и безделье, бесполезное времяпрепровождение’. Ядро группы в белорусском языке составляют синонимичные ряды: *байды біць, бібікі біць, лынды біць, часаць языком* и *праседжваць/праціраць штаны*, имеющие значение ‘лень и бесполезное времяпрепровождение’. В немецком языке данный спектр значений варьируется от относительно нейтральных единиц (*die Seele baumeln lassen*) до негативных характеристик: *faul sein wie eine Made, nur die Fliegen an der Wand beobachten* и *Arbeit scheuen wie der Teufel das Weihwasser*. В следующих устойчивых выражениях выявляется сознательное уклонение от обязанностей: *sich vor der Arbeit drücken, sich vor Lernarbeit drücken, blau machen, die Hände in den Schoß legen* и *sich nicht die Finger schmutzig machen*, которые используются со значением ‘отсутствие усилий’. Феномен прокрастинации представлен в немецком языке устойчивыми выражениями со значением ‘внутренняя борьба

с ленью' (*den inneren Schweinehund nicht überwinden*), 'вечное откладывание' (*morgen, morgen, nur nicht heute*), 'тактическое избегание задач' (*die Arbeit vor sich herschieben*), что в совокупности указывает на отсутствие воли и бездействие. Халатность и небрежное отношение к обязанностям фиксируется в устойчивых выражениях *Fünfe gerade sein lassen* и *Schlendrian betreiben*, показывающих небрежность и отсутствие амбиций. Фразеологическая единица *den ganzen Tag nichts tun*, обозначающая 'безделье с утра и до вечера', указывает на полную праздность.

Таким образом, фразеологические единицы со значением «умственные способности и отношение к труду» в белорусском и немецком языках представлены в трех семантических группах, обозначающих умственные способности (*галава варыць*), усилия и целеустремленность (*крок за крокам, alle Hebel in Bewegung setzen*), ценностное отношение к труду (*die Nase immer in die Bücher stecken*), особенности умственной активности (*mit Haut und Haaren bei der Sache sein*), а также отсутствие прилежания (*бібікі біць, Arbeit scheuen wie der Teufel das Weihwasser*).

Литература

1. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
2. Кунин, А. В. Английская фразеология / А. В. Кунин. – М. : Высшая школа, 2005. – 342 с.
3. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М. : Просвещение, 1977. – С. 140–161.
4. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М. : Высшая школа, 1985. – 160 с.
5. Лепешаў, І. Я. Слоўнік беларускіх фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Мн. : Конкурс, 2006. – 544 с.

УДК 811.161.1

Комкова Нина Илькамовна

Тульский государственный университет

(г. Тула, Российская Федерация)

lingvo_2012@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ПОСЛОВИЦЫ В РАССКАЗАХ БОРИСА ШЕРГИНА КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

В статье описывается употребление фразеологизмов и пословиц в рассказах Бориса Шергина как материал для составления словаря языка писателя. Фразеологизмы и послови-

цы выбраны из десяти рассказов («Для увеселения», «Евграф», «Гость с Двины», «Грумант-медведь», «Ингвар», «Ничтожный срок», «Корабельные вожи», «Кроткая вода», «Круговая помощь», «Любовь сильнее смерти»).

Ключевые слова: русский язык, поморский говор, фразеологизм, пословица, Борис Шергин, словарь языка писателя

The article examines the use of phraseological units and proverbs in the stories of Boris Shergin as material for compiling a dictionary of the writer's language. Phraseologisms and proverbs were selected from ten stories ("For amusement", "Evgraf", "Guest from the Dvina", "Grumant the Bear", "Ingvar", "Insignificant Time", "Ship Leaders", "Gentle Water", "Circle Help", "Love is Stronger than Death").

Keywords: Russian language, Pomeranian dialect, phraseological unit, proverb, Boris Shergin, dictionary of the writer's language

Язык прозы Бориса Шергина необычайно богат фразеологизмами и пословицами, часть которых принадлежит поморским говорам (наречию коренных жителей бывших Архангельской и северных частей Олонецкой и Вологодской губерний Российской империи) [2; 4], часть является продуктом индивидуально-авторского творчестве писателя [3].

Одной из актуальных задач изучения языковых особенностей прозы Б. Шергина является составление словаря языка писателя. Фразеологизмы и пословицы в этом словаре будут занимать особое место как иллюстрация, во-первых, глубокой и органической взаимосвязи языка его произведений с фразеологией и паремиологией Поморья [9], а во-вторых, разнообразия и богатства окказиональной фразеологии, мастерски стилизованной под лучшие образцы народной речи Русского Севера [1; 5; 6; 7].

Ниже представлены устойчивые выражения и фразы из десяти рассказов Б. Шергина («Для увеселения», «Евграф», «Гость с Двины», «Грумант-медведь», «Ингвар», «Ничтожный срок», «Корабельные вожи», «Кроткая вода», «Круговая помощь», «Любовь сильнее смерти»). Все фразеологизмы и пословицы описываются в виде словарных материалов с дифференциацией на основные лексикографические зоны (реестровая единица, представленная в своей инвариантной форме, толкование значения; иллюстрация употребления в тексте; ссылка на фиксацию в словарных источниках). Описание дано как пилотное, поэтому возможны существенные уточнения после расширения как фактических источников языкового материала, так и фразеографических и паремиографических источников севернорусского наречия и русской народной речи.

В рот глядеть кому. Беспрекословно выполнять чьи-либо указания. С этого дня и часа остуда легла меж Андреем и четырьмя его товарищами. Эта остуда была на руку соседственной артели. Артельный староста «подвесил Андрею лисий хвост». – Тебе, преименитому кормщику, не дозволено копейки взять из казны! Твоей бы дружине перед тобой на четвереньках бегать, а они свою ногу тебе на голову ставят. Переходи в нашу дружину. Будешь над нами государить, а мы тебе будем в рот глядеть и от тебя слова ждать. («Гость с Двины»).

Веселые ноги. *Состояние легкого опьянения.* После званого питья у праздника в монастыре Звягин поспешил веселыми ногами к вожевому пиву. («Корабельные вожи»).

Вредить сердце кому. *Незаслуженно хвалить.* Судья Филипп говорит: – Сердце твое детское, и речи у тебя как у младенца. Ты говоришь: «Не вредите мое сердце, не поминайте мне товарищей». Лучше бы тебе о том поплакать, что из-за таких товарищей про всю вашу породу свейскую слава в мире носится самая заторная!.. («Ингвар»).

Глазами есть кого, что. Видеть. При конце убылых часов завидели Терский берег. Там еще снег белел. Загорелась надежда зачалиться за льдинку и вылезти на гору. Но ударил с Терских гор ветер, а течение пошло на прибыль... Нас понесло обратно и стало осаживать во восток, в Зимнее море. Только глазами ели берег-то... («Кроткая вода»).

Годы катятся, дни торопятся. *Приговорка. Время идет очень быстро, незаметно прошло очень много времени.* История, рассказанная мезенским стариком, запала мне в сердце. Повидать место покоя безвестных художников стало для меня заветной мечтой. Но годы катятся, дни торопятся... («Для увеселения»).

Девять дён, девять верст, как сокол летел. *Присказка. Насмешка над сроком исполнения чего-либо.* Собрание спрашивает: – Сколько времени ты хлопотал? – Сколько Гневашев, столько и я. Всю зиму этим беспокоился. Итого девять месяцев. Собрание говорит: – Что же... Ты исполнил свою должность. Но ничего воспитательного тут нет... «Девять дён, девять верст, как сокол летел». («Ничтожный срок»).

Дошел день и час. *Пришло время какого-либо события, начала какого-либо дела.* Колокол летал в полете, язык бил свободно, рождая звук певучий, грозный и жалобный. Это звенящее нескончаемое пение носилось по океану триста лет. И проходящие мореходцы поколение за поколением поминали гостя Андрея с Двины и гостя Варяженина. После этих времен дошел день и час: колокол зазвонил сам собою, ужасая слышавших. «Последи же бысть трясение земли о Западный берег Мурман». («Гость с Двины»).

Душа на дрожжах ходит у кого. *Появилось вдохновение у кого-либо.* Когда мой ум обленится, я иду глядеть художество прежде бывших мастеров. Любуюсь, удивляюсь: как они умели делать прочно, красовито... Нагляжусь, наберусь этого веселья-и к своей работе. Как на дрожжах душа-то ходит. Очень это прибыльно для дела – на чужой успех полнобоваться. («Евграф»).

Ждать архангеловой трубы. *Ждать смертного часа.* Стали читать эпифанию: Корабельные плотники Иван с Ондrejaном // Здесь скончали земные труды, // И на долгий отдых повалились, // И ждут архангеловой трубы. («Для увеселения»). Андрея положили в каменном берегу, накрыли аспидной плитой. На плите высечена надпись: «Спит Андрей Двинянин, жда архангеловы трубы». («Гость с Двины»).

Запасть в сердце кому. *Надолго запомниться, оставить неизгладимое впечатление.* История, рассказанная мезенским стариком, запала мне в сердце. Повидать место покая безвестных художников стало для меня заветной мечтой. («Для увеселения»).

Зубами скрипеть на кого. Ругать. Тогда невесты и матери припадают к Кирику с воплем: – Господине, ты поведи молодых на звериные ловы! Тебе за обычай. Кирик тому делу рад: сидячи на берегу, изнемог в тосках по Олеше. Жена на него зубами скрипит: – Чужих ребят печалуешь, а о своем доме нету печали!.. («Любовь сильнее смерти»).

Кроткая вода. *Вода самого тихого течения, во время наибольшего ее понижения при отливе.* Опять часы дошли, и кроткая вода понесла нас вниз, попутные воде летние ветры управили карбас на середину моря. («Кроткая вода»). *Термин мореплавания* [8].

Крутой на поворотах кто. *Решиительный.* Андрей был крут на поворотах – дал согласие. Ушел на Новую Землю, не сказавшись, не спросившись со старыми своими товарищами. И те оскорблены были даже до слез: ушел, не простился! («Гость с Двины»).

Места прибрать не может кто. *Состояние глубокого горя.* Того же лета женился Кирик. Моряшка в бабах как лодья соловецкая под парусом: расписана, разрисована. А у мужа радость потерялась: Олешу зажалел. Места прибрать не может. Заказал Кирик бабам править по брате плачную причеть, а все места не может прибрать. («Любовь сильнее смерти»).

Море – измена лютая. *Пословица. Погода в открытом море быстро меняется в худшую сторону.* Мы, жители посада Неноксы, знаем ветер, и воду, и всякую морскую приметку. Но был гибельный случай, над которым я и при старости лет вздыхаю и говорю: море – измена лютая. («Кроткая вода»).

На веках. *Очень-очень давно.* На веках в Мурманское становище, близ Танькиной Губы, укрылось датское судно, битое непогодой. («Круговая помощь»).

На долгий отдых повалиться. *Умереть.* Стали читать эпитафию: Корабельные плотники Иван с Ондреяном // Здесь скончали земные труды, // И на долгий отдых повалились, // И ждут архангеловой трубы. («Для увеселения»).

На ум наводить кого. *Учить.* Они рассказывают: – Мы обувь шьем, сзати кто-то дышит-пышет. Оглянулись – медведище белый с нар заподымался. Зубами скалит, глаза, как свечки, светят... Староста говорит: – Это Грумант вас на ум наводит. Сам Грумант-батюшка в образе медведя вас пугнул. Он не любит, чтобы люди порознь жили. Вы устав нарушили. Грумант вас за это постращал. («Грумант-медведь»).

На четвереньках бегать перед кем. *Беспрекословно слушаться кого-либо.* С этого дня и часа остуда легла меж Андреем и четырьмя его товарищами. Эта остуда была на руку соседственной артели. Артельный староста «подвесил Андрею лисий хвост». – Тебе, пренменитому кормщику, не дозволено ко-

пейки взять из казны! Твоей бы дружине перед тобой на четвереньках бегать, а они свою ногу тебе на голову ставят. Переходи в нашу дружину. Будешь над нами государить, а мы тебе будем в рот глядеть и от тебя слова ждать. («Гость с Двины»).

Не в раз и не в час. *Не сразу.* Корабельные мастера и работные люди от пяти берегов Двинской губы собрались в Соломбальской слободе выслушать отчет своих выборных людей да воочию увидеть Лисестровскую верфь – любимое детище всех пяти берегов. Собрались не в раз и не в час. Кого держала непогода, кто намелился, кого водило в лесах. («Ничтожный срок»).

Ногу на голову ставить кому. *Не уважать, не слушаться кого-либо.* С этого дня и часа остуда легла меж Андреем и четырьмя его товарищами. Эта остуда была на руку соседственной артели. Артельный староста «подвесил Андрею лисий хвост». – Тебе, преименитому кормщику, не дозволено копейки взять из казны! Твоей бы дружине перед тобой на четвереньках бегать, а они свою ногу тебе на голову ставят. Переходи в нашу дружину. Будешь над нами государить, а мы тебе будем в рот глядеть и от тебя слова ждать. («Гость с Двины»).

Пальцем не пошевелить. *Ничего не взять.* До самой отправки датского судна короба с подарками стояли среди дороги. Мимо шли промышленные люди, большие и меньшие. Никто не дотронулся до наград, пальцем никто не пошевелил. («Круговая помощь»).

Пелена с глаз спала у кого. *Появилось понимание чего-либо.* В урочный день Щеколдин приходит в артель платить вожевой оброк. Казначей и говорит: – Прибылей-то у тебя, Щеколдин, вдвое против многих. Недаром Звягин знание твое перед всеми превозносит. Мы думали, у вас остуда, но, видно, старая любовь не ржавеет. У Щеколдина точно пелена с глаз спала: «Конечно он, старый друг, ко мне людей посылал!» («Корабельные вожи»).

По своим волям. *По собственному желанию.* Зверобойная дружина зимовала на Груманте. Время стало ближе к свету, и двое промышленников запросились отойти в стороннюю избу: – Поживем по своим волям. А здесь хлеб с мерки и сон с мерки. («Грумант-медведь»).

Подвесить лисий хвост кому. *Польстить кому-либо.* С этого дня и часа остуда легла меж Андреем и четырьмя его товарищами. Эта остуда была на руку соседственной артели. Артельный староста «подвесил Андрею лисий хвост». – Тебе, преименитому кормщику, не дозволено копейки взять из казны! Твоей бы дружине перед тобой на четвереньках бегать, а они свою ногу тебе на голову ставят. Переходи в нашу дружину. Будешь над нами государить, а мы тебе будем в рот глядеть и от тебя слова ждать. («Гость с Двины»).

Пола мокра, дак брюхо сыто. *Пословица. Кто много трудится, тот не знает нужды.* На малой каменной грядке жилали по нескольку дней, смотря по ветру, по рыбе, по воде. Сюда завозили хлеб, дрова, пресную воду. Так продолжалось лет семь или восемь. Наступил 1857 год, весьма неблагоприят-

ный для мореплавания. В конце августа Иван с Ондrejaном опять, как гагары, залетели на свой островок. Таково рыбацкое обыкновение: «Пола мокра, дак брюхо сыто». («Для увеселения»).

С мерки. *По заранее определенному подсчету.* Зверобойная дружина зимовала на Груманте. Время стало ближе к свету, и двое промышленников запросились отойти в стороннюю избу: – Поживем по своим волям. А здесь хлеб с мерки и сон с мерки. («Грумант-медведь»).

Сердце держать на кого. *Обижаться на кого-либо, враждовать с кем-либо.* Поругались корабельные вожи, разобиделись и рассоветились. Три года сердились. Который которого издали увидит, в сторону свернет. Звягин был мужик пожиточный. Щеколдин поскуднее: ребят полна изба. Звягин первый прираздумался и разгоревался: «Из-за чего наша вражда? За что я сердце на Щеколдина держу? Завидую ему? Нет, кораблей приходит много, живу в достатке». («Корабельные вожи»).

Скончить земные труды. *Умереть.* Стали читать эпитафию: Корабельные плотники Иван с Ондrejaном Здесь скончали земные труды, И на долгий отдых повалились, И ждут архангеловой трубы. («Для увеселения»).

Смерть только свое берет. *Пословица. Умирает тот, кому предписано судьбой.* О былина, о песня, веселье поморское! Проходят века, а Двинская земля поет, поминает под гусли Олешу и Кирика. Смерть не все возьмет – только свое возьмет. («Любовь сильнее смерти»).

Солнечная ночь. *Полярный день или белая ночь в приполярных регионах.* Никогда я не видел его спящим-лежащим. Днем в руках стамеска, долото, пила, топор. А в солнечные ночи, летом, сидит рисует образцы. («Евграф»).

Сон отрясти. *Проснуться.* В часовне и обночевали. Сон отрясли – утро ясное, холодное. («Кроткая вода»).

Старая любовь не ржавеет. *Пословица. Сильное любовное чувство не проходит со временем.* В урочный день Щеколдин приходит в артель платить вожевой оброк. Казначей и говорит: – Прибылей-то у тебя, Щеколдин, вдвое против многих. Недаром Звягин знание твое перед всеми превозносит. Мы думали, у вас остуда, но, видно, старая любовь не ржавеет. («Корабельные вожи»).

Таким образом, даже в нескольких совсем небольших по объему текстах содержится довольно много разнообразных по типу, семантике и структуре устойчивых выражений. Их общее количество в языке всех произведений писателя составляет, по нашим подсчетам, не менее 1000 единиц, требующих как специального лексикографического описания, так и последующего включения в словарь языка Бориса Шергина.

Литература

1. Дуров, И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / И. М. Дуров. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2011. – 453 с.

2. Комкова, Н. И. Поморский язык как источник фраземикона Б. В. Шергина / Н. И. Комкова // V Фирсовские чтения. Современные языки, коммуникация и миграция в условиях глобализации. – М. : РУДН, 2021. – С. 282–287.

3. Комкова, Н. И. Репрезентативные особенности окказиональных фразеологических единиц в прозе Б. В. Шергина / Н. И. Комкова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – №10. – С. 148–151.

4. Комкова, Н. И. Функциональный потенциал паремий и крылатых единиц в художественном тексте (на примере рассказов Б. В. Шергина) / Н. И. Комкова, О. В. Ломакина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – №10/2. – С. 139–143.

5. Меркурьев, И. С. Живая речь колыских поморов / И. С. Меркурьев ; науч. ред. Б. Л. Богородский. – Мурманск : Книжное изд-во, 1979. – 184 с.

6. Моисеев, И. И. Поморська говора : краткий словарь поморского языка / И. И. Моисеев. – Архангельск : Поморское Возрождение, 2005. – 138 с.

7. Подвысоцкий, А. И. Словарь областного архангельского нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи / собралъ на мѣстѣ и составилъ А. Подвысоцкій. – СПб. : Типографія Императорской Академіи наукъ, 1885. – 197 с.

8. Самойлов, К. И. Морской словарь : в 2 т. / К. И. Самойлов. – М. ; Л. : Военмориздат, 1939–1941. – Т. 1 : А–Н. – 1939. – 656 стб. ; Т. 2 : О–Я. – 1941. – 644 стб.

9. Шергин, Б. В. Словарь поморских и специальных слов и выражений, объяснение собственных имён и названий / Б. В. Шергин // Шергин, Б. В. Повести и рассказы; [послесл. Ю. М. Шульман]. – Л. : Лениздат, 1984. – С. 464–476.

УДК 811.111

Лобейко Татьяна Сергеевна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

lobeyko05@bk.ru

ФУНКЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСЛОВИЦ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье рассматриваются особенности функционирования и трансформаций пословиц в современных англоязычных средствах массовой информации. На материале выборки из 500 паремийологических единиц, извлеченных из таких изданий, как «BBC», «The Guardian», «The New York Times», анализируются основные функции пословиц в медийном дискурсе (аргументативная, эмоциональная, идентификационная) и типы их трансформаций (лексические, синтаксические, семантические).

Ключевые слова: английский язык, пословица, медийный дискурс, функция, трансформация

The article examines the peculiarities of the functioning and transformations of proverbs in modern English-language mass media. Based on a sample of 500 paremiological units extracted from publications such as BBC, The Guardian, and The New York Times, the main functions of

proverbs in media discourse (argumentative, emotional, identificational) and the types of their transformations (lexical, syntactic, semantic) are analyzed.

Keywords: English, proverb, media discourse, function, transformation

Пословицы как концентрированное выражение народной мудрости и культурного опыта занимают значимое место в языковой картине мира. В условиях глобализации и цифровизации медиапространства их роль в коммуникации не только сохраняется, но и трансформируется, адаптируясь к требованиям современного дискурса. Исследование пословиц в медийном контексте позволяет выявить механизмы воздействия на аудиторию, стратегии убеждения и особенности межкультурного взаимодействия.

Цель исследования – выявить и систематизировать особенности функций и трансформаций пословиц в современных англоязычных СМИ.

Эмпирическая база исследования – 500 примеров использования пословиц, отобранных методом сплошной выборки из текстов таких периодических изданий, как «BBC», «The Guardian», «The New York Times» за период 2020–2024 гг. Верификация пословиц проводилась по словарю «Concise Dictionary of Proverbs» (Oxford University Press, 2003).

Теоретическая значимость данного исследования заключается в расширении понимания взаимосвязи языка и культуры через призму паремиологии [1]. Практическая значимость исследования проявляется в возможности использования результатов для разработки рекомендаций по эффективному применению пословиц в журналистике, межкультурной коммуникации, а также в образовании – при преподавании английского языка как иностранного [2].

Исследование показало, что в языке СМИ пословицы употребляются в тех основных функциях:

Аргументативная функция (45% случаев). Пословицы используются для подкрепления тезисов, усиления убедительности высказывания. Так, пословица *Actions speak louder than words* в статье The Guardian «Theresa May's mental health pledges don't roll back years of Tory cuts» служит для аргументации критики политических обещаний. Автор статьи использует социально-стратегическую коммуникативную стратегию, ориентированную на социум, чтобы противопоставить слова британского премьер-министра Терезы Мэй ее действиям, подчеркивая отсутствие реального финансирования программ по психическому здоровью. Констатив здесь фиксирует истину через пословицу как обобщенный фрейм, где действия оцениваются выше слов, с пропозицией глагола *speak* как ключевого действия и логической структурой, сравнивающей громкость действий и слов. Репрезентатив выражает негативную оценку, имплицитно фокусируясь на этических нормах ответственности, где пословица ретроспективно упрекает правительство за бездействие, а регулятив вызывает инференцию упрека, осуждающими пустословие. Употребление пословицы

делает аргумент более весомым, поскольку пословица апеллирует к универсальному опыту, делает критику не личной, а коллективной.

Эмоционально-экспрессивная функция (35% случаев). Пословицы создают эмоциональный резонанс, часто через иронию или аллюзию. Так, пословица *All that glitters is not gold* в статье The New York Times «The Mueller Report: No Collusion, but Plenty of Questions» иронически подчеркивает разочарование аудитории в результатах расследования Мюллера, оказывая эмоциональное воздействие на читателя. Коммуникативная стратегия демонстрирует скептицизм автора, констатив включает образный фрейм обманчивого блеска, с пропозицией *glitters* как свойства, репрезентатив выражает иронию через имплицитный фокус, осуждающий ложные обещания, а регулятив вызывает симпатию к читателям, разделяющим разочарование, подразумевая осторожность в ожиданиях от власти. Эта ирония не только развлекает, но и эмоционально вовлекает аудиторию, делает текст более запоминающимся и вызывающим обуждение.

Идентификационная функция (20% случаев). Пословицы выступают как маркеры культурной принадлежности, укрепляя связь с аудиторией через разделяемые ценности. Так, пословица *Don't count your chickens before they are hatched* в статье BBC «US-China Trade War: Winners and Losers» служит для идентификации ценность осторожности в экономике. Здесь социально-стратегическая стратегия ориентирована на социум, констатив с обобщенным фреймом «не торопись с выводами», репрезентатив подчеркивает мудрость традиции, а регулятив вызывает инференцию норм реализма, призывая к терпению в нестабильных ситуациях. Это создает ощущение единства, напоминая читателям о культурном наследии, где пословицы служат мостом между прошлым и настоящим.

Изучение **трансформаций пословиц** в современном дискурсе показало, что устойчивые выражения, унаследованные от фольклора и традиционной мудрости, подвергаются значительным изменениям, чтобы соответствовать контекстуальным требованиям [3]. Пословицы, как правило, представляют собой лаконичные формулы, несущие моральные или практические уроки, но в СМИ они часто адаптируются для усиления выразительности, привлечения внимания или иронического подтекста. Анализ пословиц в англоязычных газетах и журналах показывает, что трансформации происходят на лексическом, синтаксическом и семантическом уровнях, причем каждая из них влияет на восприятие текста, делая его более динамичным и релевантным для аудитории. Эти изменения не только отражают эволюцию языка, но и служат инструментом для создания эмоционального резонанса, где традиционная мудрость сталкивается с современными реалиями. Трансформации пословиц были классифицированы на лексические (40%) – замена компонентов; синтаксические (35%) – изменение структуры; семантические (25%) – инверсия смысла, иронизация.

Пословицы остаются активным элементом медийного дискурса, успешно адаптируясь к новым коммуникативным условиям. Их трансформации свидетельствуют не о деградации, а о динамичном развитии паремиологического фонда, его способности реагировать на актуальные социальные и культурные вызовы. Пословицы не только остаются жизнеспособными элементами современного медиадискурса, но и эволюционируют под влиянием новых культурных и социальных норм. Пословицы не только отражают историческое наследие, но и активно используются для формирования общественного мнения.

Литература

1. Бредис, М. А. Паремиялогия на перекрестках языков и культур / М. А. Бредис, Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, Н. Ю. Нелюбова, Ю. А. Петрушевская. – М. : Изд-во РУДН, 2021. – 246 с.
2. Василенко, Е. Н. English. Developing Speaking and Writing Skills. Ч. 2. / Е. Н. Василенко, Е. Е. Иванов, А. Н. Шестернёва. – Минск : РИВШ, 2023. – 216 с.
3. Иванов, Е. Е. English Proverbs: from Literary Texts, in Literary Texts: Etymology, Usage, Variability / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 76 с.

УДК 811.161.1

Ломакина Ольга Валентиновна

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
(г. Москва, Российская Федерация)
rusoturisto07@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПИСАТЕЛЯ КАК ПОНЯТИЕ И ТЕРМИН СОВРЕМЕННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Статья посвящена фразеологии как неотъемлемой части языковой системы писателя. На материале языка Л.Н. Толстого осмысливается лингвистическое понятие и термин «фразеологическая система писателя».

Ключевые слова: художественный дискурс, идиостиль, фразеология, семантика, фразеологическая система писателя

The article is devoted to phraseology as an integral part of the writer's language system. Based on the language of Lev Tolstoy interprets the linguistic concept and term «phraseological system of the writer».

Keywords: artistic discourse, idiostyle, phraseology, semantics, phraseological system of the writer

Фразеология как системное явление и как дискурсивный феномен является предметом лингвистических исследований, начиная с середины XX века: фразеоресурсы языка, включающие различные типы устойчивых единиц с

точки зрения связи семантики, структуры, функционирования, подлежат разностороннему описанию. В идиолекте писателя фразеологии отводится непросто, но важная роль воспроизведения культурно-исторического фона, передачи эмоционального фона произведения, расстановки смысловых акцентов посредством использования образных языковых ресурсов.

Художественные тексты демонстрируют не только функциональный потенциал фразеологических единиц различных типов (идиомы, устойчивые сравнения, паремии) при их узуальном употреблении автором, но и креативный потенциал – при создании индивидуально-авторских (оказиональных) фразеологических единиц (ФЕ).

Применительно к фразеологическому фонду языка писателя корректно использование термина *фразеологическая / паремиологическая система писателя / поэта*. Обратимся к истории и трактовке данного термина.

Понятие «фразеологическая система» введено В.Л. Архангельским применительно к фонду языка в целом. К свойствам фразеологической системы он относит следующее: 1) традиционность системы, благодаря которой обеспечивается ее устойчивость; 2) «произвольность ФЕ как постоянных комбинаций словесных знаков»; 3) «множественность ФЕ, необходимых для образования системы»; 4) «сложность внутренних отношений между единицами системы и их внешних соотношений с предметами действительности»; 5) «непрерывность во времени и изменчивость качества» [1, с. 267].

В.И. Ермола определяет фразеологическую систему как «набор средств вторичной образно-символической и оценочно-характеризующей номинации, функционирующих в языке наряду с лексической системой как основной и прямой номинацией и выполняющей образно-номинативно-характеризующую функцию в сферах общения» [2, с. 65]. Данное определение носит обобщающий характер и фактически конкретизирует лишь одно из значений термина фразеология (ср.: «1) раздел языкознания, изучающий фразеологический состав языка в его современном состоянии и историческом развитии; 2) совокупность фразеологизмов данного языка, то же, что фразеологический состав» [3, с. 560]).

Анализ фразеологии языка Л.Н. Толстого, предпринятый в ряде работ [4], показал правомочность понятия и термина *фразеологическая система писателя*. Приведём примеры из текстов писателя в качестве иллюстраций в соответствии с выделенными В.Л. Архангельскими свойствами фразеосистемы.

Использование общелитературной фразеологии и паремиологии говорит о традиционности системы. Например, в текстах Л.Н. Толстого употреблено 12 ФЕ с компонентом *вода*: «*живая вода* (5), *святая вода* (3), *как две капли воды* (3), *много воды утекло* (2), *сколько воды утекло* (1), *сажать / посадить на хлеб и воду* (1), *выводить / вывести сухим из воды* (1), *выводить / вывести на чистую воду* (1), *толочь воду в ступе* (2), *чистой воды* (1), *и концы в воду* (1), *как рыба в воде* (3)» [3, с. 318]. Как показывает лексикографическая

паспортизация и контекстуальный анализ, ФЕ *толочь воду в ступе* в контексте приобретает дополнительный семантический оттенок “безуспешно пытаться закончить начатое дело”: «Я всё *толку воду в Тулонской ступе*. Должно быть, я оступел и ничего не выйдет» (Письмо Е.И. Попову ? февраля 1894 г.); «Я все продолжаю *толочь воду в Тулонской ступе*, т.е. не могу кончить. Верно есть что-то *недодуманное*» (Письмо В.Г. Черткову 8 февраля 1894 г.).

Одновременное использование инварианта и трансформы позволяют говорить о произвольности употребления ФЕ *соль земли*: «Разъяснение то, что вы, нищие – *соль земли*, и вы блаженны, потому что ваше царство Божие, но оно, ваше только тогда, когда вы *соленая соль*, когда знаете, что блаженство состоит в нищенстве, когда вы хотите его. Тогда вы *соль мира*. Вы украшение, смысл мира. Но если вы бродяги нечаянно и *хотите* быть не бродягами, то вы, как расселившаяся *соль*, уже никуда не годны, тогда вы *отребье рода человеческого*» («Соединение и перевод четырех Евангелий»; 24: 210–211). Библиизм *соль земли* представляет собой импликацию из евангельского текста: «Вы есть свет мира и *соль земли*» (Мф. 5: 13–14). «Писатель учитывает происхождение ФЕ и создаёт градацию восходящего типа (климакс) *соль земли* – *солёная соль* – *соль мира*, при этом в качестве актуализаторов используются лексемы *украшение*, *смысл мира*. В пределах контекста образуется антонимическая ФЕ окказионального характера *отребье рода человеческого*» [4, с. 228].

Проиллюстрируем такое свойство, как непрерывность во времени и изменчивость качества, употреблением ФЕ *непротивление злу насилием*: «Положение о *непротивлении злему* есть положение, связующее все учение в одно целое, но только тогда, когда оно не есть изречение, а есть правило, обязательное для исполнения, когда оно есть закон» («В чем моя вера?», II; 23: 315); «*Непротивление злу насилием* – не предписание, а открытый, осознанный закон жизни для каждого отдельного человека и для всего человечества» (Дневники, 26 октября 1907 г.; 56: 75). Если первая статья датируется 1883–1884 годом, то дневник – 1907 г. Меняется и способ включения в контекст, во втором примере – авторская семантизация.

Таким образом, термин *фразеологическая система* вполне может применяться при рассмотрении языка писателя как совокупности текстов определённого автора вне зависимости от их жанрово-стилистической дифференциации. В соответствии с этим пониманием можно выделить также такие рядоположенные понятия и термины, как *фразеологическая система публицистики*, *фразеологическая система поэзии* и под., где рассматривается фразеология текстов, относящиеся к одному стилю, форме и под. Кроме того, весьма перспективным направлением является описание паремиологической системы языка [7; 8]. Системный взгляд при описании фразеологии и паремиологии доказывает понимание фразеологизмов различных групп как типа языковых единиц и их включённость в языковую иерархию.

Литература

1. Архангельский, В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке / В. Л. Архангельский. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского университета, 1964. – 315 с.
2. Ермола, В. И. К выделению семантических полей фразеологических единиц / В. И. Ермола // Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej. T. 6 / red. M. Basaj, D. Rytel. – Warszawa, 1994. – С. 65–73.
3. Телия, В. Н. Фразеология / В. Н. Телия // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 560.
4. Ломакина, О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль / О. В. Ломакина. – М. : РУДН, 2018. – 344 с.
5. Ломакина, О. В. Фразеология в языке Л. Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / О. В. Ломакина. – СПб., 2015. – 383 с.
6. Гао, М. Системный характер китайской паремиологии / М. Гао, Л. Н. Гишкаева, О. В. Ломакина, Н. В. Новоспасская // Oriental Studies. – 2025. – Т. 18. – № 5. – С. 1147–1157.
7. Ломакина, О. В. Паремиология как система (на материале горномарийского литературного языка) / О. В. Ломакина // Финно-угроведение. – 2024. – № 4 (68). – С. 51–61.

УДК 811.161.1

Лю Юэминь

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Республика Беларусь)
3319148929@qq.com

СЕМАНТИКА, ОБРАЗНОСТЬ И КУЛЬТУРОНОСНАЯ ФУНКЦИЯ ЭПИТЕТОВ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

В статье дается системный анализ понятийного содержания и функциональных особенностей эпитета как ключевого стилистического компонента в русских пословицах. На материале пословичного фонда выявляются и классифицируются основные типы эпитетов (постоянный, образный, оценочный, лирический), определяется их роль в смыслообразовании и культурной специфике высказывания.

Ключевые слова: русский язык, пословица, эпитет, лингвокультура

This study aims to systematically analyze the conceptual content and functional characteristics of the epithet as a key rhetorical component in Russian proverbs. Using the proverbial collection, the main types of epithets (permanent, figurative, evaluative, lyrical) are identified and classified, and their role in the meaning-making and cultural specificity of the utterance is determined.

Keywords: Russian language, proverb, epithet, linguaculture

Эпитет – это определение, выделяющее в изображаемом явлении какое-либо свойство, особенность, и используемое как одно из основных средств

художественной выразительности, при помощи которого писатель или поэт создаёт зримый, конкретный образ [2, с. 931]. Эпитет выражает субъективно-оценочное, образное отношение говорящего к предмету речи и служит для создания эмоциональной или смысловой выразительности высказывания.

Цель исследования заключается в выявлении эпитетов как наиболее экспрессивных языковых средств в пословицах, что позволяет не только лучше понять семантическую структуру русских пословиц, но и раскрыть эстетические качества русского языка, особенности мышления русского народа и его систему традиционных культурных ценностей. Фактический материал составляют 125 пословиц из книги «Словарь русских пословиц и поговорок» (1991) В.П. Жукова [3].

Понимание семантических и лингвокультурных особенностей эпитета в русских пословицах крайне важно, поскольку имеет не только практическое значение для преподавания русского языка как иностранного, но и представляет справочную ценность для составления русско-китайских и других сопоставительных словарей пословиц [1].

В русских пословицах различные лексические компоненты, включая эпитет, выполняют ключевую функцию смыслопостроения и культурной передачи. В русских пословицах используются все типы эпитетов.

Постоянный эпитет – это устойчивое, традиционное определение, закреплённое за словом в фольклоре и классической поэзии. Например, *Дорого яичко к великому (к светлому, к Христову) дню (празднику)* [3, с. 393], где *великому* и *светлому* используются для определения слова *день (праздник)*. Эпитеты придают слову *день/праздник* особое значение как благородному, священному, достойному уважения и почитания. Кроме этого, эпитеты часто используются в обозначениях иных праздников и дней, поэтому они относятся к постоянным эпитетам.

Образный (метафорический) эпитет – определение, основанное на скрытом сравнении или переносе признака, используется для создания яркого художественного образа. Например, *На битой (на торной) дороге трава не растёт* [3, с. 384], где *битый* означает «по которой много кто ходил». Мы обычно описываем дорогу как *длинная* или *широкая*. Эти описания относительно объективны и просто указывают на физические свойства дороги. Однако *битый* не описывает традиционные физические характеристики дороги, это определение выходит за рамки объективного описания, является метафорой. В пословице *В тихом омуте (болоте) черти водятся* [3, с. 491] слово *тихий* значит «глубокие воды, кажущиеся спокойными, неприметными и не представляющими никаких признаков опасности, которые создают иллюзию безопасности и безвредности». Слово *тихий* является модификатором слов *омут* и *болото*, не просто подчёркивает физическое состояние глубокой воды, а метафорически обозначает поверхность, которая кажется спокойной, незаметной

и без признаков опасности, что создает ложное впечатление безопасности и безвредности. Этот метафорический переход подготавливает почву для словосочетания *черты водятся*, создавая сильный контраст.

Оценочный эпитет – это определение, которое выражает прямое эмоциональное или моральное отношение говорящего к предмету речи. Например, *Плох (плохой) тот солдат, который не надеется быть генералом* [1, с. 462], где *плохой* значит «ленивый, с низкой дисциплиной и боеспособностью, отсутствием лидерских качеств». В пословице *Хороший товар сам себя хвалит* [1, с. 500] определение *хороший* значит «очень качественная продукция», обладающая характеристиками привлечения покупателей, которая может быть узнаваемой без излишней рекламы. *Хороший* – это не просто объективный признак; это стержневой носитель смысла пословицы, наделённый дифференцированностью и сильным оценочным суждением, создающий яркий аллегорический образ. Эпитет *хороший* воплощает положительную ценность товара.

Лирический эпитет – определение, передающее не столько качество предмета, сколько душевное состояние, настроение или философское восприятие автора. Например, *Голодной куме хлеб на уме* [1, с. 403], где использование *голодный* для модификации *кумы* отражает субъективные наблюдения и эмоциональное отношение говорящего. Видя голодающую *куму*, говорящий может испытывать жалость, беспокойство или другие эмоции, характерные для данной ситуации. Это выражение не просто объективное утверждение, а еще и отражение субъективных эмоций. Оно может подразумевать тяжёлую жизнь или тяжёлые обстоятельства, с которыми *кума* сталкивается в настоящее время, позволяя почувствовать сочувствие говорящего к её бедственному положению.

Таким образом, системный анализ эпитетов в русских пословицах позволяет выделить их основные функционально-семантические типы (постоянный, образный, оценочный, лирический), каждый из которых вносит свой вклад в создание выразительности, смысловой глубины и культурной специфики паремнологических единиц. Понимание природы и функций эпитета необходимо для адекватной интерпретации пословиц, что имеет ключевое значение как для лингводидактики и лексикографии, так и для межкультурных исследований.

Литература

1. Бредис, М. А. Паремнология на перекрестках языков и культур / М. А. Бредис, Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, Н. Ю. Нелюбова, Ю. А. Петрушевская. – М. : Изд-во РУДН, 2021. – 246 с.
2. Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. / отв. ред. А. А. Сурков. – М. : СовЭн, 1975. – Т. 8. – 1136 с.
3. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М. : Русский язык, 1991. – 534 с.

Макась Анастасия Вячеславовна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

nastyamobila@bk.ru

ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЛИТЕРАТУРНОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена исследованию функций фразеологических единиц в текстах произведений выдающихся авторов XX века – Джерома Дэвида Сэлинджера, Курта Воннегута и Рэя Брэдбери. Рассматриваются основные характеристики фразеологизмов и их функциональная роль в тексте литературных произведений. Фразеологические единицы становятся ключом к глубокому пониманию менталитета героев и темы произведений, их внутреннего мира и жизненных обстоятельств.

Ключевые слова: фразеология, литературный анализ, функция, Джером Дэвид Сэлинджер, Курт Воннегут, Рэй Брэдбери

This article analyzes phraseological units and their cognitive function in the works of prominent 20th-century authors J. D. Salinger, Kurt Vonnegut, and Ray Bradbury. It examines the key characteristics of phraseology and its role in the context of literary works. Phraseological units become key to a deep understanding of the characters' mentality and themes, their inner worlds, and their life circumstances.

Keywords: phraseology, literary analysis, function, Jerome David Salinger, Kurt Vonnegut, Ray Bradbury

Фразеологические единицы – неотъемлемая часть художественного текста, они не только обогащают язык произведений, но и отражают культурные, эмоциональные и тематические аспекты повествования. Знание фразеологизмов – неотъемлемая часть лингвистической подготовки специалиста [1; 2].

Целью исследования является комплексный анализ функций фразеологических единиц в творчестве Джерома Дэвида Сэлинджера, Курта Воннегута и Рэя Брэдбери. Исследование нацелено на выявление роли фразеологии в углублении понимания художественных текстов, а также на определение способов, которыми фразеологические единицы обогащают и формируют смысловые и эмоциональные аспекты произведений.

Фактическим материалом для исследования послужили 500 фразеологических единиц, отобранные методом случайной выборки из произведений Д.Д. Сэлинджера, К. Воннегута и Р. Брэдбери. Выбор этих авторов обусловлен их значимостью в литературе XX века, а также разнообразием стилей и тем, что позволяет более глубоко понять мнения, движения и состояние людей во время политических, социальных и культурных изменений.

В исследовании применялся комплекс лингвистических методов: описательно-аналитический метод для общей характеристики фразеологических единиц, метод контекстуального анализа для определения их конкретных

функций и значений, метод классификации для выявления структурных типов фразеологизмов и стилистический метод при анализе вариативности их употребления у разных авторов и в различных жанрах.

Исследование показало, что фразеологические единицы являются неотъемлемым компонентом литературно-художественных произведений. Устойчивые формулировки типа *life is a game* («жизнь – это игра») и *so it goes* («так оно и есть») и др. удовлетворяют ключевым требованиям литературного текста: образности, эмоциональной насыщенности и способности к глубокому осмыслению. Эти выражения выполняют роль метафор, мгновенно передавая сложные идеи и чувства, составляющие ядро творчества каждого автора. Специфические фразеологизмы типа *to catch the rye* («поймать во ржи») или *the end of the world* («конец света») демонстрируют богатую семантику и служат индикаторами культурных и социальных контекстов, важных для понимания произведений.

У фразеологических единиц имеется набор определенных функций, которые предопределены их сущностью. Одни функции являются постоянными, то есть они характерны всем фразеологическим единицам абсолютно в любых условиях их употребления, другие же свойственны только некоторым видам фразеологизмов. К постоянным относятся **коммуникативная, познавательная и номинативная функции**.

Познавательная (когнитивная) функция – это опосредованное сознанием отражение объектов реального мира, способствующее пониманию. Познавательная и номинативная функции реализуются в рамках коммуникативной функции, образуя диалектическое единство. Все остальные функции действуют в рамках этих двух, что подчеркивает иерархичность функционального аспекта фразеологической системы.

Стилистическая функция фразеологических единиц позволяет авторам выделять ключевые моменты и придавать высказыванию выразительность. Например, в произведениях Сэлинджера можно встретить выражение: *Life is a game, kid* «Жизнь – это игра, парень» («The Catcher in the Rye»), которое готовит как читателя, так и главного героя к тысяче испытаний в реальной жизни, к лишениям, разочарованиям, лицемерию и несправедливости. И основной посыл заключается в том, что эти испытания нужно пройти и остаться после них Человеком, точно также как и в игре, которая полна правил, стратегий и взаимодействий с другими, что может быть связано с дружбой, конфликтами и человеческими отношениями. Таким образом, фраза предлагает задуматься о том, как важно находить баланс между серьезностью и игривостью в жизни, а также о том, что мы все играем свои роли в этом большом «игровом процессе».

Кумулятивная функция позволяет соединить опыт народа и обобщить его в краткой форме. Ярким примером является фраза Воннегута: *So it goes* «Так оно и есть» («Slaughterhouse-Five»). Это устойчивое выражение способствует пониманию абсурдности или трагизма человеческого существования.

Директивная функция активно выражается в пословицах, которые передают жизненные уроки. Пример из Брэдбери: *You don't have to burn books to destroy a culture. Just get people to stop reading them* «Вам не нужно сжигать книги, чтобы уничтожить культуру. Просто заставьте людей прекратить их читать» («Fahrenheit 451») – это призыв к действиям и осознанности.

Резюмирующая функция ярко проявляется в фразах, подводящих итоги. Например, в Сэлинджере: *It's full of phonies* «Там полно лицемеров» («The Catcher in the Rye»). Это выражение как раз указывает нам на итоги коммуникации и попыток завести разного рода взаимоотношения главного персонажа с его окружением. В данном контексте подростка Холдена Колфилда с бывшими одноклассниками и учителями (мистером Спенсером, мистером Антонини), с водителем такси, монахиней, проституткой, незнакомой девушкой. Так все эти персонажи олицетворяют для этого юноши взрослый мир, в который он окунается с каждым днем все больше и больше. И как итог этого перехода мальчика-подростка во взрослый мир, полный ответственности, лжи и разочарований перед нами, читателями, предстает его высказывание.

Контактоустанавливающая функция позволяет создавать непринужденную атмосферу общения. Слова Воннегута: *We are all just a bit mad* «Мы все немного безумны» («The Sirens of Titan») помогают установить связь между автором и читателем.

Таким образом, проведенное исследование фразеологических единиц в произведениях Джерома Дэвида Сэлинджера, Курта Воннегута и Рэя Брэдбери показывает, что фразеологизмы не только обогащают текст, но и служат ключом к пониманию его глубинных смыслов. Они становятся средством передачи культурных и социальных контекстов, позволяя читателям углубленно воспринимать идеи и темы произведений.

В результате исследования установлено, что фразеологические единицы в художественном тексте характеризует полифункциональность, когда один и тот же фразеологизм выполняет одновременно несколько функций. Так, фразеологические единицы традиционно выступают весьма эффективным средством экспрессии и создания нужной эмоциональной тональности в контексте. Особенно ярко это проявляется в случаях, когда фразеологизмы используются автором в речи персонажей, где каждое устойчивое выражение появляется не только как еще одно средство языка для передачи сообщения, но и для создания речевого портрета героя, характеристики его отношения к другим персонажам, стилизации его речи, придания ей образности и индивидуальности. Однако основная функция фразеологических единиц в художественной речи – это стилистическая функция, которая реализуется как выбор такого способа выражения мысли, который направлен на достижение максимального художественного и речевого эффекта при сохранении общего содержания текста. Включение фразеологизма в контекст в рамках реализации стилистической функции позволяет актуализировать в речи коннотативный потенциал значе-

ния фразеологической единицы. Второй по значимости функцией реализации фразеологизмов является их прагматическая функция, которая позволяет использовать фразеологизм в создании и усилении прагматического эффекта воздействия содержания художественного текста на читателя.

Употребление фразеологизмов значительно расширяют возможности интерпретации и восприятия литературного текста, что подтверждает их неоспоримую значимость в языке и литературе. Выявленные функции позволяют глубже осознать, как фразеологические единицы формируют не только стилистические, но и когнитивные аспекты художественного произведения.

Литература

1. Василенко, Е. Н. English. Developing Speaking and Writing Skills. Ч. 2 / Е. Н. Василенко, Е. Е. Иванов, А. Н. Шестернёва. – Минск : РИВШ, 2023. – 216 с.
2. Голякевич, Н. Д. Practical English Grammar: Morphology / Н. Д. Голякевич, С. П. Зубрий, Е. Е. Иванов. – Минск : РИВШ, 2019. – 268 с.

УДК 811.112.2+811.161.3

Рыжанкова Татьяна Михайловна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

ryzhankova@m.msu.by

ЛЕКСИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В НЕМЕЦКИХ И БЕЛОРУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

В статье представлен сравнительный анализ лексического состава немецких и белорусских пословиц. Особое внимание уделяется выявлению сходства и различия в распределении и семантике частей речи (существительных, глаголов, прилагательных и др.), что рассматривается как ключ к пониманию национально-культурных особенностей двух народов. На материале 50 немецких и белорусских пословиц (пословицы были отобраны случайно, охватывающие сходные тематические группы: труд, семья, судьба, ум/глупость, дружба/вражда) показано, как через частеречные доминанты и аксиологическую лексику в пословицах отражаются специфические ценностные ориентации, картина мира и система приоритетов немецкой и белорусской лингвокультуры.

Ключевые слова: паремиологические единицы, пословицы, лексический состав, части речи

This article presents a comparative analysis of the vocabulary of German and Belarusian proverbs. Particular attention is paid to identifying similarities and differences in the distribution and semantics of parts of speech (nouns, verbs, adjectives, etc.), which is considered key to understanding the national and cultural characteristics of the two peoples. Using 50 German and Belarusian proverbs (the proverbs were selected randomly, taking into account their representativeness, covering similar thematic groups: work, family, fate, intelligence/stupidity, friendship/enmity), it is shown how, through part-of-speech dominants and axiological vocabulary, the proverbs reflect

specific value orientations, the worldview, and the system of priorities of German and Belarusian linguistic cultures.

Keywords: paremiological units, proverbs, vocabulary, parts of speech

Эффективность речевого воздействия находится в прямой зависимости от выразительности и умелого использования ресурсов языка. В ряду ключевых средств, обеспечивающих эту выразительность, находятся пословицы, которые представляют собой концентрированную форму народной мудрости, аккумулирующую многовековые наблюдения, жизненный опыт и систему ценностей этноса. Они обладают уникальной способностью передавать сложную гамму чувств и мыслительных актов, обеспечивая тем самым глубокий эмоциональный и интеллектуальный резонанс у аудитории. Таким образом, анализ пословиц позволяет реконструировать национальный характер, мировоззренческие установки, а также бытовые и социальные традиции народа-создателя.

Пословицы раньше всего привлекали внимание ученых как жанр устного народного творчества. Однако с точки зрения лингвистики и паремиологии, их ценность заключается не только в художественности, но и в том, что они представляют собой свернутые лингвокультурные коды, обладающие строгой структурной и функциональной организацией. Именно эта структурная организация, в первую очередь, проявляется на лексическом уровне.

Лексический состав пословицы, а именно распределение и семантика частей речи, служит ключом к пониманию того, какие аспекты действительности являются наиболее релевантными для той или иной культуры. Лексическое разнообразие – это показатель богатства словарного запаса, множества использованных частей речи и вариативности выражений в языке. В пословицах часто встречаются устойчивые сочетания, что требует особого анализа для выявления типичных характеристик каждого языка. Этот анализ позволяет выявить не просто частотные слова, но и концептуальные доминанты, и ценностные ориентации, закрепленные в языке.

Несмотря на универсальность тематики пословиц, лексическое разнообразие и частотность частей речи в немецком и белорусском языках будут различаться, отражая специфику культурных архетипов: прагматизм и активность – для немецкой культуры, и фатализм, связь с природой и общинность – для белорусской.

В результате анализа немецких и белорусских пословиц было выявлено, что имя существительное является смысловым центром большинства проанализированных пословиц в обоих языках. Однако наблюдаются значительные семантические различия. Что касается белорусских пословиц, то в них наблюдается высокая концентрация существительных, обозначающих абстрактные понятия (Напр.: *Адна бяда не ідзе, другую за сабой вядзе. Не тое дабро (добра, харашо), што дабро (добра, хараша), але тое, што каму даспадобы. Шчасце адно не ходзіць, бяду за сабою водзіць*), природные явления и предметы тради-

ционного быта (Напр.: *Хлеб усяму галава. Хочаш есці калачы, дык (так, то) не сядзі на пячы. Хлеб і вада – маладзецкая яда. Куды вецер, туды і дым*), социальные и семейные отношения (Напр.: *Кума куме, дыі пайшло па ўсім сяле. Няма лепшага друга, як родная маці. Бліжняга суседа пасадзі ўперадзе ўсіх. Добры сусед раднейшы за роднага брата*) [3]. Это свидетельствует о категориальном, предметно-образном мышлении, глубокой связи с природой и акценте на социальных и семейных связях.

Следует отметить, что и в немецких пословицах широко представлены существительные, но с иной семантической направленностью. В немецких пословицах наблюдается использование конкретных предметов и понятий, связанных с трудом и порядком (напр.: *Wer keine Arbeit hat, der macht sich welche. Wie die Arbeit, so der Lohn. Ordnung ist das halbe Leben. Wer Ordnung hält, ist nur zu faul zum Suchen*), инструментами и результатами деятельности (напр.: *Wer den Pfennig nicht ehrt, ist des Talers nicht wert. Das Werk lobt den Meister. Am Werke erkennt man den Meister. Der Hammer fällt auf den Amboss*), антропоцентрической лексикой (напр.: *Der Mensch lebt nicht vom Brot allein. Gibt Gott Häschen, so gibt er auch Gräschen. Wenn das Kind nicht weint, glaubt die Mutter es brauche nichts*) [1].

Рассмотрим роль глагола в структуре пословицы, которая является фундаментальной, так как глагол передает динамику действия или состояния. В немецких пословицах на первый план часто выступают глаголы активного действия (напр.: *Ein närrischer Freund macht mehr Verdruss als ein weiser Feind. Glück macht Freunde, Unglück prüft.*) и модальные глаголы (напр.: *Man kann vom Ochsen nur Rindfleisch erwarten. Ein Narr fragt mehr, als sieben Weise antworten können*) [1]. Это подчеркивает установку на активное преобразование мира, целеполагание и эффективность.

В белорусских же пословицах глаголы бытия и состояния, а также глаголы, передающие фатальность или естественный ход событий, чаще описывают не столько целенаправленное действие, сколько состояние, процесс или отношение (напр.: *Век жыўі – век вучыся, а дурнем памрэш. Удача і бяда не прыходзіць адна*). Употребление данных глаголов отражает более фаталистическое и созерцательное отношение к миру, где события часто воспринимаются как предопределенные.

Заслуживает внимания тот факт, что лексическое разнообразие белорусских наречий и местоимений значительно выше соответствующих немецких показателей, что свидетельствует о более личностном и образном стиле белорусских пословиц (напр.: *Стары друг лепей (лепш) за новых двух. Не той сябра, хто вусны мёдам мажа, а той, хто ў вочы праўду кажа. Лепш сем разоў згарэць, як адзін раз аўдавець*) [2].

Что касается имен прилагательных, то их использование раскрывает оценочную систему, заложенную в пословицах. В белорусских пословицах широко представлены качественные прилагательные с эмоциональной и этической

окраской: *добры, злы, горкі, салодкі, праўдзівы, чысты* (напр.: *Добрая слава даражэй багация. Лепі благі мір, як добрая сварка*). В немецких пословицах прилагательные часто носят более нейтральный, констатирующий или сравнительный характер и употребляются для обозначения ценностей и эффективности: *gut, schlecht, früh, spät, halb* (напр.: *Ende gut, alles gut. Wer ehrlich ist, heiratet früh, wer klug ist, aber nie. Besser spät als nie*). Из вышесказанного можно сделать выводы, что белорусские пословицы являются более насыщенными семантически и вызывают в представлении более яркие картинки-образы.

Таким образом, анализ пословиц подтвердил наличие характерных особенностей в использовании частей речи в обоих языках. Полученные результаты показывают, что существуют различия в лексическом составе и использовании частей речи в немецких и белорусских пословицах. Лексическое разнообразие частей речи в паремиологическом фонде каждого языка служит не только лингвистическим маркером, но и надежным источником для реконструкции глубинных слоев национального менталитета. Немецкий язык через свои пословицы рисует картину мира как мастерской, где человек – мастер, а белорусский – как мир-судьбу, где человек – часть большого природного и социального целого.

Літаратура

1. Граф, А. Е. Словарь немецких и русских пословиц / А. Е. Граф. – Санкт-Петербург : Лань, 1997. – 288 с.
2. Иванов, Е. Е. Русско-белорусский словарь пословиц = Руска-беларускі слоўнік прыказак: 777 пословиц русского языка, свыше 5000 белорусских паремиологических эквивалентов и соответствий : в 2 ч. / Е. Е. Иванов. – Могилев : Брама, 2001. – Ч. 2. – 164 с.
3. Петрушевская, Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы : беларуска-іншамовны слоўнік : больш за 950 беларускіх, каля 8600 іншамовных прыказак / Ю. А. Петрушэўская. – Могілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2019. – 316 с.

УДК 811.161.3

Цеплякова Альбіна Дзмітраўна

Могілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова

(г. Могілёў, Рэспубліка Беларусь)

tepliakova@m.msu.by

СПАЛУЧЭННІ РОЗНЫХ ВІДАЎ ТРАНСФАРМАЦЫЙ АНГЛАМОЎНЫХ ЗАПАЗЫЧАННЯЎ КРЫЛАТЫХ СЛОЎ У МОВЕ СРОДКАЎ МАСАВАЙ ІНФАРМАЦЫІ

У артыкуле разглядаюцца спалучэнні трансфармацый розных відаў пры ўжыванні ў маўленні крылатых выразаў і афарызмаў. Вызначаюцца найбольш тыповыя камбінацыі

трансфармацый крылатых слоў на матэрыяле публіцыстычных тэкстаў і мовы сродкаў масавай інфармацыі.

Ключавыя словы: беларуская мова, крылатыя словы, трансфармацыя, мова СМІ

The article examines combinations of transformations of various types when using catchphrases and aphorisms in speech. The most typical combinations of catchphrase transformations are determined on the basis of journalistic texts and the language of the mass media.

Keywords: Belarusian language, catchphrases, transformation, mass media language

Адным з актуальных напрамкаў у вывучэнні відазмяненняў крылатых выразаў і афарызмаў у сучаснай беларускай мове [1] з’яўляецца апісанне іх трансфармацый у маўленні [2]. Асабліва. Цікава, як выклікаюць разнастайныя спалучэнні розных спосабаў і прыёмаў трансфармацыі крылатых слоў у маўленні. Найбольш часта такія спалучэнні сустракаюцца ў мове сродкаў масавай інфармацыі і часцей за ўсё пры ўжыванні англамоўных запазычанняў крылатых выразаў і афарызмаў.

Спалучэнне трансфармацый крылатых слоў – гэта кантамінацыя трансфармацыйных прыёмаў розных тыпаў у межах аднаго крылатага выразу або афарызма пры яго ўжыванні ў маўленні. Камбінаваныя відазмяненні крылатых слоў размяжоўваюцца на аднатыпныя (мадальныя і мадальныя або сінтаксічныя і сінтаксічныя) і рознатыпныя (мадальныя і сінтаксічныя).

Спалучэння толькі мадальных трансфармацый англамоўных крылатых выразаў у беларускай мове не было выяўлена. Але часта сустракаецца іх камбінаванне з немадальным трансфармацыйнымі прыёмамі. Напр.: “*А навошта хавацца? Як пацукі з карабля бегчы?* – параўн. *Бегчы, як пацукі, з тонучага карабля* (тут змененне модуса паведмлення спалучаецца з інверсіяй і элімінацыяй). Або: *Вы ўжо адчулі, у чым уся цяжасць працы вясковага ўчастковага міліцыянера?* – параўн. *Вось у чым цяжасць!* (тут змяненне модуса паведамлення спалучаецца з элімінацыяй).

Найбольш часта сустракаюцца ў мове СМІ спалучэнні розных відаў сінтаксічных трансфармацый крылатых слоў. Тыповымі спалучэннямі можна лічыць наступныя.

Інтэркаляцыя + парцэляцыя, напр.: *Але, укладаючы некуды грошы, мы маем намер атрымаць прыбытак, ці не так? У дадзеным жа выпадку, у лепшым варыянце мы застанемся «пры сваіх», страціўшы 18 месяцаў. А бізнэсколы ведаюць знамятае выслоўе: час – гэта таксама грошы* – параўн. *Час – <гэта> грошы*. Або: *Крычалка пра тое, што трэба даць міру яшчэ адзін шанец, можа і паказацца прымітыўнай, аднак прастата выканання (можна і без інструментаў) і тэксту (можна крычаць толькі прыпеў) зрабіла яе хітом на ўсе часы* – параўн. *Дайце міру шанец*.

Інтэркаляцыя + элімінацыя, напр.: *Дарэчы, на мерапрыемства прыехала і кніжная крама, таму гледачы не праміналі магчымасці і набывалі сабе кнігі*.

Не часта ж гара ходзіць да Магамета. Усе кнігі нядаўна выйшлі ў свет – параўн. Калі гара не ідзе да Магамета, то Магамет ідзе да гары.

Інтэркаляцыя + анексія, напр.: Паўстае пытанне – хто яна, гэтая загадкавая «міратворца»? Сапраўдная **жалезная ледзі**, іначай не скажаш – параўн. **жалезная ледзі**. Або: **Веды** – гэтая такая **сіла**, якая усім на карысьць – параўн.: **Веды** – сіла.

Камбінаваныя мадальныя трансфармацыі могуць спалучацца з рознымі сінтаксічнымі трансфармацыйнымі прыёмамі. Напр.: **Акрамя гэтага, мы павінны разумець, што звон звоніць не толькі на іх: ён звоніць яшчэ і на ўсёй той велізарнай колькасці зняволеных, якія сядзяць у турмах** – параўн. **Па кім звоніць звон** (тут камбінуюцца адмаўленне, канкрэтызацыя і субстытуцыя).

Камбінаваныя мадальна-сінтаксічныя трансфармацыі прадстаўлены ў мове сродкаў масавай інфармацыі наступнымі спалучэннямі.

Канкрэтызацыя + лексічная субстытуцыя, напр.: **XX стагоддзе ведае рэмаркаўскае “згубленнае пакаленне”, быкаўскае “забітае пакаленне”.** Апошняя яго трэць павінна была прайсці пад знакам “сямідзiesiąтнікаў” якія, аднак, з-за сваёй малалікасці, абумоўленай ваеннай і паваяеннай дэмаграфічнай сітуацыяй, не здолелі спраўдзіць чаканні – параўн. згубленнае (страчанае) пакаленне. Або: Эдуарду ўсяго 2 гады, і яго жыццё – **пастаянная барацьба за сваю будучыню** – параўн. барацьба за існаванне.

Канкрэтызацыя + атрыбутыўная інтэркаляцыя, напр.: **Такі сабе самапальны Джэймс Бонд** з рускай глыбіні. Зняў фільм Яўген Барануў – вучань Сяргея Салаўёва – параўн. Джэймс Бонд.

Змена модуса паведамлення + субстытуцыя, напр.: **Амаль два дзясяткі гадоў АП выкарыстоўваў яе ў якасці фону, на якім так рэльефна глядзеліся яго ўласныя дасягненні. Што прымусіла яго развярнуцца на 180 градусаў? Няўжо «падгніла штосьці ў Дацкім каралеўстве»?** – параўн. Прагніла нешта ў дацкім каралеўстве. Або: **Сагнаць ці не сагнаць? Глядзі адказ.** [Назва артыкула] – параўн. Быць або (ці) не быць <вось у чым пытанне> (тут дадаецца яшчэ і анексія).

Змена модуса паведамлення + інтэркаляцыя, напр.: **Аднойчы Насця вывучыла, як уладкаваныя спартыўныя машыны, чым адрозніваюцца ад уседарожніка і г. д. Прыйшла на ўрок, малое. «О, Land Rover!» – запаважалі пацаны. І ўсё – лёд крануўся! Вучні зразумелі, што нашы заняткі даюць рэальны вынік. Наогул, дзеці пастаянна здзіўляюць – параўн. лёд крануўся.**

Змена модуса паведамлення + элімінацыя, напр.: **“А навошта хавацца? Як пацукі з карабля бегчы? Мы былі ўпэўненыя ў сабе, упэўненыя, што бой быў за намі** – параўн. **Бегчы, як пацукі, з тонучага карабля** (тут дадаецца яшчэ і інверсія).

Інтэркаляцыя + парцэляцыя, напр.: **Гродна. З восені ў нас перуном прыбіла дзяўчыну. Яе пахавалі. Уночы стораж на могілках пачуў енк адтуль, дзе была свежая магіла. Але махнуў рукой і пайшоў спаць. Назаўтра паліцыя адкапа-**

ла дамавіну і аказалася, што дзяўчына была ў летаргічным сне. *Не памерла, а толькі заснула.* Ачнуўшыся, задушылася: валасы мела парваныя і твар нашарпаны – параўн. *Памерці – заснуць* (тут да спалучэння дадаецца яшчэ і адмаўленне).

Такім чынам, можна зрабіць выснову, што спалучэнні розных тыпаў трансфармацый крылатых выразаў і афарызмаў у маўленні з’яўляецца не толькі тыповай з’явай для мовы сродкаў масавай інфармацыі, але яшчэ і выконвае ў ёй адметную стылістычную функцыю – прыстасоўваць крылатыя словы да розных сітуацый і фактаў таго, пра што паведамляецца ў газетах і часопісах.

Літаратура

1. Іваноў, Я. Я. Аб другасным спосабе дэрывацыі непрэцэдэнтных афарызмаў / Я. Я. Іваноў // Грани слова : сб. науч. статей к 65-ю проф. В. М. Мокиенко. – М. : ЭЛ-ПИС, 2005. – С. 463–468.
2. Цеплякова, А. Д. Трансфармацыі крылатых выразаў у маўленні (моўна-нарматыўны аспект) / А. Д. Цеплякова // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. – 2025. – № 1 (291). – С. 146–155.

УДК 811.111

Чабанова Анастасия Александровна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

naste4ka2004@gmail.com

БИБЛЕИЗМЫ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Статья посвящена анализу функционирования лексических и фразеологических библеизмов в языке современных британских СМИ (The Guardian, The Economist, The Spectator, The Times). Описываются структурные типы библеизмов, их трансформации и прагматические функции в медийном дискурсе. Доказано преобладание библеизмов, подвергшихся глубокой секуляризации (65%) и использующихся преимущественно в трансформированном (70%) и инвертированном (20%) значениях. Выявлены ключевые функции библеизмов в медиа: оценочно-ироническая, аргументативно-усилительная и текстообразующая. Установлено, что библеизмы являются значимым компонентом публицистического дискурса, адаптированы к актуальным коммуникативным задачам.

Ключевые слова: библеизм, медиадискурс, британские СМИ, структурно-семантическая модель, прагматическая адаптация

The article analyzes the functioning of lexical and phraseological biblicalisms in the language of modern British media (The Guardian, The Economist, The Spectator, The Times). Based on a corpus of 100 usage contexts from 2025, the study examines the structural types of biblicalisms,

their semantic transformations, and pragmatic functions in media discourse. The predominance of phrasal biblicalisms (about 65%), which have undergone deep secularization and are used primarily in transformed (about 70%) and inverted (about 20%) meanings, is proven. Key functions of biblicalisms in the media are identified: evaluative-ironic, argumentative-emphatic, and text-forming. The results indicate that the biblical heritage remains a living and strategically significant component of journalistic discourse, adapting to current communicative tasks.

Keywords: biblicalism, media discourse, British media, structural-semantic model, pragmatic adaptation

Библейское наследие, закрепленное в тексте Библии короля Якова (King James Version, 1611) [1], представляет собой один из ключевых культурно-языковых пластов английского языка. Перевод, выполненный с беспрецедентной тщательностью с теологической и филологической точки зрения, не только канонизировал религиозный текст, но и сформировал ядро так называемой «библейской фразеологии», способствовал введению в повседневный обиход сотни устойчивых выражений, идиом и лексем.

Лексические и фразеологические единицы, восходящие к Библии, или библеизмы [2], давно перешагнули границы сугубо религиозного дискурса. В современном коммуникативном пространстве, и особенно в британских СМИ, они продолжают активно функционировать, выступая мощным, многогранным инструментом воздействия, оценки, аргументации и формирования культурной солидарности с аудиторией. Однако их современное бытование характеризуется не простой ретрансляцией, а активной семантической и прагматической адаптацией. Библеизмы подвергаются трансформациям, инверсии, стилистической игре для осмысления и оценки актуальных политических, экономических и социальных реалий, что делает их изучение в контексте медиадискурса релевантным для лингвистики, медиаведения и культурологии.

Целью исследования является комплексный анализ и систематизация структурно-семантических особенностей, а также прагматических функций лексических и фразеологических библеизмов в языке современных британских СМИ. Данная цель конкретизируется в задачах: отбор и создание репрезентативного корпуса примеров из ведущих британских изданий; проведение структурного анализа библеизмов с опорой на существующие классификации; исследование характера и глубины семантических трансформаций, которым подвергаются библейские единицы в медийном контексте; определение и описание доминирующих прагматических функций, выполняемых библеизмами в различных жанрах публицистики.

Фактическим материалом для исследования послужил корпус из 500 текстов употребления библеизмов, отобранных методом сплошной выборки из британских изданий The Guardian, The Economist, The Spectator и The Times за 2025 год. Выбор данных источников обусловлен их статусом как качественных, влиятельных изданий с разной политической и стилистической направленностью, что позволяет получить более полную картину функционирования

языкового явления. В работе применялся комплекс лингвистических методов: описательно-аналитический метод для общей характеристики материала, метод контекстуального анализа для определения конкретных функций и значений библеизмов, стилистический анализ употребления библеизмов в разных изданиях и жанрах, а также элементы количественного анализа для выявления частотных структурных и семантических моделей.

Проведенный структурный анализ подтвердил актуальность классификации, предложенной А.Д. Бакиной [3], и позволил выявить четкую иерархию структурных типов библеизмов в медийном дискурсе. Абсолютное преобладание фразеологических, библеизмов (65% от общего корпуса) представляется закономерным. Устойчивые сочетания типа *a good Samaritan, a thorn in the side, forbidden fruit, to reap what you sow* и т.д. идеально соответствуют ключевым требованиям медийного текста: лаконичности, образности, экспрессивности и синтаксической интеграции в предложение. Будучи готовыми смысловыми блоками, они выполняют роль ярких сказуемых или определений, мгновенно передавая сложные понятия и оценки. Лексические библеизмы (25%) типа *scapegoat, manna, Pharisee*, выполняют иную, но не менее важную функцию. Прошедшие полную семантическую трансформацию, они служат точными и емкими «ярлыками»-понятиями для обозначения сложных явлений (социальных, политических и др.). Паремииологические библеизмы (10%) типа *Pride goes before a fall* или *A house divided against itself cannot stand* используются наиболее избирательно. Их синтаксическая громоздкость компенсируется афористичностью и максимальным риторическим весом, поэтому они занимают сильные позиции в тексте – выступают в роли заголовков, лидов или кульминационных аргументов, придавая частному тезису статус универсальной и непреложной истины.

Семантический анализ, проведенный с опорой на классификацию Т.Н. Федуленковой [4; 5], продемонстрировал радикальное преобладание процессов глубокой адаптации и переосмысления сакрального текста в светском медийном пространстве. Наиболее многочисленную группу составляют библеизмы переносного, или трансформированного, значения (70%). В этих случаях исходный религиозный смысл полностью замещен светским, чаще всего метафорическим. Например, выражение *the writing on the wall*, восходящее к чудесному пророчеству о гибели царя Валтасара (Daniel 5:5), в современных медиа (*Investors finally saw the writing on the wall...*) превратилось в семантически универсальную идиому, означающую неопровержимое предзнаменование неминуемого краха или кризиса, лишённое какой-либо мистической составляющей. Значительную и экспрессивно яркую группу (20%) образуют библеизмы с инверсией значения. Данная стратегия предполагает намеренное отрицание или переворачивание исходного библейского смысла для достижения полемического или иронического эффекта. Яркий пример – использование заповеди *turn the other cheek* (Matthew 5:39) в отрицательной конструкции

I won't turn the other cheek. Здесь библейский символ смирения и ненасилия сознательно отвергается и используется как точка отталкивания для конструирования агрессивной, воинственной позиции. Употребление библеизмов в их прямом, буквальном значении (10%) является маркером содержательно узких, специфических контекстов, таких как личные религиозные свидетельства (*to be born again*, John 3:3) или историко-философские эссе, и практически не встречается в аналитической или новостной публицистике.

Выявленные семантические трансформации напрямую обслуживают прагматические цели современного медиадискурса, в рамках которого библеизмы выполняют ряд специфических функций. Наиболее частотной является оценочно-ироническая функция, особенно характерная для аналитических колонок (Opinion) и сатирических материалов. Библеизмы служат готовым инструментом для создания ярких, часто уничижительных или насмешливых характеристик. Так, оксюморон *the Good Samaritan meets Vicky Pollard* (ср. Luke 10:33) создает сложный сатирический эффект, разоблачая лицемерную или абсурдную имитацию добродетели в политике. Аргументативно-усилительная функция библеизмов доминирует в политических и экономических обзорах. Использование выражений *to reap what you sow* (Galatians 6:7) или *Pride goes before a fall* (Proverbs 16:18) позволяет представить какой-либо частный тезис или данную ситуацию как проявление универсального, неотвратимого закона, тем самым резко повышая убедительность авторской позиции и придавая ей вневременную силу и моральную глубину. Наконец, текстообразующая и заголовочная функция выводит библеизм на уровень ключевого композиционного элемента. Вынесенное в заголовок изречение *Ashes to ashes, dust to dust* (ср. Genesis 3:19) не информирует о содержании, а задает философский, фаталистический тон материалу, служат смысловым и эмоциональным камертоном, объединяющим разные аспекты освещаемой проблемы.

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что библейское наследие в языке современных британских СМИ предстает не как архаичный реликт прошлого, а как живой, динамичный и стратегически значимый компонент публичного дискурса. Библеизмы, пройдя структурную селекцию (с явным преобладанием лаконичных и образных моделей устойчивых выражений) и глубокую семантическую секуляризацию (с доминированием трансформирования и инвертирования значений), превратились в мощный, гибкий и высокоэффективный инструмент современной журналистской риторики. Они используются для драматизации событий, иронической или сатирической оценки, усиления логической и эмоциональной убедительности аргументации, а также для формирования культурной общности с читателем, предполагающей узнавание общего кода для многих языков и культур [6; 7]. Современные медиа выступают активной творческой лабораторией, где древние культурные и языковые формулы заново осмысливаются и адаптируются

для решения актуальных коммуникативных задач XXI века, что и подтверждает непреходящую лингвокультурную значимость библейского наследия.

Литература

1. The Holy Bible, King James Version. – Oxford : Oxford University Press, 1611/2011. – 1200 p.
2. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – 3rd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 506 p.
3. Бакина, А. Д. Библизмы vs. библейские фразеологизмы: уточнение понятий (на примере английских и немецких текстов) / А. Д. Бакина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – Т. 21. – № 6. – С. 35–43.
4. Федуленикова, Т. Н. Лекции по английской фразеологии библейского происхождения / Т. Н. Федуленикова. – М. : Академия естествознания, 2014. – 148 с.
5. Fedulenkova, T. N. English Phraseology of Biblical Origin: A Diachronic Approach / T. N. Fedulenkova. – Arkhangel'sk : Pomor State University, 2000. – 132 p.
6. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках : в 2 т. / под ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко [и др.]. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – Т. 1. – 334 с.
7. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках : в 2 т. / под ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко [и др.]. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – Т. 2. – 308 с.

УДК 811.581+811.161.1

Шiao Цзинцзин

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Республика Беларусь)
2495329208@qq.com

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОМПОНЕНТА 头 / ГОЛОВА В КИТАЙСКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

В статье рассматриваются семантические и лингвокультурные особенности «головы» в китайских и русских пословицах, выявляются общие метафорические смыслы, уникальные культурные специфики и глубинные истоки различий, что представляет ценность для межкультурной коммуникации и преподавания иностранных языков.

Ключевые слова: пословица, лексический компонент, голова, китайский язык, русский язык

The article examines the semantic and linguocultural features of 'head' in Chinese and Russian proverbs, identifies common metaphorical meanings, unique cultural specifics and the under-

lying roots of differences, which is valuable for intercultural communication and foreign language teaching.

Keywords: proverb, lexical component, head, Chinese, Russian

Сопоставительно исследование пословиц представляет ценность не только для выявления универсальных закономерностей человеческого мышления и уникальных национальных культурных кодов [6], но и для практики преподавания иностранного языка, составления переводных и сопоставительных паремиологических словарей, а также для углубления межкультурного взаимопонимания.

Согласно определению в «*Современный словарь китайского языка*», пословица – «широко распространенные у народа устойчивые фразы, концентрирующие жизненный опыт и глубокие истины» [4, с. 166]. Как главная часть тела, «голова» в китайских и русских пословицах несет весьма обильные символические значения, отражающие как универсальность человеческого метафорического мышления, так и специфику национально-культурных особенностей.

Цель исследования – сравнительный анализ семантических и лингвокультурных особенностей лексического компонента «голова» в китайских и русских пословицах, выявление общих метафорических смыслов, уникальных культурных специфик и глубинных истоков различий.

Фактический материал исследования составляют 26 китайских и 25 русских пословиц с лексическим компонентом «голова» / 头, отобранные из лексикографических источников. Китайские пословицы: 人无头不走, 鸟无头不飞 (Без головы человек не идет, без головы птица не летит) [2, с. 519], 宁为鸡头, 不为牛后 (Лучше быть головой курицы, чем хвостом быка) [2, с. 486], 浪子回头金不换 (Когда гуляка возвращает голову, он дороже золота) [3, с. 1282], 脑袋掉了碗大个疤 (Если голова слетит, будет шрам размером с чашку) [5, с. 329], 低头是稻穗, 昂头是稗子 (Опущенная голова – рисовый колос, поднятая – сорняк) [1, с. 228], 低头不见抬头见 (Наклонив голову не видишь, подняв – увидишь) [1, с. 228], 在人屋檐下, 怎敢不低头 (Под карнизом чужого дома как посмеешь не склонить голову) [2, с. 90], 抬头嫁姑娘, 低头娶媳妇 (При выдаче дочери замуж поднимаем голову, при взятии невесты опускаем) [1, с. 229], 好马不吃回头草 (Хороший конь не повернет голову на поедавшую траву) [2, с. 192]. Русские пословицы: *Рыба с головы гниет* [7, с. 402], *Хвост голова не указка* [7, с. 402], *Дурная голова ногам покоя не дает* [7, с. 402], *Сколько голов, столько умов* [7, с. 402], *Повинную голову меч не сечет* [7, с. 402], *Снявши голову, по волосам не плачут* [7, с. 402], *Пустой колос голову кверху носит* [7, с. 402], *Держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле* [7, с. 402], *Седина в бороду(в голову), а бес в ребро* [7, с. 402], *Одна голова не бедна, а и бедна, так одна* [7, с. 402], *Под голову кулак, а под бока – и так* [7, с. 402].

1. Общие символические значения «головы» в китайском и русском языках.

1.1 Лидерство и начало. «Голова» метафорически обозначает лидера или отправную точку, основываясь на ее функции руководящего центра тела. Например, кит. 人无头不走, 鸟无头不飞 (Без головы человек не идет, без головы птица не летит) [2, с. 519], 宁为鸡头, 不为牛后 (Лучше быть головой курицы, чем хвостом быка) [2, с. 486]; рус. *Рыба с головы гниет* [7, с. 402], *Хвост голова не указка* [7, с. 402].

1.2. Ум и мышление. «Голова» идентифицируется с умственными способностями, как традиционно считается органом мышления. Например, кит. 浪子回头金不换 (Когда гуляка возвращает голову, он дороже золота) [3, с. 5-1282]; рус. *Дурная голова ногам покоя не дает* [7, с. 402], *Сколько голов, столько умов* [7, с. 402].

1.3 Жизнь и смерть. Из-за своей важности и уязвимости «голова» символизирует жизнь и смерть. Например, кит. 脑袋掉了碗大个疤 (Если голова слетит, будет шрам размером с чашку) [5, с. 329]; рус. *Повинную голову меч не сечет* [7, с. 402], *Снявши голову, по волосам не плачут* [7, с. 402].

1.4. Положение и отношение к жизни. Физическое положение головы метафорически отражает социальное положение и психологическое состояние. Например, кит. 低头是稻穗, 昂头是稗子 (Опущенная голова – рисовый колос, поднятая – сорняк) [1, с. 228]; рус. *Пустой колос голову кверху носит* [7, с. 402].

2. Уникальные особенности значения «головы» в китайских пословицах.

2.1. Социальные отношения и философия поведения. «Голова» в пословицах глубоко вплетается в контекст коллективизма и социальной гармонии. Например, кит. 低头不见抬头见 (Наклонив голову не видишь, подняв – увидишь) [1, с. 228] – метафора постоянного социального контакта; 在人屋檐下, 怎敢不低头 (Под карнизом чужого дома как посмеешь не склонить голову) [2, с. 90] – символ подчинения социальной иерархии; 抬头嫁姑娘, 低头娶媳妇 (При выдаче дочери замуж поднимаем голову, при взятии невесты опускаем) [1, с. 229] – этикет брачных традиций.

2.2. Символические действия и гипербола. Конкретные действия с «головой» и яркие образы для усиления выразительности свойственны китайским пословицам. Например, 好马不吃回头草 (Хороший конь не повернет голову на поедавшую траву) [2, с. 192], где «повернуть голову» – возвращение к прошлому.

3. Уникальные особенности в русских пословицах.

3.1. Разум и импульс, индивидуальность. «Голова» в пословицах отражает внутреннюю борьбу между разумом и эмоциями, ценность индивидуальности (влияние православия и степных традиций). Например, *Держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле* [7, с. 402], где «холодная голова» –

здравый смысл; *Седина в бороду (в голову), а бес в ребро* [7, с. 402] – контраст разума (головы) и импульса (ребра); *Одна голова не бедна, а и бедна, так одна* [6, с. 402], где «голова» – индивид.

3.2. Физические свойства и конкретные объекты. «Голова» в пословицах рассматривается как обычный физический объект, демонстрируя практичность культуры, например: *Под голову кулак, а под бока – и так* [7, с. 402] – изображение крайней бедности.

4. Культурные истоки различий. Китайскую культуру отличают коллективизм, социальная гармония и этикет (являются ядром), поэтому «голова» связана с социальными отношениями и подчинением, а концепция «лица» (мианцзы) делает ее символом достоинства. Русскую культуру отличают влияние православия (внутренняя духовная борьба) и степных традиций (индивидуальная смелость), что делает «голову» связанной с разумом, эмоциями и физическими свойствами, отражает практичность и прямоту.

Таким образом, «голова» в китайских и русских пословицах – это важный носитель семантических и лингвокультурных смыслов. Общие значения подтверждают универсальность метафорического мышления, а уникальные особенности отражают национальные культурные коды. Понимание этих особенностей китайских и русских пословиц важно для межкультурной коммуникации и преподавания китайского языка как иностранного [8; 9] в русскоязычной аудитории.

Литература

1. 王士均. 中华谚语大辞典. – 上海: 上海辞书出版社, 2002. – 1074页
2. 温端政. 汉语谚语大辞典. – 上海: 上海辞书出版社, 2012. – 1398页
3. 罗竹风. 汉语大词典. – 上海: 汉语大词典出版社, 1993. – 1500页.
4. 李行健. 现代汉语规范词典. – 雪兰莪: 联营出版, 2004. – 1897 页.
5. 李行健. 现代汉语谚语歇后语惯用语规范词典. – 北京: 华语教学出版社, 2011. – 628页.
6. Бредис, М. А. Паремнология на перекрестках языков и культур / М. А. Бредис, Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, Н. Ю. Нелюбова, Ю. А. Петрушевская. – М. : Изд-во РУДН, 2021. – 246 с.
7. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М. : Русский язык, 1991. – 534 с.
8. Иванов, Е. Е. Национально-культурная семантика китайских народных устойчивых изречений в лингвострановедческом аспекте (при преподавании китайского языка как иностранного русскоговорящим) / Е. Е. Иванов, Лю Тинтин // Традиционная духовная культура восточнославянских и китайского народов. – Гомель : ГГУ, 2017. – Вып. 1. – С. 71–73.
9. Лю, Тинтин. Китайско-белорусский словарь пословиц с русскими соответствиями / Лю Тинтин, Е. Е. Иванов // Традиционная духовная культура восточнославянских и китайского народов. – Гомель : ГГУ, 2021. – Вып. 3. – С. 114–119.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА (ВОСТОЧНОСЛАВЯН- СКИЕ И ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ)

УДК 81'255.4

Белая Дарья Вадимовна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Республика Беларусь)
ling-msu@mail.ru

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ ИМПЛИЦИТНОЙ ОБРАЗНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕТАФОР И СРАВНЕНИЙ)

Статья посвящена вопросу сохранения стилистических приёмов при переводе английских художественных текстов на русский язык (на примере метафор и сравнений). В ходе исследования был проведён сопоставительный анализ метафор и сравнений в английском художественном тексте и двух переводах на русский язык, на примере произведения Шарлотты Бронте «Джейн Эйр». Результаты исследования показывают, что в большинстве случаев при переводе на русский язык сохраняются стилистические приёмы и используются схожие способы их вербализации.

Ключевые слова: дискурс, художественный дискурс, сравнение, метафора, переводческие трансформации

This article is devoted to the issue of preserving stylistic techniques in the translation of English literary texts into Russian (using the example of metaphors and similes). The relevance of the study lies in its assessment of the stylistic accuracy and equivalence of Russian translations through the analysis of these tropes. The study conducted a comparative analysis of metaphors and similes in the English literary text and two translations into Russian, using the example of Charlotte Bronte's "Jane Eyre". The results of the study indicate that, in most cases, the stylistic devices are preserved in the Russian translations, utilizing similar methods of implementation and verbalization.

Keywords: discourse, literary discourse, simile, metaphor, translation transformations

Термин «дискурс» начал активно использоваться в XX веке. Он не имеет однозначного определения, но при этом используется в различных науках. В.Н. Ярцева в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (1990) даёт термину «дискурс» такое определение: «дискурс (от франц. discours – речь) – связный текст в понимании с экстралингвистическими прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное

действие, как компонент, задействованный во влиянии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессов). Дискурс – это речь, «погружённая в жизнь» [1]. Под художественным дискурсом понимается художественный текст, в котором совмещаются языковое воплощение самого процесса художественной коммуникации, которое обусловлено внутренними и внешними факторами, и субъективная оценка реальности автора [2]. Как считает Л. А. Манерко, многомерность дискурсивного пространства художественного текста предполагает обращение к глубинным базовым процессам понимания текста, и опирается на имевшиеся у читателя знания в сочетании с извлекаемыми непосредственно из дискурса данными, закладываемыми автором произведения [3, с. 113].

Для художественного дискурса характерна высокая степень метафоричности, а также частое использование сравнений. Поэтому в данной статье рассматриваются два лексико-стилистических приёма: метафора и сравнение. Simile is an explicit comparison between two unlike things through the use of connecting words, usually “like” or “as” [4, с.75]. Metaphor (Gk, *metaphora* ‘transference, carry across’) is an imaginative identification of one concept with another and the resulting violation of normal correspondence between concepts and words [4, с.57].

Специалист сталкивается с трудностями в переводе, так как часто нормы и правила исходного языка и языка перевода не совпадают. В таком случае переводчик прибегает к переводческим трансформациям, для лучшей передачи смысла текста и, чтобы он был понятен носителям языка перевода. Л.С. Бархударов считает, что «переводческие трансформации – это те радикалы и качественно альтернативные преобразования, которые осуществляются для достижения эквивалентности («адекватности») перевода вопреки расхождениям в формальных и семантических переводческих средствах двух языков» [5, с. 190].

Для исследования переводческих трансформаций как способа передачи имплицитной образности было отобрано 30 сравнений и 34 метафоры на английском языке из художественного произведения «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте, также были проанализированы два перевода данного произведения. Автором первого перевода является И.Г. Гурова, автором второго перевода – В.О. Станевич.

Для исследования переводческих трансформаций было выбрано два основных критерия в переводе это: сохранение способа вербализации и сохранение стилистического приёма. Таким образом было образовано четыре группы. В первой группе сохраняются и способ вербализации (рассматривается лексика не всего предложения, а только та, которая используется в сравнении и метафоре, допустимы небольшие изменения, которые не затрагивают основные объекты стилистического приёма) и стилистический приём. Во второй группе сохраняется стилистический приём, представленный в оригинале, а способ

вербализации изменён. В третьей группе, наоборот, сохраняется способ вербализации, а стилистический приём либо заменён на другой, либо вовсе убран. В четвёртой группе изменяется и стилистический приём и способ вербализации.

“Wicked and cruel boy!” I said. “You are like a murderer – you are like a slave-driver – you are like the Roman emperors!” [6] – *Гадкий, злой мальчишка! – крикнула я. – Ты как убийца, ты как надсмотрщик над рабами, ты как римские императоры!* [7]. Данное сравнение относится к первой группе. В переводе сохраняется стилистический приём – сравнение (simile). Способ вербализации сравнения, также сохраняется без изменений.

In that attitude she remained silent as an Indian [6]. *В таком положении она просидела долго, безмолвная, как изваяние* [8]. Данный пример относится ко второй группе, т. к. в переводе сохранился стилистический приём – сравнение, но основной способ вербализации был полностью заменен. Если в оригинальном тексте идёт сравнение “as an Indian”, то в переводе В. О. Станевич данное сравнение было изменено на «как изваяние», что не является синонимичной заменой.

The thing was as impossible as to mould my irregular features to his correct and classic pattern, to give to my changeable green eyes the sea-blue tint and solemn lustre of his own [6]. *А для меня устремляться к провозглашенному им идеалу было ежечасной мукой. С тем же успехом могла бы я пытаться подогнать неправильные черты моего лица к его классическим, придать моим изменчивым зеленым глазам морскую голубизну и проникновенное сияние его глаз* [7]. В данном случае способ вербализации сохранён с незначительными изменениями, но стилистический приём не сохранён. Так в оригинале была использована конструкция “as impossible as”, то в переводе эта конструкция не сохранилась. Одно предложение разделено на два. В переводе смысл оригинального предложения передаётся через слова «мукой» и «пытаться». Основная мысль оригинального предложения сохраняется, но стилистическая конструкция не используется. Поэтому данный пример относится к третьей группе.

По такой же классификации были распределены и метафоры в двух переводах.

По общей статистике для двух переводов, в 82 % предложений в переводе сохраняется и стилистический приём (сравнение), и способ вербализации. В 13 % сохраняется стилистический приём, но незначительно изменяется способ вербализации. В 5 % сохраняется только способ вербализации, а стилистический приём либо заменяется на другой, например метафору, либо не используется вовсе. И ни в одном из двух переводов не были выявлены примеры, где не было сохранено ни стилистического приёма, ни способа вербализации. В 69% случаев сохраняется полное совпадение стилистического приёма и способа его вербализации. В 22% – сохраняется стилистический приём, но изменяется

способ вербализации. Обратная ситуация, где сохраняется способ вербализации, но изменяется или вовсе убирается стилистический приём, наблюдается реже, лишь в 8% случаев. И лишь 1% предложений при переводе не сохраняет ни способ вербализации, ни стилистический приём оригинального текста.

Также было выявлено, что в английском языке для сравнения чаще всего используются определённые слова, такие как “as” и “like”. При рассмотрении переводов на русский язык было обнаружено, что сравнение в русском языке может реализовываться несколькими способами, которые отличаются от способа выражения данного стилистического приёма в английском языке. Сравнительные союзы (как, точно, словно, будто, что (в значении «как»)): *Противный, злой мальчишка! – крикнула я. – Ты – как убийца, как надсмотрщик над рабами, ты – как римский император!* [8] Форма творительного падежа: *Миссис Рид была женщиной довольно тучной, но, услышав это странное и дерзкое заявление, она **вихрем** взлетела по лестнице, втащила меня в детскую и, швырнув меня на кроватку, весьма решительно приказала мне весь день не сходить с места и не раскрывать рта* [8]. Слова со значением сходства: *Суровое лицо сверху **казалось** каменной маской, заменяющей капитель* [7]. Сравнительная степень прилагательных: *Держите ее руки, мисс Эббот, она **хуже** бешеной кошки!* [7] В 82% случаев используется первый способ языковой реализации сравнения, 2% – относятся ко второму, 12% и 4% – относятся к третьему и четвёртому способу соответственно.

Таким образом, в большинстве случаев при переводе на русский язык сохраняются стилистические приёмы и используются схожие способы их вербализации.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М.: Большая рос. энцикл., 2002. – 709 с.
2. Сапиева, С. К. Литературно-художественный дискурс и его интерпретация в современной лингвистике / С. К. Сапиева, Н. Е. Малова, А. Р. Шхумишхова // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2021. – № 4. – С. 27–36.
3. Манерко, Л. А. Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах / Л. А. Манерко // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2013. – № 1. – С. 100–118.
4. Шевцова, А. К. Стилистика=Stylistics : учеб.-метод. пособие / А. К. Шевцова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2023. – 168 с.
5. Бархударов, Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
6. Бронте, Ш. Джейн Эйр. Jane Eyre : читаем в оригинале с комментарием / Ш. Бронте ; лексико-грамм. комм. Е. В. Усмановой. – М.: АСТ, 2024. – 704 с.
7. Бронте, Ш. Джейн Эйр / Ш. Бронте ; пер. с англ. И. Гуровой. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 608 с.
8. Бронте, Ш. Джен Эйр / Ш. Бронте ; пер. с англ. В. Станевич. – Минск : Оракул, 1992. – 494 с.

Берестовая Анна Вячеславовна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

berestovaya_av@m.msu.by

НАИМЕНОВАНИЯ ЖИВЫХ ОРГАНИЗМОВ В АВСТРАЛИЙСКОМ СЛЕНГЕ РАЗНЫХ ВРЕМЕННЫХ ПЕРИОДОВ

В статье дается сравнительно-сопоставительный анализ лексико-семантических особенностей австралийских сленгизмов, обозначающих всё живое (людей, растения, животных), в контексте трех периодов существования австралийского лексического субстандарта.

Ключевые слова: австралийский вариант английского языка, сленг, австралийский сленг, лексико-семантическое поле, лексико-семантическая группа

The article provides a comparative analysis of the lexical and semantic features of Australian slang denoting all living things (people, plants, animals) in the context of the three periods of the existence of the Australian lexical substandard.

Keywords: Australian English, slang, Australian slang, lexico-semantic field, lexico-semantic group

Историю австралийского субстандарта можно условно разделить на три периода. Первый период (1778–1868 гг.) является началом формирования австралийского лексического субстандарта. Во время второго периода (1869–1899 гг.) происходит колонизация территории Австралии, а также наблюдается приток свободных поселенцев-иммигрантов. Во время третьего периода (1900 г. – по настоящее время) создаются наддиалектные субстандартные языковые формы [1].

В ходе анализа лексикографического материала в количестве 900 сленгизмов, отобранных из словаря сленга Дж. Грина [2] методом сплошной выборки, были выделены следующие лексико-семантические поля на основе общей интегральной семы. ЛСП I. Слова, именующие всё живое: люди, животные, растения и другие растительные организмы. ЛСП II. Слова, именующие отвлеченное понятие (существительные с абстрактным значением). ЛСП III. Слова, именующие конкретный предмет. ЛСП IV. Слова, именующие признак процессуальный (глаголы). ЛСП V. Слова, именующие признак непроцессуальный (имена прилагательные). В основу предложенной классификации положен подход, представленный в «Русском семантическом словаре» под общей редакцией Н.Ю. Шведовой [3]. Подробнее остановимся на лексико-семантических особенностях поля «Слова, именующие всё живое...» в контексте трех периодов существования австралийского лексического субстандарта.

Обратимся к особенностям лексико-семантической группы «названия лиц по внешним признакам, свойствам». На раннем этапе создателям сленга было

в основном интересно наличие у человека волос на лице и голове, их окрас (*bladder of lard* 'a bald-headed man', *bluey* 'a red-headed person'). На среднем же этапе больший акцент делается на общих показателях привлекательности человека (в основном женщины): *boncer* 'an admirable person; a beautiful woman', *beaut* 'one who possesses physical beauty, usu. of a girl or woman', *deadener* 'a very attractive woman'. И в раннем, и в позднем периоде создателям сленга важно наличие у человека волос на лице и голове, их окрас (10) (*bladder of lard* 'a bald-headed man', *beardy* 'a bearded person', *blondie* 'a blond(e) person, usu. a woman'). Как и в среднем этапе, в позднем периоде встречаются сленгизмы, которые обозначают степень привлекательности человека (также в основном женщины): *camel* 'an unattractive woman', *bonzer* 'an admirable person; a beautiful woman'.

Перейдем к ЛСГ «названия лиц по свойствам натуры...». Стоит отметить тот факт, что в среднем периоде деление на подгруппы представлено шире. И в среднем, и в позднем периодах преобладает подгруппа «пьянство»: *booze-fighter*, *booze killer* 'a drunkard', *bombo-basher* 'an (usu. street-level) alcoholic'.

Рассмотрим группу «названия лиц по профессии». Во всех трех периодах были выявлены сленгизмы, обозначающие полицейского: *boodler* 'a corrupt politician'. И в раннем, и в позднем периодах были выявлены следующие обозначения профессий: *bleeder* 'a foreman or member of a working gang' (*бригадир*), *chromo* 'a prostitute' (*проститутка*).

Обратимся к лексико-семантической группе «названия людей (общие обозначения. Если в среднем периоде преобладают сленгизмы с негативной коннотацией, то в позднем периоде с положительной: *bonus*, *bosker* 'an admirable person', *bonzo* 'an admirable individual, a great bloke', *beauty* 'an admirable person or creature'.

Отметим особенности ЛСГ «названия лиц по состоянию несвободы». Стоит отметить, что в каждом периоде большинство сленгизмов в данной группе обозначают заключенного: *bird* 'a prisoner serving a short sentence', *Bellowser* 'one who is sentenced to transportation for life'.

Разберём лексико-семантическую подгруппу «названия лиц по гендерной принадлежности». Если за ранний период можно встретить сленгизмы, обозначающие как женщину, так и мужчину, то в сленгизмах среднего периода встречаются только те, которые обозначают женщину: *black velvet* 'any dark-skinned woman', *cherry-ripe*, *kleiner*, *clinah* 'a woman' (примеры даны за период 1869–1899 гг.). Большинство сленгизмов в позднем периоде обозначают женщину. Однако, в отличие от среднего периода, встречаются и те сленгизмы, которые обозначают мужчину (2): *Bob* 'a man', *boshterino* 'a supreme male'.

Перейдем к анализу ЛСГ «названия лиц по исконному месту жительства». Если в раннем и в среднем периодах были выявлены сленгизмы, обозначающие жителей Британии, то в позднем периоде таковых выявлено не было. Большинство сленгизмов позднего периода обозначают аборигена: *ab*, *blackbird* 'an Aborigine'.

Рассмотрим ЛСГ «названия лиц по национальности». Семантика сленгизмов позднего периода, в отличие от двух предыдущих периодов шире. Были выявлены сленгизмы, которые обозначают китайца, еврея, немца: *chow* ‘one who displays the negative characteristics of a stereotyped Chinese person’, *Boche* ‘a German’, *arab* ‘a jew’. Абсолютное большинство сленгизмов в контексте данной группы за период с 1869 по 1899 обозначают лиц китайской национальности: *Chinkeymen*, *Chinkie*, *chinky-chap* ‘a derog. term for a Chinese person’. (Исключение составляет один сленгизм, который обозначает тасманца: *Dervener* ‘a Tasmanian’).

В лексико-семантической группе «название лиц по расовой принадлежности» во всех трех периодах зафиксированы только те сленгизмы, которые обозначают представителей негроидной расы: *black trash* ‘a racist term for black people’, *charcoal* ‘a derog. term for a black person’. Заметим, что негативная коннотация, которая была характерна для сленгизмов раннего и средних периодов, в позднем периоде отсутствует: *boong* ‘any non-white person’.

Примечательно, что в лексико-семантическом поле «Слова, именующие всё живое: человек (лицо), животные, растения и другие растительные организмы» за период с 1869 по 1899 были выявлены те группы, которые ранее зафиксированы не были. К примеру, появляется лексико-семантическая подгруппа «названия лиц по отношению к противозаконному действию, преступлению». Интересно, что создатели сленга наряду с фиксированием определенного преступления (*cattle-duffer* ‘a cattle thief’ (воровство)), иногда подмечают факт их отсутствия, что отражается в семантике слов: *cleanslate*, *clearskin* ‘a person without a criminal record, also in fig. sense, one who lacks previous (criminal) associations or moral failings’ (При этом, как мы можем заметить из словообразовательной структуры слова, метафора чистоты также учитывается (первоначально данные сленгизмы обозначали корову без клейма ‘an unbranded cow’’).

Лексико-семантические подгруппы «названия лиц по брачным, любовным отношениям» и «названия лиц по личным, общественным связям» также до 1869 года не были зафиксированы. Таким образом, можно сделать вывод о том, что создатели сленга среднего этапа фиксируют свое внимание как на самой сущности человека (*beggar* ‘a person’, *black diamond* ‘a person whose tough exterior hides a ‘heart of gold’’), так и на отношениях между людьми (*dicky man* ‘a husband or common-law partner’, *bantam* ‘a lover, a womanizer’ (брачные, любовные отношения), *china plate* ‘a mate’, *cobber* ‘a friend, a mate’ (дружеские отношения)), что не было замечено в раннем периоде развития сленгизмов.

Остановимся на лексико-семантической группе «названия животных». На раннем этапе в данную группу вошел один сленгизм, который обозначает птицу (*chook* ‘a chicken’). На среднем этапе каждый из сленгизмов обозначает домашнее, копытное животное: *Captain Cook*, *Captain cooker*, *cooker* ‘a pig, esp. one which is run-down or ill-kempt’, *concertina* ‘a wrinkly sheep’, *donk* ‘a donkey’, *conveyance* ‘a racehorse’. Семантика сленгизмов позднего периода намного раз-

нообразней: встречаются названия копытных животных (*camel* ‘a second-rate racehorse’, *bit of stuff* ‘a horse’), насекомых (*blowie, blowey, blowy* ‘a blow fly’), низшего животного (микроба, вируса) (*bot* ‘a germ’). Только среднем периоде выявлена подгруппа «растения»: *chryssie* ‘a chrysanthemum’.

В ЛСГ «названия тела, организма, их частей и продуктов жизнедеятельности» количество сленгизмов в раннем, среднем и позднем периодах варьируется (24 сленгизма в раннем периоде, 7 сленгизмов в среднем периоде, 10 сленгизмов в позднем периоде). Стоит отметить, что сленгизмов, обозначающих природные образования и в среднем, и в позднем периодах зафиксировано не было, что может служить одним из отличий сленгизмов среднего и позднего периодов от сленгизмов раннего периода.

Эволюция австралийского сленга в области номинаций всего живого наглядно отражает историческое развитие страны: от узкого набора слов, связанных с реалиями каторжного поселения (внешность, заключённые) в ранний период (1778–1868), через расширение тематики в среднюю эпоху (1869–1899) с появлением сельскохозяйственной лексики, обозначений социальных связей и иммигрантов, к наибольшему разнообразию в поздний период (с 1900 г.), для которого характерны мультикультурные номинации, сложная оценочность и семантическое разнообразие, демонстрируя, как сленг адаптируется к изменяющейся социальной реальности.

Литература

1. Байсултанов, И. В. Социальная дифференциация лексического субстандарта английского языка в Австралии: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И. В. Байсултанов ; Пятигорский государственный лингвистический университет. – Пятигорск, 2005. – 20 с.
2. Шведова, Н. Ю. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : в 6 т. / Н. Ю. Шведова. – М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 1985.
3. Green’s Dictionary of Slang [Electronic resource]. – Mode of access: <https://greensdictofslang.com>. – Date of access: 16.03.2024.

УДК 811.133.1

Богданова Оксана Александровна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

bogdanova@m.msu.by

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФРАЗЕОЛОГИИ И ФРАЗЕОГРАФИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается исторический путь французской фразеологии от ранних сборников выражений до становления самостоятельной дисциплины. Особое внимание уделяется

современным проблемам фразеографии: отбору материала, способам описания фразеологических единиц и организации словарных статей. Делается вывод о необходимости сочетания традиционных подходов с цифровыми технологиями.

Ключевые слова: французская фразеология, фразеография, историческое развитие, Шарль Балли, лексикография, устойчивые выражения, методологические проблемы

The article outlines the historical development of French phraseology and examines current challenges in phraseography, such as criteria for selecting material and methods of describing units. It concludes that integrating traditional approaches with digital technologies is essential for the discipline's progress.

Keywords: French phraseology, phraseography, historical development, Charles Bally, lexicography, set expressions, methodological challenges

Французская фразеология, являясь неотъемлемой частью языкового богатства и культурного наследия нации, на протяжении столетий привлекала к себе большое внимание лингвистов. При этом вплоть до конца XIX века её значимость и автономность как лингвистической дисциплины были далеко не абсолютны. Переломным моментом стала первая половина XX века, когда фразеологию стали постоянно включать в общелингвистические исследования. Окончательно она была признана самостоятельной наукой в 70-х годах XX века, выделившись из лексикологии и обретя собственный предмет и методологию.

Тем временем, сам термин «фразеология» существовал задолго до его употребления в конкретном научном смысле и часто использовался в обиходной речи.

Первые труды по французской фразеологии появились в форме сборников выражений. Наиболее известным и цитируемым источником для изучения фразеологии доклассического периода, по мнению А. Рея (A. Rey), является сборник А. Одэна (A. Oudin) «Les Curiositez françoises» (1640) [1, с. 167]. В этом сборнике, как и в других словарях того времени, метафора, устойчивое выражение и пословица не различались между собой и просто выделялись как особая группа слов.

Другими важными трудами этого периода являются «Dictionnaire François» С.-П. Ришле (C.-P. Richelet) (1680) и «Dictionnaire universel» А. Фюретьера (A. Furetière) (1690). В этих словарях было выделено много устоявшихся синтагм, однако авторы столкнулись с трудностью их обозначения. Для этого они использовали особые метаязыковые конструкции. Так, Ришле использовал выражения «sorte de (proverbe)» («подобие пословицы») или «с'est-à dire» («то есть»). Фюретьер употреблял конструкцию «ondit (aussi) quepourdire/quand» («говорят..., чтобыобозначить...») [1, с. 168].

Сам же термин «фразеология» впервые фиксируется во французском языке в XVIII веке в сборнике «Le Trésor de la langue française» [2, с. 137], а позднее – в словарях «Le Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue

française» П. Побера (P. Robert) [4, с. 658] и «Le Grand dictionnaire encyclopédique Larousse» [5].

Одно из наиболее полных определений фразеологической единицы того времени представлено в словаре «Le Trésor de la langue française» как совокупность выражений, характерных для отдельно взятого языка, среды, эпохи или группы людей; совокупность претенциозных выражений, лишенных смысла (используется как синоним пустых фраз); совокупность устойчивых словосочетаний, употребляемых в переносном значении: метафоры, сравнения, идиомы, пословицы[6].

В тех же словарях говорится, что фразеологию можно рассматривать отдельной областью лингвистических знаний, но при этом не уточняется, речь идёт о разговорном или научном определении.

Впервые о фразеологии как о единстве лингвистических элементов заговорили в XIX веке. М. Бреаль (M. Bréal) в своих работах по общей лингвистике говорил о группах слов («формулировках», «сочетаниях», «фразах»), характеризующихся устойчивостью и семантической непрозрачностью (например, «rez-de-chaussée», «faire un pied de nez»). Он отмечал, что слово теряет индивидуальность, входя в устойчивое лексическое единство [1, с. 168]. Ф. де Соссюр (F. de Saussure) в «Cours de linguistique générale» называл ФЕ «устойчивыми выражениями» («figement linguistique») [1, с. 169].

Швейцарский лингвист А. Сеше (A. Sechehaye) в труде «Essai sur la structure logique de la phrase» (1926) также выделял выражения, где компоненты утратили самостоятельное значение. Он разделял фразеологизмы на выражения и сложные слова, отмечая, что некоторые из них могут употребляться и как свободные, и как связанные сочетания. Сеше выдвинул гипотезу о генезисе устойчивых выражений: они возникают в обиходной речи и через литературу становятся всеобщим достоянием [1, с. 169].

Заслуга институционализации фразеологии как науки принадлежит Ш. Балли. Именно он, основатель лингвистической стилистики, выступил как пионер, впервые принципиально выделив и системно описав устойчивые сочетания слов в качестве особого объекта лингвистического исследования. В своем труде «Traité de stylistique française» (1909) [3, с. 256] он четко отделил свободные синтаксические сочетания от устойчивых единиц (locutions), которые охарактеризовал как «готовые формулы», значение которых не выводится из простой суммы значений их компонентов. Ключевым методологическим достижением Балли стало введение критерия фразеологической серии, а именно — проверки на невозможность или строгую ограниченность синонимической замены элементов сочетания без разрушения его целостного смысла. С точки зрения семантики, он предложил классифицировать эти единицы по степени спаянности, различая сочетания со спаянным значением (полные идиомы, подобные *casser sa pipe*) и сочетания с расчлененным значением, где образная основа еще ощущается (например, *verser des larmes*). Будучи стилистом, Балли

рассматривал фразеологизмы и как мощное средство экспрессии, отмечая их роль в оживлении речи или, напротив, в создании клишированных выражений.

Начиная со второй половины XX века, проблематикой фразеологии активно занимались такие французские лингвисты, как А.-J. Greimas, P. Guiraud, F. J. Hausmann, C. Buridant, G. Gross, а также лексикологи А. Rey, R. Galisson, M. Gross, B. Lafleur и др.

Ключевым вопросом для лингвистов этого периода была номинация самой дисциплины. Несмотря на устоявшийся термин «фразеология», многие исследователи предлагали альтернативы, что было связано с неустоявшимся статусом области. Так А. Рей (A. Rey) предлагал термин «семантическая идиоматика», П. Гиро (P. Guiraud) – «идиоматология» [1, с. 170].

Основное противоречие заключалось в том, считать ли фразеологию подразделом лексикологии или самостоятельной дисциплиной.

Нестабильность усугубляется множественностью обозначений для ключевого понятия – устойчивого выражения. Так в трудах французских лингвистов можно встретить список синонимичных терминов [1, с. 170]: *locution figée*, *locution*, *expression idiomatique*, *locution toute faite*, *collocation*, *groupe binaire*, *idiotisme*, *image*, *tour*, *phraseme*, *mot composé*, *lexie*, *gallicisme*, *série phraséologique*, *unité phraséologique*, *synapsie*, *cliché*, *proverbe*. Все эти термины относятся к гетерогенному множеству полилексемных элементов, составляющих фразеологическое целое языка.

На современном этапе вопрос классификации и номинации ФЕ все еще остается актуальным. Исследователи К. Коус (C. Caussé) и М. Гонсалес-Рей (M. González-Rey) в своих трудах указывают на недостаточную изученность фразеологии как термина.

Однако если ранние и классические исследования были сосредоточены на выделении, систематизации и определении статуса ФЕ, то современные работы концентрируются на углубленном анализе их семантики, синтаксиса и разработке новых методов исследования.

В рамках данной работы немного внимания хотелось бы уделить и фразеографии – практической дисциплине, занимающейся лексикографическим описанием фразеологических единиц.

Несмотря на богатое историческое наследие, современная фразеография сталкивается с рядом сложных проблем, важнейшими из которых являются: критерии отбора языкового материала, методы его репрезентации и оптимальная организация словарного пространства.

Первой и наиболее острой проблемой является вопрос о том, какие именно языковые единицы должны быть включены во фразеографические издания. Основная сложность здесь заключается в отсутствии четких критериев для разграничения свободных словосочетаний и собственно идиом. Например, выражения типа *prise de décision* («принятие решения») или *mettre en œuvre* («осуществлять») находятся в «серой зоне»: они достаточно устойчивы,

но не полностью идиоматичны [2, с. 301]. Из-за этого разные лексикографы принимают субъективные решения, включать их или нет, что приводит к путанице и невозможности сравнить разные словари.

Дополнительную сложность создает то, что пословицы и поговорки (например, *Pierre qui roule n'amasse pas mousse* – «под лежащий камень вода не течёт»), будучи функционально и структурно родственными с фразеологизмами, обычно описываются отдельно от них, хотя они очень близки по смыслу и структуре. Такой искусственный раздел мешает увидеть всю картину устойчивых выражений языка целиком.

Кроме того, стремительное развитие языка, особенно в интернет-коммуникации и специализированных субъязыках, порождает постоянный поток неологизмов и окказиональных выражений (например, *être à l'ouest* – «быть не в теме» или *faire un burn-out* – «испытывать профессиональное выгорание»), которые традиционные методы лексикографии не успевают фиксировать и обрабатывать. Нужно создавать новые способы отслеживать и проверять такие неологизмы для их быстрого включения в словари.

Не менее сложной задачей оказывается адекватное лексикографическое представление уже отобранных фразеологических единиц. Старый способ, когда значение идиомы просто объясняют синонимом (например, *casser sa pipe* – *mourir* «умереть»), считается недостаточным и тавтологичным. Современная фразеография стремится к более глубокому анализу, который разделяет прямое и переносное значение, а также раскрывает внутренний образ выражения.

Серьезным недостатком остается и неполнота грамматической информации: для качественного описания нужны подробные сведения о синтаксической валентности, об особенностях согласования, особенно для синтаксически аномальных единиц.

Особую проблему представляет вариантность фразеологизмов, поскольку классические словари обычно фиксируют лишь одну, каноническую форму выражения, игнорируя реально существующие варианты и модификации (например, у идиомы *casser sa pipe* есть вариант *cracher sa pipe*). Отразить все это разнообразие в словаре — важная задача, решить которую без применения методов корпусной лингвистики не представляется возможным.

Наконец, существует проблема, связанная с организацией всего массива фразеологических единиц внутри словаря. Выбор между алфавитным и идеографическим принципом построения словаря создает серьезную дилемму для лексикографа. Алфавитный порядок удобен для поиска конкретных единиц, но он разрывает смысловые связи. Так, например, синонимы *être ivre*, *être soûl*, *avoir une cuite* (все означают «быть пьяным») оказываются в разных частях словаря, и изучать их вместе невозможно. В то же время идеографическая организация, выгодная для изучающего язык, оказывается неудобной для задач оперативного поиска. Перспективным решением этой проблемы видится ак-

тивное внедрение цифровых технологий, позволяющих через систему гиперссылок и тегирования совместить преимущества обоих подходов.

Таким образом, современное состояние французской фразеологии характеризуется преемственностью по отношению к богатому историческому наследию, но одновременно – необходимостью решения новых методологических вызовов. Проблемы отбора, описания, систематизации и учета динамики языка требуют переосмысления традиционных подходов. Ключом к преодолению этих проблем является не отказ от традиции, а ее творческое переосмысление и активное использование современных цифровых возможностей. Только так можно адекватно решать проблемы, стоящие перед дисциплиной в XXI веке.

Литература

1. Ланцман, М. Д. Фразеология в работах французских исследователей в диахронии / М. Д. Ланцман, Т. В. Сланикова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7-2. – С. 167–170.
2. Рогалёва, Е. И. Современная учебная фразеология: теория и практика / Е. И. Рогалёва. – Псков : ЛОГОС Плюс, 2014. – 344 с.
3. Bally, Ch. Linguistique générale et linguistique française / Ch. Bally. – Berne : Francke, 1965. – 402 p.
4. Le Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Les mots et les associations d'idées. – Paris : Le Robert, 1964. – 893 p.
5. Le Grand dictionnaire encyclopédique Larousse. – Paris : Larousse, 1982. – 1349 p.
6. Le Trésor de la langue française informatisé (TLFi) [Electronic resource]. – Mode of access : <http://atilf.atilf.fr>. – Date of access : 28.11.2025.

УДК 801.8

Ван Хунчжань

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

2952948642@qq.com

КОНЦЕПЦИЯ КОМПЛИМЕНТА В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В статье предпринята попытка систематизации концепции комплимента в китайском языке. Представлена краткая история становления терминологического аппарата современной концепции использования комплиментарных конструкций в китайском языке. Обозначен функциональный потенциал отдельных слов-комплиментов в культуре Китая.

Ключевые слова: китайский язык, китайская культура, комплиментарные конструкции, концепция комплимента, функции и значение комплимента

This article attempts to systematize the concept of compliment in Chinese. It presents a brief history of the development of the terminology underlying the modern concept of complimentary

constructions in Chinese. The functional potential of individual complimentary words in Chinese culture is outlined.

Keywords: Chinese language, Chinese culture, complimentary constructions, the concept of compliment, functions and meaning of compliment

Гунвэй-ю (恭维语, gōng wéi yǔ) является китайским переводом английского термина *compliment*, а в русском языке используется термин *комплимент*. В китайском языке некоторые авторы также переводят *compliment* или *комплимент* как 称赞语 (chēng zàn yǔ, Чэнцзань-ю) или 恭维语 (gōng wéi yǔ, Гунвэй-ю). В данной статье используется «Гунвэй-ю» в качестве перевода, так как этот вариант наиболее точно отражает особенности речевого этикета русского *комплимента*.

В древнекитайском языке 恭维 также писалось как 恭惟 (gōng wéi / Гунвэй). Слово 恭 (gōng, Гун) означает «почтение, уважение, скромность» (崇敬、谦逊; почтение, уважение, скромность), а 惟 (wéi, Вэй) несёт значение «осторожность, послушание» (惟谨、顺服; осторожность, внимательность, послушание). Например, в «Сяо Цзине» (孝经, Xiào Jīng, Сяо Цзин) говорится: «恭惟鞠养, 岂敢毁伤» / «С уважением и осторожностью воспитываю, как смел бы я причинить вред?» (尊敬 и 慎重; уважение и осторожность). Можно видеть, что 恭惟 часто использовалось для выражения почтения и самоуничижения.

В исторических источниках 恭惟 также использовалось как скромное обращение к высшим по положению лицам, близкое по значению к 敬思 (jìngsī, Цзинсы – «почтительное размышление») и 窃意 (qièyì, Циэй – «тайное намерение»). В современном словаре «辞源» («Цзыюань», Cíyuán) 恭维 объясняется как «слова самоуничижения, т.е. выражение почтения и осторожности» (自谦之词, 犹言敬思、窃意; слова самоуничижения, выражающие уважение и осторожность) («辞源»:1121).

В «现代汉语词典» («Современный китайский словарь», Xiàndài hànyǔ cídiǎn) 恭维 (gōng-wéi, Гунвэй) определяется как «讨好而赞扬» (похвала с целью угодить) («现代汉语词典»: 456), что указывает на то, что в современном китайском языке 恭维 часто несёт оттенок угодничества или лести.

Сравнительно, термин 称赞 (chēngzàn, Чэнцзань) в «辞源» (Cíyuán, «Цзыюань») объясняется как 称賚, что соответствует использованию в ритуальных текстах (礼书; lǐshū, Ли Шу) (称賚 — то же, что в 礼书; аналогично ритуальным текстам). Пример из хроники «Вэй Цао Чжан Ле Чуань» («魏曹张烈传», Wèi Cāo Zhāng lièzhuàn): «高祖曰: ‘.....太子步兵强烈每论军国之事, 时有会入处, 跋扈用之, 有间, 太子亦喜. 称賚之, 遂敕陵阳祀毕, 屡赐太子’» (Цзыюань: 2812) (Гао-цзу сказал: «...когда наследный принц обсуждал военные и государственные дела, порой в определённые моменты вмешивался также командир пехоты Цянлэ — он вел себя дерзко и злоупотреблял своими полномочиями; при этом наследный принц доволен этим. Его хвалили и на-

граждали; после окончания обрядов в Линьяне было издано повеление, и наследному принцу неоднократно жаловали подарки»).

В «*Современном китайском словаре*» термин 称赞 (chēngzàn, Чэнцзань) определяется как «用言语表达对人或事物优点的喜爱» (выражение словесной похвалы достоинствам человека или вещи) («*Современный китайский словарь*»: 164). Из этого следует, что 称赞 подчёркивает искреннюю похвалу и передаёт положительную оценку.

Анализ этих двух терминов показывает, что и 恭维, и 称赞 относятся к похвальным выражениям и служат для передачи положительной оценки адресату, однако между ними существуют заметные различия в семантике и коммуникативной функции. Во-первых, 恭维 часто содержит элемент угодничества или подхалимства, искренность оценки может быть не полной, что придаёт слову оттенок условной негативности. Например, когда говорят «这是恭维话» («Это всего лишь лстивые слова»), подразумевается, что похвала может быть направлена на угождение собеседнику, а не полностью искренняя.

В отличие от этого, 称赞 подчёркивает искреннее одобрение; объект оценки может быть как человек, так и вещь, а положительное значение более прямое и определённое.

С точки зрения грамматики и прагматики, 恭维 обычно направлено только на человека; даже если похвала касается одежды, дома или других объектов, фактически она адресована владельцу этих объектов. 称赞 же может относиться и к человеку, и к предмету. Например, увидев красивое здание, можно сказать «真漂亮» (zhēn piàoliang, Чжэнь Пяолианг – «Как красиво»), что будет выражением 称赞; если же хвалят хозяина дома за его здание, это можно рассматривать как 恭维.

Возвращаясь к анализу русского комплимент, приведённому выше, мы видим, что изначально он использовался в официальной или церемониальной речи как вежливое выражение, а позже стал употребляться и в повседневной коммуникации, сочетая в себе похвалу и элемент угодничества или любезности. Это делает его функционально близким к китайскому 恭维. В то же время 称赞 не несёт такого социального и этикетного оттенка.

Таким образом, для передачи особенностей речевого акта 礼仪 и возможности включения элементов угодничества или вежливости, а не только простой похвалы или одобрения, автор предпочитает переводить комплимент как 恭维语 (Гунвэй-ю).

В китайском контексте комплимент представляет собой важный элемент социального взаимодействия и речевого этикета. Он не ограничивается простым выражением восхищения, а также выполняет несколько функций, включая установление и поддержание гармоничных отношений, выражение уважения и доброжелательности. Это подтверждается традициями и современными практиками, в которых комплименты часто используются как часть повседневной жизни для укрепления социальных связей и гармонии в коллективе. Например, в китайской культуре комплименты часто воспринимаются как способ

демонстрации уважения к более старшему поколению или начальству, и они являются важным элементом поддержания статусных иерархий. Тем не менее, важно отметить, что комплименты в китайском контексте могут быть сложными по своей природе – они могут не всегда быть искренними, а иногда служат не только для выражения положительного отношения, но и для выполнения социальных обязательств или выполнения ожиданий.

Такое восприятие комплиментов находит отражение и в китайской литературе, где речевые проявления вежливости, похвалы и косвенные формы выражения уважения играют значительную роль в построении межличностных отношений между персонажами. Через анализ художественных произведений можно увидеть, как комплименты не только служат инструментом речевого этикета, но и становятся средством характеристики героев, демонстрации их социального положения и психологических намерений. Одним из ярких примеров такого употребления является роман «Сон в красном тереме» («红楼梦», *Hónglóu mèng*).

В третьей главе романа «Сон в красном тереме» Линь Дайюй, только что прибывшая в дом семьи Цзя, впервые встречает хозяйку дома Ван Сифэн. Та с искренним удивлением говорит: «天下真有这样标致的人物, 我今儿才算见了! 况且这通身的气派, 竟不像老祖宗的外孙女儿, 竟是个嫡亲的孙女, 怨不得老祖宗天天口头心头一时不忘» («На свете действительно бывают такие красавицы – я только сегодня их увидела! А весь ваш облик и осанка – не как у внучки старой леди по матери, а как у родной внучки. Нет ничего удивительного в том, что старая леди не забывает о вас ни на минуту!»).

Эти слова Ван Сифэн нельзя рассматривать как простую похвалу – они имеют двойной смысл. С одной стороны, она подтверждает, что красота и воспитанность Линь Дайюй соответствуют высоким ожиданиям Цзя-му, которая особенно любила свою внучку. С другой стороны, это высказывание помогает Линь Дайюй почувствовать себя не гостем, а полноправным членом семьи. Таким образом, комплимент здесь становится инструментом укрепления двух важных социальных связей: с авторитетным членом семьи (Цзя-му) и с новым членом семейного круга (Линь Дайюй).

В двадцать четвёртой главе Цзя Юнь – молодой родственник семьи Цзя – обращается к Ван Сифэн с просьбой помочь ему получить должность. Стремясь расположить её к себе, он говорит с сочувствием: «婶子身子生得单薄, 事情又多, 亏婶子好大精神, 竟料理的周周全全 要是差一点的, 早累的散了架子了» («Тётя, у вас хрупкое тело, а дел так много – как вы со всем справляетесь так безупречно! Если бы это был кто-то другой, он давно бы надорвался от усталости!»).

Этот комплимент построен на контрасте: сначала Цзя Юнь подчёркивает физическую слабость Ван Сифэн, а затем сразу выделяет её исключительные способности и энергичность. Для молодого человека низкого положения это не просто выражение восхищения, а продуманная социальная стратегия. Он

демонстрирует, что понимает её труд и ценит её усилия, надеясь вызвать ответное расположение. Таким образом, комплимент превращается в «социальный мост», позволяющий преодолеть различие в статусах и установить доверительные отношения.

В приведённых эпизодах комплименты выполняют многослойные функции: они поддерживают семейную иерархию, укрепляют авторитет старших и способствуют интеграции младших членов семьи в социальную структуру. Примеры из «Сна в красном тереме» показывают, что в китайской культуре комплимент – это не просто проявление эмоций, но и тонкий инструмент социального регулирования и коммуникации, глубоко укоренённый в культурных нормах и ожиданиях.

Кроме того, в китайской культуре комплименты играют важную роль в поддержании межличностных отношений в различных социальных контекстах. Они используются не только для выражения восхищения, но и как способ снижения социальной напряжённости или преодоления культурных барьеров. Например, в рабочем контексте комплименты могут служить инструментом для создания дружественной атмосферы между коллегами и руководителями, особенно в китайских организациях, где большая роль уделяется уважению к старшим. В таком контексте комплименты могут быть использованы для создания атмосферы взаимного уважения и доверия, что способствует эффективному выполнению задач и успешному взаимодействию в коллективе.

Таким образом, в китайском языке комплименты играют многогранную роль, и их использование обусловлено культурными традициями и социальными требованиями. Их функции не ограничиваются лишь выражением положительных эмоций, а охватывают более широкий спектр коммуникативных задач, таких как укрепление социальных связей, поддержание уважения в иерархии и создание гармоничных отношений в коллективе и семье.

УДК 811.133.1

Грушецкая Елена Николаевна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

voblaki@yandex.ru

ВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В МАССМЕДИЙНОМ ТЕКСТЕ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена исследованию гороскопа как прогностического дискурса в медиапространстве, его коммуникативной направленности, языковой организации и вербальных средств выражения прогнозирования.

Ключевые слова: французский язык, дискурс, массмедиа, прогнозирование, гороскоп, будущее время

The article is devoted to the study of the horoscope as a predictive discourse in the media space, its communicative orientation and linguistic organization.

Keywords: French, discourse, mass media, forecasting, horoscope, future

Изучение массмедийных текстов как дискурсивного феномена является активно разрабатываемым направлением в современной лингвистике [1, 2, 3].

Массмедийные тексты, представленные в разнообразных формах – от новостных сообщений до развлекательного контента, – оказывают значительное влияние на мировоззрение, эмоции и поведение читателей. Среди них особое место занимают прогностические тексты, в которых предсказывается будущее, что обусловлено стремлением человека к планированию, контролю над событиями своей жизни и их предвидению.

Сегодня множество людей организуют свою жизнь в соответствии с советами и рекомендациями астрологов. Следовательно, можно говорить о прогностических текстах как особом виде дискурса и коммуникации в медиапространстве.

Прогностический текст – это футурологическая информация, представленная различными языковыми средствами, имеющая, чаще всего, манипулятивную установку и представленная в виде вербально оформленного или креолизованного текста [4]. Среди таких текстов особое место занимают гороскопы, которые получили широкое распространение благодаря различным медиаформатам – от печатных изданий до интернет-платформ и мобильных приложений. Чаще всего гороскоп представляет собой «малоформатный текст, являющийся кластерной интегративной единицей и распространяемый преимущественно в медиапространстве в устной и письменной форме» [5].

Главной функцией гороскопа как текста является информирование читателей о возможном будущем. Однако такие тексты выполняют еще и прагматическую функцию, а именно: влияют на читателя советами или предупреждениями, направляют человека и его поведение в зависимости от астрологического прогноза [6].

В лингвистике существуют широкое и узкое понятие будущего времени. В широком смысле будущее время – это совокупность всех языковых средств (лексических, грамматических), которые служат для отражения событий, явлений и действий, которые будут иметь место в период времени, следующий за настоящим, а в более узком – это одно из глагольных грамматических времен [7, с. 100]. Если прошедшее время соотносится с уже реализованными действиями, то будущее с действиями, которые необходимо реализовать. По отношению к настоящему моменту будущее передает действие или процесс, следующий за моментом настоящего. Будущее время обозначает действие, которое еще не осуществилось, оно несет в себе некоторую часть гипотетичности. Но,

с другой стороны, грамматическое будущее относится к изъявительному наклонению (которое обозначает реальное действие) и выражает то, что существует большая уверенность в том, что действие будет реализовано.

К языковым средствам выражения предсказываемого будущего в текстах гороскопов относятся, безусловно, формы грамматических будущих времен, палитра которых, например, во французском языке представлена очень широко: от ближайшего будущего (*le futur proche*) до будущего в прошедшем (*le futur dans le passé*).

Le futur proche выражает будущий факт, очень близкий к моменту речи, и который, как правило, является результатом текущей ситуации, т.е. совершится в ближайшем будущем. Анализ языкового материала показывает, что именно формы этого грамматического времени активно используется французскими астрологами в текстах гороскопов с целью убеждения читателя в том, что предсказание обязательно сбудется, поскольку *le futur proche* «обозначает реальность, осуществление которой не подвергается сомнению» [8, с. 175]. Напр.: *Les planètes peuvent vous réserver quelques surprises dans votre vie professionnelle. D'un côté, certains astres vont continuer à vous motiver et à vous donner envie de réaliser vos projets.* 'Планеты могут преподнести вам несколько сюрпризов в вашей профессиональной жизни. С одной стороны, некоторые звезды будут продолжать мотивировать вас и заставлять вас хотеть реализовать свои планы' [9].

Le futur simple обозначает будущее действие более отдаленного промежутка времени, т.е. которое уже выходит за орбиту настоящего, напр.: *Demain, vous serez particulièrement à l'aise dans le contact avec les autres, ce qui vous mettra à l'abri d'éventuels conflits. Vous parviendrez même à imposer certaines de vos idées.* 'Завтра вам будет особенно комфортно общаться с другими людьми, что защитит вас от возможных конфликтов. Вам даже удастся навязать некоторые свои идеи' [9].

Помимо этого, *le futur simple* может иметь императивное значение, которое смягчает приказание, напр.: *Pour demain vous ferez tout le possible.* 'К завтрашнему дню вы делаете все возможное'.

Таким образом, гороскопы представляют собой разновидность масс-медийных прогностических текстов, их целью является воздействие автора-астролога на читателя. Лексико-грамматические средства в таких текстах помогают вызвать у читателя чувство надежды и ожидания изменений, а глагольные формы приобретают прагматические функции: эмотивную, эмпатическую, убеждения и др.

Литература

1. Шевцова, А. К. Радиодискурс в свете современных лингвистических исследований / А. К. Шевцова // Даследаванні па германскай і славянскай філалогіі = Acta Germano-Slavica. – 2013. – Вып. 5. – С. 245–255.

2. Шевцова, А. К. Коммуникативный анализ белорусского публицистического дискурса в сопоставлении с англоязычным / А. К. Шевцова // Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в УВО : материалы V Междунар. науч.-практ. онлайн-семинара (вебинара). – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – С. 114–117.

3. Шевцова, А. К. Типология и роль сравнительных конструкций в детском теледискурсе на белорусском и английском языках / А. К. Шевцова // Вестник МГЛУ. Сер. 1: Филология. – 2020. – №2 (105). – С. 72–78.

4. Зубкова, Я. В. Дискурсивные характеристики прогностических текстов (на материале немецких и русских гороскопов) [Электронный ресурс] / Я. В. Зубкова, И. А. Калюжная, И. К. Кириллова. – 2025. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-harakteristiki-prognosticheskikh-tekstov-na-materiale-nemetskih-i-russkih-goroskopov/viewer>. – Дата доступа : 11.11.2025.

5. Мубаракшина, А. М. Гороскоп в медиапространстве: лингвокоммуникативный аспект [Электронный ресурс] / А. М. Мубаракшина. – 2025. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/goroskop-v-mediaprostranstve-lingvokommunikativnyy-aspekt/viewer>. – Дата доступа : 21.11.2025.

6. Текстологическая специфика гороскопов [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/tekstologicheskaya-spetsifika-goroskopov-na-materiale-russkogo-i-kitayskogo-yazykov>. – Дата доступа : 07.12.2025.

7. Грушецкая, Е. Н. Прагматические значения будущего времени в тексте гороскопа / Е. Н. Грушецкая, А. Г. Бабицкая // Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в УВО : сб. науч. ст. / под ред. Е. Н. Грушецкой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2021. – С. 99–102.

8. Штейнберг, Н. М. Грамматика французского языка: Морфология и синтаксис частей речи / Н. М. Штейнберг. – СПб. : Просвещение, 1972. – 344 с.

9. Horoscope Zodiaque [Ressource électronique]. – 2025. – Mode d'accès : <https://zodiaque-horoscope.fr/>. – Date d'accès : 21.11.2025.

УДК 81'42

Губич Полина Андреевна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

gubich@m.msu.by

ИСТОЧНИКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВЫХ МЕМОВ

В статье анализируются примеры англоязычных и русскоязычных текстовых интернет-мемов как нового жанра интернет-коммуникации.

Ключевые слова: интернет-дискурс, интернет-коммуникация, мем, интернет-мем, жанр, текстовый мем

The article analyzes examples of English and Russian textual memes as a new genre of online communication.

Keywords: online discourse, online communication, meme, internet meme, genre, textual meme

Мем – это жанр интернет-коммуникации, обладающий языковыми особенностями. При создании текстового мема зачастую происходит объединение письменной и разговорной речи, что может вызвать затруднения при понимании мема у неподготовленных интернет-пользователей. На сегодняшний день существуют различные классификации интернет-мемов. В основе некоторых из них лежит критерий происхождения мемов [5]. Согласно данному критерию, к наиболее распространенным источникам англоязычных текстовых интернет-мемов относятся фотографии и картинки, фильмы, сериалы, мультфильмы, аниме, телепередачи, видео, музыкальные произведения, литературные произведения, комиксы, публикации интернет-пользователей, компьютерные и мобильные игры и другие.

Рассмотрим некоторые из популярных англоязычных и русскоязычных текстовых интернет-мемов. В качестве источников выступили посты и комментарии пользователей таких социальных сетей, как ВКонтакте (<https://vk.com/>), X (<https://x.com/>), а также сайты Memepedia (<https://memepedia.ru/>), и Know Your Meme (<https://knowyourmeme.com/>).

Одним из наиболее популярных источников текстовых мемов являются публикации интернет-пользователей. Например, *“The feminine urge”* – фраза, используемая для иронического описания женского характера. Например: *“The feminine urge to stop replying to texts and sit in solitude for months at a time”*. Хотя самое первое использование этой фразы было зафиксировано в 2009 году в публикации в социальной сети Twitter (X), пик ее популярности пришелся на 2021 год. Данная фраза трансформировалась в различных социальных сетях и со временем возникла зеркальная фраза – *“The masculine urge”*, которая используется для иронического описания мужского характера. Со временем фраза *“The feminine urge”* стала шаблоном, текстовым фрагментом, употребляющимся в начале предложения.

“Mentally I’m here” (возможны варианты *“Mentally I am here”*, *“mentally im here”*) – фраза, в основном использующаяся в паре с картинкой, изображающей психическое состояние человека. Впервые появившись в публикации в Twitter (X), мем распространился по всему интернету. В 2020 году фраза являлась одним из самых популярных текстовых мемов в различных социальных сетях. Значение фразы понятно из контекста – человек мечтает оказаться в месте, изображенном на картинке.

Мем *«Дикая природа удивительна»* впервые был использован в публикации в качестве ироничной надписи к абсурдной картинке. Также может использоваться в качестве комментария к забавным ситуациям или абсурдным событиям. Например, в комментариях к фотографии, на которой изображены

пельмени с надписью «*мать пельмень и дети пельменята*», находим «*дикая природа удивительна*».

Комментарии интернет-пользователей также являются популярным источником. Один из наиболее популярных примеров – мем “*Wow...she's literally me*” (возможен вариант “*Wow...he's literally me*”), смысл которого заключается в выражении эмоций по поводу чего-то близкого человеку, а также для демонстрации причастности к чему-то. Однако, как и в случае большинства мемов, может использоваться с иронией. Например, с целью высмеивания кого-то. Характерным для данного предложения также является добавление сленговых сокращений. Например, “*She's literally me fr fr*”, где “fr” означает “for real” («по-настоящему», «на самом деле»).

Фраза «*это не фотошоп я такое видела в горах Краснодарского края*» – стала текстовым мемом после того, как данный комментарий был оставлен в социальной сети «Одноклассники». Суть мема – нечто абсурдное или забавное иронично комментируется. Так как оригинальное предложение полно орфографических и пунктуационных ошибок, зачастую оно встречается в комментариях интернет-пользователей в оригинальном варианте.

Один из популярнейших мемов, источником которого является фильм – это “*You know, I'm something of a scientist myself*”. Фраза впервые была произнесена персонажем Уиллема Дефо в фильме «Человек-паук» (“Spider-Man”) 2002 года. Используется в качестве ироничного комментария к сомнительным достижениям. Мем популярен как в формате креолизованного, так и текстового мема.

Мем, зародившийся на киноэкранах много лет назад, но по-прежнему пользующийся популярностью как в русскоязычном, так и в англоязычном интернет-сообществе – это фраза «*Нельзя просто так взять и...*» (“*One does not simply...*”), произнесенная персонажем актера Шона Бина в фильме «Властелин колец: Братство Кольца» (“The Lord of the Rings: The Fellowship of the Ring”) 2001 года. В большинстве случаев данный мем используется в комбинации с кадром из фильма, на котором изображен персонаж Боромир, произносящий эту реплику. Данная фраза прочно вошла в культурный код интернет-коммуникации и часто используется пользователями даже сегодня. Текстовый фрагмент является начальной фразой предложения, в которое может закладываться как прямое значение мема (что-то действительно сложно сделать), либо как обращение к человеку, который намеренно не желает что-то выполнять. Зачастую используется иронично.

«*Слушай, а ловко ты это придумал*» (встречается вариант с отсутствием запятой – «*Слушай а ловко ты это придумал*») – цитата из мультфильма «Добрыня Никитич и Змей Горыныч», которая стала мемом лишь в 2021 году, несмотря на то что впервые она была произнесена с киноэкранов в 2006 году. Интернет-пользователи используют мем в переписках, комментариях, постах и даже видео. Мем описывает ситуации, в которых кто-то обманул кого-то.

Мемом, представленным источником в формате сериала, является *“Directed by Robert B. Weide”* – первоначально видеомем, распространившийся по интернету и впоследствии получивший другие форматы (креолизированный, текстовый, аудиомем). Источником является заставка сериала «Умерь свой энтузиазм» (*“Curb your enthusiasm”*). Данный ролик, аудио, картинку или фразу используют в ситуациях, когда что-то идет не по плану, неожиданно и зачастую комично.

Текстовым мемом, источником которого служит видео, является *“I’m about to end this man’s whole career”*. Фраза впервые была произнесена в видео на YouTube в 2011 году. После этого она мгновенно распространилась в сети и по сей день не теряет популярности. Используется в формате как текстового, так и креолизованного мема. Используется для иллюстрации ситуаций, которые способны помешать чьему-то успеху. В большинстве случаев используется в готовом виде как целое предложение.

Одним из самых популярных мемов в русскоязычном интернет-сообществе является *«Я в своем познании настолько преисполнился...»*. Оригиналом данного мема является четырехминутный монолог мужчины, представленный в формате видео. Данный монолог был переделан множество раз – в медиамемы, креолизованные мемы, текстовые мемы и др. С 2015 года и до сих пор он не теряет актуальности и встречается в комментариях, постах и переписках пользователей.

Таким образом, к распространенным источникам англоязычных и русскоязычных текстовых мемов относятся публикации интернет-пользователей, комментарии интернет-пользователей, фильмы, сериалы, видео и другие.

Литература

1. Василенко, Е. Н. Жанровая организация интернет-дискурса / Е. Н. Василенко // Кулешовские чтения : сб. науч. ст. / под ред. Т. В. Мосейчук. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – С. 18–22.
2. Василенко, Е. Н. Интернет-дискурс как гипержанровое пространство / Е. Н. Василенко // Лингвистика гипертекста и компьютерно-опосредованной коммуникации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Самара, 30 августа 2019 г. / редкол.: С. А. Стройков (отв. ред.) [и др.]. – Самара : СГСПУ, 2019. – С. 17–24.
3. Губич, П. А. Креолизованные мемы в жанровой системе интернеткоммуникации (на материале русского языка) / П. А. Губич // «Благословенны первые шаги...» : сб. работ молодых исследователей. – Магнитогорск : МГТУ им. Г. И. Носова, 2023. – Вып. 17. – С. 75–80.
4. Губич, П. А. Мем в системе жанров интернет-коммуникации / П. А. Губич // Идеи. Поиски. Решения : сборник статей и тезисов XVI Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, Минск, 22 ноября 2022 г. : в 6 т. Т. 6 / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2022. – С. 30–34.
5. Губич, П. А. Об особенностях текстовых интернет-мемов (на материале английского и русского языков) / П. А. Губич // Немецкий язык – лингводидактическое обеспечение и методика преподавания – III : сб. науч. статей / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2023. – С. 86–90.

Дай Яньян

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

1535525325@qq.com

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматриваются особенности перевода китайских антропонимов на русский язык. Анализируются основные методы перевода (транскрипция, калькирование), роль культурной картины мира и семантические соответствия. Особое внимание уделяется трудностям, возникающим из-за фонетических и культурных различий, а также важности учета смыслового компонента имен для успешной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: перевод, имена собственные, китайско-русский перевод, антропонимы, транскрипция, культурная картина мира, семантика имен, межкультурная коммуникация.

The article examines the specifics of translating Chinese personal names into Russian. It analyzes the main translation methods (transcription, calquing), the role of the cultural worldview, and semantic correspondences. Particular attention is paid to the difficulties arising from phonetic and cultural differences, as well as the importance of considering the semantic component of names for successful intercultural communication.

Keywords: translation, proper names, Chinese-Russian translation, anthroponyms, transcription, cultural worldview, name semantics, intercultural communication.

Перевод имен собственных (антропонимов) является сложной задачей в межкультурной коммуникации, особенно между такими разными системами, как китайская и русская. Актуальность темы обусловлена интенсивным развитием российско-китайских отношений в политической, экономической и культурной сферах, что значительно увеличивает потребность в адекватной передаче антропонимов. Преодоление лингвокультурологических барьеров становится ключевым фактором для обеспечения взаимопонимания и эффективной коммуникации. Как отмечал лингвист А.Д. Швейцер, перевод – это не просто механическая замена текста на другом языке, но двухфазный процесс межкультурной коммуникации, направленный на передачу коммуникативного эффекта с учетом различий между языками, культурами и ситуациями [6, с. 75]. Цель данного исследования – рассмотреть особенности перевода китайских антропонимов на русский язык, проанализировав основные методы, культурные аспекты и возникающие трудности.

1. Основные методы перевода и теоретическая база. В переводоведении нет единого подхода к переводу имен собственных. Л.С. Бархударов подчеркивал, что эквивалентность достигается между текстами в целом, что часто требует использования переводческих трансформаций, в том числе и при работе с именами [1, с. 17].

На практике используются следующие основные методы перевода имен. Транскрипция / транслитерация: наиболее распространенные способы, направленные на передачу звуковой или графической формы. Для китайско-русского перевода применяется практическая транскрипция, использующая средства русского алфавита. Калькирование: используется реже, для имен с прозрачной семантикой. Комбинированный способ: важно придерживаться устоявшихся норм и систем транскрипции (например, Р.С. Гиляревского или Д.И. Ермоловича), особенно при переводе имен исторических личностей.

2. Роль культурной картины мира. Главная сложность перевода имен заключается не в технике, а в учете культурных различий. Язык формирует особую картину мира, которая варьируется от культуры к культуре (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров) [2, с. 130]. Ю.М. Лотман отмечал, что взаимный интерес культур основан на их уникальности и «непереводимой специфичности» [3, с. 247].

Китайские имена часто несут глубокий смысл, связанный с пожеланиями, природой или философией. Русские имена имеют свою этимологию и историю. Задача переводчика – не только передать звучание, но и учесть этот внушенный смысл, найдя по возможности смысловой эквивалент.

3. Смысловые параллели на примере выбора русских имен китайскими студентами. Ярким примером важности семантики является интуитивный выбор русских имен китайскими студентами. Китайские студенты, изучающие русский язык, нередко сталкиваются с интересным феноменом. Их выбор часто обусловлен не только фонетическим сходством, но и глубоким смысловым соответствием. Например, студентка с иероглифом «洋» (yáng – «морской») может выбрать имя Марина. Это имя этимологически связано с латинским «marinus» («морской»), что создает семантическую связь с исходным именем. Другой пример – студентка с иероглифом «月» (yuè – «луна»), выбирающая имя Света (от «свет»). Это создает тонкую смысловую перекличку между луной как светилом и значением имени. Данные примеры показывают, что успешная адаптация имени – это сложный процесс поиска культурно-семантических соответствий, а не просто механическая транскрипция.

4. Трудности и практические рекомендации. Основные трудности при переводе: фонетические различия (отсутствие аналогов китайских тонов в русском); значительная семантическая нагрузка китайских имен; различная структура полного имени (порядок фамилии и имени). На практике рекомендуется: в официальных документах использовать стандартную транскрипцию; в художественных текстах и межличностном общении проявлять гибкость, учитывая смысловые соответствия и коннотации; всегда учитывать устоявшиеся традиции перевода известных имен.

Итак, перевод китайских имен на русский язык – это многогранный процесс, требующий от переводчика как технических знаний, так и культурной чуткости. Специфика такого перевода заключается в поиске баланса между

формальной точностью (транскрипцией) и передачей скрытого культурно-семантического содержания. Учет смысловых параллелей, как в случае с выбором имен студентами, позволяет установить глубокую связь между культурами, делая коммуникацию более эффективной и аутентичной.

Литература

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М. : Международные отношения, 1975. – 240 с.
2. Верещагин, Е. М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1990. – 246 с.
3. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
4. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа “Языки русской культуры”, 1996. – 288 с.
5. Чайкина, Ю. И. Перевод имен собственных: практическое пособие / Ю. И. Чайкина. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 159 с.
6. Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – 215 с.

УДК 811.111'42

Динькевич Алевтина Владимировна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Республика Беларусь)
dinkevich@m.msu.by

ЯЗЫКОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ДИСКУРСА

В статье рассматриваются лексические, грамматические и стилистические средства, употребляющиеся в научно-популярном дискурсе и составляющие его языковое своеобразие. К особенностям рассматриваемого дискурса относятся: отсутствие тяжеловесных терминов, употребление личных местоимений I, we, you, чередование форм действительного и страдательного залога, повелительное наклонение, сложные распространенные предложения с разнообразными типами сочинительной и подчинительной связи; средства художественной выразительности.

Ключевые слова: английский язык, научно-популярный дискурс, лексические средства, грамматические средства, стилистические средства

This article examines the lexical, grammatical, and stylistic devices used in popular science discourse and constituting its linguistic distinctiveness. Special characteristics of the discourse include: the absence of heavy terms, the use of personal pronouns “I”, “we”, “you”, the alternation of active and passive voices, the imperative mood, complex, extended sentences with various types of coordinating and subordinating conjunctions, and expressive devices.

Keywords: English language, popular scientific discourse, lexical means, grammatical means, stylistic means

Научно-популярный дискурс занимает прочное положение в типологии дискурса и отличается от других типов тем, что находится на стыке научного и публицистического стилей, что предопределяет характеристики дискурса, которые привлекают научный интерес многих лингвистов [3]. «Вбирая в себя некоторые их признаки и формируя свои, особые вербальные поведенческие модели, научно-популярный дискурс становится уникальным явлением, достойным основательного изучения» [1, с. 763].

Цель исследования – установить лексические, грамматические, стилистические особенности англоязычного научно-популярного дискурса (на материале британских, научно-популярных журналов «New Scientist», «Philosophy now» и «How it works» и других).

Англоязычному научно-популярному дискурсу на лексическом уровне свойственно употребление терминов. Терминология научно-популярного дискурса становится доступнее читателям, что обеспечивается за счет общепотребительной лексики и терминологии, которая объясняется с помощью сносок, уточнений, информации в скобках.

Чтобы обеспечить точность и ясность передачи информации в научно-популярных журналах используется специализированная лексика. Она может включать термины, определения, а также синонимы и перифразы для уточнения значений. Важным является использование ясных и точных терминов, чтобы избежать неоднозначности. Например, «*mind-body problem*» может быть переформулировано как «*the challenge of understanding the relationship between our minds and bodies*» [2].

На морфологическом уровне можно отметить использование личных местоимений. Основным показателем авторизации в тексте научно-популярной статьи является использование личного местоимения первого лица. Выражая свое личное мнение или описывая свой опыт, автор прибегает к использованию личного местоимения первого лица в единственном числе, тем самым добиваясь большей убедительности и объективности изложения и заставляя читателя поверить в истинность суждений. Использование личного местоимения первого лица помогает автору отделить свои собственные мысли, убеждения, оценочные суждения от фактической информации и общепризнанных идей, не вызывающих сомнения или разногласия в науке:

«*I am not a regular meditator; and while I have read a few popular books that aim to convince you of its usefulness, I have never been convinced*» [3].

В следующих примерах личные местоимения используются для указания на адресата и придания научному тексту «диалогичного» характера:

«*Reasoning is something we do; logic is about what statements follow from others. Logical relations among statements hold (or do not hold) whether we like it*

or not, whatever **we** might think; indeed, whether any of **us** are around or not. Logic is not anthropocentric» [4].

Еще одной особенностью морфологического уровня является использование форм действительного и страдательного залога. Употребление страдательного залога связано с такими стилевыми доминантами, как объективность и нейтральность. Это констатация факта; субъект действия не упоминается в предложении, так как не несет смысловой значимости: «*Today science is widely regarded as the bastion of truth and knowledge*» [5].

Напротив, когда авторы статьи рассказывают о проделанной работе и достигнутых результатах, они предпочитают использовать активный залог. В этих случаях, активный залог используется с неодушевленными предметами, что и является одной из особенностей научно-популярного дискурса. Например, «*But research suggests that most conspiracy-minded people are psychologically normal. Both observation and introspection support this idea*» [6].

Таким образом, чередуя формы действительного и страдательного залога, авторы статей помещают логическое ударение на ту или иную часть высказывания, чтобы подчеркнуть ее значимость.

В научно-популярном стиле могут использоваться формы повелительно-го склонения: *Imagine you're out for an afternoon stroll and walk across a bridge that overlooks a train track* [7].

Необходимость логического и последовательного изложения большого по объему материала выражается в сложной синтаксической структуре научно-популярного дискурса. По этой причине, большую часть текста занимают сложные распространенные предложения с разнообразными типами сочинительной и подчинительной связи между ними. В научно-популярных статьях встречаются следующие типы предложений: а) сложносочиненные предложения с бессоюзной и союзной связью; б) сложноподчиненные предложения с придаточными дополнительными, определительными обстоятельственными, условными: «*And if I'm right about human psychology's need to conquer the abundance of experience, it will never be otherwise*» [3].

Восклицательные предложения используются для выражения сильных эмоций и используются, например, для предупреждения читателя: «*Meanwhile, don't forget that Big Data is watching you!*» [7].

Для того чтобы добиться экспрессивности и эмоциональности в научно-популярном дискурсе, авторы используют средства художественной выразительности.

Как известно, наибольший успех у массового читателя имеют те произведения, которые увлекают красотой описания, говорят о науке художественно ярким языком. Для того чтобы сделать повествование более образным и экспрессивным, автор прибегает к образным выражениям. К средствам выразительности относятся: метафора («*The way Aristotle and various philosophers*

since have depicted us, **reason is the primary player**») [4], эпитет («**deep-rooted psychological biases**»), метонимия (**US hospitals** are usually more cautious about fasting rules»), оксюморон: («**preferred indifferents**»). К синтаксическим фигурам относится парцелляция («**Tick. Smile. Move on**» [8]), антитеза («**Doesn't it almost seem, these days, as if the more we have the less happy we are?**» [2]), анафора («... **and the more** a belief satisfies me, **the more** I will come to rely on it. **And the more** I come to rely on it, **the more** upholding it becomes important to me»), параллелизм («**All short. All stylish. All memorable**» [4]), инверсия («**Rarely have I seen such a breathtaking sunset**» [8]).

Для привлечения внимания используются риторические вопросы, обращенные к читателю: «**Could you live in a society in which your life could be arbitrarily sacrificed at any moment to save the lives of a thousand, or a hundred, or even two people?**» [9].

Научно-популярный дискурс так же, как и научный дискурс включает цитаты из научных текстов или других авторов, чтобы подкрепить аргументацию или убедительно проиллюстрировать предлагаемые идеи. Например: *The German Romantic writer Friedrich von Schlegel is often quoted as saying, «Laziness is the one divine fragment of a godlike existence left to man from paradise»* [4].

Таким образом, главное отличие научно-популярного от научного стиля это, прежде всего, ориентация на широкую аудиторию и необходимостью выполнения основной задачи научно-популярного дискурса – популяризации научного знания. Данную задачу авторы решают при помощи употребления специализированной лексики; использования личного местоимения «I», «you», «we»; чередование форм действительного и страдательного залога; сложно-подчинённые предложения, восклицательные предложения; использование сложных распространенных предложений с разнообразными типами сочинительной и подчинительной связи; средства художественной выразительности; цитирование.

Литература

1. Кисилев, А. Ю. Адресные стратегии в научно-популярном дискурсе / А. Ю. Кисилев // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – № 5. – С. 762–765.
2. Gholipour, B. M. Why can't we remember our dreams? / B. M. Gholipour // How it works: the science of memory. – 2023. – Vol. 2. – Iss. 89. – P. 37–38.
3. Thompson, A. A. The ascent of women / A. A. Thompson // New scientist: in search of quantum space-time. – 2023. – Vol. 5. – Iss. 203. – P. 32–35.
4. Harvey, A. I. How does the brain remember? / A. I. Harvey // How it works: the science of memory. – 2023. – Vol. 2. – Iss. 13. – P. 26–27.
5. Wilson, C. E. One brain network can be involved in six different mental conditions / C. E. Wilson // New scientist: why every case of depression is unique. – 2023. – Vol. 7. – Iss. 198. – P. 13.

6. Thompson, H. A. Are you really healthy? / H. A. Thompson // New scientist: How healthy are really you? – 2023. – Vol. 5. – Iss. 203. – P. 32–35.

7. Coste, R. L. A solution to a trolley problem / R. L. Coste // Philosophy now: the society and reason. – 2023. – Vol. 15. – Iss. 154. – P. 30–31.

8. Charles, D. P. On regret / D. P. Charles // Philosophy now: creativity. – 2023. – Vol. 16. – Iss. 168. – P. 30–31.

9. Zaige, J. E. Is free will an illusion? / J. E. Zaige // New scientist: do you have free will? – 2023. – Vol. 4. – Iss. 199. – P. 33.

УДК 811.111

Карчевская Алиса Михайловна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

alisakarchevskaya745@gmail.com

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ АФОРИЗМОВ

В статье рассматриваются синтаксические особенности литературных афоризмов английского языка. Анализируются различные синтаксические приемы, которые используются авторами в литературных афоризмах.

Ключевые слова: афоризм, синтаксис, английский язык

The article examines the syntactic features of literary aphorisms of the English language. The various syntactic techniques used by the authors in literary aphorisms are analyzed.

Keywords: aphorism, syntax, syntactic techniques, English

Литературный афоризм представляет собой уникальную единицу, объединяющую лаконизм формы и высокую степень смысловой насыщенности. Афористические высказывания функционируют как самостоятельные тексты, обладая универсальной обобщённостью содержания, экспрессивностью и ярко выраженной прагматической направленностью. В научной литературе подчёркивается, что способность афоризма выражать сложную мысль в компактной форме определяет его значимость в различных типах дискурса [1].

Исследователи выделяют ряд лингвистических признаков афоризма, среди которых особое место занимают однофразовость, дискурсивная самостоятельность, номинативность значения и универсальная обобщённость содержания [2]. Эти характеристики рассматриваются как обязательные и определяющие специфику афоризма как самостоятельного текстового фрагмента.

Несмотря на наличие фундаментальных исследований, синтаксическая организация афоризмов остаётся изученной недостаточно полно, особенно применительно к английской литературной традиции. Между тем синтаксис

афористических высказываний является важнейшим фактором их смысловой организации, экспрессивности и прагматического воздействия на адресата. Анализ структуры английского предложения, его коммуникативных типов и способов выражения смысловых отношений демонстрирует, что синтаксис выступает основным инструментом формообразования афористической мысли.

Цель исследования – выявить синтаксические особенности английских литературных афоризмов. В качестве методологической базы исследования использованы базовые положения лингвистики афоризма и теоретической грамматика (синтаксиса). В работе использованы принципы структурно-семантического анализа, лингвистической типологии афористических единиц, а также описательный и контекстуальный методы, позволяющие рассмотреть афоризм как законченную текстовую единицу. Для классификации синтаксических конструкций применялись принципы, изложенные в фундаментальных грамматиках английского языка [3; 4; 5], а также приемы количественного анализа для определения частотности различных моделей. Фактическим материалом исследования послужили 250 афоризмов из сборника «A Treasury of English Aphorisms» (1928) Л.П. Смита [6].

Исследование показало, что литературный афоризм представляет собой сложную речевую единицу, обладающую набором обязательных признаков (однофразовость, дискурсивная самостоятельность, текстовость, номинативность значения и универсальная обобщённость содержания). Именно эти категориальные признаки отличают афоризм от смежных явлений и делают его самостоятельным объектом изучения.

Анализ английских литературных афоризмов показал следующую тенденцию в их распределении по типам синтаксической структуры: простые предложения – около 28 %; осложнённые простые – около 32 %; сложносочинённые – около 20 %; сложноподчинённые – около 19 %; бессоюзные конструкции – около 12 %; сегментированные структуры – около 4 %. Эти данные демонстрируют, что большинство афоризмов стремятся к структурной компактности и семантической плотности, но при этом активно используют различные способы синтаксического усложнения, обеспечивающие выразительность и глубину содержания.

Как видим, наиболее частым типом синтаксической конструкции в литературных афоризмах оказались простые и осложнённые простые предложения, что отражает стремление к лаконичности и смысловой концентрации (*Worldly faces never look so worldly as at a funeral*). Среди синтаксических средств выразительности наиболее употребительными стали бессоюзные конструкции и антитеза. Бессоюзная связь используется для создания динамики и смысловой напряжённости (*Success has many fathers; failure none*), в то время как антитеза служит для формирования яркого контраста и активизации когнитивной

деятельности читателя (*No woman ever hates a man for being in love with her; but many a woman hates a man for being a friend to her*).

Параллелизм, эллипсис и инверсия используются реже, однако выполняют важные прагматические функции: усиливают ритмичность, создают лаконичность и акцентируют ключевые элементы высказывания (*Whatever withdraws us from the power of our senses, whatever makes the past, the distant, or the future predominate over the present, advances us in the dignity of thinking beings*). Прагматический анализ подтвердил, что синтаксические конструкции в афоризмах напрямую направлены на воздействие на адресата – привлечение внимания, стимулирование интерпретации и облегчение запоминания.

Прагматическая направленность афористического высказывания проявляется в способности афоризма оказывать воздействие на адресата – побуждать к размышлению, формировать определённое отношение к явлению, стимулировать оценочную интерпретацию. Синтаксическая организация афоризмов играет ключевую роль в реализации этого воздействия. Анализ корпуса английских литературных афоризмов показал, что синтаксические конструкции не только структурируют смысл, но и выполняют прагматические функции, усиливая выразительность текста и влияя на интерпретацию читателя.

Таким образом, синтаксическая организация английского литературного афоризма является не пассивной формой, а активным инструментом смыслообразования и прагматического воздействия. Она обеспечивает необходимый баланс между предельной лаконичностью, структурной завершённостью и глубокой смысловой насыщенностью, что и определяет уникальность и коммуникативную силу афористического высказывания в английском языке. Полученные результаты могут быть использованы в преподавании английского языка, стилистики, теории перевода и лингвистике текста.

Литература

1. Иванов, Е. Е. Лингвистика афоризма / Е. Е. Иванов. – Могилев : МГУ имени А.А. Кулешова, 2016. – 156 с.
2. Иванов, Е. Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки / Е. Е. Иванов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2020. – Т. 11. – № 4. – С. 659–706.
3. Leech, G. A Communicative Grammar of English / G. Leech, J. Svartvik. – London : Routledge, 2002. – 420 p.
4. Quirk, R. A Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. – London : Longman, 1985. – 1779 p.
5. Waugh, L. Stylistic and Syntactic Features of Aphoristic Discourse / L. Waugh // Journal of Literary Linguistics. – 2009. – Vol. 7 (2). – P. 67–84.
6. Smith, L. P. A Treasury of English Aphorisms / L. P. Smith. – London : Constable, 1928. – 261 p.

Кидакова Дарья Юрьевна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

aosja_mgu@mail.ru

СФЕРЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ И ФУНКЦИИ ПОЛИТКОРРЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются лексические и фразеологические средства реализации политической корректности в ведущих англоязычных медиа. На основе корпуса текстов 2023 и 2024 гг. выявляются и систематизируются сферы употребления таких единиц, анализируются их семантические механизмы и прагматические функции.

Ключевые слова: английский язык, политическая корректность, медиадискурс, лексика, фразеология

The article examines structural and thematic models of lexical and phraseological means of expressing political correctness in modern English-language media discourse. The differences at the lexico-semantic level in the structural and thematic models of political correctness means in various types of media texts are analyzed.

Keywords: English language, political correctness, media discourse, vocabulary, phraseology

Политкорректная лексика и фразеология в современном английском языке представляют собой важный объект лингвистического исследования, поскольку отражают динамику социальных изменений и эволюцию языковых норм. Понимание механизмов, стратегий и контекстов функционирования политкорректной лексики и фразеологии является сегодня необходимой профессиональной компетенцией в областях межкультурной коммуникации и лингвистического образования, в том числе преподавания английского языка как иностранного [1; 2].

Цель исследования – установить и описать основные лексические и фразеологические единицы как средства выражения политкорректности, а также определить сферы их использования в английском языке (на материале публицистики и новостных СМИ).

В результате исследования было установлено и систематизировано 115 лексических и фразеологических единиц, которые образуют устойчивый арсенал современного политкорректного дискурса в английском языке. Все языковые средства были выявлены в текстах, которые подразделяются на несколько тематических разделов, которые отражают ключевые области социальной чувствительности.

Этническая и расовая идентичность. Центральной стратегией является отказ от экзонимов в пользу аутонимов (самоназваний) и конкретизация описаний. Например, замена устаревшего и обобщающего *Eskimos* на конкретное *the Inuit* следует принципу лингвистического самоопределения. Коллективный

термин *minorities* замещается на ориентированный на сообщество *communities of color*, что смещает фокус с маргинальности на солидарность. Термин *illegal aliens*, стигматизирующий через акцент на нарушении закона, последовательно заменяется на нейтральный административный дескриптор *undocumented immigrants*, осуществляя дестигматизацию через семантический рефрейминг.

Гендерная идентичность и инклюзивность. Данная область характеризуется двумя ключевыми процессами: гендерной нейтрализацией и признанием небинарности. Универсальное понятие *mankind* заменяется на инклюзивное *humankind*. Профессиональные наименования стандартизируются через замену компонента *-man* на нейтральные *-officer* или *-fighter* (*police officer, firefighter*). Важнейшим грамматическим сдвигом является нормализация сингулярного *they* для референции к лицу неизвестного или небинарного. Стратегия десубстантивации препятствует реификации идентичности: вместо *a transgender* используется *a transgender person*, где идентичность представлена как атрибут.

Инвалидность и физические особенности. Доминирующей стратегией является Person-First Language (PFL), синтаксически выдвигающая понятие человека на первое место: *disabled person – person with a disability* (Wired, 30.07.2023). Происходит отказ от метафор ограничения (*wheelchair-bound*) в пользу нейтрального обозначения пользования вспомогательным средством (*wheelchair user – BBC News, 18.11.2023*). В описании ментальных состояний используется депатологизирующий язык: глагол *suffers from* заменяется на нейтральные *lives with* или *has*. Устаревшие и оскорбительные термины (*dwarf, midget, deaf and dumb*) замещаются на точные описательные или клинические формулировки (*person of short stature, Deaf and hard of hearing*).

Социально-экономический статус и криминалистика. Стратегия десубстантивации ярлыков направлена на представление статуса как временного состояния, а не неотъемлемой идентичности: *the poor – people living in poverty / low-income individuals ; homeless people – people experiencing homelessness*). В уголовно-правовой сфере наблюдается смещение фокуса с преступления на человека и его реинтеграцию: *ex-convict – formerly incarcerated person / returning citizen*. Исторический нарратив пересматривается через грамматическую конструкцию, представляющую рабство как навязанное состояние: *slave – enslaved person*.

Международные отношения и геополитика. Ключевой тенденцией является отказ от колониальной и евроцентричной риторики в пользу нейтральных или самоопределяемых терминов. Иерархический ярлык *Third World* заменяется на экономически точный *low- and middle-income countries (LMICs)* или геополитический *the Global South*. Евроцентричный топоним *the Middle East* в академическом дискурсе уступает место точному географическому дескриптору *Southwest Asia and North Africa (SWANA)*. В военном дискурсе происходит

замена обезличенных эвфемизмов на прямую лексику: технический термин *collateral damage* замещается на четкий *civilian casualties*. Название *Islamic terrorism* избегается в пользу *terrorism inspired by extremist ideology*, чтобы не стигматизировать религиозную общность.

Корпоративная и профессиональная коммуникация. В этой сфере политкорректность часто служит инструментом смягчения негативных сообщений и повышения воспринимаемого статуса. Увольнения описываются через безличные или пассивные конструкции.

Низкостатусные профессии получают «возвышающие» наименования через технический жаргон (*janitor – sanitation engineer*). В то же время наблюдается и манипулятивное использование профессионального жаргона для маскировки негативных действий, например, замена *bribe* на *facilitation payment*, что представляет собой негативный аспект корпоративной эвфемизации.

Психическое здоровье и нейроразнообразие. Данная область характеризуется комплексной дестигматизацией и реконцептуализацией. Помимо уже упомянутого отказа от патологизирующего языка (*suffers from*), наблюдается активный переход к парадигме нейроразнообразия (*neurodiversity*), которая рассматривает спектр ментальных и неврологических особенностей (аутизм, СДВГ) как естественные вариации человеческого мозга, а не исключительно как нарушения. Термины *neurodivergent person* и *person on the autism spectrum* акцентируют уникальность нейрокогнитивного функционирования. Замена стигматизирующих ярлыков *addict* или *junkie* на клинически точный термин *person with a substance use disorder* служит примером медиализации с гуманизирующим уклоном, перенося проблему из моральной плоскости в сферу здоровья.

Образование и развитие человеческого потенциала. Здесь доминирует стратегия рефрейминга, ориентированная на потенциал и поддержку, а не на дефицит или элитарность. Традиционный термин для программ для одаренных детей *Gifted and Talented* заменяется на *Advanced learning program* или *program for high-achieving students*, что смещает акцент с врожденного «дара» на развиваемые достижения, повышая воспринимаемую доступность программ. Категория *Special needs education* постепенно уступает место формулировкам *Additional support needs* или *diverse learning needs*, что подчеркивает вариативность требований к обучению и необходимость создания инклюзивной среды, а не выделения «особой» группы.

Семья и личные отношения. Политкорректность в этой сфере направлена на признание легитимности разнообразных семейных структур и родительских ролей. При обсуждении усыновления и репродуктивных технологий происходит переход от биологически детерминированного *biological mother/father* к более нейтральному *birth mother/father*. Для обеспечения инклюзивности трансгендерных и небинарных людей, способных к деторождению, в офи-

циальных документах и публичном дискурсе используется функциональный, гендерно-нейтральный термин *birthing parent* вместо *mother*. Это представляет собой сдвиг от гендерно-бинарной роли к описанию конкретной физиологической или социальной функции.

Военный и конфликтный дискурс. Помимо отказа от эвфемизмов, в этой области развивается стратегия «контр-называния» (*counter-naming*), оспаривающая официальную нарративную рамку. Термин *militant* или *insurgent* может использоваться вместо *terrorist* в зависимости от контекста и редакционной позиции, что изменяет восприятие легитимности действий. Описание военных операций смещается с героического или технического языка (*surgical strike*) на язык, подчеркивающий гуманитарные последствия (*airstrike that resulted in civilian infrastructure damage*).

Религия и культурные практики. Акцент делается на точности и избегании упрощенных, экзотизирующих или уничижительных ярлыков. Вместо обобщающего и зачастую стигматизирующего *cult* для обозначения новых религиозных движений в академической и качественной журналистике предпочитают использовать нейтральный термин *new religious movement*. При описании культурных или религиозных практик (например, ношения хиджаба) смещается фокус с внешней атрибутики на личный выбор и значение (*a woman who wears the hijab* вместо просто *a veiled woman*), что подчеркивает агентность индивида.

Возраст и этапы жизни. Происходит отказ от возрастных стереотипов и инфантилизирующей лексики. Вместо обобщающего и потенциально патерналистского *the elderly* или *senior citizens* все чаще используется нейтральный и уважительный дескриптор *older adults*. Термин *senility* заменяется на клинически точные *dementia* или *cognitive impairment*. В отношении молодежи, вовлеченной в правосудие, избегают термина *juvenile delinquent* в пользу *young person in conflict with the law*, что семантически отделяет человека от совершенного деяния.

Внешность и физические характеристики. Норма предписывает крайнюю осторожность в комментариях, не имеющих информационной ценности, и отказ от оценочной лексики. Описания внешности в новостных статьях, не связанных напрямую с темой, становятся редкостью. Если упоминание необходимо, используются нейтральные дескрипторы (*a person with red hair*) вместо субъективно-оценочных (*a stunning redhead*). Ярлыки, основанные на внешности (*fat, ugly*), считаются абсолютно некорректными и замещаются либо нейтральными терминами (*plus-sized* в контексте моды), либо, что чаще, опускаются как нерелевантные.

Экология и изменение климата. Политкорректность здесь пересекается с эколингвистикой, продвигая язык, который подчеркивает ответственность и избегает антропоцентризма. Вместо пассивных или отстраненных формулировок (*climate change is happening*) используется язык агентности и чрез-

вычайной ситуации (*climate crisis, climate emergency*). Термин *climate refugees* является спорным, и организации (ООН и др.) могут рекомендовать более точные с юридической точки зрения описания: *people displaced by climate-related disasters*.

Спорт и физическая активность. Стратегии направлены на инклюзивность и гендерное равенство. Активно развивается категория *women's sports* (в противовес неявно мужской норме *sports*). Для спортсменок-трансгендеров разрабатывается специальный терминологический протокол. Термин *disabled sports* замещается на *Paralympic sports* или *adaptive sports*, что акцентирует высокие athletic достижения, а не инвалидность.

Искусство и культурное наследие. Дискурс сосредоточен на проблемах присвоения, репрезентации и деколонизации. Используются такие термины, как *cultural appropriation* (в негативном ключе) vs. *cultural appreciation* или *cultural exchange*. В описании музейных экспонатов, добытых в колониальную эпоху, вместо *acquired* может использоваться *looted* или *taken*, в зависимости от позиции издания. Активно обсуждается язык описания искусства коренных народов, уходящий от примитивизирующих ярлыков.

Наука и исследования. Нормы ПК проникают в академический дискурс, затрагивая этику описания участников исследований и исторических фигур. Вместо использования пассивных или обобщающих терминов вроде *subjects* или *samples* в отношении людей все чаще применяется *participants, respondents* или *co-researchers* (в партисипаторных исследованиях). В исторической науке наблюдается тенденция к использованию местоимений, соответствующих гендерной идентичности исторических личностей, даже если это противоречит записям их эпохи.

Цифровые технологии и онлайн-пространство. Это динамично развивающаяся область, где нормы только формируются. Ключевые темы — кибербуллинг, доступность (*accessibility*) и инклюзивный дизайн. Термины *blind user* (в контексте IT) замещаются на *screen reader user*. Развивается язык для описания онлайн-агрессии, избегающий виктимблейминга. Вводятся термины для описания цифрового разрыва (*digital divide*) и необходимости создания инклюзивных интерфейсов (*inclusive design*).

Таким образом, выделение 19 тематических разделов демонстрирует, что вербальная политкорректность не является единичным явлением, а представляет собой всепроникающую систему лингвистического регулирования, затрагивающую практически все сферы публичной коммуникации. В каждой из этих областей работают как универсальные стратегии, так и специфические тактики, адаптированные к конкретным социальным, историческим и культурным контекстам. Эта системность подтверждает тезис о политкорректности как о мощном инструменте конструирования современной социальной реальности через язык.

Литература

1. Василенко, Е. Н. English. Developing Speaking and Writing Skills. Ч. 2. / Е. Н. Василенко, Е. Е. Иванов, А. Н. Шестернёва. – Минск : РИВШ, 2023. – 216 с.
2. Голякевич, Н. Д. Practical English Grammar: Morphology / Н. Д. Голякевич, С. П. Зубрий, Е. Е. Иванов. – Минск : РИВШ, 2019. – 268 с.

УДК 811.133.1'367

Кириленко Ольга Владимировна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Республика Беларусь)
kirilenko@m.msu.by

СПЕЦИФИКА НУЛЕВОГО КОНТЕКСТА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье речь идет о нулевом контексте, который не имеет четкого определения в лингвистике. Также выделяются основные характеристики нулевого контекста во французском языке.

Ключевые слова: нулевой контекст, дистрибутивность, законченное высказывание, фиксированная форма, маркированность

The article discusses the concept of zero context, which lacks a clear definition in linguistics. It also highlights the key characteristics of zero context in French.

Keywords: zero context, distributivity, complete utterance, fixed form, marked

Изучение семантики в лингвистике неразрывно связано с понятием контекста. Известно, что последний может служить как средство для конкретизации значений многозначных языковых единиц, так и для формирования новых значений. Вопросу о влиянии контекста на развитие семантики языковых единиц посвящен ряд статей и трудов отечественных и зарубежных лингвистов (Е.В. Падучева, А.А. Зализняк, Ю.П. Князев, С.Г. Воркачев, G. Kleiber, S. Mejri, B. Victorri и др.).

В широком лингвистическом понимании контекст понимается как языковое окружение языковой единицы, необходимое и достаточное для определения ее значения [1]. В теории контекста различают несколько видов контекстов, среди которых отдельную сложность в идентификации представляет нулевой контекст. Во-первых, это связано с тем, что традиционно при определении лингвистических терминов лингвисты используют данные статей в лингвистических словарях, в первую очередь речь идет о Словаре лингвистических терминов [2, 3] и Лингвистическом энциклопедическом словаре [1]. В указанных словарях мы не находим такого термина. Во-вторых, прилагательное «нулевой» определяется как «очень незначительный, почти отсутствующий»

щий» [4, с. 655]. Соответственно, нулевой контекст можно интерпретировать как «отсутствующий контекст». Другими словами, он предполагает отсутствие языкового окружения у языковой единицы. Такое пояснение не позволяет четко выделить основные признаки нулевого контекста.

В высказывании *Le chien est le meilleur ami de l'homme, s'il en est* наблюдается внешнее отсутствие дистрибутивности у стереотипической синтаксической единицы (ССЕ) *s'il en est* 'в высшей степени'. Находясь в постпозиции к своему логико-семантическому компоненту, она тем самым завершает смысловое развитие представляемой ситуации. ССЕ как конструктивные единицы высказывания могут образовывать, по мнению В.А. Плунгяна, самостоятельные высказывания в типичной «нормальной ситуации» [5, с. 254], и в этом плане они обладают «дистрибутивной самостоятельностью» [5, с. 26, 35]. С этих же позиций он говорит про автономность. Под автономностью В.А. Плунгян понимает способность языковой единицы образовывать высказывания [5, с. 19]. «Минимальные высказывания не содержат в своем составе других высказываний меньшего объема» [5, с. 19]. На факт того, что это законченное высказывание, обращает внимание графическая маркированность запятой. Таким образом, исследуемые во французском языке ССЕ как минимальные сегменты высказывания могут обладать дистрибутивной автономностью, способные сами по себе составить целое высказывание. В этом случае дистрибутивная автономность приравнивается к нулевому контексту, который охватывает саму синтаксическую конструкцию.

В некоторых ситуациях нулевой контекст является условием фиксации формы ССЕ и обуславливает завершенность высказывания. Ярким примером дистрибутивной автономности ССЕ является высказывание *Après vous, s'il en reste*. Эта формула используется для демонстрации учтивости, любезности по отношению к кому-либо (*formule employée plaisamment pour manifester sa courtoisie ou souligner la courtoisie de qqn.*) [6], которую можно перевести как 'Только после вас'. Также *il en veut!* разг. 'ну и старается!', (*il*) *y a intérêt!* 'так-то оно лучше!' На приведенных примерах следует отметить, что нулевой контекст жестко фиксирует форму ССЕ, которая выражается через глагольные формы 3л. ед.ч. Такие оформленные самостоятельные, идиоматизированные единицы, которыми являются в том числе и ССЕ, встречаются не только во французском языке [7, с. 126].

Таким образом, нулевой контекст характеризуется отсутствием дистрибутивности, образует законченное высказывание и формально ограничен рамками самой синтаксической конструкции, которой является ССЕ. Маркером нулевого контекста является фиксированная форма глагольного компонента ССЕ. Графически отмечается выделенность ССЕ запятой от остальной части высказывания как своего логико-семантического компонента. В тех случаях, когда контекст жестко определяет употребление соответствующей ССЕ, по-

следняя превращается в формульное выражение, значение которого в нулевом контексте максимально приближено к ситуации общения.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: СовЭн, 1990. – Режим доступа: <https://tapemark.narod.ru/les/238b.html>. – Дата доступа: 22.12.2025.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
3. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – 5-е изд., испр-е и дополн. – Назрань: Пилигрим, 2010.
4. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
5. Плунгян, В. А. Общая морфология: введение в проблематику: учеб. пособие / В. А. Плунгян. – 2-е изд., испр. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 384 с.
6. Bernet, Ch. On va le dire comme ça : dictionnaire des expressions quotidiennes / Ch. Bernet, P. Rézeau. – Paris : Balland, 2008. – 1085 p.
7. Апресян, В. Ю. Автономные дистрибутивные конструкции с вопросительно-относительными местоимениями в русском языке / В. Ю. Апресян, М. В. Копотев // Вопросы языкознания. – 2022. – № 4. – С. 115–142.

УДК 81'42:070

Космачева Елизавета Сергеевна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

lizakosmacheva5@gmail.com

ИНВЕРСИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КРИЗИСНОГО МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ)

Статья посвящена исследованию роли инверсии как важного инструмента в кризисном медийном и интернет-дискурсе. На основе функционального анализа демонстрируется, что в условиях быстротечного и эмоционально насыщенного онлайн-пространства инверсия служит для усиления эмоционального воздействия (вызывая страх, сочувствие, тревогу), драматизации событий, создания контрастов и актуализации наиболее важной информации. Автор показывает, как этот синтаксический прием, нарушая ожидаемую структуру предложения, помогает преодолеть информационный шум, привлечь и удержать внимание аудитории, а также эффективно управлять ее восприятием в контексте таких кризисов, как стихийные бедствия, экологические катастрофы и пандемии. Делается вывод о системном и многогранном характере функционирования инверсии как механизма вербализации кризисного дискурса.

Ключевые слова: инверсия, кризисный дискурс, медийный дискурс, интернет-дискурс, вербализация, функциональный анализ, прагматика, эмоциональное воздействие, порядок слов, коммуникация в кризисных ситуациях

This article explores the role of inversion as an important tool in crisis media and online discourse. A functional analysis demonstrates that in the fast-paced and emotionally charged online space, inversion serves to enhance emotional impact (evoking fear, empathy, and anxiety), dramatize events, create contrasts, and highlight key information. The author demonstrates how this syntactic device, by disrupting the expected sentence structure, helps overcome informational noise, attract and retain audience attention, and effectively manage their perception in the context of crises such as natural disasters, environmental catastrophes, and pandemics. The article concludes that inversion functions systemically and multifaceted as a mechanism for verbalizing crisis discourse.

Keywords: inversion, crisis discourse, media discourse, internet discourse, verbalization, functional analysis, pragmatics, emotional impact, word order, communication in crisis situations

Медийный дискурс определяется как совокупность текстов, создаваемых и распространяемых через средства массовой информации, включая традиционные газеты, телевидение, а в последние десятилетия, и интернет-пространство. Он изучается через призму дискурс-анализа, который рассматривает язык как инструмент социального взаимодействия. Теория Мишеля Фуко подчеркивает, что дискурс – это не просто текст, а способ конструирования реальности через власть и знание [1]. В контексте медиа это означает, что СМИ формируют определенные представления о мире, выбирая, что и как освещать.

Кризисный медийный дискурс возникает в условиях чрезвычайных ситуаций, таких как природные катастрофы, войны, экономические или политические кризисы. Его теоретические предпосылки строятся на общих принципах медийного дискурса, но имеют свои особенности из-за срочности, эмоциональной насыщенности и высокой социальной значимости.

Кризисный дискурс в медиа часто изучается через призму теории управления коммуникацией в кризисных ситуациях. Согласно Тимоти Кумбсу, медиа играют двойную роль: они могут как усугубить кризис, так и способствовать его разрешению. Например, использование сенсационных заголовков может вызвать панику, тогда как взвешенное информирование помогает стабилизировать ситуацию. Ключевым аспектом является теория ситуативной кризисной коммуникации (SCCT), которая подчеркивает важность выбора коммуникативной стратегии в зависимости от типа кризиса и восприятия ответственности [2].

Кризисный дискурс часто апеллирует к эмоциям аудитории, используя выразительные языковые средства и драматические образы. Одним из таких средств является инверсия. Инверсия (от лат. *inversio* – перестановка) – изменение обычного порядка слов и словосочетаний, составляющих предложение, для усиления выразительности речи [3]. В английской грамматике, инверсия означает перестановку стандартного порядка слов, когда глагол ставится перед подлежащим, вместо привычного порядка подлежащее-глагол-объект (SVO). Это используется для вопросов, акцента или драматического эффекта. Напри-

мер, стандартное предложение *She plays the piano rarely* может быть инвертировано в *Rarely does she play the piano* для усиления.

Согласно А.И. Смирницкому, инверсия проявляется в двух формах: полной и частичной. При полной инверсии изменяется привычная структура предложения, но она не типична для современного английского языка. Её можно встретить в повествовательных предложениях, начинающихся с развернутого обстоятельства места, содержащих непереходный глагол и рематическое подлежащее, без дополнения, как в примере: *Here, above the city, on a tall column, stood the statue of the Happy Prince (O. Wilde)*. Также к этой категории относятся предложения, начинающиеся с односложных обстоятельств места (*here* или *there*), при условии, что подлежащее выражено существительным: *Here comes Freddy (M. Swan)* [4, с. 182]. Однако, полная инверсия не характерна для современного английского языка, в отличие от частичной. При частичной инверсии происходит перемещение связочного или модального глагола, в то время как основной глагол остается на своем месте. Стоит отметить, что такая инверсия позволяет использовать и прямой, и обратный порядок слов в рамках одного предложения: *Can you see this?* [5, с. 71]

По мнению Э.С. Дудоровой, инверсия мотивирована не столько грамматическими факторами, сколько лексическими [6]. При таком раскладе мы имеем дело с эмфатически окрашенной лексической единицей в начале предложения, которая оказывает влияние на формирование его структуры, а также меняет интонационную окраску высказывания. К таким примерам могут быть отнесены предложения с наречиями *hardly* и *scarcely*, конструкцией *no sooner than*, союзом *not* или эмфатической частицей *only*: *No sooner had I come home than she called me*. Также инверсия характерна для восклицательных предложений, где на первое место выносится прилагательное или наречие с усилительной частицей *so*: *So short is our life!*

Одна из наиболее важных функций инверсии в кризисном интернет-дискурсе – усиление эмоционального воздействия сообщения. Кризисы по своей природе вызывают сильные чувства – страх, горе, тревогу – и инверсия усиливает их, перестраивая предложения таким образом, чтобы выделить эмоционально заряженные элементы. Так, в предложении *So even not reaching the second floor could sometimes save the affected people* используется инверсия, чтобы подчеркнуть неожиданность выживания во время наводнений. Необычный порядок слов повышает эмоциональную напряженность, противопоставляя, казалось бы, обычное действие (*even not reaching the second floor*) спасительному исходу. В контексте муссонных наводнений в Азии эта инверсия подчеркивает отчаяние и непредсказуемость кризиса, вызывая у читателей сочувствие и беспокойство.

Также рассмотрим пример *In almost all cases, we ended up with a very depressing feeling when we confirmed that all or nearly all the coral had died*. Здесь

инверсия подчеркивает огромные масштабы потерь в контексте обесцвечивания коралловых рифов. Эта структура выдвигает на первый план универсальность трагедии, усиливая чувство отчаяния читателя, прежде чем раскрыть конкретный исход (гибель кораллов). В кризисном интернет-дискурсе такое эмоциональное усиление подчеркивает серьезность экологических кризисов, потенциально мотивируя к действиям или защите интересов.

Инверсия также служит для драматизации событий, создавая ощущение напряжения или шока, которое соответствует серьезности кризисов. Это особенно эффективно в интернет-дискурсе, где драматическое повествование может повысить вовлеченность и количество повторных публикаций. Рассмотрим пример *THIS is the terrifying moment panicked passengers were forced to evacuate after an aircraft was engulfed in smoke*. Написание слова «THIS» заглавными буквами в сочетании с инверсией сразу же фокусирует внимание на моменте ужаса, создавая кинематографический эффект, который вовлекает читателей в повествование о чрезвычайной ситуации на борту самолета. Эта структура имитирует срочность срочных новостей в социальных сетях, где драматические начала обеспечивают видимость на фоне информационной перегрузки. Инверсия усиливает драматизм, делая событие непосредственным и личным, как будто читатель является свидетелем его развития.

Инверсия часто служит для выделения контрастов или оппозиций, риторической стратегии, которая подчеркивает сложность или противоречия в кризисных ситуациях. Эта функция очевидна в нескольких примерах, отражающих тонкий характер кризисной коммуникации в интернете: *While thousands of people fled from the rapidly growing blaze that started in the northern California town last Wednesday, that night and every night after, Steinberg raced toward the flames*. – Эта сложная инверсия противопоставляет массовый исход из Калифорнии, охваченной лесным пожаром, и нелогичным действиям отдельного человека (стремлению навстречу опасности). Перевернув ожидаемый порядок, предложение подчеркивает храбрость или безрассудство Штейнберга, создавая риторическое противопоставление, которое захватывает внимание читателей. В интернет-дискурсе такие контрасты выделяют, стимулируя обсуждение и размышления о поведении человека во время кризисов.

Nevertheless, social media quickly lit up with those who had felt it. – Инверсия со словом «Nevertheless» выдвигает на первый план неожиданный всплеск онлайн-активности после извержения вулкана и предупреждения о цунами. Эта структура противопоставляет физическую опасность цифровой реакции, подчеркивая роль социальных сетей в реагировании на кризис.

Наконец, инверсия часто служит для выделения важной информации или актуализации ключевых сообщений, обеспечивая их заметность в перегруженном цифровом пространстве. Это жизненно важно в кризисной коммуника-

ции, где ясность и срочность имеют первостепенное значение. Проанализируем предложение *What is not normal is the growing intensity of these storms*. Эта полная инверсия помещает дополнение «not normal» перед подлежащим, подчеркивая аномальность интенсивности шторма. В контексте климатических кризисов эта структура привлекает внимание, бросая вызов ожидаемому синтаксису, сигнализируя о срочности. На интернет-платформах, где пользователи отдадут приоритет значимому контенту, такая инверсия гарантирует, что сообщение пробьется сквозь информационный шум, фокусируясь на критически важных экологических тенденциях.

Приведенные выше примеры показывают, что инверсия в кризисном интернет-дискурсе выполняет множество пересекающихся функций, адаптированных к требованиям онлайн-коммуникации. В эмоциональном плане она усиливает страх, горе и срочность, обеспечивая глубокую эмоциональную связь аудитории с кризисом. Кризисы, подобные наводнениям, лесным пожарам и пандемиям, драматически создают убедительные повествования, выделяющиеся в переполненных цифровых лентах, повышая вовлеченность за счет напряжения и шока. Риторически подчеркивают контрасты, отражая сложные реалии кризисов и поощряя критическое осмысление. Прагматически реализуют важную информацию, обеспечивая, чтобы ключевые сообщения – будь то статистика, личные истории или механизмы реагирования – были замечены и приняты во внимание. В контексте интернет-дискурса эти функции усиливаются характеристиками среды: краткостью, визуальной конкуренцией и эмоциональной непосредственностью. Инверсия, нарушая ожидаемый синтаксис, отражает разрушительные последствия самих кризисов, что делает ее подходящим лингвистическим выбором для таких контекстов.

Литература

1. Фуко, М. Порядок дискурса. Лекция [Электронный ресурс] / М. Фуко. – 2025. – Режим доступа : <https://gtmarket.ru/library/articles/777>. – Дата доступа : 13.10.2025.
2. Coombs, T. W. Protecting Organization Reputations During a Crisis: The Development and Application of Situational Crisis Communication Theory [Электронный ресурс] / T. W. Coombs. – 2025. – Режим доступа : <https://link.springer.com/article/10.1057/palgrave.ccr.1550049>. – Дата доступа : 21.10.2025.
3. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
4. Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1957. – 286 с.
5. Прибыток, И. И. Основы синтаксиса английского языка: учебное пособие / И. И. Прибыток. – М. : Флинта, 2015. – 448 с.
6. Дудорова, Э. С. Грамматика современного английского языка. Синтаксис: учебное пособие / Э. С. Дудорова. – М. : Флинта, 2021. – 524 с.

Лалаева Анфиса Игоревна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

lalaeaanfisa05@gmail.com

СТИЛИСТИКА И ПРАГМАТИКА СЛЕНГИЗМОВ В МУЗЫКАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматривается прагматико-стилистическая специфика сленга в современном англоязычном рэп- и хип-хоп-дискурсе. На основе контент-анализа корпуса из 50 текстов песен выявлены доминирующие тематические категории сленгизмов и их ключевые коммуникативные функции. Исследование демонстрирует, что сленг в данном дискурсе служит не столько для отражения уличной реальности, сколько для конструирования имиджа исполнителя, основанного на гиперболизированных ценностях материального успеха, социального статуса и эмоциональной экспрессии. Доминирующей категорией оказалась лексика «оценки и описания» (30,5%), что подчеркивает оценочно-самопрезентационную природу жанра.

Ключевые слова: музыкальный дискурс, песенный дискурс, сленг, прагматика, стилистика, рэп, хип-хоп, англоязычный дискурс

The article examines the pragmatic and stylistic specifics of slang in contemporary English-language rap and hip-hop discourse. Based on a content analysis of a corpus of 50 song lyrics, the dominant thematic categories of slang terms and their key communicative functions are identified. The study demonstrates that slang in this discourse serves not so much to reflect street reality as to construct the artist's image, based on hyperbolized values of material success, social status, and emotional expression. The dominant category was the vocabulary of «evaluation and description» (30.5%), highlighting the evaluative and self-presentational nature of the genre.

Keywords: musical discourse, song discourse, slang, pragmatics, stylistics, rap, hip-hop, English-language discourse

Сленг как динамичная и социально маркированная подсистема языка играет ключевую роль в формировании групповой идентичности, особенно в молодежных субкультурах. Одним из наиболее влиятельных каналов генерации и глобальной диффузии современного англоязычного сленга являются музыкальные жанры рэп и хип-хоп, трансформировавшиеся из маргинальных течений в мощную культурную индустрию. Их тексты представляют собой уникальный лингвистический феномен, где вербальный компонент неразрывно связан с музыкальным ритмом, перформансом и визуальным образом, образуя комплексный песенный дискурс [1; 3].

Целью работы является выявление доминирующих семантических категорий и прагматико-коммуникативных функций сленга в современном англоязычном рэп-дискурсе.

Понятие «дискурс» в гуманитарных науках трактуется как сложное коммуникативное явление, включающее наряду с лингвистическими, экстра-

лингвистические факторы (социальные, культурные, психологические) [2]. Музыкальный дискурс, являясь его частным случаем, охватывает процессы порождения, интерпретации и рефлексии музыкального текста в культурном контексте. Его важнейшей разновидностью выступает песенный дискурс, который, согласно Л.Г. Дуняшевой, является мощным ресурсом производства и воспроизводства культурных ценностей и концептов [3]. Он выполняет ряд функций: эмотивную, конативную, референтную, поэтическую, фатическую, этноконсолидирующую и самоидентификационную [1, с. 6].

Сленг определяется как неформальный, экспрессивный слой языка, отражающий ценностные ориентации и служащий маркером принадлежности к определенной социальной, возрастной или профессиональной группе [7]. Его источники в молодежном дискурсе разнообразны: IT-технологии (*глюк, кодить*), интернет-коммуникация (*постить, стримить*), англоязычные заимствования (*хайп, агриться*). В текстах песен, особенно в жанрах рэп и хип-хоп, сленг становится ключевым стилистическим средством, обеспечивающим лаконичность, яркость, эмоциональную насыщенность и ритмику текста [6].

Эмпирической базой исследования послужил корпус из 50 англоязычных рэп-песен, отобранных с ресурса Genius [9]. Методом концепт-анализа и количественного контент-анализа вся выявленная сленговая лексика была классифицирована по шести тематическим категориям, каждая из которых выполняет ряд коммуникативно-прагматических функций: демонстрация принадлежности к группе, разграничение «своих/чужих», экспрессивная, креативная и коммуникативная функции [2; 10; 11].

На основе исследованного материала сленгизмы можно разделить на следующие категории.

1. Деньги и богатство (*dough, racks, bands, guap, paper, dead presidents*). Сленгизмы этой категории служат для демонстрации материального статуса и успеха, часто через метафоры и метонимии (напр., *dead presidents* – банкноты с портретами президентов). Они выполняют функции демонстрации принадлежности, экспрессии и креативного обогащения текста.

2. Люди и социальные группы (*homie, shorty, ops, fam, crew, OG*). Лексика маркирует социальные связи, иерархию и границы сообщества. Термины вроде *homie* (друг) или *ops* (противники) четко обозначают круг «своих» и «чужих», укрепляя групповую солидарность.

3. Оценка и описание (*lit, fire, dope, sick, wavy, cheesy*). Наиболее частотная категория, служащая для гиперболизированной эмоциональной оценки и создания яркого, запоминающегося образа. Слова *lit* или *fire* являются сильными позитивными маркерами.

4. Действия и образ жизни (*to flex, to hustle, to grind, to stunt, to ball*). Глаголы описывают модели поведения, связанные с демонстрацией успеха (*flex*), упорным трудом (*grind*) и роскошной жизнью (*ball*). Подчеркивают активную, перформативную сторону образа исполнителя.

5. Конфликты и уличная жизнь (*beef, the hood, block, turf*). Отражает реалии социальной среды, территориальность (*hood, block*) и межличностные конфликты (*beef*), выполняя, в первую очередь, функции маркировки среды и экспрессии.

6. Оружие и жестокость (*glock, chopper, draco, strap*). Несмотря на стереотипное восприятие жанра, данная категория оказалась наименее частотной. Лексика часто используется метафорически для обозначения силы, опасности или защиты.

Количественный анализ выявил следующее распределение частотности употребления категорий в общем корпусе. Оценка и описание: 30,5%. Действия и образ жизни: 28%. Деньги и богатство: 20,9%. Люди и социальные группы: 11,7%. Конфликты и уличная жизнь: 6%. Оружие и жестокость: 3%.

Доминирование категорий «оценка и описание», «действия и образ жизни» и «деньги и богатство» (совокупно около 80%) указывает на то, что основная прагматическая задача современного рэп-сленга – не документальное описание криминальных реалий, а конструирование имиджа, основанного на культе индивидуального достижения, перформативной демонстрации статуса и эмоциональной экспрессии.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Сленг в англоязычном рэп-дискурсе представляет собой структурированную и высокофункциональную прагматическую систему. Будучи неотъемлемым элементом песенного дискурса, он выполняет ключевые социолингвистические функции: формирует уникальный групповой код, укрепляет солидарность, маркирует идентичность и служит мощным инструментом самопрезентации.

Количественный анализ подтвердил гипотезу о самопрезентационном и оценочном характере данного дискурса. Доминирование лексики, связанной с гиперболической оценкой, демонстрацией образа жизни и материального успеха, свидетельствует о смещении фокуса с отражения социальной реальности на конструирование стилизованного, нарциссического имиджа [12; 13; 14]. Таким образом, сленг выступает не просто как элемент языка, а как конституирующий компонент жанра, активно участвующий в производстве культурных смыслов и формировании современной языковой картины мира [15; 16; 17].

Литература

1. Андреев, М. М. / Современные методические подходы и виды упражнений при работе с песенным дискурсом в 8-м классе / М. М. Андреев. – Красноярск : КГПУ имени В. П. Астафьева, 2019. – 51 с.
2. Беленькая, М. В. / Музыкальный дискурс как лингвистический феномен / М. В. Беленькая // Мова і літаратура : матеріали 79-й науч. конф. студентів і аспірантів філол. фак. БГУ, Минск, 11 мая 2022 г. /; редкол.: А. В. Наумова [и др.]. – Минск : БГУ, 2022. – С. 42–45.

3. Дуняшева, Л. Г. / Концепт «свобода» в афроамериканском песенном дискурсе / Л. Г. Дуняшева // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2011. – Т. 153. – № 6. – С. 157–166.

4. Жукова, Г. К. / Музыкальный смысл: язык, речь, мышление, дискурс / Г. К. Жукова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzykalnyy-smysl-yazyk-rech-myshlenie-diskurs>. – Дата доступа: 14.10.2025.

5. Плотницкий, Ю. Е. / Лингвостилистические и лингвокультурные характеристики англоязычного песенного дискурса // Ю. Е. Плотницкий. – Самара, 2005. – 183 с.

6. Сияюткина, Е. С. Лингвостилистические и лингвокультурологические характеристики англоязычного песенного дискурса / Е. С. Сияюткина. – Ишим, 2016. – 64 с.

7. Титаренко, С. А. / Подходы к дефиниции термина «сленг» в ретроспективе лингвистических исследований / С. А. Титаренко // Журнал Филологические науки. Вопросы теории и практики [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-definitzii-termina-sleng-v-retrospektive-lingvisticheskikh-issledovaniy>. – Дата доступа: 28.10.2025.

8. Черкасс, И. А. / Музыкальный дискурс и некоторые особенности его британского варианта / И. А. Черкасс // Журнал Гуманитарные и социальные науки [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzykalnyy-diskurs-i-nekotorye-osobennosti-ego-britanskogo-varianta>. – Дата доступа: 23.10.2025.

9. Genius [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа: <https://genius.com/>. – Дата доступа: 31.10.2025.

10. Шевцова, А. К. Жанр радиодискуссии в британской и белорусской лингвокультурах / А. К. Шевцова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 180 с.

11. Шевцова, А. К. Стилистика=Stylistics : учеб.-метод. пособие / А. К. Шевцова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2023. – 168 с.

12. Шевцова, А. К. Событийный аспект вербализации публичных выступлений / А. К. Шевцова, А. Ю. Перезашкевич // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – VII : сб. науч. ст. / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2022. – С. 17–22.

13. Шевцова, А. К. Коммуникативно-прагматическое оформление дискурса автора новостных интернет-сообщений в компаративном аспекте / А. К. Шевцова // На перекрестке культур: единство языка, литературы и образования – III : сб. науч. ст. / под ред. А. К. Шевцовой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2023. – С. 111–114.

14. Шевцова, А. К. Эволюция функций метафоры как способа членения познаваемой действительности / А. К. Шевцова // Романовские чтения – 16 : сб. ст. / под ред. А. С. Мельниковой, Е. И. Головач. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2023. – С. 154–155.

15. Рубанова, Е. В. Новая лексика в современном английском сленге: социолингвистический аспект / Е. В. Рубанова // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. Сер. А, Гуманітарныя навукі: гісторыя, філасофія, філалогія. – 2022. – № 1(59). – С. 116–119.

16. Рубанова, Е. В. Способы и приёмы создания вторичных этнонимов в английском сленге / Е. В. Рубанова // Вестник МГЛУ. – 2025. – № 2 (135). – С. 63–73.

17. Рубанова, Е. В. Национально-культурные стереотипы в зеркале английского сленга / Е. В. Рубанова // От слова к дискурсу : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 15–17 мая 2025 г. / редкол.: Ю. В. Овсейчик (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2025. – С. 161–163.

Нивина Ирина Васильевна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

shitikova@m.msu.by

СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена изучению экспрессивности публицистических текстов сквозь призму фигуры синтаксического параллелизма, а в частности сквозь реализацию ее разновидностей в виде полного и неполного параллелизма.

Ключевые слова: немецкий язык, публицистический текст, синтаксический параллелизм, экспрессивность, полный параллелизм, неполный параллелизм

The article is devoted to the study of expressiveness of journalistic texts through the prism of the figure of syntactic parallelism, and in particular through realization of its varieties in the form of complete and incomplete parallelism.

Keywords: German, journalistic text, syntactic parallelism, expressiveness, complete parallelism, incomplete parallelism

Репрезентативным материалом в немецком языке для изучения синтаксического параллелизма, как средства экспрессивного синтаксиса, выступают фрагменты, которые относятся к типу текстов, отражающих сферу публицистической коммуникации. В обществе объективно заданы различные сферы коммуникации, поэтому объективно существуют и разные воплощающие их типы текстов, каждый из которых обладает своим «инвентарным» набором признаков.

Содержание публицистических текстов всегда актуально, всегда соответствует задаче сообщать адресату информацию в контексте происходящих событий [1]. Если художественные тексты раскрывают свои стилистические приемы «во взаимосвязи с высказыванием», то стилистические приемы публицистических текстов стоят «на службе высказывания» [2, с. 227]. Иначе говоря, в художественных текстах доминирует авторская интенция, и задача адресата – разгадать, какой смысл в том или ином случае скрывается за избранным автором стилистическим приемом. Автор-публицист избирает свои стилистические приемы так, чтобы смысл был всеобщее понятен, воспринималась его актуальность и вызывался общественный интерес. Иначе газета или журнал не смогут успешно существовать в условиях высокой ежедневной конкуренции в средствах массовой информации.

Публицистические тексты могут быть очень экспрессивны, однако экспрессивная функция в них выражается иначе, чем в художественных текстах. Задача экспрессивности публицистического типа текстов заключается не в том, чтобы служить формированию художественных образов. Экспрессив-

ность публициста несколько сдержанна, поскольку основным стилистическим принципом организации языка в публицистическом тексте является сочетание стандарта с экспрессией [3, с. 197]. Тенденция к стандарту обязывает соблюдать принцип определенной строгости и объективной информативности, в то время как тенденция к экспрессивности реализует стремление к некоторой свободе и образности выражения. Стандарт для публицистики необходим, поскольку он связан с быстротой передачи общественно значимой информации, а ее эмоционально-экспрессивный характер диктуется функцией воздействия на массового адресата. Это означает, что экспрессивность в публицистическом типе текстов способствует усилению прагматической функции, через которую имплицитно актуализируется установка влиять не просто на восприятие, но на понимание воспринимаемого как актуальной информации.

Синтаксический параллелизм как фигура экспрессивного синтаксиса достаточно ярко и разнообразно представлен в публицистическом типе текстов. Изучение оппозиций полный – неполный параллелизм показывает, что обе разновидности реализации синтаксического параллелизма представлены в публицистических текстах, однако внутреннее соотношение реализаций полного и неполного параллелизма в публицистике составляет 1:3. Это указывает на то, что хотя авторы-публицисты используют обе исследуемые разновидности синтаксического параллелизма, но все же неполному параллелизму они отдают предпочтение в три раза чаще.

Примером реализации полного параллелизма в публицистических текстах может служить такой текстовый фрагмент: *Der ausgesprochen maskuline Charme der Piraten und ihrer Wählerschaft wundert Matthias Jung von der Forschungsgruppe Wahlen nicht. Politische Bewegungen seien zumindest in ihren Anfangsphasen oft Männersache gewesen, sagt der Meinungsforscher: **So war es bei den Grünen, so war es bei der Linkspartei, und so war es bei den „Republikanern“.** Männer seien weitaus häufiger politisch interessiert als Frauen, sagt Jung* [4]. *Исключительно мужской шарм пиратов и их избирателей не удивляет Матиаса Юнга из выборной исследовательской группы. Политические движения по меньшей мере на их начальных стадиях часто были мужским делом, говорит специалист по изучению общественного мнения. **Так было у зеленых, так было у партии левых, и так было у «республиканцев».** Мужчины гораздо чаще интересуются политикой, чем женщины, говорит Юнг* [4]. Полный синтаксический параллелизм используется автором-публицистом в данном текстовом фрагменте, чтобы описать ситуацию в большинстве политических партий, в составе которых преобладают мужчины. Структурная соотнесенность предложений выражается в их полном параллелизме: это однотипность их моделей, одинаковый порядок слов и одинаковая грамматическая оформленность. Все три звена синтаксического параллелизма в данной его реализации выглядят абсолютно идентично: они представлены в составе сложного предложения в виде предикативных частей, которые имеют одина-

ковое количество одинаково выраженных членов предложения и усложнены анафорой *so war es bei* ‘так это было при’. Прибегнув к использованию полного параллелизма и расположив звенья совершенно симметрично друг другу, автор таким образом фиксирует внимание адресата на том, что женщины гораздо реже интересуется политикой, чем мужчины.

Хотя в целом полный параллелизм и менее предпочитаем авторами-публицистами, но степень выражаемой им экспрессии в публицистических текстах достаточно высока. Она достигается благодаря принципу симметрии, который столь явно выступает в полном параллелизме, придавая параллельным конструкциям однообразие и однотипность, тем самым и привлекая внимание адресата. При неполном параллелизме параллель проводится только между определенными синтаксическими единицами. Позволяя акцентировать внимание на повторяющихся элементах, неполный параллелизм сообщает им дополнительную экспрессию, чем значительно усиливает экспрессивность всей конструкции [5]. Это происходит из-за того, что в конструкциях неполного параллелизма наряду с принципом симметрии ярко выражен и принцип ассиметрии.

Наглядным примером реализации неполного параллелизма в публицистике служит такой текстовый фрагмент: *Kristina Schröder aber wirkt in Sachen Betreuungsgeld kein bisschen wie eine abgebrühte Strategin. **Niemand hält die Ministerin für den Fels in der Brandung, viele dagegen für ein Fähnchen im Wind.** Denn was sie persönlich vom Betreuungsgeld hält, hat Kristina Schröder bislang erfolgreich verheimlicht. Höchstens zwischen den Zeilen wird deutlich, dass die Vierunddreißigjährige nicht gerade glühende Verehrerin ist: „Solange die Koalition an dem Betreuungsgeld festhält, solange halte ich an dem Auftrag fest, einen Gesetzentwurf zu erarbeiten“, lautet ihr Mantra* [6]. Но в делах относительно денег на социальное обслуживание Кристина Шредер ни грамма не действует как прожженный стратег. **Никто не считает министра скалой в прибое, зато многие – флажком на ветру.** Так как, что лично она считает по поводу денег на социальное обслуживание, Кристина Шредер до сих пор успешно скрывает. Не более как между строк становится ясно, что тридцатичетырехлетняя министр как раз таки не является горячей поклонницей: «До тех пор пока коалиция придерживается денег на социальное обслуживание, до тех пор я придерживаюсь задачи разработать законопроект»» звучит ее мантра [6]. Цель данного фрагмента – изобразить через неполный параллелизм с усечением, какую политическую репутацию имеет федеральный министр по делам семьи Кристина Шредер и каково ее мнение относительно денег на социальное обслуживание. Для этого элиминируется повторяющаяся информация *hält die Ministerin* ‘считает министра’ и сохраняются противопоставленные друг другу, одинаково выраженные подлежащие *niemand – viele* ‘никто – многие’ и дополнения в форме сравнения *für den Fels in der Brandung – für ein Fähnchen im Wind* ‘скалой в прибое – флажком на ветру’. Элиминируемая часть высказывания легко восстанавливается и не искажает информационную ценность

сообщения, при этом достигается экономия языковых средств, что позволяет адресату сконцентрировать внимание на самом важном в тексте. Это выглядит так, что благодаря подобному «уплотнению информации» решается прагматическая задача по привлечению внимания адресата к ключевым по смыслу элементам фигуры неполного параллелизма с усечением, а сам он выступает как важное «средство синтаксической редукации» [7, с. 156–157].

Можно сделать вывод, что стилистическая фигура синтаксического параллелизма является характерной для публицистического типа текстов, а ее реализация в виде полного и неполного параллелизма делает речевое пространство публицистического текста особенно ярким и экспрессивным.

Литература

1. Александрова, О. В. Язык средств массовой информации как часть коллективного пространства общества / О. В. Александрова // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие : в 2 ч. / отв. ред. М. Н. Володина. – М. : Изд-во Московского ун-та, 2003. – Ч. 1. – С. 89–99.
2. Eroms, H.-W. Stil und Stilistik / H.-W. Eroms. – Berlin : Erich Schmidt Verl., 2008. – 255 S.
3. Брандес, М. П. Стилистика текста. Теоретический курс : учебник / М. П. Брандес. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Прогресс-Традиция ; ИНФРА-М, 2004. – 416 с.
4. Deckers, D. Jung, männlich, gottlos / D. Deckers // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 2012. – 21. April. – S. 6.
5. Нечаев, К. А. Сообщения экономического содержания в немецкой прессе : типологические особенности малоформатных текстов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / К. А. Нечаев. – Тверь, 1999. – 140 л.
6. Rossbach, H. Zankapfel der Nation / H. Rossbach // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 2012. – 21. April. – S. 13.
7. Никитина, М. А. Интралингвистические параметры экономического текста прессы : (на материале немецкого журнала „Der Spiegel“) / М. А. Никитина // Известия РГПУ имени А.И. Герцена. – 2010. – № 120. – С. 153–159.

УДК 811.111

Рубанова Евгения Викторовна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

rubanova@m.msu.by

ВТОРИЧНЫЕ ЭТНОНИМЫ КАК СРЕДСТВО ПЕРЕДАЧИ ОБРАЗА ИММИГРАНТА В АНГЛИЙСКОМ СЛЕНГЕ

В статье рассматриваются сленговые обозначения иммигрантов как отдельная тематическая группа вторичных этнонимов. Анализ данной тематической группы позволяет выявить особенности вербализации концепта «иностранец» в сленге английского языка.

Ключевые слова: этноним, вторичный этноним, английский сленг, номинация, образ иммигранта

The article highlights slang names of immigrants functioning as a separate thematic group of secondary ethnonyms. The analysis of this thematic group helps to reveal how the concept of “foreigner” is verbalized through informal naming practices.

Keywords: ethnonym, secondary ethnonym, English slang, naming, the image of immigrant

По данным Большой российской энциклопедии, миграция населения в последней четверти XX века – в первом десятилетии XXI века привела к тому, что каждый девятый житель самых развитых стран является иммигрантом. При этом миграция населения может быть обусловлена разными причинами: экономико-трудовыми (смена места работы, профессии, служебная карьера), социально-экономическими (стремление к повышению уровня жизни, пенсионная жизнь в более тёплом, благоприятном климате), социально-оздоровительными (необходимостью перемены климата из-за болезни самого мигранта или члена семьи, выезда в экологически более благополучную местность), демографическими (вступление в брак, объединение членов семьи) [1].

Как известно, язык активно реагирует на любые социальные изменения, что, в том числе, подтверждает возникновение в разных языках номинаций мигрантов. Сам термин «мигрант» имеет латинское происхождение (от лат. *migrans*, род. падеж *migrantis* – переселяющийся). Различают иммигрантов – иностранцев, прибывших в страну на постоянное жительство, и эмигрантов – лиц, покинувших страну своего гражданства или постоянного проживания [2].

К прямым наименованиям мигрантов в английском языке относятся лексемы *migrant*, *refugee*, *asylum seekers*, *expats*, которые имеют разное значение. Однако, как отмечает К. Руз (Camila Ruz), в официальной коммуникации идёт борьба за обозначение мигрантов. Даже нейтральное обозначение «*migrant*» подвергается критике. В соответствии с приводимой в статье цитатой из документов ООН этот термин должен использоваться только в отношении людей, которые принимают решение о миграции свободно, без вмешательства внешнего принуждающего фактора [3].

Тема миграции и мигрантов привлекает внимание не только журналистов, социологов, демографов, политологов, но и лингвистов. В ряде работ раскрываются особенности вербализации образа мигранта в языке СМИ, в художественных произведениях, в онлайн коммуникации, через анализ ключевых слов и контекста, с привлечением данных корпусной лингвистики (см. работы Е.В. Комаровой, А.В. Бельской, Ю.Г. Волкова, М.В. Губиной, Е. Миронеско-Беловой, О.В. Маруневич, Е.И. Боровицкой, О.Е. Опариной). Например, в обзоре О.Е. Опариной рассматриваются способы и средства создания представлений о миграции и мигрантах в современном русском языке и русскоязычном сообществе. Для сопоставления привлекаются данные из других европейских

языков – английского, немецкого и французского. Кроме лексических единиц, их сочетаемости и типичных контекстов употребления анализируются также некоторые визуальные коды культуры (фильмы, изображения и фотографии в массмедиа, видеоролики). То есть концепт миграции рассматривается как полимодальный и включенный в культуру языковых сообществ [4].

Как следует из ряда исследований, часто образ мигранта сопровождается негативными коннотациями. А.П. Миньяр-Белоручева и М.Е. Покровская, например, указывают, что в 1950-х гг. в США негативные гетеростереотипы, выраженные в этнофолизмах, не позволяли иммигрантам влиться в американское общество, поэтому в 1980-1990-х гг. в более чем 350 государственных университетах ввели «кодексы речи» (*speech codes*), регулирующие речевое поведение студентов [5].

Создатели английского сленга в свою очередь также реагируют на данное социальное явление, ведь в сленге оппозиция «свой – чужой» представляется ярко выраженной. Материал данного исследования включает сленгизмы-этнонимы, отобранные из онлайн словаря английского сленга Дж. Грина [6]. Отбор примеров осуществлялся с учетом фиксации в дефиниции сленгизма семы 'immigrant'.

Сленговые обозначения мигрантов представляют отдельный пласт вторичных этнонимов, тесно связанный с наименованиями представителей разных национальностей. Анализ вторичных обозначений иммигрантов показывает, что сленгизмы представляют собой как наименования иммигрантов разных стран (*peasoup* '(US) a French-born immigrant', *irishy* '(Aus.) an Irish immigrant to Australia'), так и этнонимы со сложным денотатом. К этнонимам со сложным денотатом относятся единицы, указывающие не только на национальную принадлежность, но и иные признаки объекта номинации (*narrowback* '(US) an Irish person, esp. a second-generation immigrant', *street rat* '(US) a street child, usu. the homeless offspring of Irish immigrants').

В дефинициях вторичных обозначений иммигрантов помимо сем 'иммигрант' и 'национальность' встречаются указания на страну иммиграции (*Mongolian* '(Aus.) a Chinese immigrant to Australia, or the United States'), время миграции (*kike* '(orig. US) a derog. name for a Jew, esp. an East European late 19C immigrant to US rather than the older, German immigrants of earlier decades; also attrib.'), поколение иммигрантов (*narrowback* '(US) an Irish person, esp. a second-generation immigrant'), род занятия иммигранта (*coolie* '(Aus./US) an immigrant Chinese labourer'), нелегальный характер миграции (*yellow fish* '(US) an illegal Chinese immigrant', *yellow goods* '(US Und.) smuggled Chinese immigrants'), внешние признаки иммигранта (*white nigger* 'a Mediterranean and thus relatively dark-skinned immigrant to the US, e.g. a Greek or Italian'), возраст иммигранта (*boobatch* '(US) an old Polish immigrant'), мировоззрение иммигранта (*when-we* '(S.Afr.) an immigrant from a country once part of the British Empire

who maintains their old beliefs, including feelings of racial superiority'), а также коннотации (*straight from the bog* 'a derog. term used of an Irish immigrant to the UK', *egg roll* '(US) a derog. term for a Korean immigrant').

В сленге также находят отражение понятия, связанные с жизнью в иммиграции. Например, для обозначения районов проживания мигрантов в сленге появились номинации *Dutch town* '(US) that area of a town predominantly populated by German immigrants or their descendants', *cabbage town* 'the German immigrant section of a town', *pigville* '(US) the slums, usu. seen as an Irish immigrant enclave' и другие. Кроме того, в сленге отражаются социальные явления, связанные с миграцией (*moustache mob* '(US) the earliest group of organized Italian immigrant criminals, forerunners of the US Mafia').

Способы и приемы номинации иммигрантов в сленге в целом совпадают со способами и приемами создания сленговых вторичных этнонимов [7]. Например, могут использоваться производные от названий национальностей (*irishy* '(Aus.) an Irish immigrant to Australia'), имена собственные (*jean potage* '(US) a French-born immigrant', *Mickey Doolan* '(N.Z.) an Irish immigrant; a Roman Catholic'), иностранные слова (*Sabe* '(US) an immigrant of French origin'), названия национальностей (*Dutchy* 'typically German, esp. of recent immigrants who have yet to adapt to America and still retain their old-country crudities', *Greek* 'a derog. term for an Irish immigrant to the US or UK; cite 1880 is not derog.'), наименования еды (*peasoup* '(US) a French-born immigrant', *metzel* '(US) a German-born immigrant'), названия частей тела (*flatfoot* '(US) an Irish immigrant', *narrowback* '(US) an Irish person, esp. a second-generation immigrant'), названия животных (*street rat* '(US) a street child, usu. the homeless offspring of Irish immigrants', *canary* '(Aus./N.Z.) a Chinese immigrant'), цветовые обозначения (*yellow goods* '(US Und.) smuggled Chinese immigrants'), рифмованные сленгизмы (*kike* '(orig. US) a derog. name for a Jew, esp. an East European late 19C immigrant to US rather than the older, German immigrants of earlier decades; also attrib.') и др.

Таким образом, лингвистические исследования показывают, что образ мигранта часто окрашен негативными коннотациями как в СМИ, так и в общественном сознании. В английском сленге с ярко выраженным противопоставлением «свой – чужой» формируется отдельный пласт вторичных обозначений мигрантов, который охватывает ряд характеристик: национальность, время и место миграции, социальный статус, нелегальность, внешние, возрастные и иные признаки иммигрантов. Сленг отражает не только обозначения мигрантов, но и жизненные реалии миграции, включая районы проживания и социальные группы мигрантов. Создатели сленга используют производные от первичных этнонимов, имена собственные, названия еды, частей тела, животных, рифмованные выражения и другие языковые средства для обозначения иммигрантов. Внутренняя форма данных сленгизмов отражает сформировавшиеся национальные стереотипы.

Литература

1. Большая российская энциклопедия. – Режим доступа : <https://old.bigenc.ru/economics/text/2211349>. – Дата доступа: 06.12.2025.
2. Большая российская энциклопедия. – Режим доступа : <https://bigenc.ru>. – Дата доступа: 06.12.2025.
3. Ruz, C. The battle over the words used to describe migrants / C. Ruz. – 2025. – Режим доступа : <https://www.bbc.com/news/magazine-34061097>. – Дата доступа: 06.12.2025.
4. Опарина, Е. О. Концепт МИГРАЦИЯ как база для осознания и оценки миграционной практики в обществе и культуре : аналит. обзор / Е. О. Опарина. – М. : Отд. языкознания ИНИОН РАН, 2023. – 54 с.
5. Миньяр-Белоручева, А. П. Этнические стереотипы в англоязычном пространстве: визуальные образы персонификации и вербальные образы антропонимы / А. П. Миньяр-Белоручева, М. Е. Покровская // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. – 2013. – № 1. – С. 52–65.
6. Green, J. Green's Dictionary of Slang / J. Green. – 2025. – Mode of access : <https://greensdictofslang.com>. – Date of access : 06.12.2025.
7. Рубанова, Е. В. Способы и приёмы создания вторичных этнонимов в английском сленге / Е. В. Рубанова // Вестник МГЛУ. – 2025. – № 2 (135). – С. 63–73.

УДК 801.8

Сяо Юе

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Республика Беларусь)
1753487653@qq.com

ИСТОРИЯ КИТАЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье проводится комплексный анализ истории проникновения китайских заимствований в русский язык. На основе историко-лингвистического подхода выделяются и детально характеризуются основные этапы данного процесса, раскрываются экстралингвистические факторы заимствования. Исследование демонстрирует, как заимствования отражают эволюцию российско-китайских отношений – от торговых контактов до культурного диалога и стратегического партнерства.

Ключевые слова: китайские заимствования, русский язык, история языка, языковые контакты, лексикология, межкультурная коммуникация

This article provides a comprehensive analysis of the history of Chinese loanwords entering the Russian language. Based on a historical-linguistic approach, it identifies and elaborates on the main stages of this process, revealing the extralinguistic factors behind the borrowings. The research demonstrates how these loanwords reflect the evolution of Sino-Russian relations – from trade contacts to cultural dialogue and strategic partnership.

Keywords: Chinese loanwords, Russian language, language history, language contacts, lexicology, intercultural communication

Русский и китайский языки, представляя разные языковые семьи и культурные традиции, на протяжении нескольких столетий находятся в процессе интенсивного взаимодействия. Как справедливо отмечают исследователи, «словарный запас является важной частью языка, и он более заметен в отражении языковых изменений» [1, с. 39].

История китайско-русских отношений насчитывает более четырёх веков, и за этот период в русский язык проникло значительное количество лексики китайского происхождения. Эти заимствования, или китаизмы, представляют собой не просто иноязычные вкрапления, а своеобразные лингвистические маркеры экономического, политического и культурного диалога между двумя странами. Их изучение позволяет проследить эволюцию взаимного восприятия и взаимодействия русской и китайской цивилизаций. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью системного описания китайского пласта в русской лексике на фоне динамичного развития российско-китайских отношений в XXI веке. Целью статьи является анализ истории китайских заимствований в русском языке.

Исторически проникновение китайских слов в русский язык носило волнообразный характер и было тесно связано с динамикой двусторонних отношений. Можно выделить четыре основных периода этого процесса.

1. Период первоначальных контактов (XVII–XVIII вв.). Этот этап характеризуется эпизодическими заимствованиями, связанными преимущественно с торговлей. Основными каналами проникновения были Великий шёлковый путь и Кяхтинская торговля. Заимствования этого периода относятся преимущественно к предметам торговли и часто проникали через посредничество тюркских и монгольских языков: чай (кит. 茶 – chá) – наиболее успешное и глубоко усвоенное заимствование, породившее обширное словообразовательное гнездо: чайник, чайная, чаевничать, чаепитие. Интересно, что в русский язык слово пришло через северокитайский диалект и тюркские языки, в то время как в большинство европейских языков (англ. tea, фр. thé) оно попало из южноминанского диалекта (te); шёлк (др.-рус. шьлкъ, от ст.-слав., через греч. σπικόν, от кит. 丝绸 – sī chóu) – один из древнейших китаизмов, название которого шло сложным путем через множество культур; фарфор – хотя само слово персидского происхождения, материал и технология его производства были китайским изобретением.

2. Период интенсивного заимствования (XIX – начало XX в.). Активное освоение Дальнего Востока Российской империей и усиление приграничных контактов способствовали значительному увеличению потока китаизмов. Характерной чертой стало прямое проникновение слов из северокитайских (мандаринских) диалектов через приграничное общение. Были заимствованы бытовые термины: фанза (房子 – fāngzi – дом), кан (炕 – kàng – лежанка), кимоно (和服 – héfú – японская одежда, но заимствовано через Китай); социальная лексика: ходя (伙计 – huǒji – приказчик, работник; в русском приоб-

рело пренебрежительный оттенок; сельскохозяйственные термины: гаолян (高粱 – gāoliáng – сорго), чумиза (黍子 – shǔzi – головчатое просо), сайка (菜瓜 – cài guā – вид тыквы); названия пищевых и медицинских продуктов: женьшень (人參 – rénshēn), лимон (柠檬 – níngméng – хотя слово пришло через европейские языки, растение родом из региона), лотос (莲花 – liánhuā – кувшинка).

3. Советский период (1920–1980-е гг.). Этот этап отличается идеологизацией заимствований. Сначала в 1920–1950-е гг. проникают слова, связанные с революционным движением в Китае, затем – политическая лексика периода китайско-советского сотрудничества и последующего конфликта. Среди заимствований политические термины: Гоминьдан (国民党 – Guómíndǎng), дацзыбао (大字报 – dàzìbào – стенгазета), хунвэйбины (红卫兵 – Hóngwèibīng – «красноградные», участники Культурной революции).

4. Современный период (с 1990-х гг. по настоящее время). Глобализация, укрепление российско-китайских отношений и рост интереса к восточным практикам способствуют новой, наиболее разнообразной волне заимствований, связанных с лексикой культуры и философии: дао (道 – dào – путь), инь-ян (阴阳 – yīn yáng), цигун (气功 – qìgōng), тайцзи (太极 – tàijí), фэншуй (风水 – fēngshuǐ); лексика, связанная с боевыми искусствами: кунг-фу/гунфу (功夫 – gōngfu), ушу (武术 – wǔshù); лексика, связанная с национальной кухней: тофу (豆腐 – dòufu), соус соевый (酱油 – jiàngyóu), удон (乌冬 – wūdōng).

Таким образом, исторический анализ демонстрирует тесную связь языковых процессов с динамикой российско-китайских отношений – от караванной торговли до геополитического партнерства в цифровую эпоху.

Литература

1. Лю, Чжиго. Китайские заимствования в русском языке : магистерская диссертация / Чжиго Лю. – Екатеринбург : Уральский федеральный ун-т, 2022. – 50 с.

УДК 811.581

Ху Ипэн

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

843845162@qq.com

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КИТАЙСКИХ ПОСЛОВИЦ

В статье рассматривается проблема происхождения китайских пословиц, народный характер и их древняя письменная фиксация. Доказывается, что основное количество китайских пословиц произошло из устной речи, а в письменной речи только фиксируется их

наличие, они цитируются в письменных текстах. Отдельно рассматриваются типичные исторические изменения формы пословиц в китайском языке.

Ключевые слова: китайский язык, пословица, происхождение, форма, изменение, устная речь, письменная речь

The article examines the problem of the origin of Chinese proverbs, folk character and their ancient written recording. It is proved that the bulk of Chinese proverbs originate from oral speech, and in written speech their presence is only recorded; they are quoted in written texts. Typical historical changes in the form of proverbs in the Chinese language are examined separately.

Keywords: Chinese language, proverb, origin, form, change, spoken language, written language

Китайские пословицы занимают особое место в китайской культуре и стали уникальным культурным наследием. Археологические и исторические записи свидетельствуют о том, что еще во времена Чжоу, более трех тысяч лет назад, пословицы часто упоминались в трудах ученых. Судя по употреблению выражения 古者有谚曰 («в древности гласила пословица»), пословицы были довольно популярными в ту эпоху.

В эпоху Цин в книге «古谚闲谭» («Разговоры о древних пословицах») 曾廷梅 (Цзэн Тинмэй) подробно собрал и систематизировал пословицы из различных исторических произведений. Он считает, что происхождение пословиц можно проследить даже до эпохи ранней истории, раньше, чем эпоха Чжоу [1, с. 9]. В работе «古今谚» («Древние и современные пословицы») 杨慎 (Ян Шэнь) еще дальше уходит в прошлое, отслеживая самые древние пословицы до времени «黄帝语» («языка Хуанди»). Он утверждает, что «谣谚之兴, 其始止发乎语言, 未著于文字» («песни и пословицы появились во времена устной речи и не были зафиксированы в письменной форме»), и считает, что во времена Хуанди уже существовали пословицы [2, с. 1].

Пословицу на китайском языке обозначают как 谚语, где 语 может быть определено как 'речь', а иероглиф 谚 имеет свою историю. В работе «谚语的源流·功能» («Происхождение и функции пословиц») 朱介凡 (Чжу Цзиэфан) предложил интересную точку зрения о появлении иероглифа 谚. Он указал на то, что в китайских древних источниках первое упоминание иероглифа 谚 встречается в историческом документе «左传» («Цзо-чжуань, Комментарии Цзо»). Несмотря на то, что «周易» («Книга перемен» Чжоу И), «尚书» («Шан Шу», название древнего трактата «Шуцзин» 书经), «诗经» («Ши цзин, Книга песен») и «论语» («Лунь Юй, Беседы и суждения» – главная книга конфуцианства) являются более ранними произведениями, в которых также содержатся описания пословиц, но в них не используется иероглиф 谚 для их обозначения [3, с. 1]. Напр.: («易·乾·文言») 同声相应, 同气相求 («Схожий звук вызывает резонанс, а одинаковый запах сливается друг с другом, то есть похожие вещи взаимодействуют между собой»); («周易·系辞上») 二人同心, 其利断金 («Когда два соратника работают вместе, если они едины в своих

стремлениях и мышлении, идут вместе и действуют вместе, их сила подобна острому клинку, который может разрубить металл, и они непобедимы в своих начинаниях»); («尚书·酒诰») 人无于水监, 当于民监 («Человек не должен использовать воду в качестве зеркала для наблюдения за собой, а должен основываться на общественном мнении, чтобы критически оценивать себя»).

Только с появлением «左传» официально начали использовать иероглиф 谚 для обозначения широко распространенных среди народа коротких высказываний, обладающих философской или практической ценностью. Напр.: («左传·隐公十一年») 十一周谚有之曰: «山有木, 工则度之; 宾有礼, 主则择之»; («左传·闵公元年») 且谚曰: «心苟无瑕, 何恤乎无家?»; («左传·昭公元年») 刘子归, 以语王曰: «谚所谓「老将知而耄及之」者, 其赵孟之谓乎!». Как можно видеть, использованы различные способы для введения последующих высказываний, все они явно указывают на то, что эти высказывания относятся к категории пословиц, поскольку используется иероглиф 谚 для их четкой классификации [4, с. 60].

Большинство пословиц восходят к устной речи, поэтому большинство из них нельзя явно соотнести с письменным источником происхождения. Хотя в древнекитайском письменном языке можно найти упоминания о пословицах, письменные тексты часто являются результатом фиксации пословицы, а не ее первоначальным источником. Письменные записи пословиц – это в лучшем случае только «цитаты» народных выражений. Именно поэтому в работе «中华谚语研究» («Исследование китайских пословиц») 武占坤 (Ву Чжанькунь) дает очень точное описание этого явления. Он указывает, что письменные тексты не являются «свидетельством рождения» пословиц, это «отпечатки», которые они оставили в письменной речи [5, с. 22]. Действительно, в древнекитайских книгах пословицы часто считались признаком низкого (просторечного) языка. Напр.: («尚书·无逸») 俚语曰谚 («Жаргон называется пословицей»); («礼记·大学») 谚, 俗语也 («Пословицы – это просторечие»); («国语·越语») 谚, 俗之善谣也 («Пословицы – это народные песни»).

Можно отметить, что в прошлом пословицы часто обозначались такими терминами, как 俚 («неприличный»), 俗 («простой») и т. п., что указывает на то, что в древнем Китае пословицы не считались языком ученых и литераторов, а всего лишь народными популярными выражениями [4, с. 60].

Пословицы, возникшие в устной речи, также претерпевали изменения в ходе исторического развития языка. В связи с развитием языка изменилась форма некоторых пословиц, произошла замена устаревших слов на новые, современные [6, с. 239]. Можно выделить следующие типы исторических изменений пословиц.

1. Изменение отдельных слов, напр.: 天作孽, 犹可违; 自作孽, 不可活 («Если бедствие пришло свыше, можно избежать; если беду навлек сам, не спастись») – 天作孽, 犹可违; 自作孽, 不可追 (из «尚书·太甲中»). Здесь ис-

пользован 活 («пережить») вместо 遑 («избегать») для лучшего понимания содержания пословицы [7, с. 2107].

2. Упрощение структуры предложения, напр.: 良药苦口利于病, 忠言逆耳利于行 («Хорошее лекарство горькое на вкус, но полезно для здоровья; искренний совет или критика может быть неприятным на слух, но помогает нам вести правильный образ жизни») – 良药苦于口而利于病, 忠言逆于耳而利于行. Здесь после удаления 于 и 而 упростилась структура предложения [7, с. 1736].

3. Изменение способа изложения, напр.: 长江后浪推前浪, 世上今人胜古人 («Волны Янцзы толкают вперед предыдущие волны, современные люди превосходят древних») – 长江后浪催前浪, 一代新人换旧人 («Волны Янцзы понуждают предыдущие волны, новое поколение сменяет старое»). Видно, что новый способ изложения более прямолинеен и легче понимается [6, с. 241].

4. Сокращение высказывания, содержащего несколько частей, напр.: 瓦罐不离井口破, 将军难免阵前亡 («Крепкий горшок, если постоянно находится рядом с краем колодца, также может разбиться из-за несчастного случая; аналогично, генералу сложно полностью избежать ранений или смерти в битве») – 瓦罐不离井口破 (после сокращения остается только первая часть) [6, с. 242].

Все упомянутые выше способы изменения пословиц представляют собой изменения уже существующих пословиц. До упрощения языка в современном Китае многие пословицы были выражены на литературном китайском или в форме старинной поэзии, что затрудняло их понимание для обычных людей. Возникновение движения «白话文» («байхуа, современный китайский язык») сделало язык более близким к разговорному и понятным, что также привело к значительным изменениям в способе выражения пословиц. Напр.: 一步一个脚印 («Один шаг – один след ноги»). Пословица 四世同堂 («Четыре поколения под одной крышей») взята из пьесы «老舍» («Лао Шэ») и подчеркивает пользу трудолюбия и неспешность в действиях, а не стремление к быстрым результатам.

Таким образом, китайские пословицы существовали как явление народного языка китайского народа задолго до появления самого термина 谚语. Они не являются статичными, а постоянно изменяются и обновляются с течением времени, чтобы постоянно развиваться и сохранять свою живучесть [4, с. 66]. Это следует учитывать при изучении китайских пословиц, особенно в случае обучения китайскому языку как иностранному в восточнославянских странах [8; 9].

Литература

1. 李耀宗. 民间谚语谜语. – 北京: 中国出版社. 2008.
2. 季成家、高天星等编. 中国谚语选 (上). – 甘肃: 甘肃人民出版社. 1981.
3. 朱介凡. 谚语的源流·功能. – 台北: 东方文化供应社. 1970.

4. Sia, Hooi Ling. (2011) A study of shuyu in modern Chinese language. [Master's dissertation, Institute of Chinese studies universiti Tunku Abdul Rahman]. UTAR Institutional Repository. URL: <http://eprints.utar.edu.my/id/eprint/287>

5. 武占坤. 中华谚语研究. – 保定: 河北大学出版社. 2000.

6. 武占坤, 马国凡. 谚语. – 呼和浩特: 内蒙古人民出版社. 1983.

7. 温端政. 中国谚语大全 (下编). – 上海: 上海辞书出版社. 2004.

8. Иванов, Е. Е. Национально-культурная семантика китайских народных устойчивых изречений в лингвострановедческом аспекте (при преподавании китайского языка как иностранного русскоговорящим) / Е. Е. Иванов, Лю Тинтин // Традиционная духовная культура восточнославянских и китайского народов. – Гомель : ГГУ, 2017. – Вып. 1. – С. 71–73.

9. Лю, Тинтин. Китайско-белорусский словарь пословиц с русскими соответствиями / Лю Тинтин, Е. Е. Иванов // Традиционная духовная культура восточнославянских и китайского народов. – Гомель : ГГУ, 2021. – Вып. 3. – С. 114–119.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ И ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

УДК 372.881.111.1

Алейникова Ольга Сергеевна

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
(г. Витебск, Республика Беларусь)
aleolia7@gmail.com

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ДИВЕРГЕНТНОГО МЫШЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

В статье рассматриваются лингводидактические стратегии развития дивергентного мышления обучающихся на учебных занятиях по английскому языку. Приведены примеры заданий, активизирующих умственную деятельность дивергентного плана. Обозначены принципы их педагогической эффективности.

Ключевые слова: дивергентное мышление, креативность, лингводидактические стратегии, английский язык, пороговый продвинутый уровень.

The article examines linguodidactic strategies for developing students' divergent thinking in English classes. Examples of tasks stimulating divergent thinking are provided, and the principles of their pedagogical effectiveness are outlined.

Keywords: divergent thinking, creativity, linguodidactic strategies, English, upper-intermediate level.

В условиях нарастающей междисциплинарной направленности образовательного процесса умение генерировать множество оригинальных идей становится ключевой компетенцией специалиста XXI века. Именно дивергентное мышление, будучи одной из разновидностей творческого мышления, предполагает способность находить многочисленные решения для одной и той же поставленной задачи. Учебная дисциплина «Иностранный язык» обладает значительным потенциалом в развитии креативных способностей обучающихся, что открывает перспективы внедрения в образовательный процесс специальных лингводидактических стратегий, направленных и на развитие дивергентного мышления.

Цель исследования – отобрать и охарактеризовать эффективные стратегии развития дивергентного мышления личности в процессе обучения англий-

скому языку, которые способствуют повышению креативности, беглости, оригинальности и гибкости мыслительных процессов.

Дивергентное мышление традиционно понимается как когнитивный процесс, направленный на порождение широкого спектра возможных решений поставленной задачи [1]. Д.Б. Богоявленская дала определение дивергентному мышлению как «способности мыслить вширь», то есть способности выявлять скрытые свойства явлений с целью их всестороннего изучения и понимания [2]. Э.П. Торренс определил дивергентное мышление как тип мышления, который способствует поиску неординарных идей, направленных на развитие исследовательского интереса и нестандартных форм деятельности [3].

Американский психолог Дж. Гилфорд указывал следующие характерные черты дивергентного мышления: гибкость (способность применять разнообразные подходы и стратегии при решении поставленных задач), беглость (способность быстро генерировать идеи и возможные решения проблемы), оригинальность/нестандартность (способность генерировать оригинальные, необычные идеи и решения), разработанность (способность генерировать решения в соответствии с поставленной задачей), системность (способность охватить все условия поставленной проблемы одним взглядом) [1].

В исследованиях по психологии креативности отмечается, что особое значение для развития креативности мышления (в том числе и его дивергентности) играет речевая деятельность, которая не только опирается на когнитивные процессы, но и является движущей силой их развития. Такая развивающая направленность обучения языку реализуется тогда, когда главной лингводидактической задачей становится не просто запоминание языковых структур, а их продуктивное использование обучающимися в процессе генерации и выражения собственных идей и мыслей.

Рассмотрим наиболее эффективные в плане развития дивергентного мышления стратегии обучения английскому языку.

1. Стратегия открытых заданий. Задания открытого типа (*open-ended tasks*) – это задания, не имеющие единственно правильного ответа, которые стимулируют генерацию множества вариантов решения поставленной учебной задачи. Такие задания включают обсуждение альтернативных сценариев, описание возможных исходов событий, предложение различных идей и др. По своей структуре подобные задания способствуют развитию оригинальности и гибкости – ключевых характеристик дивергентного мышления.

2. Стратегия сократовских дискуссий. Сократовские дискуссии – это полилоги, в которых обучающимся предлагается порассуждать на сложные вопросы, требующие приведения аргументов, выдвижения предположений, сравнения и сопоставления разных точек зрения. Такие дискуссии развивают способность мыслить в разных направлениях, аргументировать и формулировать нестандартные решения на английском языке.

3. Стратегия проектной деятельности. Проектная деятельность предполагает реализацию междисциплинарных проектов коммуникативной направленности. Например, проект на тему «Как улучшить экологическую обстановку в моем регионе» требует от обучающихся выполнения следующих проектных задач: сбор информации, формулировка гипотезы, выдвижение возможных решений и представление результатов мини-исследования.

4. Стратегия креативного письма. Задания креативного плана, например, написание альтернативной концовки истории или составление питча короткометражного фильма, развивают оригинальность мышления обучающихся и активизируют их умения пользоваться языком с целью реализации своих творческих намерений.

5. Стратегия ролевого моделирования. Ролевое взаимодействие в процессе моделирования заданной ситуации (например, «экологический кризис на острове») требует от обучающихся активизации коммуникативных умений в процессе решения нестандартных задач. Интеллектуальный вызов, несомненно, влечет за собой и развитие креативности, воображения, оригинальности мышления.

Специфика перечисленных лингводидактических стратегий заключается в том, что они одновременно развивают коммуникативную компетенцию и когнитивные способности обучающихся. Отбор подходящих стратегий должен основываться на ключевых принципах педагогической эффективности: проблемности (задания должны быть открытыми, не предполагающими единственно возможного правильного ответа), вариативности (обеспечение множества путей решения), коммуникативной (ориентация на приближенные к жизни ситуации общения) и личностной значимости (содержание заданий должно быть интересным для обучающихся).

В качестве примера приведем комплекс упражнений по английскому языку (пороговый продвинутый уровень), целью которого является активизация языковых навыков и речевых умений обучающихся, а также развитие их дивергентного мышления (тема: *Music*).

Упражнение 1. *One Song – Many Stories*. Цель: развитие оригинальности и гибкости мышления, воображения и лингвистической креативности. Инструкция: Listen to an instrumental piece of music and imagine it is a soundtrack to a film. Create: a) the genre of the film, b) the main character, c) the conflict, d) the final scene. Present your idea in 2–3 minutes.

Упражнение 2. *Music as Metaphor*. Цель: развитие метафоричности мышления, оригинальности, беглости. Инструкция: Complete the given sentence in as many ways as possible: *Music is like ... because ...* No metaphor can be repeated in one group of students.

Упражнение 3. *Sound – Word – Explosion*. Цель: развитие ассоциативного мышления, беглости и оригинальности. Инструкция: Listen to 30 seconds of music. Write as many words or short phrases as possible that describe: emotions,

colours, movements, images. Then choose 5 words or word combinations and create a mini-poem or a short spoken word performance.

Упражнение 4. *Lyrics Writer*. Цель: развитие метафорического мышления, креативности. Инструкция: Take a famous song and rewrite one verse from the point of view of another person, an object, or an abstract concept (time, fear, hope, silence, etc).

Упражнение 5. *What If...?* Цель: развитие умений решать проблемные ситуации, развитие креативности, гибкости мышления. Инструкция: Imagine that tomorrow music disappears from the world. Describe: the way our world changes, the way society changes, the way your personal life changes. Then propose at least two alternative to music ways humans would express emotions.

Представленный комплекс упражнений помогает обучающимся развивать дивергентное мышление посредством выполнения креативных заданий, анализа коммуникативных ситуаций с разных точек зрения, моделирования гипотетических сценариев, метафорической интерпретации и создания мультидисциплинарных проектов. Такой подход активизирует языковые навыки и умения обучающихся, а также способствует развитию беглости, оригинальности, гибкости их мыслительных процессов – ключевых параметров дивергентного мышления. Внедрение предлагаемых заданий в процесс обучения английскому языку показывает, что не только дивергентность мышления развивается посредством использования языка для решения различных коммуникативных задач, но и сам дивергентный характер заданий влечет за собой развитие коммуникативной компетенции обучающихся.

Таким образом, активное внедрение лингводидактических стратегий развития дивергентного мышления способствует эффективному формированию иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся посредством выражения множества идей и мнений на иностранном языке; развитию беглости, гибкости и оригинальности мышления благодаря поиску нестандартных решений поставленных коммуникативных задач, подбору оригинальных языковых средств выражения мыслей; интенсифицирует автономность обучающихся в процессе овладения стратегиями учебной деятельности; развивает творческие способности и воображение как студентов, так и преподавателя, что значительно повышает эффективность процесса обучения иностранному языку в целом.

Литература

1. Гилфорд, Дж. Структурная модель интеллекта: психология мышления / Дж. Гилфорд. – М. : Гардарики, 2005. – С. 37–45.
2. Богоявленская, Д. Б. К вопросу о дивергентном мышлении / Д. Б. Богоявленская, И. А. Сусоколова // Психологическая наука и образование. – 2006. – № 1. – С. 85–96.
3. Torrance, E. P. Scientific views of creativity and factors affecting its growth / E. P. Torrance. – Daedalus : Creativity and Learning, 1965. – P. 663–679.

Антоненко Татьяна Ивановна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

antonenko_ti@m.msu.by

Голякевич Наталья Дмитриевна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

goliakevich@m.msu.by

STRATEGIES FOR BUILDING SPONTANEOUS ORAL COMMUNICATION SKILLS

В статье рассматриваются различные педагогические приёмы развития навыков неподготовленной речи на иностранном языке. Основное внимание уделяется преодолению языкового барьера и облегчению практического общения путём перехода от автоматизированных речевых навыков к творческой коммуникации и речевым навыкам. В статье анализируются конкретные методы, включая моральные дилеммы, дискуссии, составление рассказов, интервью и ролевые игры, и описывается их применение в рамках «коммуникативных событий». Подчёркивается важность создания психологически комфортной и одновременно интеллектуально стимулирующей среды для спонтанного и аутентичного взаимодействия учащихся.

Ключевые слова: коммуникативные и речевые навыки, неподготовленная речь, языковой барьер, дилемма, дискуссия, ролевая игра, коммуникативная компетентность

This article examines various pedagogical techniques for developing the skills of unprepared speech in a foreign language. The focus is on overcoming the language barrier and facilitating real-life communication by transitioning from automated speech skills to creative communication and speech skills. The paper analyzes specific methods—including moral dilemmas, discussions, story compilation, interviews, and role-playing games—and outlines their implementation within the framework of “communication events.” The author emphasizes the importance of creating a psychologically comfortable yet intellectually stimulating environment to foster spontaneous and authentic student interaction.

Keywords: communication and speech skill, unprepared speech, language barrier, dilemma, discussion, role-play, communicative competence

A key indicator of foreign language proficiency is the ability to engage in spontaneous communication in real-life situations. Consequently, a central objective of language teaching is to develop students' capacity for unprepared oral speech [1–6]. Achieving this requires pedagogical techniques that move beyond rote learning, targeting the automaticity and creativity necessary for authentic interaction. While speech skills—characterized by automatism, stability, and adherence to linguistic norms—are foundational, they are insufficient for full-fledged communication. The ultimate goal is to foster communication and speech skills, which enable learners to adapt their style, choose effective language means, and align their speech with communication goals dynamically.

The concept of a “communication event” is broader than a simple “communication exercise.” Its distinguishing feature is the communicative freedom it grants students, allowing them to realize their creative potential independently. In these events, students are placed in scenarios where they must communicate and exchange opinions on a given topic spontaneously (“here and now”).

The success of such events hinges on two factors: intrinsic interest in the topic and maximum student involvement. Combining an atmosphere of intellectual challenge with psychological comfort yields the greatest efficiency. Careful planning is essential, including group formation, clear instructions, and a considered approach to error correction.

Methodological Techniques for Unprepared Speech.

1. Problem-solving.

These tasks are among the simplest forms of communication events. They train students to concisely state opinions, request information, compare, agree, or refute others’ statements. Examples include:

- Solving riddles or puzzles.
- Guessing an object from a description.
- Creating detailed instructions for a simple action (e.g., making coffee, boiling an egg).

A typical activity involves students writing instructions, then exchanging them with a partner to identify and fill in any omissions. This fosters attention to detail and clarity of expression.

2. Interviews: interview-based activities create substitution scenarios that stimulate improvisation. For example, a group of three students can take on the roles of:

- The Interviewer, who asks questions.
- The Interviewee, who listens but does not answer.
- The Respondent, who answers on behalf of the Interviewee, guessing their likely responses.

After the interview, the actual Interviewee reveals which answers were correct. This format encourages prediction, active listening, and spontaneous speech.

3. Discussions: discussions represent a more complex technique, requiring students to formulate, argue, and defend their viewpoints with extended statements. While they can arise spontaneously, they are often pre-planned debates.

To structure a discussion effectively:

- The student individually considers the topic and forms an opinion.
- Pairs of students exchange views.
- Two pairs join for a small-group discussion.
- The discussion opens to the entire class.

Discussions can be springboards for further written work (e.g., essays) and are highly effective when based on a compelling text or topic, such as the “Famous Personalities” event, which teaches comparison and argumentation.

4. Moral dilemmas: using hypothetical moral dilemmas, such as those in Kohlberg's system, provides rich material for discussion. These dilemmas present conflicts between rights, obligations, and needs, forcing students to grapple with complex issues.

Implementation typically spans two sessions:

- Session 1: The dilemma is presented. Students identify the core conflict and define their initial stance. They then form small groups based on their views to discuss and record their arguments in the target language.

- Session 2: A whole-class discussion is held. The teacher facilitates equal participation, helps students articulate their reasoning and builds their confidence. The ensuing "clashes" of perspectives vigorously develop discussion, communication, and critical thinking skills.

5. Story compilation: this technique stimulates coherent, extended discourse and activates both recent and previously learned material. It is excellent for review and developing fluency and improvisation.

The narrative can be prompted by:

- Key words or sentences provided by the teacher.
- A picture or video clip.
- The beginning of a story that students must complete.

Activities include recounting a film or book, describing a person's appearance for others to guess, or inventing an alternative ending to a given scenario.

6. Role-playing is a powerful method for immersive communication. It creates a realistic context for using vocabulary that might otherwise seem artificial. There are two main types:

- Playing another person: The student adopts a specific character.
- Playing oneself in a hypothetical situation: The student imagines how they would act in a given scenario.

Success depends on a clear understanding of the scenario, time for students to internalize their roles, and an environment that encourages improvisation over scripted reading.

The Teacher's Role and Error Correction In communication events, the teacher acts as a facilitator:

- Introducing the topic and organizing participants.
- Providing clear instructions.
- Observing and noting errors without interrupting the flow of communication.
- Tactfully concluding the event.
- Leading a final analysis and error correction.

Error correction should be a constructive process, ideally led by the students themselves (e.g., by writing mistakes on the board for peer correction). The teacher must foster an environment where mistakes are viewed as a natural part of learning.

Integrating communication events into foreign language lessons significantly enriches the educational experience. Techniques such as dilemmas, discussions, storytelling, interviews, and role-plays move learning beyond mechanical practice into the realm of authentic, creative language use. By carefully planning these events and creating a supportive atmosphere, teachers can help students overcome the language barrier, develop robust communication skills, and maintain a lasting interest in mastering the foreign language.

Литература

1. Анискович, Н. Р. Использование учебных стратегий в процессе изучения иностранного языка / Н. Р. Анискович // Теория и практика подготовки к межкультурной коммуникации в системе непрерывного обучения иностранным языкам: материалы докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 20–21 декабря 2005 г. : в 3 ч. / отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск : МГЛУ, 2006. – Ч. 3. – С. 23–25.
2. Василенко, Е. Н. English. Developing Speaking and Writing Skills. Ч. 2 / Е. Н. Василенко, Е. Е. Иванов, А. Н. Шестернёва. – Минск : РИВШ, 2023. – 216 с.
3. Голякевич, Н. Д. Practical English Grammar: Morphology / Н. Д. Голякевич, С. П. Зубрий, Е. Е. Иванов. – Минск : РИВШ, 2019. – 268 с.
4. Денисов, Ю. Б. Специфика языкового сознания в контексте различных лингвокультур (на английском и русском материалах): автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10. 02. 19 / Ю. Б. Денисов; Ин-т языкознания РАН. – М., 2008. – 23 с.
5. Ремизова, С. В. Психологические особенности изучения иностранного языка и формирования иноязычного сознания / С. В. Ремизова // Известия Уральского государственного университета. – 2010. – № 1(71). – С. 165–174.
6. Уланович, О. И. Языковое сознание: особенности структуры в условиях двуязычия / О. И. Уланович // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 44–51.

УДК 378:81'243

Бирюк Ирина Борисовна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Республика Беларусь)
biryukirin@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются актуальные вопросы интеграции информационно-коммуникативных технологий в процесс обучения иностранному языку. На примере языкового сервиса ChatGPT анализируются возможности обучения студентов грамматике английского языка.

Ключевые слова: информационно-коммуникативные технологии, искусственный интеллект, генерация языка, ChatGPT, интерактивное обучение

This article examines the integration of information and communication technologies into foreign language learning. Using the example of the ChatGPT language service, it analyzes the potential for teaching students English grammar.

Keywords: information and communication technologies, artificial intelligence, language generation, ChatGPT, interactive learning

Информационно-коммуникативные технологии (ИКТ) давно стали неотъемлемой частью образования. ИКТ включены во все образовательные программы, ссылки на веб-ресурсы содержатся в вузовских рабочих программах курсов и дисциплин. Происходит внедрение различных цифровых инструментов таких, как искусственный интеллект, нейросети, чат-боты, облачные среды, технологии виртуальной реальности и другое [1, с. 24].

В отличие от занятий, проводимых в традиционной форме, процесс обучения с использованием цифровых инструментов становится более интересным и продуктивным. Работники сферы образования пришли к выводу, что наиболее востребованным цифровым инструментом, используемым в школах и вузах, становится искусственный интеллект (ИИ).

По мнению А.А. Рольгайзера на сегодняшний день наиболее популярными инструментами ИИ, которые применяются при изучении иностранных языков, являются голосовые помощники, чат-боты, онлайн-переводчики, сервисы для проверки орфографии, пунктуации, грамматики и стилистики текста [2, с. 244–245].

Инструменты ИИ ориентированы как на обучающегося, способствуя совершенствованию языковых навыков с помощью персонализированного подхода, так и на преподавателя, помогая снизить нагрузку за счет автоматизации процессов оценки и обратной связи, а также на администрацию учебного заведения, отслеживая успеваемость студентов и улучшая организацию учебного процесса [3].

ИИ обеспечивает индивидуальный подход к обучению ввиду того, что учитывает способности, уровень знаний и умений обучающегося, корректирует и дифференцирует задания на основе предыдущих результатов. Такой персонализированный подход может создать более позитивную атмосферу, поскольку обучающиеся чувствуют себя более вовлеченными и мотивированными, когда получают индивидуальную помощь [4].

Преимуществом ИИ перед реальным собеседником является скорость реагирования. Он способствует осуществлению виртуального мозгового штурма, основанного на спонтанности взаимодействия и обратной динамике эффективного сбора мыслей, в то время как при взаимодействии с человеком могут возникать задержки [5].

Огромный потенциал в сфере языкового образования показал ИИ. ChatGPT – это «модель генерации языка, разработанная OpenAI, которая ис-

пользует глубокое обучение (совокупность методов машинного обучения, основанных на имитации работы человеческого мозга) для генерации человеческого текста на основе получаемых входных данных» [1, с. 25].

В педагогике ChatGPT используется как инструмент для создания интерактивного обучения. Его можно интегрировать в образовательные платформы, чтобы предоставить учащимся индивидуальное обучение, языковую практику или в качестве диалогового интерфейса для образовательного контента. Вовлекая обучающихся в общение и обеспечивая мгновенную обратную связь, ChatGPT может улучшить изучение языка, облегчить дискуссии и выступать в качестве виртуального помощника преподавателя. Кроме того, преподаватели могут использовать ChatGPT, чтобы помочь учащимся понять сложные темы, ответить на вопросы и стимулировать критическое мышление посредством интерактивных диалогов.

ChatGPT имеет возможность генерировать текст, похожий на человеческий, на основе полученных входных данных, что делает его ценным инструментом для обучения грамматике английского языка [6, с. 308].

Развитие грамматических навыков требует последовательной практики и понимания правил и структур, управляющих языком. Традиционные методы обучения английской грамматике часто включают механическое заучивание, повторяющиеся упражнения и запоминание правил, в то время как ChatGPT предлагает альтернативный подход, предоставляя студентам интерактивную и динамичную платформу для естественного и разговорного взаимодействия с языком.

Среди приемов эффективного использования ChatGPT при обучении грамматике английского языка можно отметить следующие.

Интерактивная грамматическая практика. Преподаватель может использовать ChatGPT для обучения учащихся грамматике английского языка, участвуя в разговорном взаимодействии с ИИ для демонстрации различных грамматических понятий. Преподаватель может задавать ChatGPT вопросы, связанные с различными грамматическими правилами и структурой, и использовать ответы ИИ для выделения примеров, исправлений и объяснений. ChatGPT можно запрограммировать для вовлечения обучающихся в интерактивные беседы, в ходе которых они смогут практиковаться в использовании различных времен, структур предложений и грамматических форм. Студенты могут задавать ChatGPT вопросы о грамматических правилах, получать мгновенную обратную связь о своем письме и участвовать в диалогах, чтобы закрепить свое понимание грамматических явлений [6, с.308].

Контекстное обучение. Взаимодействие с ChatGPT в разговорном формате позволяет студентам научиться использовать грамматику в контексте. Студенты могут тренироваться составлять предложения, задавать вопросы и отвечать на подсказки, что помогает им естественным образом усвоить ряд

грамматических тем и правил. Традиционные уроки грамматики иногда могут быть монотонными, что приводит к снижению мотивации обучающихся. ChatGPT предлагает более увлекательный и интерактивный опыт обучения, имитируя реальные разговоры. Студенты могут практиковать грамматику в непринужденной и приятной обстановке, что может повысить интерес к изучению языка. Кроме того, контекстуальный подход к обучению может значительно улучшить беглость речи и уверенность обучающихся в использовании грамматики английского языка [6, с.309].

Персонализированная обратная связь. ChatGPT имеет возможность предоставлять студентам персонализированную обратную связь на основе их грамматических ошибок и использования языка. Преподаватель может использовать ChatGPT, чтобы выявить и исправить распространенные грамматические ошибки, такие как согласование подлежащего и сказуемого, использование форм глагола, употребление артиклей. ChatGPT может проанализировать и разбить сложные предложения на отдельные части, предложить альтернативные структуры предложений, оптимальный порядок слов и т.д. [6, с.309].

Дополнительный обучающий ресурс. Помимо грамматической практики, ChatGPT может служить ценным ресурсом для изучения языка. Студенты могут использовать его, чтобы расширить свой словарный запас и научиться более эффективно выражать свои мысли на английском языке в корректных грамматических конструкциях. Процесс обучения иностранному языку можно оживить и сделать более приятным и динамичным с помощью различных викторин, грамматических игр и интерактивных упражнений на платформе ИИ. Функционал ChatGPT позволяет разрабатывать индивидуальные обучающие форматы, в которых студенты могут задавать ChatGPT вопросы, связанные с грамматическими правилами, и тестировать себя в поиске правильных ответов. Взаимодействие с ChatGPT может способствовать развитию культуры автономного изучения языка [4].

Признавая практически неограниченные возможности ИИ, необходимо не забывать о негативных последствиях проникновения этой технологии в процесс обучения. Среди основных проблем, связанных с использованием ИИ в образовании, можно отметить снижение работоспособности, когнитивных и творческих возможностей обучающихся, чрезмерную зависимость от технологий, сокращение прямого общения с преподавателем и поддержки, в которых нуждаются студенты. Действительно, ИИ выполняет домашнее задание, переводит тексты, выполняет упражнения, отвечает на вопросы, что, несомненно, приводит к ослаблению способностей, умений и знаний обучающихся. В связи с этим значима роль преподавателя для эффективной педагогики, для обучения студентов обдуманному использованию ИИ [7, с. 41].

Инструменты ИИ способствуют более увлекательному изучению иностранного языка, но сами по себе не позволяют эффективно изучать язык, они

очень полезны в сочетании с традиционным обучением или в перерыве между занятиями. Когда дело доходит до получения новых знаний, ИИ играет довольно неоднозначную роль. Программа с ограниченными ресурсами знаний не принесет большой пользы в культурных аспектах. То, как люди общаются с помощью языков, сложнее и разнообразнее, чем в приложении. ИИ ограничен дословностью, четкими, шаблонными структурами, не чувствует эмоций, интонаций, подтекста. Чат-боты способны вести дискуссию в рамках корректно подобранных ключевых слов. Они могут знать определение слов, но не понимают их значения в более широком контексте. Следовательно, ИИ лишен так называемого творческого отношения к слову, умения остроумно вести диалог [7, с. 42].

В связи с этим необходимо следить, чтобы использование ИИ не препятствовало развитию основных навыков. Задача преподавателя – подготовить студентов, способных мыслить критически, научить их ясно и связно выражать свои мысли, анализировать и синтезировать информацию, а также проявлять творческие способности, используя свое собственное воображение. Следует применять вдумчивый и этичный подход к интеграции ИИ в образовательный процесс. Будущее преподавания иностранных языков заключается в способности использовать преимущества технологических достижений при сохранении самой сути межкультурного и профессионального общения.

Литература

1. Фомин, М. А. Искусственный интеллект при изучении иностранного языка в вузе / М. А. Фомин // Обществознание и социальная психология. – 2022. – № 8–2(38). – С. 24–28.
2. Рольгайзер, А. А. Перспективы использования искусственного интеллекта в практике преподавания иностранного языка / А. А. Рольгайзер // Актуальные вопросы лингводидактики и методики преподавания иностранных языков: сб. науч. ст. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. гос. пед. ун-та, 2022. – С. 243–248.
3. Baker, T. Educ-AI-tion rebooted? Exploring the future of artificial intelligence in schools and colleges / T. Baker, L. Smith. – London : Nesta, 2019. – 56 p.
4. Polak, S. Teachers' Perspective on Artificial Intelligence Education: An Initial Investigation / S. Polak, G. Schiavo // Extended Abstracts of the 2022 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. – New York, 2022. – P. 2–3.
5. Holmes, W. Artificial intelligence in education: Promises and implications for teaching and learning / W. Holmes, M. Bialik, Ch. Fadel. – Boston, MA : Center for Curriculum Redesign, 2019. – 37 p.
6. Богачевский, В. М. Использование ChatGPT в обучении грамматике английского языка / В. М. Богачевский, Т. В. Куприна // Бизнс. Образование. Право. – 2024. – №2 (67). – С. 307–313.
7. Костюнина, С. А. Роль искусственного интеллекта в изучении иностранных языков / С. А. Костюнина // Вестник науки. – 2022. – Т. 1. – № 2 (47). – С. 38–42.

Бобылева Лиана Ивановна

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

(г. Витебск, Республика Беларусь)

lianabobyleva@gmail.com

РАСШИРЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО СЛОВАРЯ УЧАЩИХСЯ КАК УСЛОВИЕ ОБУЧЕНИЯ БЕСПЕРЕВОДНОМУ ПОНИМАНИЮ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассмотрены проблемы расширения потенциального словаря учащихся на материале фразеологических единиц английского языка, проанализированы условия развития языковой догадки, определены уровни трудностей понимания фразеологических единиц и методика работы над их семантизацией.

Ключевые слова: потенциальный словарь, фразеологические единицы, языковая догадка, уровни трудностей, методика семантизации

The article deals with the problems of students' potential vocabulary development on the basis of English phraseological units, linguistic guessing conditions analysis, difficulty levels of phraseological units comprehension and methodology of semantization activities.

Keywords: potential vocabulary, phraseological units, linguistic guessing, difficulty levels, methodology of semantization

Одной из практических целей обучения иностранному языку на любой ступени обучения является формирование навыков беспереводного понимания информации в процессе выполнения рецептивных видов речевой деятельности. Основной трудностью, с которой сталкиваются учащиеся в процессе чтения или аудирования, являются неизученные лексические единицы (ЛЕ), число которых возрастает особенно на старшем этапе обучения при переходе к работе с более сложными текстами. Постоянное использование словаря для семантизации новых ЛЕ превращает чтение в малоэффективный процесс расшифровки информации, переключающий внимание с содержательно-смысловой стороны воспринимаемого на формальную. В этой связи одной из задач обучения беспереводному пониманию текста является формирование умений самостоятельного анализа неизученных ЛЕ, которые находятся в особых контекстуальных условиях, способствующих их пониманию, или же значение которых мотивировано благодаря наличию структурно-смысловых соответствий, имеющих сходство с подобными единицами в родном языке или с уже изученными базовыми словами иностранного языка.

В методике под потенциальным словарем понимаются не встречавшиеся ранее в языковой практике учащихся слова, которые могут самостоятельно ими семантизированы на основе уже знакомых приемов. Чтобы принадлежать к потенциальному словарю, слово должно быть: 1) производным; 2) образо-

ванным от знакомой учащимся основы и связанным с ней по корню и смыслу; 3) образованным знакомым учащимся способом. По данным К.И. Крупник, из всего количества незнакомых слов, приходящихся на одну страницу английского текста, 35% лексических единиц относятся к потенциальному словарю [1]. На основе лингвистического анализа лексики английского языка с точки зрения мотивированности были выделены источники потенциального словаря: интернациональные, многозначные, производные, сложные, конвертированные и фразеологические лексические единицы.

Раскрытие лексического значения единицы потенциального словаря может осуществляться либо на основе выводимости, либо на основе догадки. Выводимость – это правилообразное определение значения слова с опорой на подсказки, заложенные в нем самом, и на контекст, когда таких подсказок недостаточно. Невыводимые лексические единицы не могут относиться к потенциальному словарю. К ним относятся некоторая часть интернациональных слов, которые в лингвистике называют «ложными друзьями переводчика»; производные слова, утратившие связь с корневым (базовым) словом; отдельные значения многозначных слов, потерявших связь с главным значением.

Возможность понимания неизученных ЛЕ обусловлена способностью учащихся переносить знания, навыки и умения в новые условия; их уровнем владения разветвленной системой мыслительных операций (анализ, синтез, сравнение, аналогия, противопоставление, обобщение и др.), а также приемами, обеспечивающими умственную (внутреннюю) активность обучаемого в процессе восприятия и усвоения материала (наблюдение, запоминание, создание образов и т.д.). Формирование умений преодолевать трудности, связанные с пониманием неизученных ЛЕ, осуществляется особенно эффективно, если оно основывается на приемах проблемного обучения, стимулирующих речемыслительную активность и ведущих к развитию самостоятельной поисковой деятельности.

Методика обучения пониманию неизученных ЛЕ потенциального словаря требует соблюдения строгой градации уровней трудности. Как показывает практика, расширение потенциального словаря на материале фразеологических единиц возможно на старшем этапе, когда учащиеся уже накопили определенный опыт семантизации ЛЕ на основе интернациональных, производных, сложных, многозначных и конвертированных слов.

К потенциальному словарю, формируемому на основе фразеологии, относятся выводимые фразеологические единицы (ФЕ), компоненты которых являются базовыми словами. ФЕ, состоящие из неизвестных учащимся слов или из известных слов, общее значение которых, однако, не выводится на основе слов-компонентов, к потенциальному словарю относиться не могут.

В зависимости от морфологической функции ФЕ могут быть подразделены на 1) субстантивные (*first night*), 2) адъективные (*all ears*), 3) адverbальные (*from top to toe*), 4) глагольные (*to make up one's mind*), причем последние пред-

ставляют наибольшую методическую значимость в силу их потенциальной мотивированности.

По структурному типу ФЕ классифицируют следующим образом: 1) глагол + существительное (*to take liberties*), 2) глагол + артикль + существительное (*to do a flat*), 3) глагол + притяжательное местоимение + существительное (*to lose one's head*), 4) глагол + предлог + существительное (*to fall in love*), 5) глагол + прилагательное или наречие (*to look big*).

В зависимости от характера соотносённости общего значения ФЕ со значением слов-компонентов, образующих её внутреннюю структуру, определяют три группы выводимости значения фразеологизмов: 1) ФЕ, имеющие простую выводимость на основе изученных значений их компонентов и наличия полного смыслового и образного соответствия в родном языке (*leave open, to be off one's legs*); 2) ФЕ, имеющие усложнённую выводимость, поскольку их общее значение лишь частично мотивировано из-за наличия слова-компонента с переосмысленным значением, тесно связанного с изученным, что ведет к полному смысловому и частично образному соответствию в родном языке (*to make money, to give a helping hand*); 3) ФЕ, имеющие сложную выводимость в силу наличия переосмысленного значения одного из компонентов, связанного с базовым словом опосредственно, через образ, что ведет к частично смысловому и образному соответствию в родном языке (*to be left out in the cold*).

Учет уровней трудностей понимания неизученных ФЕ определяет методическую последовательность работы по обучению учащихся самостоятельной семантизации данного типа ЛЕ. На первом этапе следует раскрыть понятие ФЕ, познакомить учащихся с их классификацией, привести примеры на родном и английском языках, объяснить, что значения ряда ФЕ доступны самостоятельному пониманию на основе знакомых значений слов-компонентов, образующих ФЕ. При анализе ФЕ с глаголами выделяются их структурные типы, распознаются ФЕ в различных видовременных формах. Особый акцент делается на формирование механизмов выбора, различения ФЕ и простых словосочетаний, конструирования, аналогии.

Второй этап работы – обучение пониманию ФЕ с усложнённой выводимостью. Особенностью данных ФЕ является то, что один из компонентов изменяет свое словарное значение. В этой связи целесообразно сначала определить значение каждого компонента ФЕ через слово из словаря-минимума, а затем синтезировать общее значение ФЕ. Например, *to take a bus* – взять автобус/поехать автобусом, *to pay attention* – платить вниманием/обращать внимание.

Третий этап работы направлен на обучение пониманию ФЕ со сложной выводимостью. Данные ФЕ имеют один, а иногда и два компонента с переосмысленным значением. Понимание общего значения ФЕ возможно лишь в случае наличия у учащихся уже сформированных навыков языковой догадки по определению значений неизученных многозначных слов на основе образного переосмысления. Например, *to come to light* – обнаружиться, стать из-

вестным; *to look small* – иметь жалкий вид. Обучение пониманию таких ФЕ проводится в контексте. При этом рекомендуется придерживаться следующей последовательности работы: 1) разложение ФЕ на компоненты и покомпонентный перевод, 2) выведение общего значения, 3) соотнесение выведенного значения с контекстом, 4) переосмысление компонентов ФЕ, 5) проверка правильности определенного значения на основе контекста. Обучение пониманию ФЕ третьей группы требует длительной тренировки, языкового опыта, владения разветвленной системой мыслительных операций.

Таким образом, лингвистический анализ неизученных ФЕ показал, что вероятность их понимания различна и зависит от характера и вида мотивированности. Одни ФЕ обладают как внутриязыковой, так и межьязыковой мотивированностью, другие – только одним видом мотивированности. Одни ФЕ полностью мотивируются через известные слова иностранного языка или через соответствующие слова родного языка, другие – частично. Одни ФЕ непосредственно связаны с известным словом, другие – опосредованно, через образ, то есть мы имеем дело с прямой и образной или образно-логической мотивированностью. Все это обуславливает неодинаковую вероятность понимания неизученных лексических единиц. Учитывая вид и характер мотивированности, можно выделить уровни трудности понимания ФЕ: простой, осложненный и сложный. Понимание связано с разными психологическими процессами и зависит от характера ФЕ и особенностей их выводимости.

Литература

1. Крупник, К. И. К проблеме обучения чтению на иностранном языке. Прогнозирование вероятности понимания слов : автореф. дисс. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / К. И. Крупник. – М., 1968. – 21 с.

УДК 378.048.2:81*243

Бэтова Елена Николаевна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

betova@m.msu.by

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ В РАЗНОУРОВНЕВЫХ ГРУППАХ

В статье рассматриваются особенности обучения иностранному языку на неязыковых факультетах, анализируются трудности, связанные с работой в разноуровневых группах. Предлагаются практические стратегии и методы организации учебного процесса в данных условиях.

Ключевые слова: иностранный язык, подготовка специалистов, неязыковые факультеты, разноуровневые группы, дифференцированный подход

The article deals with the specificity of foreign language teaching at non-linguistic faculties. It analyzes the challenges that students and teachers of multi-level groups face and offers teaching strategies and methods for organizing multi-level classes.

Keywords: foreign language, specialists' training, non-linguistic faculties, multi-level groups, differentiated approach

Система высшего образования сегодня направлена на качественную подготовку специалистов, владеющих знаниями, умениями и навыками, соответствующими современным требованиям рынка труда. И одним из приоритетных требований, предъявляемых к конкурентоспособному специалисту, выступает хорошее владение иностранным языком. В связи с этим иностранный язык является обязательной дисциплиной для студентов первого курса всех неязыковых факультетов.

Решая поставленные образовательными стандартами цели и задачи, преподаватели иностранного языка неязыковых факультетов сталкиваются с целым рядом сложностей: низкий уровень мотивации у студентов при изучении общеобразовательных дисциплин, малое количество аудиторных часов и высокая доля самостоятельной работы, большие академические группы. Однако одной из наиболее распространенных и трудоемких проблем является работа в разноуровневой группе. Такая группа объединяет студентов с уровнем владения иностранным языком от начального до продвинутого, что обусловлено различной школьной подготовкой, личной мотивацией, языковыми способностями и опытом. В условиях неязыкового вуза нам приходится даже обучать студентов, которые начинают изучать иностранный (английский) язык с нуля, так как в школе изучали другой иностранный язык. И работа с такими студентами требует большого внимания, а результат этой работы зависит не в меньшей мере от самого студента, от его способностей, от его желания освоить новый язык.

В условиях ограниченного количества аудиторных часов и общей направленности учебной программы на развитие профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции, задача эффективного обучения становится для преподавателя комплексным методическим вызовом.

Разноуровневые знания создают ряд объективных проблем для студентов.

Снижение мотивации. Студенты с высоким уровнем могут испытывать скуку из-за медленного темпа, повторения известного материала и отсутствия новых вызовов. Студенты с низким уровнем часто чувствуют растерянность, стресс и страх совершить ошибку, особенно при выполнении заданий, явно превышающих их возможности, что ведет к потере интереса и веры в свои силы.

Психологический дискомфорт. Сильные студенты могут проявлять нетерпение, а слабые – замыкаться, избегая активности на занятии. Это препятствует созданию благоприятной атмосферы для коммуникации.

Неэффективное использование времени. Задания, рассчитанные на среднего студента, по сути, не удовлетворяют ни одну из подгрупп.

У преподавателя работа в разноуровневых группах также вызывает ряд следующих психологических, организационных и языковых трудностей.

Сложность планирования. Невозможно использовать единый учебный план и единый темп для всей группы. Традиционный фронтальный метод работы становится малоэффективным.

Проблема объективности контроля. Требуется разработка систем оценки, которые бы учитывали индивидуальный прогресс, а не только абсолютный результат по общим критериям.

Высокая эмоциональная и профессиональная нагрузка. Необходимость одновременно удерживать внимание, мотивировать и обеспечивать прогресс студентов требует высокого мастерства, гибкости и психологической устойчивости.

Перед преподавателем иностранного языка стоит сложная задача, как правильно организовать работу в группе, в состав которой входят студенты с разным уровнем языковой подготовки, чтобы каждый студент имел возможность овладевать учебным материалом в зависимости от его индивидуальных особенностей и способностей. Следовательно, работа в разноуровневой группе требует дифференцированного подхода к студентам.

Дифференцированный подход имеет огромное значение, так как в любом учебно-воспитательном процессе преподавателю приходится работать со студентами со своими потребностями, склонностями, возможностями, интересами, мотивами, особенностями темперамента, мышления и памяти. Цель дифференцированного подхода – сделать процесс обучения оптимальным для каждого студента в соответствии с его уровнем владения языком, с его возможностями усвоения нового материала, предоставить каждому студенту возможность развивать свои способности на максимальном уровне [1, с. 268].

Методической основой разноуровневого обучения является индивидуализация, дифференцированный уровень требований, высокий уровень предлагаемого материала, разноуровневая система проверки знаний, умений и навыков. Это позволит студентам реально оценивать свои возможности; повысит интерес к предмету, создаст необходимый уровень комфорта на занятии [2].

Рассмотрим стратегии, методы и способы подачи учебного материала, которые можно использовать при работе с разноуровневыми группами.

Диагностика и разделение на условные подгруппы. На первом занятии необходимо провести тестирование (письменное и устное), а также анкетирование для выявления не только уровня, но и интересов, целей и пожеланий студентов. На основе этих данных группа условно делится на 2-3 подгруппы (например, начинающий, средний, продвинутый уровни). Важно подчеркнуть студентам, что это деление условное и динамичное.

Гибкость и вариативность учебных заданий. Это центральный методический прием. Он предполагает, что общая тема занятия едина для всех, а вот пути ее освоения и демонстрации результатов – разные. **Дифференциация по содержанию:** разным подгруппам предлагаются тексты разной сложности на одну тему, или разные аспекты одной проблемы для изучения. **Дифференциация по процессу (заданию),** например, при работе с текстом: для начинающей группы – найти и перевести ключевые предложения; для средней – ответить на детальные вопросы; для продвинутой – подготовить резюме и критический анализ. **Дифференциация по продукту (результату):** студенты могут выбрать форму выполнения итогового проекта: презентация, письменный доклад, интервью, создание поста в соцсетях или простого глоссария.

Работа в группах или командах. В разноуровневых группах много зависит от взаимодействия между студентами, поэтому важную роль играет работа в группах или командах. **Принцип подвижной группы (rotating groups):** состав подгрупп не должен быть статичным. Для разных видов деятельности можно формировать смешанные группы, где сильные студенты выступают в роли модераторов или помощников, помогая более слабым. Это развивает ответственность и лидерские качества у первых и дает дополнительную поддержку вторым. **Техника «Лестница заданий» (Task Ladder):** в рамках одной темы выстраивается цепочка заданий возрастающей сложности. Студенты самостоятельно или с помощью преподавателя выбирают, на какой «ступеньке» они начнут и сколько смогут пройти. **Станции работы (Learning Stations):** в аудитории организуются несколько «станций» с разными видами деятельности по теме (например, станция грамматики, станция аудирования, станция говорения, станция перевода). Студенты перемещаются по ним малыми группами, выполняя задания, адаптированные для их уровня на каждой станции. **Портфолио (Language Portfolio):** студент собирает портфолио своих работ (эссе, проекты, аудиозаписи), которое отражает его индивидуальный прогресс.

Система заданий «обязательные + факультативные», когда определяется обязательный для всех студентов минимум. Дополнительно предлагаются более сложные, творческие или объемные задания для студентов, которые справляются быстрее и хотят углубить знания.

Для изучения иностранного языка в МГУ имени А.А. Кулешова для всех специальностей разработаны ЭУМК, где представлен лексический минимум по темам, комплекс упражнений и примеры разноуровневых высказываний. Материал разработан таким образом, чтобы студенты могли выбрать для себя задания не только разного уровня сложности, но и с такими качественными характеристиками, которые отвечали бы познавательным запросам студента.

Подводя итог, следует отметить, что обучение иностранному языку в разноуровневых группах неязыковых факультетов требует особого внимания.

Несмотря на существование целого ряда трудностей, работа в таких группах может быть продуктивной и плодотворной при условии учета индивидуальных особенностей студентов в процессе обучения, дифференцированного подхода к выбору заданий и использования таких форм и методов работы, которые оптимально соответствуют задаче организации живого, непринужденного общения в группе. При таком подходе каждый студент, независимо от уровня знаний в самом начале курса, получает возможность двигаться вперед в своем темпе, развивать ответственность и мотивацию к изучению языка как инструмента будущей профессии.

Литература

1. Тарасова, Н. В. Преподавание иностранного языка в разноуровневых академических группах / Н. В. Тарасова // На перекрестке культур: единство языка, литературы и образования – IV : сб. науч. ст. / под ред. А. К. Шевцовой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2025. – С. 266–269.
2. Левданская, Н. М. Особенности обучения иностранному языку студентов экологических специальностей в разноуровневых группах неязыкового вуза / Н. М. Левданская, Л. Н. Никитина // [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа : <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/174619/1/67-68.pdf>. – Дата доступа : 31.10.2025.

УДК 378.035.6

Вераксо Елена Геннадьевна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,
(г. Могилев, Республика Беларусь)
verakso@m.msu.by

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА У СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

В статье показывается значимость воспитательной работы в вузе, путем формирования важнейших качеств личности: патриотизма и гражданственности, а также показывает возможность иностранного языка в формировании исследуемых качеств.

Ключевые слова: гражданственность, патриотизм, гражданско-патриотическое воспитание

The role of civil-patriotic upbringing in the system of modern higher education is presented in the article. Its forms and methods are given there. The article focuses on the possibility of foreign language lessons in the organization of civil-patriotic upbringing.

Keywords: Civic consciousness; patriotism; civil-patriotic upbringing

В современных условиях, когда Республика Беларусь сформировала свою реальную независимость как государство, произошло становление нового

уровня национальной культуры и улучшилась экономическая ситуация, формирование гражданственности и патриотизма является важнейшей задачей теоретической и практической педагогики. Хочется отметить, что проблема гражданского и патриотического воспитания личности всегда была объектом исследования философов, социологов, психологов, педагогов, которые рассматривали ее в соответствии с общей тенденцией развития общества и государства. Процесс формирования патриотизма и гражданственности нашел отражение в исследованиях Л.М. Архангельского, Л.Н. Боголюбова, К.В. Гавриловец, В.В. Мартыновой, Г.Н. Филонова, Б.Т. Лихачева, И.Ф. Харламова, Н.Е. Щурковой, А.В. Петровского и др.

Согласно Концепции патриотического воспитания молодежи в Республике Беларусь [6], Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь [5], целью воспитания как составляющей части образования является формирование разносторонне развитой, нравственно зрелой, творческой личности обучающегося, и одной из основных задач, направленных на достижение данной цели, является «формирование гражданственности, патриотизма и национального самосознания на основе государственной идеологии».

Применительно к студенческой молодежи есть свои особенности в процессе формирования данных качеств. Одной из них является то, что этот процесс происходит при воздействии на студента не только педагогов вуза, но и его семьи и общественного окружения. Поскольку студенчество является наиболее интеллектуально развитой частью молодежи, для успешного осуществления гражданско-патриотического воспитания необходимо целенаправленное взаимодействие и системный подход в воспитании со стороны вышеперечисленных факторов (семья, вуз, общество).

Сущность формирования гражданственности и патриотизма в вузе заключается, на наш взгляд, в организации целенаправленного процесса по формированию у студентов любви к Родине, уважения к государственной власти и Президенту страны, символам государственности Республики Беларусь (гербу, флагу, гимну) путем познания основ демократии, правовых актов, Конституции, законов своего государства. При этом эффективность формирования исследуемого качества личности студентов зависит от реализации ряда педагогических условий, которые мы определили: фактор эффективности внутренней среды образовательного процесса; совокупность взаимосвязанных предпосылок, обеспечивающих целенаправленное управление педагогическим процессом, включая кадровое, учебно-методическое, организационное, диагностическое обеспечение; обстоятельства процесса обучения и воспитания, которые обеспечивают достижение педагогических целей; готовность преподавателя к организации формирования гражданственности и патриотизма у студентов; возможность предметов гуманитарного цикла,

в том числе и иностранного языка в формировании гражданско-патриотической позиции студентов; учебно-методическое обеспечение и диагностическое сопровождение процесса формирования гражданско-патриотической позиции студентов [1].

Проблемам повышения эффективности идеологической и воспитательной работы со студенческой молодежью сегодня уделяется все более пристальное внимание. Именно поэтому мы считаем, что преподаватели вузов должны осознавать, что в их задачи входит не только дать знания и привить профессиональные навыки подготавливаемым им специалистам, но и воспитать морально-нравственные, духовные качества личности, особое внимание уделив воспитательной функции, включающую развитие духовных, морально-нравственных качеств, гражданственности и патриотизма, т.е. всех качеств, предусмотренных Концепцией непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь [5].

Преподаватель-предметник, работающий со студентами ежедневно, имеет достаточные возможности в воспитании студентов. В своем исследовании мы остановились на воспитательной работе преподавателя во время работы на практических языковых курсах [4].

В процессе преподавания иностранного языка формирование гражданско-патриотической позиции студентов включает в себя использование лексических тем гражданско-патриотической направленности, входящих в блочно-модульную систему преподавания иностранного языка в вузе (Our Country / Наша страна), Education in Belarus / Образование в Беларуси), My Native Town / Мой родной город), Ecological Problems / Экологические проблемы), Mass Media / Средства массовой информации. Подробный анализ учебно-методических материалов, которые могут быть использованы преподавателями представлен в нашей работе [3].

Таким образом, можно отметить, используемый лексический материал затрагивает многие компоненты Концепции патриотического воспитания молодежи в Республике Беларусь, а также расширяет познания студентов в области организации современного образовательного и воспитательного процесса не только в Республике Беларусь, но и в ведущих англоязычных странах (Великобритании и США). Особое место занимает внеаудиторная работа преподавателей по формированию гражданственности и патриотизма у студентов, данный аспект мы подробно осветили в своей работе [2].

Так, одной из популярных форм является популярная в последние годы проектная методика. Проект, как правило, представляет собой творческое обобщение какой-либо учебной темы и выполняется группами (количество групп может варьироваться по усмотрению преподавателя, выступающего в качестве консультанта при подготовке проекта и принимающего минимальное участие в нем). Например, хочется отметить организацию конкурса оратор-

ского мастерства в рамках Недели кафедр факультета иностранных языков, которая ежегодно проходит в учреждении образования «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова». Так, в 2024–2025 учебном году мероприятие было посвящено 80-летию Великой Победы. В конкурсе приняли участие студенты факультета экономики и права и факультета математики и естествознания. Студенты с энтузиазмом откликнулись на предложение участвовать в конкурсе и проявили инициативу, записав свое видео в музее и местах боевой славы.

Таким образом, данные формы работы способствуют развитию гражданско-патриотических интересов и потребностей студентов, стимулируют взаимное сотрудничество и требовательность студентов друг к другу, обладают эмоциональной значимостью, помогают формированию гражданской ответственности и патриотизма, позволяют студентам сделать вывод об уровне развития своего государства, как в историческом прошлом, так и в современном период, усиливают чувство гордости за Беларусь, ее народ и способствуют формированию у студентов гражданской ответственности и патриотизма.

Литература

1. Вераксо, Е. Г. Педагогические условия формирования гражданско-патриотической позиции студентов / Е. Г. Вераксо // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. Серыя С: Псіхалага-педагагічныя навукі: педагогіка, псіхалогія (педагогические; психологические). – 2018. – № 2 (52). – С. 11–18.
2. Вераксо, Е. Г. К вопросу о формировании гражданской ответственности и патриотизма у студентов в процессе внеаудиторной работы (на примере иностранного языка) / Е. Г. Вераксо // Проблемы и тенденции качества образования в системе национальной безопасности : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., 18 октября 2018 г. – Барановичи : БарГУ, 2018. – С. 12–14.
3. Вераксо, Е. Г. Учебно-методическое обеспечение процесса формирования гражданско-патриотической позиции студентов в процессе преподавания иностранного языка (на примере английского языка) / Е. Г. Вераксо // Преподавание иностранных языков в вузах нефилологического профиля : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 27–28 ноября 2009 г. – Минск : БГУ, 2009. – С. 56–58.
4. Вераксо, Е. Г. Формы и методы гражданско-патриотического воспитания студентов на занятиях иностранного языка / Е. Г. Вераксо // Современное образование: преемственность и непрерывность : материалы Междунар. науч.-метод. конф., 21 мая 2009 г. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. – С. 125–127.
5. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь // Проблемы выхавання. – 2007. – № 2. – С. 3–19.
6. Концепция патриотического воспитания молодежи в Республике Беларусь // Проблемы выхавання. – 2003. – № 4. – С. 113–119.

Гавриловец Екатерина Сергеевна
Мозырский государственный педагогический университет
имени И.П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)
stevolirvag@gmail.com

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА

В статье рассматривается сущность и практическое применение лингвокультурологического подхода в обучении иностранным языкам. Анализируются ключевые аспекты интеграции языка и культуры, предлагаются эффективные методы и приемы для формирования лингвокультурной компетенции учащихся, что является залогом успешной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, лингвокультурологический анализ, метод проектов, аутентичные материалы

The article examines the essence and practical application of the linguoculturological approach in foreign language teaching. It analyzes key aspects of the integration of language and culture and proposes effective methods and techniques for developing students' linguocultural competence, which is essential for successful intercultural communication.

Keywords: intercultural communication, linguocultural analysis, project method, authentic materials

Современное иноязычное образование вышло за рамки простого усвоения лексики и грамматики. Сегодня особое внимание уделяется изучению иностранной культуры через язык, что делает лингвокультурологический аспект одним из приоритетных в обучении. Этот подход признан одним из самых эффективных, так как его применение на практике дает учащимся возможность формировать и развивать навыки межкультурного общения посредством сопоставления фактов родной и иностранной культур. Формирование лингвокультурной компетенции позволяет не только грамотно говорить, но и понимать национально-культурную специфику речи, ценностные установки и модели поведения носителей языка, тем самым обеспечивая полноценный диалог культур.

Лингвокультурология — это научная дисциплина, исследующая взаимосвязь и взаимодействие языка и культуры. Язык не просто является частью культуры; он аккумулирует в себе культурные ценности, верования, традиции и исторический опыт народа. Каждый язык отражает уникальные аспекты культуры своего народа, содержа в себе идеи, верования и ценности, формирующие культурную идентичность сообщества. Таким образом, язык служит своего рода «памятью» культуры, сохраняя и передавая из поколения в поколение культурное наследие [5].

Основной задачей лингвокультурологического подхода в образовании является формирование у учащихся лингвокультурной компетенции. Это подразумевает не только усвоение определенного набора лексико-грамматических единиц, но и понимание их национально-культурной специфики, то есть содержащегося в них национально-культурного смысла. Без глубоких знаний истории, культуры, мифологии, традиций и ценностей народа, а также без умения выделять и интерпретировать национально-культурные коннотации, полноценное общение на иностранном языке невозможно [2]. Для практической реализации подхода необходимо знать единицы, которые несут в себе культурный код.

Предметом лингвокультурологического анализа являются единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное или образно-метафорическое значение в культуре [6]. Безэквивалентная лексика и лакуны: слова, обозначающие специфические для данной культуры явления (например, «гармошка»), которые не имеют прямых аналогов в другой культуре. Мифологемы и архетипы: мифологические и глубинные психологические образы, закрепленные в языке и культуре. Эталоны, стереотипы и символы: культурно-обусловленные представления о свойствах и качествах (например, «английская сдержанность»). Паремии и фразеологизмы: пословицы, поговорки и устойчивые выражения, которые отражают народную мудрость и опыт. Метафоры и образы языка: отражают особенности национального мышления. Речевой этикет и поведение: культурные нормы, регулирующие общение. Ключевые концепты культуры: основополагающие понятия (например, «счастье», «воля», «родина»), вокруг которых организуется языковая картина мира. Прецедентные феномены: хорошо известные в рамках данной культуры тексты, личности, события (например, цитаты из классической литературы). Работа с этими единицами позволяет извлекать из текста сведения о культуре страны, грамотно их интерпретировать и сравнивать ценностные картины мира разных культур [5].

Интеграция лингвокультурологического подхода в учебный процесс может осуществляться с помощью разнообразных методов. Текст является хранилищем идей, смыслов и констант культуры, полностью фиксируя «мир» той культуры, на языке которой он создан. Анализ художественного текста позволяет учащимся глубже проникнуть в культуру страны изучаемого языка, раскрыть смыслы, стоящие за языковыми единицами, и понять ценностные установки. Для этого используются методы филологического и концептуального анализа, а также сопоставительный метод, позволяющий сравнивать картины мира разных культур [5].

Использование аутентичных материалов является ключевым элементом лингвокультурологического подхода. Аутентичные тексты определяются как тексты, созданные носителями языка для носителей языка, и предоставляют реальные примеры языка, используемого в повседневных ситуациях. Они служат источником информации о целевой культуре и демонстрируют её взгляд на

различные вопросы. Работа с такими текстами, будь то статьи, видео или подкасты, помогает учащимся развивать стратегии интерпретации смысла, опираясь на фоновые знания и контекстуальные подсказки, что является важнейшим навыком для реального межкультурного общения [3].

Метод проектов считается одним из самых эффективных для формирования лингвокультурной компетенции [4]. Он предполагает последовательное прохождение нескольких этапов. Подготовка: определение темы, постановка целей, формирование группы. Планирование: определение источников информации, формы представления результатов, критериев оценки. Исследование: сбор и уточнение информации, выполнение задач проекта. Защита и оценка: презентация результатов и их обсуждение. Примером может служить проект «Приветствия и манеры в разных странах» («Greetings and manners in different countries») на уроках английского языка, где учащиеся исследуют культурные особенности невербального общения и этикета [4]. Для оценки таких проектов разрабатываются подробные критерии, включающие содержательность, грамматическую и лексическую правильность, качество визуального сопровождения и произношения.

Плодотворным является включение в обучение элементов фольклора (сказок, песен, пословиц), которые выступают ценным материалом для повышения мотивации и лингвокультурной компетенции. Кроме того, важно уделять внимание параязыку — невербальным компонентам общения, таким как жесты, интонация и мимика, которые специфичны для каждой культуры. Понимание параязыка помогает избежать недоразумений в межкультурной коммуникации и способствует более глубокому погружению в языковую среду [2].

Несмотря на очевидные преимущества, внедрение лингвокультурологического подхода сопряжено с определенными трудностями. Это необходимость специальной подготовки преподавателей, которые сами должны в совершенстве владеть не только языком, но и культурологическими знаниями, а также разработка качественных учебных материалов и методических пособий [8]. Однако перспективы подхода огромны. Сочетание иностранного языка и страноведческих знаний позволяет обеспечить неразрывную связь родной культуры с мировой. Это способствует воспитанию толерантности, преодолению стереотипов и предрассудков, развивает взаимопонимание и уважение к культурному разнообразию. Лингвокультурологический подход готовит учащихся к реальному межкультурному взаимодействию в условиях глобализованного мира [2].

Лингвокультурологический подход представляет собой современную и эффективную парадигму в обучении иностранным языкам. Он преодолевает разрыв между языком и культурой, предлагая изучать их в неразрывном единстве. Через анализ культурно-маркированных языковых единиц, работу с аутентичными текстами, проектную деятельность и осознание культурной специфики невербального общения учащиеся не просто осваивают иностранный

язык как систему знаков, а погружаются в мир его носителей, формируя тем самым ключевую для XXI века компетенцию – способность к полноценному и уважительному межкультурному диалогу [5].

Литература

1. Лингвокультурный подход к преподаванию русского языка и литературы: возможности современной интеграции // GISCONF. – 2025.
2. The Relationship between Language and Culture Defined // Day Translations. – 2022.
3. Use Authentic Texts // ACTFL. – 2023.
4. Language And Culture Relationship - A Detailed Guide // The Language Doctors. – 2024.
5. Какова связь между языком и культурой? // 50 Languages. – 2023.
6. Валиева, Н. З. Интеграция элементов русского фольклора в обучение РКИ: лингвокультурологический подход / Н. З. Валиева // Технологии обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития : материалы XXIII Междунар. науч.-практ. конф. – Минск, 2024. – С. 95–100.
7. Reshke, N. Лингвокультурологический аспект в обучении Русскому языку как иностранному (Linguistic and Cultural Aspect in Teaching Russian as a Foreign Language) / N. Reshke. – SSRN, 2022.
8. Implementation of linguistic-cultural approach in educational process on foreign languages at nonlinguistic faculties // Philology. Theory & Practice. – 2015.

УДК 373.3:028.5

Доўгаль Дзмітрый Аляксандравіч
Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова
(г. Магілёў, Рэспубліка Беларусь)
douhal_da@m.msu.by

АНАЛІТЫЧНЫЯ ЛАНЦУЖКІ ЯК СРОДАК РАЗВІЦЦЯ ЧЫТАЦЬКІХ УМЕННЯЎ МАЛОДШЫХ ШКОЛЬНІКАЎ

У артыкуле апісваюцца аналітычныя ланцужкі як сродак развіцця чытацкіх уменняў малодшых школьнікаў. Прапануюцца прыклады выкарыстання дадзенага прыёму пры вывучэнні мастацкіх твораў у пачатковых класах.

Ключавыя словы: чытацкія ўменні, кірункі аналізу, аналітычныя ланцужкі

The article discusses analytical chains as a means of developing reading skills in younger schoolchildren. Examples of the use of this technique in the study of works of art in elementary grades are offered.

Keywords: reading skills, analysis directions, analytical chains

Неабходнай умовай фарміравання чытацкай кампетэнцыі малодшых школьнікаў з'яўляецца асваенне вучнямі комплексу чытацкіх уменняў. Праг-

назаванне зместу твора па кампанентах тэксту і ілюстрацыях, работа над загалоўкам і мовай твора, характарыстыка вобразаў-персанажаў, раскрыццё зместу і спасціжэнне ідэі твора, вызначэнне асобнага стаўлення вучня да твора – тыя ўменні, фарміраванне якіх прадугледжана праграмай вучэбнага прадмета “Беларуская літаратура (літаратурнае чытанне)” на I ступені агульнай сярэдняй адукацыі.

Сучасная метадыка чытання вылучае тры асноўныя этапы працы над мастацкім творам: першасны сінтэз, аналіз і другасны сінтэз. Фарміраванне чытацкіх уменняў адбываецца на кожным з гэтых этапаў, аднак найважнейшая роля належыць аналізу, які прадугледжвае ўстанаўленне прычынна-выніковых сувязей у развіцці сюжэта, пры тлумачэнні ўчынкаў дзейных асоб ва ўзаемасувязі з вобразна-выяўленчымі сродкамі мастацкага твора.

Асноўным метадам развіцця ўменняў выступае гутарка, вядучым прыёмам – пытанні, якія прапануюцца вучням па змесце і форме прызначанага для вывучэння твора. Метадычная навука вылучае некалькі тыпаў пытанняў, якія выкарыстоўваюцца пры вывучэнні мастацкіх твораў на ўроках чытання [1]:

1) пытанні на разуменне фактуальнай інфармацыі, скіраваныя на высвятленне канкрэтнага зместу твора;

2) пытанні на высвятленне прычынна-выніковых сувязей у развіцці сюжэта, ўстанаўленне матываў учынкаў і паводзін дзеючых асоб, асноўных рысаў іх характару;

3) пытанні на асэнсаванне падтэкставай інфармацыі, скіраваныя на пранікненне ў эмацыйную танацьнасць твора, аднаўленне вобразаў, на абгрунтаванне, аргументацыю, доказ, на ацэнку прачытанага і асэнсаванне аўтарскай пазіцыі.

Пытанні першага тыпу прызначаны для праверкі разумення або пошуку ў тэксце інфармацыі, пададзенай у яўным выглядзе. Яны могуць быць скіраваны на вызначэнне персанажаў твора або адносін паміж імі, ўстанаўленне абставін (месца, часу, умоў працякання) дзеяння, засваенне сюжэтных перыпетый і канкрэтных дэталей твора. Такія пытанні прадугледжваюць адназначны адказ пры звароце да тэксту. Прыклады такіх пытанняў у метадычным апарате вучэбнага дапаможніка па літаратурным чытанні [2]: *Хто з’яўляецца героем верша? З якімі незвычайнымі асобамі паэт размаўляе па-беларуску? Які выпадак даваўся назіраць паляўнічаму ў лесе? Аб чым просіць аўтар у сонейка і марознага вечара? Куды накіраваліся сябры прыроды? Нярэдка гэтыя пытанні суправаджаюцца рэкамендацыяй звярнуцца да тэксту з выбарчым чытаннем: Як паводзіла сябе птушка ў час пажару? Прачытайце адпаведныя радкі; Як пісьменнік тлумачыць паходжанне нашай краіны? Знайдзіце адказ у тэксце і прачытайце.*

Пытанні другога тыпу дазваляюць зразумець матывы дзейных асоб, устанавіць узаемасувязь падзей, спрыяюць разуменню мадэлі паводзін і ма-

ральных прынцыпаў герояў, выяўляюць мэтазгоднасць выкарыстання моўных сродкаў для стварэння мастацкіх вобразаў [2]: *Чаму паляўнічы не ўзяў зайчыка дамоў? Як характарызуе Ганульку яе размова з кветкамі, травамі, вятрамі, палямі, ракой? Ці можна назваць Грышку, Цішку, Стася, Лёўку і Янку сапраўднымі турыстамі? Паразважайце, чаму аўтар гаворыць, што “бабак, сыраежак не возьме і гультай”. З-за чаго дзеці не ўзялі Ромку з сабой у грыбы ў другі раз? Адказы не падаюцца ў тэксце ў гатовым выглядзе, таму такія пытанні могуць суправаджацца ўказаннем на неабходнасць аргументацыі: Чаму звяры ветліва сустракаюць гэтых вандроўнікаў? Паразважайце; Паразважайце, чаму гусі, баран змаглі ўратавацца ад бяды.*

Апошні з вылучаных тыпаў пытанняў служыць для раскрыцця аўтарскай задумы, спрыяе фарміраванню асобнага ўспрымання твора вучнямі. Прыклады такіх пытанняў у вучэбным дапаможніку [2]: *Для чаго паэт раскажаў гэту смешную гісторыю? З якой мэтай Барыс Сачанка раскажаў чытачам пра пасляваенны выпадак з жыцця? Як адносіцца аўтар верша да зімовых свят? Чаму вы так думаеце? Які сэнс уклаў аўтар у радкі: “Снег сцяжынку не замёў, церусіў паволі”?*

Праца з мастацкім творам патрабуе выкарыстання пытанняў усіх адзначаных тыпаў, аднак зразумела, што пытанні кожнага наступнага ўзроўню магчымыя тады, калі вучні паспяхова справіліся з пытаннямі і заданнямі на папярэднім узроўні. На нашу думку, комплекс пытанняў мае найбольшы эфект, калі яны аб’яднаны ў блокі не на аснове ўзроўню складанасці, а выступаюць у выглядзе паслядоўна размешчаных звёнаў. Пры гэтым кожнае наступнае пытанне, развіваючы адказ на папярэдняе, вядзе да больш глыбокага пранікнення ў сутнасць твора. Такія паслядоўна пастаўленыя пытанні мы называем **аналітычнымі ланцужкамі**.

У вучэбных дапаможніках па літаратурным чытанні прапануюцца спробы пабудовы шэрагу пытанняў, адказ на якія дазваляе рухацца ад простага да складанага: *Чым вырашыла здзівіць дзяўчынка гасцей? Як гэта яе характарызуе? (першае пытанне прызначана для пошуку фактуальнай сюжэтай інфармацыі, другое дазваляе скласці на яе аснове характарыстыку героя) Якія словы паўтараюцца ў песні? Якое прызначэнне гэтых паўтараў? (выпад аб ролі выяўленчых сродкаў робіцца пасля аналізу словаўжывання ў лірычным творы) Куды накіраваліся сябры прыроды? З якой мэтай яны падарожнічаюць? Як іх гэта характарызуе? Прапанаваны ланцужок дазваляе ўстанавіць інфармацыю пра абставіны падарожжа герояў, матывы іх паводзін і на гэтай аснове ахарактарызаваць персанажаў твора.*

Абмежаваны аб’ём вучэбных дапаможнікаў, аднак, не дазваляе іх аўтарам у поўнай меры выкарыстаць дадзены прыём. Таму настаўнік пры распрацоўцы сцэнарыя заняткаў можа сам увесці ў яго аналітычныя ланцужкі, тым больш што яны ахопліваюць розныя аспекты мастацкага твора і, адпаведна, роз-

ныя кірункі аналізу. Прапануем для прыкладу некалькі распрацаваных намі ланцужкоў да апавядання “Лыжкай па лбе” Івана Муравейкі, якое вывучаецца ў 3-м класе:

1) *Калі адбыліся апісанія ў творы падзеі? → Дакажыце, што апісанія падзеі адбыліся ў даўнія часы. → Ці магла б гэта гісторыя здарыцца сёння?;*

2) *Якую сямейную завязьку парушыў унук Янка? → Чаму ён гэта зрабіў? → Ці зразумеў Янка, што ён паступіў няправільна?;*

3) *Як дзед Апанас пакараў унука? Зачытайце адпаведныя радкі. → Чаму дзед вырашыў пакараць унука? → Чаму, на вашу думку, дзед не адразу пакараў унука за свавольства?;*

4) *Як аўтар апісвае вочы дзеда Апанаса, калі той пабачыў свавольства ўнука? Прачытайце. → Паразважайце, чаму вочы дзеда параўноўваюцца з агеньчыкамі. → З якога боку гэта параўнанне раскрывае дзеда – з добрага ці дрэннага? Чаму?*

Прапанаваныя ланцужкі ўстанаўліваюць прычынна-выніковыя сувязі паміж падзеямі ў творы, вызначаюць матывы ўчынкаў галоўных герояў, выяўляюць ролю мастацкага слова ў стварэнні вобраза персанажа. Апошняе пытанне кожнага ланцужка скіравана на вызначэнне характарыстык і маральна-этычную ацэнку дзейных асоб, выяўленне ідэйнай сутнасці твора, гэта значыць яно дазваляе завяршыць аналітычную працу сінтэтычнымі абагульненнямі. Акрамя таго, што дадзеныя ланцужкі развіваюць чытацкія ўменні, яны спрыяюць і фарміраванню сінтаксічнага ладу маўлення вучняў, паколькі стымулююць пабудову выказванняў розных тыпаў.

Такім чынам, выкарыстанне аналітычных ланцужкоў на ўроках літаратурнага чытання з’яўляецца эфектыўным сродкам развіцця чытацкіх уменняў малодшых школьнікаў. Паслядоўная пастаноўка пытанняў, аб’яднаных у лагічныя блокі, дазваляе паглыбіць успрыманне зместу твора, устанавіць прычынна-выніковыя сувязі, зразумець матывы паводзін герояў і выявіць аўтарскую задуму. Укараненне аналітычных ланцужкоў у практыку навучання літаратурнаму чытання спрыяе фарміраванню ў школьнікаў удумлівасці і аналітычнага падыходу да мастацкіх твораў, развівае іх здольнасць да самастойнага мыслення і ацэнкі прачытанага.

Літаратура

1. Шилько, Т. Н. Виды и приемы работы над произведением на уроках литературного чтения / Т. Н. Шилько // Пачатковае навучанне: сям’я, дзіцячы сад, школа. – 2021. – № 9. – С. 9–13.

2. Жуковіч, М. В. Літаратурнае чытанне : вучэбны дапаможнік для 3-га класа ўстаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай і рускай мовамі навучання : у 2 ч. / М. В. Жуковіч. – 2-е выд., перапр. і дап. – Мінск : Нацыянальны інстытут адукацыі, 2023. – 144 с.

Заблоцкая Марина Валентиновна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

zablotckaia_mv@m.msu.by

АДАПТАЦИЯ УЧЕБНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ДЕЛОВОЙ ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК» К КОГНИТИВНЫМ ОСОБЕННОСТЯМ ПОКОЛЕНИЙ Z И ALPHA

Статья посвящена вопросам адаптации учебных материалов по дисциплине «Деловой иностранный язык» с учетом когнитивных особенностей поколений Z и Alpha. Анализируются ключевые характеристики этих поколений, такие как цифровая нативность, короткое внимание, социальная активность, предпочтение визуального контента и мультимодального восприятия. Обосновываются требования к современным образовательным материалам: интерактивность, краткость, персонализация и практическая направленность. Приводятся конкретные примеры использования цифровых платформ, социальных сетей, коллаборативных технологий и геймификации в образовательном процессе.

Ключевые слова: поколение Z, поколение Alpha, адаптация учебных материалов, деловой иностранный язык, цифровая педагогика, геймификация, персонализированное обучение, визуальное мышление, микрообучение

The article considers the issues of adapting educational materials for the discipline “Business Foreign Language” taking into account the specifics of generations Z and Alpha. The key characteristics of these generations are analyzed, such as digital nativity, short attention span, social activity, preference for visual content and multimodal perception. The requirements for modern educational materials are justified: interactivity, brevity, personalization and practical orientation. Specific examples of using digital platforms, social networks, collaborative technologies and gamification in the educational process are provided.

Keywords: Generation Z, Generation Alpha, educational materials adaptation, Business Foreign Language, Digital pedagogy, gamification, personalized learning, visual thinking, microlearning

Современная образовательная парадигма переживает период глубокой трансформации, обусловленной стремительной цифровизацией общества, глобализацией коммуникаций и сменой поколенческих ценностей. Система образования сталкивается с вызовами, требующими не точечных корректировок, а системного переосмысления педагогических подходов, содержания и форматов обучения. Ключевым драйвером этих изменений выступают новые поколения обучающихся – поколение Z (рожденные примерно с 1997 по 2012 годы) и поколение Alpha (рожденные с 2010 года и позже), которые сформировались в условиях перманентной онлайн-среды, клипового мышления, социальных сетей и интерактивных технологий.

Для данных поколений характерны специфические модели познавательной деятельности: ориентация на визуальный и мультимедийный контент, предпочтение нелинейного восприятия информации, высокая скорость пере-

ключения внимания, потребность в мгновенной обратной связи и геймификации процессов, а также установка на практическую значимость и прикладной характер знаний [5, с. 341]. В условиях растущего разрыва между технологическим образом жизни студентов и консервативной образовательной средой традиционные методы преподавания оказываются малоэффективными.

Особую актуальность эта проблема приобретает в контексте обучения практико-ориентированным дисциплинам, где запрос на актуальность, интерактивность и немедленное применение навыков особенно высок. К таким дисциплинам, безусловно, относится «Деловой иностранный язык», который находится на стыке лингвистики, межкультурной коммуникации и профессиональной деятельности. Цель дисциплины – сформировать не только языковую, но и коммуникативно-профессиональную компетенцию, что требует аутентичного моделирования реальных ситуаций делового общения в динамичном, глобализированном мире, зачастую опосредованном цифровыми платформами. Студент, освоивший дисциплину «Деловой иностранный язык» должен эффективно использовать иностранный язык как инструмент профессиональной деятельности для решения практических задач: от поиска информации и ведения переписки до участия в переговорах и работы в международной среде [4, с. 162–163].

В связи с этим возникает настоятельная необходимость в научно-обоснованной адаптации учебных материалов и педагогического инструментария к когнитивным, психологическим и поведенческим особенностям поколений Z и Alpha. Цель данного исследования – систематизировать методы адаптации содержания, формата и видов учебной деятельности по дисциплине «Деловой иностранный язык» с учетом специфики современных поколений обучающихся. В рамках статьи анализируются ключевые характеристики этих поколений, релевантные для образовательного процесса, предлагается комплекс практико-ориентированных методов и технологий (включая использование микролернинга [2], интерактивных заданий, мобильных приложений, социальных медиа и геймифицированных сценариев), а также обсуждаются потенциальные риски и ограничения цифровой трансформации учебного процесса. Результаты исследования могут быть использованы для повышения мотивации, вовлеченности и, как следствие, эффективности обучения будущих специалистов в среде деловой коммуникации.

Принимая во внимание основные характеристики поколения Z и Alpha, к которым относятся гиперпрагматизм, стремление к персонализации, максимальная интерактивность, иммерсивность, способность быстро переключаться между разрозненными потоками информации, но с трудом удерживать длинные логические цепи [1], позволяет сформулировать следующие принципы проектирования учебных материалов по дисциплине «Деловой иностранный язык»:

Принцип визуальной доминанты и мультимедийности (ключевые понятия, процессы (например, этапы деловой встречи, переговоров, подготовка и презентация коммерческого предложения и т.д.), грамматические структуры,

правила межкультурного этикета должны визуализироваться через инфографику, скетчноутинг, короткие анимационные ролики, интерактивные видео);

Принцип микромодульности и нелинейности (учебный материал дробится на автономные микромодули, посвященные одной узкой задаче (например, «Фразы для выражения несогласия на переговорах», «Фразы для презентации товара», «Структура follow-up письма после интервью» и т.д.);

Принцип геймификации и симуляции (учебная деятельность строится по законам игры: есть четкие правила, уровни сложности, мгновенная обратная связь (например, виртуальные переговоры, создание стартапа и т.д.);

Принцип социальной и интерактивной вовлеченности (учебный процесс интегрируется в цифровые системы через комментирование, совместное редактирование документов, создание контента, обсуждение в чатах, формируя учебное сообщество);

Принцип мобильной интеграции (обучение интегрируется в естественную цифровую среду студента через мобильные приложения, уведомления, что поддерживает перманентную учебную активность).

В качестве практического инструментария и технологий в процессе преподавания дисциплины «Деловой иностранный язык» свою эффективность доказали следующие решения: для визуализации – ментальные карты (MindMeister, XMind) и скетч-видео; для аудиторной практики – подкасты и платформы для интерактивных опросов (Kahoot, Mentimeter); для запоминания лексики – алгоритмические тренажеры (Quizlet, Anki); для геймификации – Classcraft, Quizizz; для имитации общения – диалоговые чат-боты на базе искусственного интеллекта; для специализированной языковой практики – адаптивные платформы (Duolingo Business English, Babbel Business); для создания профессионального контекста – социальные сети (LinkedIn для кейсов, Instagram и TikTok для коротких скетчей на тему бизнес-этикета); для коллаборации – облачные технологии (Google Workspace, Microsoft Teams, Miro).

Цифровая трансформация учебного процесса сопряжена с рядом системных рисков и ограничений, которые можно классифицировать по нескольким ключевым направлениям: дегуманизация образовательной среды, когнитивные перегрузки и цифровой дидактизм, стандартизация и потеря индивидуального подхода, валидность и надежность оценки, угрозы конфиденциальности и безопасности данных, цифровая зависимость и психологическое благополучие, технологическая незрелость и зависимость, а также сопротивление изменениям и цифровая компетентность педагогов. На наш взгляд, для минимизации риска необходим не инструментальный, а критически-рефлексивный подход, включающий разработку адекватной нормативной базы, цифровой грамотности педагогов и обучающихся, сохранение баланса между цифровыми и аналоговыми формами образовательной деятельности.

Таким образом, адаптация учебных материалов к специфике поколений Z и Alpha является необходимым условием эффективного преподавания дисциплины.

плины «Деловой иностранный язык». Традиционный линейный учебник уступает место динамичной, цифровой, интерактивной образовательной системе. Учет цифровой нативности, предпочтения визуального контента, потребности в интерактивности и практической направленности позволяет создать современную образовательную среду, которая соответствует запросам новых поколений студентов, формирует педагогическую модель, ориентированную на повышение внутренней мотивации, глубокое усвоение профессионально-коммуникативных компетенций.

Литература

1. Prensky, M. Digital Natives, Digital Immigrants / M. Prensky // On the Horizon. – 2001. – Vol. 9. – No. 5. – P. 3–6.
2. Афзалова, А. Н. Инновационные методы и подходы в смешанном обучении [Электронный ресурс] / А. Н. Афзалова. – 2025. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-metody-i-podhody-v-smeshannom-obucheni> – Дата доступа : 13.01.2026.
3. Заблоцкая, М. В. Информационно-коммуникационные технологии как средство интерактивного обучения деловому иностранному языку / М. В. Заблоцкая // Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в вузе : сб. науч. ст. / под ред. Е.Н. Грушецкой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2022. – С. 192–196.
4. Заблоцкая, М. В. Создание структурированного курса по дисциплине «Деловой иностранный язык» в среде Moodle / М. В. Заблоцкая // Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в УВО : сб. науч. ст. / под ред. Е. Н. Грушецкой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2021. – С. 161–165.
5. Шаталова, В. В. Поколение Z – особенности обучения в вузе / В. В. Шаталова, Д. В. Лихачевский // Высшая школа: проблемы и перспективы : материалы 13-й Международ. науч.-метод. конф., Минск, 20 февр. 2018 г. : в 3 ч. – Минск : РИВШ, 2018. – Ч. 1. – С. 340–345.

УДК 811.161.1

Нестерович Ольга Борисовна

Белорусский государственный университет культуры и искусств

(г. Минск, Республика Беларусь)

olganestv@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

В статье рассматриваются актуальные проблемы лингвокультурологического подхода к изучению фразеологии русского языка иностранными студентами. Особое внимание

уделяется теории и практике преподавания фразеологии на занятиях по русскому языку в иностранной аудитории в контексте парадигмы современного преподавания русского языка как иностранного. Отмечается, что владение фразеологическими единицами способствует формированию лингвокультурологической компетенции у иностранных студентов, которая рассматривается как одна из составляющих коммуникативной компетенции. Практическое и теоретическое освоение фразеологии русского языка расширяет возможности коммуникации, стимулирует успешную реализацию диалога культур в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, фразеология, лингвокультурология, лингвокультурологическая компетенция

The article deals with the actual problems of the linguoculturological approach to the study of the phraseology of the Russian language by foreign students. Attention is focused on the theory and practice of teaching phraseology in Russian language classes in a foreign audience in the context of the paradigm of modern teaching of Russian as a foreign language. It is noted that the possession of phraseological units contributes to the formation of linguocultural competence in foreign students, which is considered as one of the components of communicative competence. Practical and theoretical mastery of the phraseology of the Russian language expands the possibility of communication, stimulates the successful implementation of the dialogue of cultures in intercultural communication.

Keywords: Russian as a foreign language, phraseology, linguoculturology, linguocultural competence

Изучение языка и культуры всегда происходит в тесной взаимосвязи, поскольку язык представляет собой часть культуры и развивается в ней, отражая ее. «Язык – это зеркало культуры. Он хранит культурные ценности в лексике, грамматике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи», – утверждает С.Г. Тер-Минасова [1, с. 15]. Интерес к фразеологии русского языка среди иностранных студентов традиционно высок. Объясняется это яркостью и исключительной национальной специфичностью фразеологии, а также желанием человека познавать язык в тесной взаимосвязи с культурой страны изучаемого языка, познанием иной культуры через свою.

Обращение к фразеологии на занятиях по русскому языку как иностранному не только даст возможность студентам познакомиться с историей, традициями, обычаями народа, но и позволяет узнать национальный характер, эстетические ценности, менталитет и мировоззрение народа.

Проблема интеграции компонентов культуры в процесс обучения русскому языку как иностранному стоит давно, и в настоящее время тезис о неотделимости изучения языка от ознакомления с культурой страны изучаемого языка, ее традициями, особенностями национального видения мира народом является общепризнанным. Лингвокультурология (от лат. *lingua* – язык, *cultura* – культура, *logos* – наука, учение) как научная дисциплина синтезирующего типа, характеризуется прежде всего целостным и системным рассмотрением культуры и языка в языковых единицах. В работах таких ученых, как В. Н. Телия [2], Е. М. Верещагин [3], В. Г. Костомаров [3], Ю. Е. Прохоров [4], рассматривают-

ся вопросы, связанные с включением фразеологических единиц в процесс обучения русскому языку как иностранному. Фразеологический материал включают локальные учебные пособия по РКИ, предназначенные для иностранных учащихся продвинутого этапа обучения, уже владеющих базовыми знаниями в области лексики и грамматики. Это пособия по русскому языку как иностранному Н. В. Баско «Русские фразеологизмы – легко и интересно» (2003), Т. П. Чепковой «Знакомимся с русской фразеологией» (2003), Ю. Б. Мартыненко, Е. В. Степанян, Т. П. Чепковой «Сохраняя культуру в языке» (2012) и «Русские фразеологизмы: Узнаем и Учим» (2014). Все эти пособия главным образом нацелены на формирование фразеологического запаса обучаемых, который позволил бы им понимать и использовать фразеологические единицы в разных сферах общения. И здесь речь должна идти о важности формирования у иностранных учащихся лингвокультурологической компетенции – самостоятельного компонента иноязычной коммуникативной компетенции.

Лингвокультурологическая компетенция тесно взаимодействует с компетенцией фразеологической, лексической, оказывая серьезное влияние на формирование иноязычной коммуникативной компетенции в целом и на ее основные компоненты (речевую, языковую, социокультурную, компенсаторную, учебно-познавательную), она обеспечивает совершенствование всех других видов компетенций обучаемых». Термин «фразеологическая компетенция» впервые был введен в лингвистику Е. А. Добрыдневой [5, с. 3] и в настоящее время активно употребляется в научно-методических работах. Фразеологическая компетенция иностранных учащихся включает в себя знание теоретических основ фразеологии русского языка, признаков и функций фразеологизма; умение выделять в тексте фразеологические единицы; знание фразеологического словаря и способность понимать оптимальное для каждого уровня владения языком число фразеологических единиц; знание норм употребления фразеологических единиц в речи (в различных ситуациях общения); умение правильно реагировать на сообщение, содержащее фразеологизм, ориентироваться в ситуации общения; владение навыками использования фразеологизмов в различных жанрах устной и письменной речи.

Автор учебных пособий по русскому языку как иностранному Т. П. Чепкова отмечает: «Способность учащихся-инофонов выражать свои мысли и коммуникативные намерения на иностранном языке корректно, выразительно, образно, включая всё богатство языковых средств, в том числе, и фразеологических единиц, является одной из важнейших характеристик коммуникативной компетенции. Коммуникация – это форма общения в реальной жизни, поэтому она использует аутентичный язык с его возможными функциональными и стилистическими вариациями. Без знания фразеологических единиц иностранный учащийся не станет полноценным и равноправным участником коммуникации с носителями изучаемого языка, поскольку не сможет свободно оперировать ими в различных коммуникативных ситуациях» [6, с. 62]. Как из-

вестно, лингво-культурологическая компетенция является одной из составляющих коммуникативной компетенции.

На современном этапе обучения иностранных студентов фразеологии внимание к проблеме оптимизации процесса обучения является необходимым и своевременным. Текущий период характеризуется поиском новых перспективных направлений, дидактических подходов. Важно структурировать содержание обучения в зависимости от дидактических целей, профильной и уровневой дифференциации обучающихся, их индивидуальных предпочтений в отношении освоения избранной специальности, обратить внимание содержательную компрессию учебного материала, адаптированного для конкретного уровня владения русским языком, практико-ориентированный характер образовательного контента. Эффективно осваивать материал по фразеологии иностранным учащимся помогает дополнительная визуальная поддержка в виде наглядных схем, алгоритмов, карточек, дублирующих устные инструкции, индивидуализация учебных материалов.

В процессе обучения русскому языку в иностранной аудитории необходимо системное формирование лингвокультурологической компетенции как способности адекватно понимать и правильно употреблять изученный материал в различных речевых ситуациях. Критериями усвоенности фразеологического материала являются: его понимание, уместность и целесообразность употребления в речи, актуальность внедрения в акт коммуникации, оценка трансформационных возможностей фразеологических единиц. Высшим уровнем владения языком можно считать владение способами использования фразеологического материала в различных жанрах, умение применять фразеологические единицы в нетипичной для употребления сфере речевого общения, внесение элементов языковой игры в высказывание. Таким образом, владение лингвокультурологической компетенцией иностранными учащимися является важнейшим показателем высокого уровня владения русским языком.

Литература

1. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 624 с.
2. Телия, В. Н. Фразеология в контексте культуры / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 2017. – 336 с.
3. Верещагин, Е. М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1990. – 246 с.
4. Прохоров, Ю. Е. Лингвострановедение. Культуроведение. Теория и практика обучения русскому языку как иностранному / Ю. Е. Прохоров. – М. : ИРЯП, 1995. – 93 с.
5. Добрыднева, Е. А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Е. А. Добрыднева. – Волгоград, 2000. – 453 с.
6. Чепкова, Т. П. Формирование фразеологической компетенции иностранных студентов при обучении русскому языку / Т. П. Чепкова // Наука и школа. – 2012. – № 3. – С. 61–66.

Протасова Наталья Александровна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

protasova@m.msu.by

РАЗВИТИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РОЛЕВЫХ ИГР И СИТУАЦИОННЫХ УПРАЖНЕНИЙ

Статья посвящена исследованию дидактического потенциала ролевых игр и ситуационных упражнений в контексте формирования иноязычной коммуникативной компетенции. Автор рассматривает теоретико-методологические основы данных методов, их классификационные признаки и функциональную направленность. Основное внимание уделяется методическому аспекту их интеграции в процесс обучения немецкому языку, с приведением конкретных примеров заданий для различных уровней владения языком. Рассматривается, что моделирование ситуаций общения способствует не только автоматизации речевых навыков, но и развитию стратегической, дискурсивной и социолингвистической составляющих коммуникативной способности.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, ролевая игра, ситуативное упражнение, методика преподавания немецкого языка, активные методы обучения, речевая деятельность, учебная интеракция

The article is devoted to the study of the didactic potential of role-plays and situational exercises in the context of the formation of foreign language communicative competence. The author examines the theoretical and methodological foundations of these methods, their classification features and functional orientation. The main focus is on the methodological aspect of their integration into the process of teaching the German language, with specific examples of tasks for different levels of language proficiency. It is proved that the modeling of communication situations contributes not only to the automation of speech skills, but also to the development of strategic, discursive and sociolinguistic components of communicative ability.

Keywords: communicative competence, role-play, situational exercise, German language teaching methodology, active learning methods, speech activity, educational interaction

Актуализация компетентностного подхода в современном иноязычном образовании детерминировала пересмотр педагогических технологий в сторону методов, обеспечивающих формирование способности к эффективной межкультурной интеракции. В этой связи методы, моделирующие процессы реальной коммуникации в условиях учебной деятельности, приобретают особую значимость. Ролевые игры и ситуационные упражнения, являясь операциональным ядром коммуникативной методики, представляют собой эффективный инструмент трансформации декларативных знаний (знаний о языке) в процедурные (навыки использования языка) [2, с. 18].

В методической литературе ситуативное упражнение определяется как задание, основанное на воссоздании типичного контекста социально-речево-

го взаимодействия (например, «На приёме у врача», «Решение бытового конфликта»). Его основной дидактической задачей является целенаправленная отработка определённых речевых моделей, лексических единиц и грамматических структур в заданных прагматических условиях [5, с. 134]. Упражнение характеризуется относительно высокой степенью управляемости и репродуктивности. Ролевая игра трактуется как более сложный, эвристический вид учебной деятельности, в ходе которого обучающиеся принимают на себя условные социально-психологические роли в рамках заданного проблемного сценария и вступают в межличностное взаимодействие, руководствуясь как установками ролевой карточки, так и собственной инициативой [1, с. 95]. Обязательным элементом игры является наличие коммуникативной задачи, информационного лакунирования (information gap) или противоречия интересов, что стимулирует неподготовленную речь.

Условность игровой ситуации снимает страх перед ошибкой, снижает языковой барьер и коммуникативную тревожность, так как ответственность за высказывание несет не сам ученик, а его роль.

Методы обеспечивают полифонию голосов: каждый участник получает возможность выразить свою (ролевую) точку зрения, что способствует развитию эмпатии, толерантности и учету иной позиции в дискуссии.

Многофункциональность рассматриваемых методов выражается в реализации следующих дидактических задач: мотивационно-стимулирующая (создание личностно-релевантного контекста повышает уровень внутренней мотивации и снижает аффективный фильтр); обучающая (автоматизация речевых действий в условиях, максимально аппроксимированных к реальной коммуникации); развивающая (формирование когнитивных умений высшего порядка: критического мышления, способности к импровизации, поиску консенсуса); социализирующая (обучающиеся знакомятся с новой культурой через усвоение норм речевого этикета, паралингвистических особенностей и моделей поведения, принятых в лингвокультуре страны изучаемого языка).

Четкая структура работы с данными методами включает следующие этапы.

Организационно-методический блок (подготовка учителя) включает постановку методической задачи (отработка произношения, лексики, грамматики), разработку сюжета и ролей, правил и раздаточного материала.

Подготовительный этап реализует принципы сознательности и опоры на родной язык и имеющийся опыт. Его задачи: постановка четкой коммуникативной задачи и языковой цели (какие речевые функции и структуры будут использованы?); контекстуализация (введение в ситуацию, объяснение социальных ролей, возможных стратегий поведения, культурных особенностей); обеспечение языковыми средствами (представление, семантизация и холистическая тренировка необходимого лексико-грамматического материала, речевых клише и моделей). На этом этапе возможно использование традиционных упражнений для отработки изолированных навыков.

Этап проведения игры – это этап речевой практики и интеракции, где реализуются принципы коммуникативности и деятельностной ориентированности. Преподаватель переходит в роль наблюдателя и, при необходимости, участника-консультанта. Происходит автономное взаимодействие учащихся в рамках заданных условий. Ключевой принцип – минимальное вмешательство преподавателя в процесс коммуникации для сохранения естественности потока речи. Акцент смещается с лингвистической точности на успешность выполнения коммуникативной задачи.

Рефлексивно-оценочный этап обеспечивает осознание пройденного пути и является ключевым для перехода опыта в компетенцию: обсуждение содержания (Достигнута ли цель? Какие решения были найдены? Какие стратегии были эффективны?); анализ языкового оформления (коллективная коррекция наиболее значимых, препятствовавших пониманию ошибок, при этом важно анализировать не ошибки отдельного ученика, а типичные трудности группы, возвращаясь к ним на следующем подготовительном этапе); позитивная обратная связь (отмечаются успехи, удачные речевые находки, прогресс в преодолении индивидуальных трудностей).

Таким образом, иностранному ролевым играм и ситуационным упражнениям в обучении немецкому языку является междисциплинарным и прочным. Он синтезирует достижения психологии (деятельностный, личностно-ориентированный подходы), лингводидактики (коммуникативный подход) и теории профессионального образования (контекстное обучение). Реализация комплекса указанных принципов через трехэтапную структуру (подготовка – интеракция – рефлексия), позволяет педагогу перейти от спонтанного использования к системному, диагностично целевому и результативному внедрению. Это обеспечивает создание на занятии по иностранному языку такой образовательной среды, в которой язык усваивается не как самоцель, а как живой инструмент познания, взаимодействия и решения задач, что в полной мере отвечает требованиям современных образовательных стандартов и запросам обучающихся.

Литература

1. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика : учеб. пособие / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – 6-е изд., стер. – М. : Академия, 2018. – 336 с.
2. Конышева, А. В. Организация самостоятельной работы учащихся по иностранному языку / А. В. Конышева. – СПб. : КАРО, 2019. – 224 с.
3. Пассов, Е. И. Урок иностранного языка / Е. И. Пассов, Н. Е. Кузовлева. – Ростов н/Д : Феникс; М. : Глосса-Пресс, 2021. – 640 с.
4. Richards, J. C. Approaches and Methods in Language Teaching / J. C. Richards, T. S. Rodgers. – 3rd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2014. – 410 p.
5. Щукин, А. Н. Методика преподавания иностранных языков: учебник для бакалавров / А. Н. Щукин. – М.: Юрайт, 2022. – 286 с.

Тарасова Наталья Владимировна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

tarasova@m.msu.by

FOSTERING LEARNER AUTONOMY IN EDUCATIONAL SETTINGS

The article examines the concept of learner autonomy in foreign language education. It analyzes key definitions and components of autonomy. The stages of developing learner autonomy and the potential difficulties of its implementation in the educational process are described.

Keywords: learner autonomy, the role of the teacher, foreign language, responsibility, reflection

В статье рассматривается концепция учебной автономии в иноязычном образовании. Анализируются ключевые определения и компоненты автономии. Описываются этапы формирования автономии у обучающихся и потенциальные трудности ее внедрения в учебный процесс.

Ключевые слова: учебная автономия, роль преподавателя, иностранный язык, ответственность, рефлексия

In contemporary higher education, cultivating learner autonomy has become a priority within foreign language instruction. Researchers worldwide recognize the significance of this approach, though definitions vary.

The concept of “learner autonomy” emerged in Western pedagogical theory during the 1980s. The French scholar H. Holec first defined it as the “ability to take charge of one’s own learning” [1, p. 3]. This encompasses responsibility for setting goals, selecting content and methods, managing the learning process, and evaluating outcomes.

A more comprehensive definition of learner autonomy was later proposed in the works of the Irish scholar D. Little. The author views autonomy in the sphere of learning not only as responsibility for one’s own learning but also as the capacity for independent and self-reliant action, decision-making, and critical reflection [2, p. 4]. This capacity includes the fact that the learner develops a certain psychological attitude towards the process and content of learning activities.

L. Dickinson defines autonomy as a learning mode in which learners are fully responsible for all decisions concerning their own learning and implementation of those decisions, conducted without the presence of a teacher or learning materials [3, p. 11]. In his works, L. Dickinson considers the concept of “autonomy” in comparison with concepts such as “self-direction” and “individualization of learning”. The scholar believes that the most important characteristic of the educational autonomy of a foreign language learner is the adequate distribution of responsibility for learning something new in the educational process.

In her definition of learner autonomy, N.F. Koryakovtseva emphasizes the learner's ability to consciously carry out educational activities. In the course of these activities, the learner creates a personal educational product, reflects on, and evaluates their learning. An important component is interaction with the educational environment. The learner takes responsibility for the process and the final outcome, which is expressed in self-determination and personal development [5].

T.K. Tsvetkova believes that learner autonomy is "the ability to independently acquire new knowledge and improve the skills of mastering a particular academic discipline". Autonomy is "the ability to learn of one's own free will and without external coercion, which implies the development of such personal qualities as initiative, responsibility, and the ability to make effective independent decisions regarding one's learning" [6].

The role of the teacher in the context of learner autonomy is rather ambiguous. Traditionally, the teacher defines learning goals and objectives, serves as a source of information, transmits knowledge, and conducts reflection on the work completed by the learners, while the concept of learner autonomy implies that learners perform these actions themselves. However, this does not mean that learning in the context of learner autonomy occurs without the teacher's participation. E. N. Solovova emphasizes the importance of cooperation between the teacher and learners in the context of learner autonomy. Even with a high level of learner autonomy, the teacher remains an indispensable participant in the educational process. The role of the teacher undergoes certain changes; they rather perform the functions of a mediator, consultant, partner in foreign language communication. Within the new approach, the teacher must teach learners to acquire knowledge independently, to become their mentor. Learner autonomy implies equal responsibility of the teacher and learners for the results of the learning work [7].

The Chinese researcher S. Yang notes the following functions of the teacher in autonomous learning:

1. Organizer – the teacher is responsible for the effective organization of learning activities in the classroom, offering learners interesting tasks. Furthermore, it is important for the teacher to give clear instructions for the work.

2. Facilitator – the teacher supports the learners, creating positive motivation in them and helping them cope with difficulties. The teacher encourages learners to use the foreign language and corrects emerging mistakes.

3. Counselor – the teacher should serve as an example of effective communication.

Summarizing the above, it can be concluded that learner autonomy is a conscious process of learning in which learners independently and motivatedly make decisions related to various aspects of their learning activities. An autonomous learner should participate in setting learning goals, should show initiative in planning and performing practical learning tasks. Autonomy is the

capacity for reflection and the willingness to be proactive in self-management and interaction with others.

Autonomous learning activities can be present at all stages of teaching foreign language communication. In teaching foreign language communication, four stages can be distinguished: the preparation stage, the practice stage, the production stage, and the self-assessment stage. In the first two stages, learner autonomy is developed; consequently, these stages require the direct participation of the teacher.

At the preparation stage, the teacher should form a positive attitude towards the learning process, motivate learners for foreign language communication, introduce them to learning strategies that allow them to organize autonomous activities, and remove potential difficulties [8].

At the second stage (practice), the teacher teaches learners to choose their own styles of learning a foreign language and learning strategies suitable for them.

At the production stage, learners can achieve full autonomy, as at this stage they master techniques for independently organizing communication in a foreign language.

At the final stage, learners can independently evaluate the achieved results and conduct self-correction of the results or methods of their learning activities.

In modern conditions, learner autonomy is an integral component of the foreign language learning process, which is significantly facilitated by modern technologies: the Internet, computers, social networks, interactive platforms [4].

Nevertheless, it should be noted that the formation and further development of learner autonomy in the educational process may be associated with certain difficulties. Among the factors that hinder the formation of learner autonomy are the following:

- Decision-making may prove too difficult for learners;
- The teacher may be unprepared to share their responsibilities with the learners;
- Working in groups and pairs can be challenging if learners have never worked in such a format before or if they have difficulties with group communication;
- Excessive focus on grades;
- Insufficiently high level of proficiency in the foreign language.

Thus, autonomous learning is a qualitatively new type of education, the specificity of which is determined by the fact that a significant amount of time is allocated for independent work. Learner autonomy is an important motivating factor in learning a foreign language; it encourages learners to engage in active, conscious learning activities, increases their initiative and responsibility, and allows them to independently maintain and improve their language level in various learning situations under variable learning contexts.

Fostering learner autonomy is not merely a methodological trend but a fundamental shift in the educational paradigm that prepares students for lifelong

self-directed learning. The successful implementation of this approach requires thoughtful, systemic support from the educational institution, including the development of appropriate teaching materials, training for teachers, and the creation of a rich digital environment. Ultimately, cultivating an autonomous, responsible, and reflective student, capable of effective intercultural communication, becomes the key objective of modern language education, meeting the challenges of a globalized world.

Литература

1. Holec, H. *Autonomy in Foreign Language Learning* / H. Holec. – Oxford : Pergamon, 1981. – 87 p.
2. Little, D. *Learner Autonomy 1: Definitions, Issues and Problems* / D. Little. – Dublin, 1991. – 175 p.
3. Dickinson, L. *Self-instruction in language learning* / L. Dickinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 200 p.
4. Голякевич, Н.Д. Инновационные технологии в обучении иностранному языку / Н. Д. Голякевич, С. В. Лукашенко, Н. В. Тарасова // *Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте : сб. науч. ст. / под ред. Е. Е. Иванова*. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2012. – С. 233–236.
5. Коряковцева, Н. Ф. Автономия учащегося в процессе изучения иностранного языка и культуры / Н. Ф. Коряковцева // *Автономность в практике обучения иностранным языкам и культурам : сб. науч. тр. Вып. 461*. – М. : МГЛУ, 2001. – С. 16–17.
6. Насонова, Е. А. Развитие учебной автономии студентов неязыковых вузов при обучении иноязычному общению / Е. А. Насонова // *Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета*. 2009. – № 4. – С. 318–322.
7. Соловова, Е. Н. Методическая подготовка и переподготовка учителей иностранного языка: интегративно-рефлексивный подход / Е. Н. Соловова. – М. : Глосса-Пресс, 2004. – 336 с.
8. Тарасова, Н. В. Роль мотивации в изучении иностранного языка / Н. В. Тарасова // *Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в УВО : сб. науч. ст. / под ред. Е.Н. Грушецкой*. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2021. – С. 192–194.
9. Тарасова, Н. В. Веб-квест как форма организации самостоятельной работы студентов / Н. В. Тарасова // *Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в вузе : сб. науч. ст. / под ред. Е.Н. Грушецкой*. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2022. – С. 60–63.
10. Тарасова, Н. В. Эссе как вид творческой деятельности при обучении английскому языку / Н. В. Тарасова // *Итоги научных исследований ученых МГУ имени А. А. Кулешова 2021 г. : материалы науч.-метод. конф., 27 января – 11 февраля 2022 г. / под ред. Н. В. Маковской, Е. К. Сычовой*. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2022. – С. 67–68.

Таркан Наталья Евгеньевна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

tarkan@m.msu.by

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ЧТЕНИЮ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается лингвострановедческий аспект в литературном произведении как один из основополагающих для формирования коммуникативной компетенции студентов-иностранцев.

Ключевые слова: русская литература лингвострановедение, коммуникативные компетенции

The article discusses the linguistic and cultural aspect of a literary work as one of the fundamental aspects for the formation of communicative competence of foreign students.

Keywords: Russian literature, linguistic and cultural studies, communicative competencies

Понятие «страноведение» появилось в середине XX века для названия дисциплины, целью которой является обобщение наиболее значимых сведений о какой-либо стране в научных или учебных целях. Страноведческий потенциал литературного произведения находит отражение в художественной речи. Усвоение страноведческого материала является необходимым условием формирования коммуникативной компетенции для студента-иностранца. Чтобы состоялась рецепция художественного произведения, иностранный читатель должен воспринимать страноведчески значимые объекты на уровне не только понятия, но и лексического фона. От глубины семантизации языковых единиц во многом зависит адекватное понимание художественного произведения студентом-иностранцем.

Лингвострановедение – это знакомство с культурой страны изучаемого языка посредством самого языка. Оно было одной из главных задач еще со времен античности. Сегодня преподавание языков также не мыслится без культуроведческого комментирования. Основной целью лингвострановедения как вспомогательной дисциплины в процессе практического освоения языка является обеспечение понимания, а именно: передача знания культуры, т.н. фоновых знаний, способствующих полному раскрытию значения высказывания и его адекватному пониманию в акте коммуникации. При усвоении лингвострановедческого материала у студентов формируется лингвострановедческая компетенция, под которой понимается целостная система представлений о национальных обычаях, традициях и реалиях страны изучаемого языка, позволяющая извлекать из лексики этого языка примерно ту же информацию, что и его носители, и добиваться тем самым полноценной коммуникации.

Лингвистическая интерпретация художественного текста для иностранцев заключается прежде всего в снятии языковых трудностей. Например, трудные слова и словосочетания заменяются синонимами. Литературоведческий анализ нацелен на восприятие текста как произведение искусства. Отсюда, например, необходимость показать особенности той или иной школы (романтизма, реализма), обратить внимание на символический язык. К литературоведческому анализу относится выявление в произведении идей, образов, характеров.

В последнее время стало очевидным, что лингвострановедение призвано не только сформировать эрудированность переводчика, которому придется столкнуться с датами и лицами чужой истории и реалиями другой культуры, но также воспитать любознательность к чужой культуре, приязнь к ее народу, что позволит стать будущему переводчику не просто ретранслятором информации, а посредником в процессе межкультурной коммуникации, способствующей сближению наций. В.А. Маслова считает, что «традиционный способ осмысления проблемы взаимодействия языка и культуры заключается в попытке решить лингвистические задачи, используя некоторые представления о культуре...» [1, с. 9].

Основными объектами изучения на практических занятиях по лингвострановедению являются: безэквивалентная лексика, невербальные средства общения, фоновые знания, языковая афористика и фразеология, которые рассматриваются на занятиях с точки зрения отражения в них культуры, национально-психологических особенностей, опыта людей, говорящих на данном языке. Согласно лингвострановедческой теории слова, предметом лингвострановедения является специально отобранный, однородный специфический языковой материал, отражающий культуру страны изучаемого языка, фоновые и коннотативные лексические единицы, а также невербальные языки жестов, мимики и повседневного (привычного) поведения.

Важнейший вопрос организации чтения стоит довольно остро. Это выработка вкуса к внимательному, углубленному чтению и соответственно к выбору художественной литературы (конкретных книг для чтения).

Организация чтения и воспитание читателя являются актуальными в наше время для методики обучения русскому языку иностранцев. Ничто не может заменить литературу ни в познавательном, ни в нравственном отношении; возвышение личности – высокая миссия литературы. Приобщиться к ней – означает получить более полное и объективное представление о различных сторонах жизни и развития страны, о сегодняшнем дне и перспективах общества. Идеино-познавательный, в том числе и страноведческий, потенциал русской художественной литературы в процессе чтения иностранных учащихся пока реализуется недостаточно.

В художественном произведении следует различать смысловые пласты, допускающие и соответственно не допускающие рационально-логического разъяснения. Такова одна из важных характеристик природы художественного

произведения – качественная разнородность смысловых пластов. Чтобы воспринимать искусство, надо быть художественно образованным человеком.

Высокохудожественное произведение не воспринимается полноценно после первого прочтения. Такова характеристика природы художественного текста – диалогичность. Вчитывание и перечитывание художественного текста имеет большое значение. Не случайно еще В.Г. Белинский подчеркивал, что ни Пушкин, ни Гоголь не раскрываются с первой встречи. Вниманию иностранного читателя следует предлагать только те произведения русской литературы, которые являются носителем высоких эстетических достоинств. Лингвострановедческое чтение – это законное порождение того жанра научного подхода к художественному тексту, у истоков которого стояли Л.В. Щерба с его «Опытами лингвистического толкования стихотворений» и который сложился под воздействием В.В. Виноградова.

В последние годы заметно оживились поиски путей чтения текстов разных жанров и видов с целью познания страны. Чередование стихотворного и прозаического текстов не противопоказано поэзии. Так, еще сам А.С. Пушкин публиковал «Отрывки из путешествия Онегина», на чередовании построена эстетика поэм Е. Евтушенко и т.д.

Лингвострановедческий анализ должен начинаться с повторного прочтения и перечитывания стихотворного произведения. Для того, чтобы оставить глубокое эстетическое впечатление, преподавателю лучше самому выразительно и медленно прочитать художественный текст, а студенты должны следить по книге. Сделав паузу, можно переходить к вступительной беседе и к работе над учебными материалами пособия.

Также необходим опережающий комментарий-настройка. Следует обратить внимание иностранного студента на социальную значимость читаемого произведения, нужно призвать к познавательной активности. В содержании комментария-настройки включается самая важная информация об историческом событии или общественном явлении, составляющем тему связки учебных материалов, мера глубины определяется учебно-методической целесообразностью, а также степенью подготовленности учебной группы. Комментарий-настройку обычно рекомендуется помещать перед художественным текстом.

Вторым видом комментария являются так называемые усиливающие комментарии. Если комментарий-настройка соотносится со всеми произведениями по общей теме, то усиливающие комментарии связаны с отдельными фрагментами текста. Их назначение состоит в том, чтобы прибавлять сведения страноведческого произведения. От усиливающих страноведческих комментариев надо отличать языковые разъяснения: синонимические и описательные замены редких и устаревших слов и словосочетаний. Эти лингвистические разъяснения помещаются непосредственно после стихотворного фрагмента. Если комментарий-настройка может быть предтекстовым, то лингвистические разъяснения и усиливающие комментарии всегда являются послетекстовыми.

Таким образом, в отличие от собственно лингвистического, а также литературоведческого подходов к изучению художественного текста его лингвострановедческое чтение вскрывает специфику произведения как общественно-исторического феномена. Целью лингвострановедческого чтения художественного произведения является постижение его идейно-эстетического и этического содержания и расширение страноведческой информации студента.

Литература

1. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.

УДК 378.147:811.111

Угликова Ирина Валерьевна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Республика Беларусь)
uglikova@m.mail.ru

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Статья посвящена исследованию воспитательного потенциала практических занятий по иностранному языку в университете как системного ресурса для формирования мировоззрения, нравственных, гражданских и профессиональных качеств студента. В статье анализируется многогранная структура воспитательного потенциала дисциплины, включающая содержательный, коммуникативный, личностный и межкультурный компоненты, обоснована ключевая роль преподавателя и психологической атмосферы как условий успешного воспитательного воздействия.

Ключевые слова: воспитательный потенциал, иностранный язык, практические занятия, высшее образование, диалог культур, коммуникативный подход, воспитание.

The article considers the educational potential of foreign language classes at university as a systemic resource for shaping students' worldviews, moral, civic, and professional qualities. It analyzes the multifaceted structure of the discipline's educational potential, including substantive, communicative, personal, and intercultural components, and stresses the key role of a teacher and psychological atmosphere as prerequisites for success.

Keywords: educational potential, foreign language, practical classes, higher education, dialogue of cultures, communicative approach, education.

В эпоху цифровой глобализации миссия университета претерпевает фундаментальную трансформацию. Высшая школа призвана быть не просто «фабрикой знаний», а системой для выращивания целостной, социально ответственной и рефлексирующей личности. В связи с этим дисциплина «Иностранный язык» выходит за рамки сугубо утилитарной роли, превращаясь в

мощный педагогический инструмент, чей воспитательный ресурс до сих пор остается не до конца востребованным. Актуальным остается не просто констатация этого потенциала, а проектирование эффективных педагогических моделей, органично вплетающих воспитание в ткань образовательного процесса, отвечая вызовам новых стандартов и запросам общества и государства.

Воспитательная сила иностранного языка проистекает из его характеристик, кардинально отличающих его от большинства дисциплин в учебном плане. Если точные науки оперируют абстрактными формулами, а многие гуманитарные – категориями, то иностранный язык работает с самой субстанцией человеческого взаимодействия — общением, которое по своей природе глубоко лично и ценностно нагружено. Как верно отмечает М.И. Евдокимова, воспитательный заряд заключен в триаде: контент, методика и личность педагога [2].

Иностранный язык обладает уникальной способностью одновременно решать множество воспитательных задач: формирование мировоззрения – анализ острых глобальных проблем на языке-посреднике позволяет дистанцироваться от стереотипов и сформировать более объективную, рефлексивную картину мира [3]; развитие личностных качеств (настойчивость, трудолюбие, инициативность, воля, мышление, внимание, воображение, память); воспитание нравственных качеств – патриотизма, гуманизма, толерантности через усвоение общепринятых норм поведения (вежливости, выдержанности, такта и т.д.); формирование этического компаса – изучение речевого этикета, культурных табу и норм поведения способствует воспитанию такта, эмпатии и гражданской ответственности.

Потенциал дисциплины реализуется через несколько взаимосвязанных компонентов.

Когнитивно-культурологический компонент – содержательное ядро, формирующее интеллектуальный горизонт и культурный иммунитет; оно строится на работе с аутентичными материалами: от страноведческих текстов и биографий выдающихся личностей до анализа современных медиа-повесток.

Коммуникативно-деятельностный компонент – студент не пассивный ретранслятор информации, а активный со-творец смысла; в процессе живого обсуждения, спора, презентации и защиты своей позиции происходит кристаллизация собственного «я», формирование критического мышления и способности к аргументированному диалогу.

Личностно-рефлексивный компонент – изучение языка неизбежно становится актом самопознания; сравнивая культурные коды, этические системы и модели поведения, студент заново открывает и переосмысливает собственную идентичность, выстраивая свою систему координат в полифоничном мире.

Межкультурно-аксиологический компонент – практическое применение «диалога культур», где воспитывается не абстрактная толерантность, а устойчивая способность к эмпатии и межкультурному взаимопониманию.

Особенность практических занятий по иностранному языку заключается в том, что они обучают общению, которое суть личностно [3]. Обучающийся не просто сообщает информацию, но представляет свое мнение, свое отношение к предмету общения, что, по сути, представляет собой канал, через который в сознание обучающегося проникает воспитательное воздействие. Доминирующий коммуникативный подход является естественным катализатором воспитания, ибо обучение происходит в общении и через общение [4]. Однако его эффективность многократно возрастает при использовании продвинутых педагогических технологий: проектная работа и кейс-стади (решение реальных или смоделированных профессиональных задач развивает ответственность, умение работать в команде и лидерские качества), геймификация и ролевое моделирование (погружение в различные социальные и профессиональные роли снимает психологические барьеры и развивает социальную гибкость), интерактивные дискуссии и дебаты (формируют культуру конструктивного спора, толерантность и способность отстаивать свою позицию), партнерские формы оценивания (взаимное оценивание и саморефлексия с использованием четких критериев воспитывают критическое мышление, справедливость и адекватную самооценку).

Особенностью современного этапа обучения иностранному языку является широкий социокультурный контекст и четкая культуроведческая направленность: «в силу специфики предмета иностранный язык имеет огромный воспитательный и развивающий потенциал: он приобщает учащихся к образцам мировой и родной культуры, включает их в диалог культур, развивает средствами языка» [5]. Через диалог культур реализуется значительный воспитательный потенциал: формирование уважения и интереса к культуре и народу родной страны в сопоставлении со страной изучаемого языка, воспитание культуры общения через освоение особенностей речевого этикета, развитие толерантности и взаимопонимания между разными народами, и, что особенно важно, осознание собственной культурной идентичности через сравнение с другими культурами (подробнее см. [6]).

Эффективная реализация воспитательного потенциала занятий по иностранному языку требует создания определенных организационно-педагогических условий, при этом, в реализации воспитательного потенциала дисциплины фактором огромной важности является личность преподавателя. Никакие технологии не заменят личность педагога, который выступает не транслятором, а вдохновителем. Его увлеченность предметом, открытость к диалогу и личный пример создают ту уникальную атмосферу психологической безопасности и интеллектуального азарта, где становится возможным подлинное личностное развитие [7]. Именно преподаватель «заряжает» учебный процесс смыслом, делая его не штудированием языковых правил, а совместной мыслекоммуникацией и мыследеятельностью.

Максимальный воспитательный эффект достигается при синтезе языковой подготовки с профессиональной специализацией. Обсуждение на иностранном языке отраслевых трендов, этических дилемм профессии и глобальных вызовов формирует не просто «говорящего специалиста», а ответственного профессионала с развитым критическим мышлением, мотивацией к непрерывному росту и способностью к межкультурной профессиональной коммуникации (подробнее см. [8]).

Таким образом, дисциплина «Иностранный язык» в современном университете – это один из стратегических ресурсов воспитания. Его уникальность заключается в способности быть лингвокультурным катализатором, который интегрирует в себе задачи образования, развития и воспитания. Через продуманный синтез содержания, интерактивных методик и харизмы преподавателя он формирует не только языковую компетенцию, но и целостную, адаптивную, социально ответственную личность, готовую к осмысленной деятельности в глобализированном мире.

Литература

1. Республиканский портал проектов образовательных стандартов высшего образования // Официальный сайт для размещения информации о подготовке проектов образовательных стандартов высшего образования, нормативных правовых актов, регулирующих их проектирование и реализацию, и результатах их общественного обсуждения. – URL: <https://www.edustandart.by/> (дата обращения: 20.10.2025).
2. Евдокимова, М. И. Воспитательный потенциал урока иностранного языка / М. И. Евдокимова // Иностранные языки в школе. – 2007. – № 5. – С. 18–22.
3. Алмазова, А. Б. Актуализация воспитательного и развивающего потенциала дисциплины “Иностранный язык” в неязыковом вузе (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / А. Б. Алмазова. – СПб., 2013. – 24 с.
4. Пассов, Е. И. Коммуникативное иноязычное образование: готовим к диалогу культур : пособие / Е. И. Пассов. – Минск : Лексис, 2003. – 180 с.
5. Панфилова, Е. А. Воспитательный потенциал урока иностранного языка [Электронный ресурс] / Е. А. Панфилова // Конференц-центр S-BA.RU. – 2021. – URL: <https://s-ba.ru/conf-posts-2021-11/tpost/nfcf2jlhd1-vospitatelnii-potentsial-uroka-inostrann> (дата обращения: 02.11.2025).
6. Угликова, И. В. К вопросу об актуальности концепции диалога культур в контексте современного образования / И. В. Угликова // Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в УВО : сб. науч. ст. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – С. 56–59.
7. Шатилов, С. Ф. Методика обучения немецкому языку в средней школе : учеб. пособие / С. Ф. Шатилов. – 2-е изд., дораб. – М. : Просвещение, 1986. – 223 с.
8. Угликова, И. В. Реализация междисциплинарных связей в контексте профессионально-ориентированного обучения иностранному языку / И. В. Угликова // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь – 2014: сб. науч. ст. / под ред. Е. Е. Иванова. — Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова. – Могилев, 2015. – С. 34–37.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОР В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

УДК 821.161'04.09-1

Аніперава Марыя Віктараўна
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
(г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)
maryjkaan@gmail.com

ІДЭЙНА-ТЭМАТЫЧНЫЯ АРЫЕНЦЫРЫ ДУХОУНАЙ ПАЭЗІІ ЎСХОДНЕСЛАВЯНСКАГА БАРОКА

У артыкуле даецца кароткая характарыстыка барока ў літаратуры; закранаюцца ўплывы культурнага дыялогу на станаўленне нацыянальных літаратур, іх уваходжанне ў агульнаеўрапейскі літаратурны працэс. Праводзіцца ідэйна-тэматычны аналіз асаблівасцей рэлігійнай паэзіі і яе грамадскай ролі на прыкладзе выбраных твораў С. Полацкага, І. Велічкоўскага, К. Транквіліёна-Стаўравецкага. Апісваюцца матывы, вобразы, сюжэты як асноўныя стылявыя дамінанты барока.

Ключавыя словы: Барока, рэлігійная паэзія, усходнеславянскі рэгіён, культурны дыялог

The article gives a brief description of the Baroque in literature; it touches upon the influence of cultural dialogue on the formation of national literatures, their entry into the pan-European literary process. An ideological and thematic analysis of the features of religious poetry and its social role is carried out using the example of selected works by S. Polotsky, I. Velichkovsky, K. Tranquilion-Stavrovetsky. The author summarizes motifs, images, and plots as the main stylistic dominants of the Baroque.

Keywords: Baroque, religious poetry, East Slavic region, cultural dialogue

XVII ст. з'явілася пераходным этапам, рубяжом старой і новай культур. Барочная ўсходнеславянская рэлігійная паэзія, галоўным прадстаўніком якой выступала духавенства, давала адказ на галоўныя падзеі эпохі. Яна набыла выключнае значэнне, бо не проста адлюстроўвала духоўны заняпад грамадства, але і прапаноўвала шляхі яго пераадолення, выкарыстоўваючы дасканалыя сродкі мастацкай выразнасці. У той час як Заходняя Еўропа перажывала крызіс сярэднявечнага адзінства веры і розуму, усходнеславянскія паэты выкарыстоўвалі паэзію для абароны веры ў кантэксце глабальнага канфлікту рэлігійна-дактрынальных ідэй.

Для Рэчы Паспалітай гэта быў час не толькі складаных гістарычных узрушэнняў, але і падзвіжніцтва інтэлектуальнай эліты, накіраванага на да-

сягненне культурнага дыялогу і сінтэзу ўсходне- і заходнехрысціянскага светаў, на пошукі светапогляднага кампрамісу. Еўрапейскі ўплыў для часткі праваслаўных славян быў абумоўлены ўзаемадзейненнем з рамана-германскімі народамі, што спрыяла абмену ідэйна-эстэтычнымі каштоўнасцямі і пераадоленню ізаляванасці нацыянальных культур. Але нельга пагадзіцца з думкай пра адсутнасць сваіх адметнасцей, бо чужое на нашых землях заўжды ўступала ў канфлікт з мясцовай традыцыяй, пераапрацоўвалася і нараджала непаўторныя формы. Гэтае запазычанне і з'явілася канструктыўным пачаткам ў выпрацоўцы нацыянальнага стылю. Адным з важных накірункаў сучасных даследаванняў літаратурнага барока з'яўляецца якраз кампаратывістыка, бо традыцыйнае ўяўленне пра гэты стыль як транс'еўрапейскі феномен праблематызуе феномен барока ў асобна ўзятай нацыянальнай традыцыі, то-бок ставіць пытанне пра тое, наколькі ён у кожнай краіне зводзіцца да простага запазычання.

Барочны светапогляд уключае не толькі пышнасць, але і скепсіс, адчуванне трагічнасці быцця перад тварам рэчаіснасці. Паэт бачыў адпаведнасці між структурай свету і чалавекам (макра- і мікракосмасам), таму барока імкнулася пераважна да сімвалічнага адлюстравання. Адсюль у якасці ідэйна-тэматычных пастулатаў вылучаюць наступныя матывы: «memento mori», «vanitas vanitatum», «carpe diem!», «theatrum mundi».

У адрозненне ад заходнееўрапейскага рэгіёна, славянскае барока характарызуецца значнай ідэалагічнай і эстэтычнай умеранасцю. Сярод стыльвых адметнасцей, уласцівых усходнеславянскім літаратурам, варта адзначыць адсутнасць нервовай афектацыі і гуманізацыю ідэй «vanitas» і «memento mori». Барока ўсходніх славян, нягледзячы на многія агульныя матывы, што пераймаліся ад Захаду, польскай і схаластычнай езуіцкай літаратур, насіла відавочнае адценне Рэнесансу (у цэнтры ўвагі паэта стаялі чалавек і пытанні яго прыроды), характарызавалася большым рэлігійным дыдактызмам. Звяртаючыся, напрыклад, да згаданых вышэй барочных матываў, паэты імкнуліся да сузіральнасці, узгаднення канонаў заходнееўрапейскага барока і хрысціянскага вучэння ў выяўленні смерці.

Часта матэрыялам для барочных параўнанняў і сімвалаў служыла сістэма роднасці. У мастацкім кантэксце з'ява рэчаіснасці робіцца аўтарскім знакам-эмблемай, губляючы сваю звычайную функцыю. У мастацтве барока распаўсюджаным быў вобраз гадзінніка, пры дапамозе якога аўтарамі раскрывалася тэма хуткаплыннасці быцця, што перапляталася з матывам «memento mori» (падтэкст амаль любога твора). Гэтая тэма знайшла сваё адлюстраванне ў творчасці С. Полацкага і І. Велічкоўскага – адных з найбольш выбітных прадстаўнікоў барочнай усходнеславянскай паэзіі «высокага» штылю. Яны, будучы ўкаранёнымі ў праваслаўнай традыцыі, па-майстэрску выкарыстоўвалі вытанчаныя еўрапейскія формы, уздымаючы нацыянальную паэзію на новы мастацкі ўзровень.

Тэма «tempus fugit» развіваецца С. Полацкім у зборніку «Вєртаград шматколєрны». Наследуючы еўрапейскае барока, паэт у вершы «Час» звяртаецца да шэрагу яркіх асацыятыўных вобразаў для апісання часу: «Лѣтит время си часами // во дни, в ноши, як крилами. // Быстрая рѣка бреги подмывает, // время жизнь нашу выну сокращает» [1, с. 188]. Паэт крытыкуе тых, хто губляе каштоўныя імгненні на «марныя» зямныя справы (багацце, баяванні, славу), якія ўсё роўна будуць знішчаны часам: «Злато погубленное может ся нажити, // време же претекша нѣсть лѣтъ возвратити, // Обаче мы о златѣ печальни бываем, // а время во суетах мира иждиваем» [1, с. 188]. «І ўсё ідзе ў адно месца: з зямлі ўсё створана і ў зямлю ўсё падобным чынам вяртаецца» (Экл. 3:20). Фінал твора, як правіла, дыдактычны, што выяўляецца ў форме звароту да чытача з заклікам выратавання душы, пакуль не позна. Адпаведную думку сустракаем ў вершы «Смерці час»: «Днесь требѣ низложить грѣховное бремя. // Да легка душа будет во небо парити, // еже тамо с ангелы Божиими жити» [2, с. 153].

Гадзіннік займае цэнтральнае месца ў вершаваным зборніку І. Велічкоўскага «Зегар з полузегарком». У адрозненне ад прамалінейнай дыдактыкі С. Полацкага, І. Велічкоўскі выкарыстоўвае вобраз часу не толькі як ідэйна-тэматычны стрыжань, але і як эстэтычны прынцып арганізацыі тэксту. Творы ў зборніку ўяўляюць сабой часткі гадзіннікавага механізму, імітуючы ход часу, вымернага і няўмольнага. «Зегар» – асноўны складнік, а «полузегарок» – дапаўненне, якое, нібы малыя стрэлкі, удакладняе і ўскладняе галоўную тэму. Пры гэтым строгае, матэматычная арганізацыя тэксту кантрастуе з пышнасцю і эмацыйнасцю барока. Паэты-багасловы стваралі жаклівы вобраз смерці не для таго, каб увагнаць чалавека ў адчай, а каб падкрэсліць палярнасць хуткапыннага зямнога і вечнага Боскага, заклікаючы да праведнасці: «Человѣк, яко трава; дніе его, яко цвѣты – // днесь цвѣтет, утро маєт посѣщенный быти. // Колю кратко дніе наши нам возсиявают, // понеже з цвѣтом полным нагле увядают» [3]. «Быццам трава дні людскія, чалавек цвіце, як краска палявая, ледзь павее на яе вєнер, і ўжо няма яе, і месца яе невядомае» (Пс. 103:15–16).

Апостал Павел асабліва закранаў тэму вайны грэшнай прыроды супраць духоўнага пачатку. Спасціжэнне гэтага канфлікту з’яўляецца ключавым для разумення чалавечага стану пасля грэхападзення і неабходнасці выратавання ў Хрысце. Верш К. Транквіліёна-Стаўравецкага «Лѣкарство пустынножителем и честно инокующим на помыслы грѣховныи» мае за мэту даць «лякарства» па барацьбе са спакусамі і грэшнымі намерамі. Ён пабудаваны ў форме палілогу, што вядзецца паміж жаданнямі цела, розумам і душой: «Апостоль святыи о семь ознаиуметь, // Яко тѣло на душу нашу штурмуєт <...> А душа мудрая и христолубивая тому ся // врагу вѣ терпенію отимуєт» [4]. Заўважаем барочны прыём кантрасту паміж адрознымі топасамі – светам (грэшным, марным) і пустыняй (месцам духоўнага падзвігу); плоцю і духам, атрутай граху і лякарствам дабрачыннасці. Раскол паміж іпастасямі адбываецца па прычыне

наяўнасці розных каштоўных устаноў: плоць не разумее «раскошы» душы, якая блукае ў «смутной пустыні», гіне ў «нішчэць безь милости». Пры гэтым для розуму і душы, што імкнуцца да Бога, варожымі з’яўляюцца д’ябальскія арыентыры цела, раба лукавага і хітрага: «Радиш ми въ Єгиптѣ твоєм смутном и плачливом <...> При котлах свиніихъ мясь сидѣти // И сладость свинского житія жрѣти» [4]. Паэтычны вобраз «лякарства» паказвае, што грэшныя думкі ўспрымаюцца, як духоўная хвароба. Душа прапануе цэлу спосаб выратавання «з гэснi вѣчной муки», якое будзе магчымым праз сілу Святога Духу, дараваную ў Хрысце: «И для того я нынѣ въ пустынѣ сей обитаю <...> И надѣю въ Христѣ Иисусѣ, предводителю моем, покладая, // Аще землю обѣтованную въ радости оглядаю, // Которую нам бог обещалъ за терпѣніе дати <...> Тылко совѣтъ мой з радостю пріймай, // А діавола з грѣхами его нынѣ въскорѣ минай» [4]. Плоць усвядоміла святасць Боскага Закону, але, лемантуючы, выявіла, што не можа яго выканаць, бо грэшныя патрэбы мацнейшыя: «Нищета, глад и жажда ми одолѣвает. // Ибо аз въ ѣснотѣ моей не могу с тобою шествовати. // От многа времени жаждою лютѣ умираю // И, яко єлень змордованный въ день зноя, желаю» [4]. Грэх – пастаянна дзеючая сіла, якая занявольвае чалавека. Вайна адбываецца не на ўзроўні выбару паміж дабром і злом, а на ўзроўні няздольнасці выканаць добрае, нават пры наяўнасці жадання («Бо паводле ўнутранага чалавека захапляюся законам Божым, але ў членах маіх бачу іншы закон, які працівіцца закону майго розуму ды няволіць мяне законам граху, які ёсць у членах маіх») (Рым. 7:22–23)). Для Апостала Паўла гэтая вайна з’яўляецца пераходным станам ад рабства граху да свабоды ў Хрысце, што патрабуе пастаяннага падпарадкавання Духу, бо «яко подвижникъ всегда повиненъ з грѣховными помыслами воєвати» [4]. Твор сканчваецца хвалою Госпаду, што можа азначаць перамогу душы і розуму над грэшнай плоццю: «От Єгипта работы грѣха нынѣ утѣкаймо, // Фараона діавола въскорѣ минаймо, // За Иисусомъ, предводителем нашимъ, идѣмо // спѣшно въ землю обѣтованную // И праведнымъ от Бога уготованную, // Въ будущій вѣкъ, вѣчне спочивати» [4]. І гэтая перамога справядлівая: «Бо задумы цела ёсць смерць, а задумы Духа – жыццё ды супакой; бо задумы цела варожыя Богу, таму што не скараюцца закону Божаму, дый не могуць. І тыя, што живуць паводле цела, не могуць падабацца Богу» (Рым. 8:6–8).

Такім чынам, духоўная паэзія барока імкнулася захаваць хрысціянскае вучэнне ў перыяд, калі яно распадалася пад ціскам развіцця гісторыі. Таму «высокі» штыль быў не сімвалам творчага заняпаду, а намаганнем па выратаванні і ўдасканаленні душы чалавека ў пераходную крызісную эпоху. Творчасць паэтаў-багасловаў фарміравала грамадскую свядомасць, умацоўваючы канфесійную ідэнтычнасць і закладваючы фундамент для далейшага этапу паспяховага развіцця літаратур славянскага свету. І ўжо ў першай палове XVIII ст. высокі «штыль» пачынае разбурацца пад уплывам фаль-

клорнай стыхіі. Духоўны змест паступова выпяняецца свецкім, што прамым чынам вядзе да «абміршчэння» рэлігійнай паэзіі.

Літаратура

1. Simeon Polockij. Vertograd mnogocvetnyj / Ed. by A. Hippisley, L. I. Sazonova. Foreword by D. S. Lihačev. – Kohn; Weimar; Wien : Bohlau Verlag, 1996. – Vol. 1. – 356 S.
2. Simeon Polockij. Vertograd mnogocvetnyj / Ed. by A. Hippisley, L. I. Sazonova. – Kohn; Weimar; Wien : Bohlau Verlag, 2000. – Vol. 3. – 764 S.
3. Иван Величковский. Твори [Электронны рэсурс]. – 2025. – Рэжым доступу : <http://litopys.org.ua/velych/vel12.htm>. – Дата доступу : 10.11.2025.
4. Транквилион-Ставровецкий, К. Перло многоцветное / К. Транквилион-Ставровецкий. – Могилев, 1699.

УДК 821.161.3.09

Борбат Таццяна Іванаўна

Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова
(г. Магілёў, Рэспубліка Беларусь)
borbat_ti@m.su.by

Ячмянёва Ірына Мікалаеўна

Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова
(г. Магілёў, Рэспубліка Беларусь)
iachmenyova@m.su.by

МАСТАЦКАЕ АСЭНСАВАННЕ ТЭМЫ “ВАЙНА І ДЗЕЦІ” Ў МАЛОЙ ПРОЗЕ ІВАНА ЧЫГРЫНАВА

У артыкуле на аснове аналізу апавяданняў І. Чыгрынава са зборнікаў “Птушкі ляцяць на волю”, “Самы шчаслівы чалавек”, “Ішоў на вайну чалавек” вызначаецца іх мастацкая адметнасць, вылучаецца праблемна-тэматычнае кола; адзначаюцца асаблівасці адлюстравання і асэнсавання тэмы “вайна і дзеці”.

Ключавыя словы: мастацкае асэнсаванне, змаганне, акупацыя, чалавек на вайне, вайна і дзеці, сумленне, шчасце, чалавечнасць

Based on the analysis of I. Chigrinov's stories from the collections “Birds Fly Free,” “The Happiest Man,” and “A Man Went to War,” this article identifies their artistic features, highlights their thematic scope, and examines the portrayal of the theme of “War and Children.”

Keywords: artistic interpretation, struggle, occupation, man in war, War and Children, conscience, happiness, humanity

Іван Чыгрынаў належаў да пакалення пісьменнікаў, што называюць філалагічным ці “дзецьмі вайны”, у творчай спадчыне якога шырока прадстаўлена тэма Вялікай Айчыннай вайны. Найбольш значныя дасягненні пісьменніка ў літаратуры звязаны менавіта з адлюстраваннем і асэнсаваннем

подзвігу і трагедыі беларускага народа ў ваенны час. Сярод іх – апавяданні “Ішоў на вайну чалавек”, “За сто кіламетраў на абед”, “Апавяданне без канца”, “Самы шчаслівы чалавек”, “Плывун”, “Птушкі ляцяць на волю”. У гэтых і іншых творах адбіўся асабісты вопыт пісьменніка, бачанае ім, перажытае.

Асабліваасцю станаўлення творчай індывідуальнасці І. Чыгрынава, як слухна адзначаюць Т. Грамадчанка [1], А. Марціновіч [2], з’яўляецца непрацягласць вучнёўскага перыяду. Ужо раннія апавяданні пісьменніка былі сур’ёзным і ўдумлівым словам пра жыццё чалавека, вылучаліся высокім мастацкім узроўнем. Малады аўтар “праз знешнюю дынаміку сюжэта здолеў стварыць жывыя характары”, праўдзіва паказаць абставіны, у якіх дзейнічаюць героі (апавяданні “Праз гады”, “Апавяданне без канца”, “У матчынай хаце”, “Ля вогнішча” і інш) [1, с. 13]. Пісьменнік падрабязна не даследуе рух пачуццяў, эмоцый, перажыванняў герояў, акцэнтуючы ўвагу толькі на асобных дэталях, якія і даюць уяўленне пра душэўны стан персанажаў. І разам з тым апавяданні І. Чыгрынава вызначаюцца псіхалагічнай напружанасцю.

Псіхалагічная напружанасць заўважаецца і ў апавяданні “Бульба” (першапачатковая назва “Ля вогнішча”), якім пачынаецца першая кніга І. Чыгрынава “Птушкі ляцяць на волю”. У аснове твора – асабіста перажытае і ўбачанае. Аўтар згадвае пра маленства, апаленае пажарам вайны. У аснове твора – радасная падзея – вызваленне вёскі ад фашысцкіх рабаўнікоў. Распавядаючы пра ўпартыя баі на Бесядзі, аўтар пазбягае паказу батальных сцэн, тым не менш ён змог перадаць жорсткасць і зацягласць баёў, сказаць пра вялікія страты, якія несла наша войска на шляху вызвалення роднай зямлі. Гэтага дасягае пісьменнік з дапамогай эмацыянальна-ўражлівых дэталей і вобразаў, што назаўжды захаваліся ў памяці: *“На цёмна-зялёнай траве шырокага заліўнага лугу, што быў паміж лесам і Бесяддзю, з кожнай новай атакай большага трупай з пасінельмі тварамі <...>. Па-ранейшаму паўз школу рухаліся к Бесядзі войскі. А адтуль, пачынаючы з самае раніцы, везлі на машынах раненых. Вясковыя бабы падыходзілі паглядзець на іх і пасля плакалі”* [3, с. 37 – 38]. Героі апавядання – Мішка Бычыхін, Санька Брылёў і герой-апавядальнік – вядуць гаворкі з воінамі. Асабліва прыкіпелі душой падлеткі да старшага лейтэнанта. Аднак пачалося наступленне і вайсковец ужо не вярнуўся: *“Мы цярпліва сядзелі каля вогнішча і чакалі старшага лейтэнанта. У нас была напаватове для яго печаная бульба. Але старшы лейтэнант не прыйшоў...”* [3, с. 38].

На старонках твораў І. Чыгрынава паўстае суровая і трагічная праўда ваяннага часу, які і дарослых, і дзяцей зрабіў аднолькава сур’ёзнымі, засяроджанымі ў сабе. Найбольшую каштоўнасць у такіх абставінах набываюць дабрныя, спагадлівасць, чалавечнасць, якія выяўляюцца нават у прыватных дробязях. Так, у апавяданні салдаты не вымаўляюць гучных слоў, не робяць нешта асаблівае. Іх размовы, учынкi звычайныя: яны кормяць дзяцей салдацкай кашай, дораць рыжаму Саньку шапку, аднак колькі за гэтым адчуваецца дабрыні, бацькоўскай ласкі, якой так не ставала хлапчукам. Твор падкупляе сваёй шчы-

расцю і непасрэднасцю. Перад чытачом не проста ўласныя ўспаміны пра перажытае ў дзяцінстве, на старонках твора — суровая праўда ваеннага часу.

У большасці апавяданняў І. Чыгрынава героямі з’яўляюцца “дзеці вайны”. Гэта яны, дарослыя ў сучаснасці, зноў перажываюць мінулае, сваёй памяццю вяртаюцца ў тыя пякельныя дні, альбо ў самыя галодныя часы адразу пасля вызвалення родных мясцін. Паказальным у гэтым плане з’яўляецца апавяданне “За сто кіламетраў на абед”, якое пачынаецца агульнай характарыстыкай “дзяцей вайны”: *“Нам было ў той час па дзесяць гадоў — адным трохі болей, другім трохі меней. І мы былі дзеці вайны. Але мы тады амаль усё ведалі, і мне часам здаецца, што ведалі куды больш, чым нават цяпер, калі нам па трыццаць ужо. Напрыклад, мы без памылкі маглі яшчэ на падлёце пазнаць па гуку самалёты — “нашы” і “не нашы”. Ведалі, якія кулі ў што нафарбаваны — звычайныя, разрыўныя, бронеразрыўныя, бранябойныя, трасіруючыя... <...>”* [3, с. 77]. Дзеці па гучу маглі вызначыць свае і чужыя самалёты, былі самастойныя і рашучыя, не пабаяліся за сто кіламетраў адпраўляцца на абед у дзіцячы дом, дзе кармілі смачным, як ім здавалася, абедам. *“А галодныя мы, — гаворыць пра сваіх ровеснікаў пісьменнік, — здаецца, былі заўсёды: то харчу не хопала, то солі (не пасаліўшы — не з’ясі), то яшчэ якой трасцы <...>. Як заходзіў год за год, так і голад за голадам ішоў”* [3, с. 77 – 78].

Кожны эпізод апавядання мае пэўнуюсэнсавуюнагрузку, глыбока хвалюе: як савецкія салдаты дзяліліся ежай з жыхарамі вёскі, як адносіліся дзеці да круглага сіраты Ваські Карапета, як дырэктар дзіцячага дома Іван Мікітавіч, інвалід вайны, які, нават разгадаўшы хітрыкі дзяцей, не стаў крычаць на хлапчукоў ці павучаць, толькі з папрокам сказаў: *“– Ну, што вы расселіся тут? Ідзіце абедать!”* [3, с. 50]. Інакш ён не мог паступіць. Па асобных дэталях чытач здагадваецца, што і ў дзіцячым доме дзеці таксама галадаюць.

Да тэмы “вайна і дзеці” І. Чыгрынаў звяртаецца і ў апавяданнях “На пыльнай дарозе”, “Плывун”, якія ўключаны ў другі зборнік апавяданняў “Самы шчаслівы чалавек”. У творах псіхалагічна пераканальна паказаны характары і паводзіны дзяцей у суровы ваенны час. Напрыклад, да глыбіні душы крапае сцэна развітання Антона Шасцярнёва з малым сынам Васільком (апавяданне “На пыльнай дарозе”). Хлопчыка не змаглі перад гэтым дабудзіцца. Не паспеў Шасцярнёў адысціся ад хаты, як пачуў крык сына, які даганяў бацьку. *“Нарэшце падбег, задыханы, спыніўся і з вачамі, поўнымі слёз, выцягнуў перад сабой сціснуты кулачок. – Што ты, сыноч? Хлопчык раскамечыў кулачок, і тады на яго вузенькай далоні Антон Ягоравіч заўважыў блішчасты вінтавачны патрон з белай куляй, на самай дзюбачцы якой былі два цёмныя паяскі. – Вазьмі, – сказаў хлопчык. – Гэта я... утайў... Дастаў з тваёй кайстры і ўтайў...”* [3, с. 136]. Пісьменнік здолеў надзвычай дакладна і тонка перадаць светаадчуванне дзіцяці. Васілёк даганяў бацьку не дзеля развітання, а каб аддаць патрон, які спатрэбіцца яму на вайне. Гэты патрон Шасцярнёў амаль

ую вайну пранасіў у кішэні, бярог “на апошні выпадак”, які, на шчасце, не надарыўся.

Як і ў іншых творах, ваенная рэчаіснасць у апавяданні паказваецца рэтраспектыўна, праз успаміны Антона Шасцярынёва падчас сустрэчы з ужо дарослым сынам. Ключавыя моманты апавядання – пранікнёна-эмацыянальныя сцэны развітання з малым Васільком і сустрэча з ім у вызваленай ад фашыстаў спаленай вёсцы, ствараюць своеасаблівы элегічна-роздумны настрой, з іх дапамогай аўтар ацэньвае паводзіны галоўнага героя.

Атмасфера перадваенных і першых ваенных гадоў дакладна перададзена ў апавяданнях “Самы шчаслівы чалавек”, “У баку ад дарогі”, героі якіх – юнакі, захопленыя рамантыкай вайны.

Такім чынам, апавяданням І. Чыгрынава на ваенную тэму ўласціва праўдзiвае бачанне складаных перыпетый ваеннай рэчаіснасці. Асэнсоўваючы тэму “дзеці і вайна”, пісьменнік у сваіх апавяданнях малюе такіх не па гадах дарослых, дчасна пасталелых у дні вайны дзяцей, расказвае пра пакуты і гора, якія ім даводзілася перажыць. Для апавяданняў І. Чыгрынава на ваенную тэму характэрна няспешная апавядальная манера, глыбокі шматзначны падтэкст, увага да дэталей. Пры раскрыцці характараў персанажаў пісьменнік па-майстэрску выкарыстоўвае такі мастацкага прыём, як дыялог. Апавяданні прывабляюць моцным гуманістычным пафасам, псіхалагічнай насычанасцю.

Літаратура

1. Грамадчанка, Т. К. Жывая памяць народа : нарыс творчасці І. Чыгрынава / Т. К. Грамадчанка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1984. – 112 с.
2. Марціновіч, А. А. Іван Чыгрынаў: Нарыс жыцця і творчасці: Дапам. для настаўнікаў. / А. А. Марціновіч. – Мінск : Народная асвета, 1999. – 176 с.
3. Чыгрынаў, І. Г. Апавяданні : для ст. шк. ўзросту / І. Г. Чыгрынаў – Мінск : Мастацкая літаратура, 2007. – 207 с.

УДК 811.111

Волкова Карина Вадимовна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

karinotchka2055@gmail.com

ФУНКЦИИ ПОСЛОВИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АНГЛИЙСКИХ АВТОРОВ)

В статье рассматриваются особенности употребления пословиц в художественном тексте. Определяются основные функции пословиц в литературных произведениях английских авторов. Дается краткий обзор специфики использования пословиц отдельными авторами.

Ключевые слова: паремиология, пословица, английская литература, функция

This article examines the use of proverbs in fiction. The main functions of proverbs in literary works by English authors are identified. A brief overview of the specific uses of proverbs by individual authors is provided.

Keywords: paremiology, proverb, English literature, function

Пословицы не только фиксируют обобщённый жизненный опыт, но и активно участвуют в коммуникативных процессах, реализуя разные функции: когнитивную, регулятивную, оценочную, эмоционально-экспрессивную, эстетическую и прагматическую. Однако функциональная сторона пословиц представляет собой один из мало разработанных аспектов паремиологии [1].

Цель исследования – выявить и описать типичные функции пословиц в языке английской художественной литературы.

Исследование показало, что коммуникативная функция проявляется в способности пословиц служить инструментом передачи информации и организации диалога. Пословица вводится в текст для усиления выразительности, для придания высказыванию убедительности или для смягчения категоричности утверждения. Часто она выступает в роли аргумента, «народного доказательства» (формы, к которой апеллирует говорящий для подкрепления своей точки зрения).

Когнитивная функция заключается в том, что пословицы фиксируют типовые формы знания о мире и закрепляют их в коллективном сознании. Они формируют систему культурных стереотипов, отражающих способы осмысления человеческого опыта. С этой точки зрения пословицы — это своего рода когнитивные схемы, с помощью которых человек структурирует действительность. Пословицы, выражающие причинно-следственные связи, выполняют роль ментальных моделей поведения, устанавливающих закономерности между действием и последствием.

Регулятивная функция связана с воздействием пословиц на поведение адресата. Через них транслируются социальные нормы, моральные установки и поведенческие образцы, закреплённые в культуре. Пословицы выполняют функцию морального контроля, служат инструментом воспитания и социализации. В художественных текстах эта функция часто реализуется через речь персонажей, что позволяет автору показать их систему ценностей и социальную принадлежность.

Оценочная функция проявляется в способности пословиц выражать народную оценку событий, поступков или черт характера. Посредством пословичных высказываний устанавливается определённая иерархия ценностей (труд и смелость вознаграждаются, лень и жадность порицаются). Таким образом, пословицы выступают как выразители коллективного этического кода.

Эмоционально-экспрессивная функция особенно заметна в художественном тексте. Пословицы помогают передать эмоциональное состояние персонажей, их отношение к происходящему, создать атмосферу иронии, сарказма или

философского раздумья. Во многих произведениях пословицы нередко приобретают дополнительный подтекст, отражающий психологическое состояние героев или авторскую позицию.

Эстетическая функция тесно связана с художественной организацией текста. Пословицы придают речи ритмичность, лаконизм, повышают степень выразительности. Они выполняют роль стилистического украшения и одновременно участвуют в построении художественного мира произведения. За счёт включения пословиц текст обретает особую многослойность: поверхностный смысл дополняется культурно-ассоциативным, а реальность — символическим измерением.

В целом анализ функциональных особенностей пословиц показывает, что их использование в речи и в литературе выходит далеко за пределы дидактического или декоративного значения. Пословицы выполняют роль активных смыслообразующих элементов, обеспечивающих диалог между культурной традицией и индивидуальным авторским сознанием.

Для иллюстрации функций пословиц рассмотрим примеры из английской художественной литературы XIX–XX веков, где народные выражения не только передают колорит определенной эпохи, но и выполняют концептуальные задачи.

В романе У.С. Моэма «Christmas Holiday» используется пословица *Accidents will happen in the best-regulated families*, которая выражает идею неизбежности случайностей. В контексте произведения она приобретает философское значение: герои сталкиваются с хаосом человеческих страстей, а пословица становится символом жизненной непредсказуемости. Здесь реализуются сразу несколько функций: коммуникативная — персонажи используют пословицу в разговоре; когнитивная — она формулирует обобщённое знание о мире; регулятивная — выражает совет не сопротивляться неизбежному; и экспрессивная — придаёт интонацию примирённости.

В произведении Ч. Диккенса «David Copperfield» пословица *Never say die* употребляется в речи второстепенного персонажа, чья беззаботная жизнерадостность контрастирует с тяжёлыми обстоятельствами. Пословица служит не только характеристикой героя, но и носителем авторской иронии. Её функция — эмоционально-экспрессивная и характеризующая: через неё раскрывается психология персонажа, его оптимизм и наивность.

В романе Дж. Оруэлла «Animal Farm» пословицы используются как инструмент политической сатиры. Фраза *All animals are equal, but some animals are more equal than others* имитирует форму пословицы, но на деле представляет собой её искажение, пародию. Здесь реализуется метатекстуальная функция: пословичный шаблон используется для демонстрации деградации идеалов и манипуляции массовым сознанием.

У Дж. Голсуорси в «The Forsyte Saga» пословица *A man's home is his castle* употребляется в контексте, где главный герой защищает своё имущество. Но в

тексте выражение приобретает ироническое звучание, раскрывая буржуазную замкнутость и духовную ограниченность. Таким образом, традиционная поговорка выполняет эстетическую и оценочную функции: она используется как приём социальной характеристики.

Функционирование поговорок в английских художественных текстах определяется рядом специфических особенностей [2], связанных как с лингвистическими, так и с культурными факторами.

Во-первых, в английской традиции поговорки тесно связаны с концептом “Common sense” (практической мудростью, ориентированной на опыт). Поэтому большинство английских поговорок выражает рациональные принципы поведения, житейскую осторожность, умеренность, трудолюбие, честность. Эти ценности находят отражение в литературе, где поговорки становятся выразителями этики среднего класса, народного здравого смысла.

Во-вторых, для английского художественного дискурса характерна ироническая переоценка поговорок. Писатели часто используют их в перевёрнутом или пародийном виде, чтобы подчеркнуть конфликт между традиционной моралью и современной реальностью. Так, у О. Уайльда или Б. Шоу поговорки теряют поучительный характер и превращаются в средство сатирического воздействия.

В-третьих, поговорки в английских текстах выполняют интертекстуальную функцию, формируя связи между произведениями разных эпох. Шекспировские выражения, многие из которых стали поговорками (*Brevity is the soul of wit; The better part of valour is discretion*), переходят в последующую литературу как цитаты, создавая преемственность культурного кода.

Кроме того, в английской литературе наблюдается тенденция к индивидуализации поговорок. Авторы модифицируют их структуру, вводят новые элементы, нарушают ритм или синтаксис, чтобы придать выражению оригинальность. Такая трансформация позволяет не только сохранить связь с традицией, но и создать авторский подтекст. Например, в произведениях В. Голдинга поговорки используются в искажённом виде, что усиливает атмосферу тревоги и морального кризиса.

Специфика функционирования поговорок в художественном тексте проявляется в гибкости, сочетании традиционного и индивидуального, народного и авторского. Поговорки – инструмент художественного синтеза, объединяющего коллективное сознание и личное видение автора.

Таким образом, поговорки — это уникальные языковые образования, сочетающие в себе функции знака, текста и культурного символа. Они принадлежат не только к системе языка, но и к сфере культурной памяти. В художественном тексте поговорки выполняют комплекс функций — когнитивную, коммуникативную, оценочную, регулятивную, экспрессивную и эстетическую, — что делает их мощным инструментом художественной выразительности и концептуализации реальности. Их исследование требует междисциплинарного подхода.

плинарного подхода, включающего лингвистический, культурологический и когнитивный анализ.

Литература

1. Бредис, М. А. Паремиялогия на перекрестках языков и культур / М. А. Бредис, Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, Н. Ю. Нелюбова, Ю. А. Петрушевская. – М. : Изд-во РУДН, 2021. – 246 с.

2. Иванов, Е. Е. English Proverbs: from Literary Texts, in Literary Texts: Etymology, Usage, Variability / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская. – Могилев : МГУ имени А.А. Кулешова, 2016. – 76 с.

УДК 82-84

Вьюновец Анастасия Андреевна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

anastasiya.vyu@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ АФОРИЗМА КАК ЛИТЕРАТУРНОГО ЖАНРА

В статье рассматриваются особенности афоризма как литературного жанра. Дается определение афоризма. Перечисляются его основные признаки. Дается краткий обзор истории изучения афоризма. Определяются подходы к его изучению.

Ключевые слова: афоризм, литературный жанр, афористика, литературоведение

This article examines the characteristics of aphorism as a literary genre. It defines aphorism, lists its main characteristics, and identifies approaches to its study. A brief overview of the history of aphorism research is provided.

Keywords: aphorism, literary genre, aphoristics, literary criticism

Афоризм как искусная форма слова на протяжении многих веков привлекала внимание философов, литераторов, и лингвистов. Литературные афоризмы, насыщенные глубоким смыслом, представляют собой не просто удачные высказывания: в которых отражается менталитет, история и культура народа.

Интерес к понятию «афоризм» стал особенно актуальным вопросом в филологической науке в середине XX века, что было вызвано возрастающей к нему популярностью в европейской литературе. Несмотря на многочисленные исследования, точное определение афоризма остается предметом дискуссий. В среде ученых возникала даже мысль отказаться от использования термина *афоризм*, ссылаясь на его неоднозначность и многогранность [1, с. 88].

Первые попытки изучения афоризма возникли в рамках литературоведения, где основное внимание уделялось их художественным и эстетическим

особенностям. В немецком сборнике “Der Aphorismus: zur Geschichte, zu den Formen und Möglichkeiten einer literarischen Gattung” (1976) был впервые представлен комплексный анализ происхождения и структуры афоризмов, включающий лингвистические исследования их синтаксических и морфологических характеристик [2].

Первым фундаментальным трудом на русском языке по данной теме и важным вкладом в развитие афористики как филологической науки стала монография М. Т. Федоренко и Л. И. Сокольской «Афористика» (1990). Ее авторы провели глубокий анализ различных подходов к изучению афоризмов, сформулировав оригинальные концепции [3].

Важным вкладом в развитие афористики является монография Е. Е. Иванова «Дифференциальные приметы афоризма» (2004), которая посвящена развитию лингвистической теории афоризма. Ее автором определяются основные семиотические классы и семантические типы афоризмов [4]. Также в этой монографии выделяются и последовательно анализируются ключевые этапы формирования и эволюции этой научной дисциплины, начиная от определения понятия афоризма в 1930-е годы и заканчивая современными подходами к его изучению. Так, на первом этапе происходило становление терминологического аппарата и формирование концепции афоризма как лингвистического явления. В этот период были разработаны основные методологические подходы к его исследованию, что позволило четко отграничить афоризм от других языковых явлений. Второй этап характеризовался углубленным анализом и дифференциацией афоризма как специфической языковой единицы. В этот период были определены основные критерии и параметры, которые позволяют выделить афоризм в ряду других языковых феноменов. Третий этап отличался многообразием концепций и подходов к изучению афоризма. Активное развитие различных направлений лингвистики способствовало более глубокому пониманию природы афоризма и его роли в системе языковых средств [4].

Оригинальный взгляд на афоризм разработан в британской филологии. Так, Логан Смит, известный британский эссеист и критик американского происхождения, в своей книге “A Treasury Of English Aphorisms” (1928) определяет «афоризм» как краткое и содержательное высказывание, которое передает значимую мысль. В отличие от аксиомы, которая представляет собой утверждение, самоочевидное в своей истинности, и теоремы, доказанной в рамках научных или математических дисциплин, афоризм затрагивает вопросы жизни и человеческой природы, не поддающиеся строгому научному обоснованию [5]. Автор справедливо отмечает, что абсолютных истин в кратких высказываниях не существует, а у каждого мудрого изречения есть противоположное, чтобы сбалансировать его. Афоризм отражает лишь определенный аспект истины, и его перефразирование может выявить более тонкие нюансы и дополнительные интерпретации. В процессе создания афоризмов важны ясность, четкость

и соответствие выражаемой мысли, однако одной лишь ясности недостаточно. Афоризм не просто передает истину; он должен обладать стилистическим качеством [5].

Логан Смит описывает и способности, которыми должен обладать автор афоризмов: “To polish common places and give them a new lustre; to express in a few words the obvious principles of conduct, and to give to clear thoughts an even clearer expression; to illuminate dimmer impressions and bring their faint rays to a focus; to delve beneath the surface of consciousness to new veins of precious ore, to name and discover and bring to light latent and unnamed experience; and finally to embody the central truths of life in the breadth and terseness of memorable phrases – all these are the opportunities of the aphorist” (‘Отполировать общее и придать этому новый блеск; выразить в нескольких словах очевидные принципы поведения и придать и без того ясным мыслям еще более ясное выражение; осветить тусклые впечатления и сфокусировать их слабые лучи; проникнуть под поверхность сознания к новым жилам драгоценной руды, называть, открывать и проливать свет на скрытый опыт; и, наконец, воплощать вечные жизненные истины в широте и лаконичности запоминающихся фраз – все это возможности афориста’) [5].

Основные подходы к исследованию афоризма классифицируются в монографии Е. Е. Иванова «Афоризмы ў мове і мова афарызмаў (аспекты тэорыі афарыстыкі)» (2024) следующим образом: (а) фольклористический подход, который фокусируется на изучении народных изречений и их культурной значимости; (б) философско-научный подход, анализирующий афоризм как инструмент мысли и средство выражения философских концепций; (в) литературоведческий подход, рассматривающий афоризм как способ осмысления мира в литературных произведениях; (г) языковедческий подход, исследующий афоризм как средство передачи информации о реальности и формирования языковой картины мира; (д) риторический подход, который анализирует афоризм как инструмент формирования мысли и убедительной речи, а также как средство воздействия на аудиторию [6].

Данная классификация предполагает исследование афоризма с точки зрения междисциплинарного подхода, который учитывает многоаспектность и многогранность изучаемого понятия. Современный этап характеризуется вовлечением афоризма в междисциплинарные исследования. В этот период применяются методы литературоведения, фразеологии, лингвострановедения и функционально-семантической типологии, что позволяет всесторонне исследовать афоризм как сложное явление.

Однако наиболее распространенным является литературоведческий подход в понимании и изучении афоризма. Согласно ему афоризмы отличаются краткостью и чёткостью выражения мысли, могут иметь несколько интерпретаций. Авторы часто используют метафоры, аллегории и другие приёмы для

усиления выразительности, что позволяет глубже понять содержание. Афоризмы содержат мысли, которые актуальны для разных времён и культур. Они могут быть основаны на общечеловеческих ценностях, жизненных наблюдениях или философских концепциях.

Литература

1. Иванов, Е. Е. Лингвистика афоризма / Е. Е. Иванов. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 152 с.
2. Der Aphorismus. Zur Geschichte, zu den Formen und Möglichkeiten einer literarischen Gattung / Hrsg. von G. Neumann. – Darmstadt : Verlag Wiss. Buchges, 1976. – VI, 509 S.
3. Федоренко, М. Т. Афористика / М. Т. Федоренко, Л. И. Сокольская. – М. : Наука, 1990. – 419 с.
4. Иваноў, Я. Я. Дыферэнцыяльныя прыметы афарызма / Я. Я. Иваноў. – Магілёў : Брама, 2004. – 160 с.
5. Smith, L. P. Introduction / L. P. Smith // A Treasury of English Aphorisms / ed., with an introd. by L. P. Smith. – London : Constable, 1928. – P. 1–50.
6. Иваноў, Я. Я. Афарызмы ў мове і мова афарызмаў (аспекты тэорыі афарыстыкі) / Я. Я. Иваноў – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2024. – 296 с.

УДК 811.161'42+81:008(476)(=161.1)

Жишкевич Алёна Игоревна

Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка

(г. Минск, Республика Беларусь)

zhyshkevich@bspu.by

СИНКРЕТИЗМ ЯЗЫЧЕСТВА И ХРИСТИАНСТВА КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРНОГО КОДА БЕЛОРУСОВ (СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)

В статье рассматривается понятие «культурный код» и его соотношение со смежными терминами лингвокультурологии: концептом, лингвокультуремой и прецедентным феноменом. Культурный код определяется как метауровневая структура, организующая эти элементы в единую систему. На материале произведений белорусской литературы анализируется репрезентация одного из ключевых компонентов культурного кода белорусов – синкретизма языческих и христианских традиций. Автор демонстрирует, как данный синкретизм реализуется в художественных текстах через систему концептов, лингвокультурем и интертекстуальных связей.

Ключевые слова: культурный код, национальная идентичность, синкретизм, язычество, христианство, белорусская литература, концепт, лингвокультура, прецедентный феномен, художественный текст

This article examines the concept of the «cultural code» and its relationship to the related terms in linguoculturology: concept, linguocultural item, and precedent phenomenon. The cultural code is defined as a meta-level structure that organizes these elements into a unified system. Using examples from Belarusian literature, the author analyzes the representation of one of the key components of the Belarusian cultural code – the syncretism of pagan and Christian traditions. The author demonstrates how this syncretism is realized in literary texts through a system of concepts, linguocultural items, and intertextual connections.

Keywords: cultural code, national identity, syncretism, paganism, Christianity, Belarusian literature, concept, linguocultural item, precedent phenomenon, literary text

В эпоху глобализации проблема сохранения национально-культурной идентичности приобретает особую остроту. Сущность любой национальной культурной системы как единого целого обуславливает некое ядро, определяющее её характерные черты. Сегодня в научных и публицистических текстах для обозначения такого ядра всё чаще используется понятие «культурный код», однако употребление данного термина зачастую носит интуитивно-понятный, но метафорический характер, что приводит к размытости понятия и затрудняет его однозначное применение в научном, в частности лингвистическом, контексте.

В лингвокультурологии культурный код понимается как система знаков, выступающих репрезентантами специфических культурных смыслов. В.В. Красных определяет код культуры как «сетку, которую культура набрасывает на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [1, с. 232–233].

Процесс инкультурации личности предполагает имплицитное усвоение национального культурного кода, который формирует её систему мировоззрения. Как отмечает В.Н. Телия, культура, аккумулируя историческую память этноса, транслируется через язык. «И язык, благодаря его кумулятивной функции, хранит её, обеспечивая диалог поколений не только из прошлого в настоящее, но и из настоящего в будущее» [2, с. 226]. Будучи первичной формой объективации культуры, язык репрезентирует её и в художественном тексте, который, по словам Н.В. Худолеев, «вплетён в ткань культуры нитями языка». «Язык привносит в текст посредством своих единиц фрагменты картины мира, закреплённой языком в сознании языковой личности. Кроме того, текст во внешнем плане порождён развитием культуры данного периода и отражает его идеи, то есть сам текст репрезентирует её» [3]. Следовательно, художественный текст можно рассматривать в качестве одного из ключевых инструментов сакрализации и трансляции национального культурного кода.

Для точности анализа важно разграничивать культурный код со смежными категориями, такими как концепт, лингвокультурема и прецедентный феномен. Концепт – это, прежде всего, единица сознания, элемент картины мира. Культурный код – это система, механизм или правило, которое организует и

связывает множество концептов в единое смысловое поле. Лингвокультуре-ма – это конкретная, вербализованная единица, материализованная в языке. Культурный код – абстрактная система, стоящая за целыми классами таких единиц. Лингвокультуре-мы являются способами реализации культурного кода в языке. Прецедентные феномены – это конкретные тексты культуры, которые знают все представители данного этнического сообщества. Они являются носителями и трансляторами культурного кода. Сам же культурный код – это тот глубинный смысл, та схема, которая делает эти феномены прецедентными. Таким образом, культурный код выступает как метауровневая структура по отношению к концептам, лингвокультуре-мам и прецедентным феноменам. Если последние являются единицами анализа, то культурный код – это правило их организации и декодирования, та самая «сетка» (по В. В. Красных), которая придаёт им системность и культурную значимость.

Одним из важнейших составляющих культурного кода белорусов является синкретизм язычества и христианства. Основу язычества составляют мифы, выражающие взгляды наших предков на устройство мира, природные явления и процессы, предметно-вещественное окружение [4, с. 156]. Именно мифологические верования определили те архетипические воззрения белорусов, которые и сформировали впоследствии культурный код белорусского народа.

Процесс христианизации белорусских земель в конце X века был постепенным и носил компромиссный характер. Вступая во взаимодействие с местными языческими верованиями и укладом жизни, христианство не только трансформировало их, но и само подверглось воздействию специфических социокультурных условий жизни местного населения. В результате возник уникальный синтез, где язычество, формально уступив, органично впиталось в новую религиозную систему. Языческие верования белорусов не исчезли, а только видоизменились. Так, языческие боги были замещены христианскими святыми, а древний календарь и обряды легли в основу православных праздников. Этот симбиоз и сформировал уникальную культурную картину мира белорусов.

Проанализируем основные способы репрезентации синкретизма языческих и христианских традиций в белорусской художественной литературе. В качестве материала для анализа были выбраны художественные произведения из школьной программы по белорусской литературе, поскольку именно в школьном возрасте происходит активный процесс инкультурации – усвоения традиционных культурных кодов и ценностей.

Синкретизм язычества и христианства в белорусской литературе выступает как системообразующий элемент, связывающий воедино несколько ключевых концептов белорусской ментальности, таких как *Бог/божество, обряд/таинство, храм/святилище, вера* и др. (см. табл.).

Концепты, реализующие синкретизм язычества и христианства

Синкретизм язычества и христианства		
Концепт	Сущность концепта	Цитата из художественного текста
Бог/божество	Высшая, абсолютная, сверхъестественная сущность, являющаяся источником бытия и творцом мира. Может быть монотеистической (Бог в христианстве) или политеистической (пантеон богов в язычестве).	<i>Каб даў Бог здохнасіці, ахвоты / Да вашай новае работы</i> (Я. Колас «Новая зямля»); <i>Дарогі, вечныя дарогі! / Знаць, вам спрадвеку самі богі, / Калі красёныя жыцця ткалі, / І вашы лёсы вызначалі</i> (Я. Колас «Новая зямля»); <i>Вячка ўсхапіўся, як шалёны тур, цяжка тупнуў нагою, закрываў: – Хто пасмеў парушыць маю размову з Богам? (Л. Дайнека «Меч князя Вячкі»);</i> <i>– Ну, Халадок, глядзі – калі не да добра твая вестка, возьме цябе Карачун</i> (Л. Дайнека «Меч князя Вячкі»). Карачун – бог смерти в славянской мифологии.
Обряд/таинство/ ритуал	Установленное действие, имеющее сакральный смысл и являющееся знаком благодати Божьей в христианстве или служащее для связи с богами, предками и силами природы в язычестве.	<i>Тым часам маці тарапліва / Закон дзядоў сваіх спаўняе: / Кладзе кусочак хлеба з соллю / Пад красны кут у завуголле</i> (Я. Колас «Новая зямля»); В этом отрывке языческий обряд благословения дома хлебом и солью сочетается с христианским красным углом.
Храм/святилище	Сакральное пространство, специально, предназначено для богослужений и обрядов в христианстве или место силы, место почитания богов и совершения ритуалов в язычестве.	<i>Халадок спяшаўся да церама і не ведаў, што ўжо другую ноч Вячка не спіць, паліць у царкве свечкі, адзін, без людскога вока, моліцца, развітваецца назаўсёды з дачкой</i> (Л. Дайнека «Меч князя Вячкі»); <i>У мяне была жонка Данутэ і трое дзяцей. Прыйшлі псы з Рыгі, і мая сям'я, як і ўсе нашы суседзі, схавалася ў зямной пячоры, пад каранямі святшчэннага дуба</i> (Л. Дайнека «Меч князя Вячкі»).

Синкретизм язычества и христианства		
Концепт	Сущность концепта	Цитата из художественного текста
Вера	Вера в христианстве – основополагающее отношение доверия, преданности и признания истинности Бога и религиозных догматов без необходимости эмпирических доказательств. Вера в язычестве – это система дохристианских верований, включающая политеизм, почитание духов, предков и сил природы.	<i>Я буду малиця і сэрцам, і думамі, / Распетаю буду малиця душой <...> Я буду малиця да яснага сонейка <...> Я буду малиця да хмараў з зрымотамі <...></i> (Я. Купала «Мая малітва»). В стихотворении представлено синкретическое мировосприятие, где христианская вера и языческое одушевление природы сливаются в единую мощную молитву за родную землю и свой народ.

Синкретизм язычества и христианства реализуется в художественной литературе с помощью таких лингвокультурем, как *Купалье*, *Каляды*, *папараць-кветка*, *Дзяды* и др. Например, лингвокультурема *Купалье* отражает слияние языческого обряда с христианским календарём: церковная дата (Рождество Иоанна Предтечи) придала празднику новый смысл, но народная обрядность сохранила древнюю магическую основу. Синкретизм праздника отражается в художественной литературе, где сам праздник упоминается как святой, христианский, но в описании праздника можно увидеть языческие ритуалы: прыжки через костёр, сбор целебных трав, поиск папараць-кветки: *На Купалле на святое / Рві, матуля, зелле тое, / Што ў нас папараць за-веіца! / І шчаслівым быць здаецца!* (Я. Купала «На Купалле»); *Заўтра Іван святы!* – так дабродзей кажа (В. Дунин-Марцинкевич «Купала»); *Дзеўкі на-скара пад'еді, / Пад касцёр угрунь ляцелі / Цераз полымя скакаць* (В. Дунин-Марцинкевич «Купала»).

Синкретизм язычества и христианства реализуется в художественной литературе в том числе и с помощью интертекстуальности. Так, например, в сказке В. Ширко «Дзед Манюкін і унукі» мы можем увидеть интертекстуальные отсылки и к язычеству, и к христианству через упоминание прецедентных имён как библейских, так и мифических существ: *Э-э, слухайце, саколікі, ичы-рую праўду раскажу, дзед Манюкін не салжэ. Раней нячыстай сілы – ведзьмаў розных, пярэваратняў, вурдалакаў было, не раўнуючы, як тых уюноў у старой копанцы; Ад Адама ловяць рыбу людзі. І прадзед мой лавіў, і дзед, і бацька.* Владимир Ширко сочетает в данной сказке отсылки и к народным заговорам, и к библейским сюжетам: *Як ні кажы, свяжэй у такой ямцы, чым у торбе...*

Ды, пэўна, стараўся дарма – не бярэ, **хоць замовы гавары**, як мой дзед: Чэрці, чэрці! / Памажыце рыбу перці. / Аддам жонку і дзеці, / Каб не было дзе рыбу дзеці; Мне здаецца, дзеда яшчэ можна перавыхаваць. Не такі ўжо і стары ён. Вунь у **Бібліі напісана** (баба чытала), што людзі сотні гадоў жылі. Толькі праз 930 гадоў памёр Адам. Па гэтых мерках дзед маладзей за мяне, Гараську (В. Ширко «Дзед Манюкін і унукі»).

Таким образом, синкретизм язычества и христианства в Беларуси создаёт уникальную культурную модель, где человек живёт в двухмерном мире: в воскресенье он ходит в церковь, а в ночь на Ивана Купалу ищет цветок папоротника и прыгает через костёр. Это мировоззрение, в котором христианское провидение и языческая магия, молитва и заговор, святой и домовый существуют не в противоречии, а как взаимодополняющие части единой, сложной и очень поэтичной картины мира. Синкретизм язычества и христианства является значимым компонентом культурного кода белорусов и реализуется в художественных текстах посредством концептов, лингвокультурем и интертекстуальных связей.

Літэратура

1. Красных, В. В. Этнопсихолінгвістыка і лінгвокультуролагія / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 282 с.
2. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 285 с.
3. Худoley, Н. В. Художественный текст как транслятор культурного кода нации [Электронный ресурс] / Н. В. Худoley. – 2013. – Режим доступа : <http://culture-code.ru/wp-content/uploads/2015/12/текст-как-код.pdf>. – Дата доступа : 19.09.2025.
4. Седов, В. В. Восточные славяне в VI–XIII веках / В. В. Седов. – М. : АСТ, 2006. – 345 с.

УДК 7.046

Кармызова Анна Сергеевна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

karmyzann@gmail.com

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (АРХАИКА И ТРАНСФОРМАЦИЯ)

Статья посвящена анализу специфики восточнославянской мифологической системы в контексте общеевропейских традиций. Рассматривается диалектика сохранения и трансформации архаических элементов под влиянием христианизации и межкультурных взаимодей-

ствий. Особое внимание уделено уникальным адаптационным механизмам мифологического сознания и специфике демонологических представлений.

Ключевые слова: мифологическая трансформация, архаические элементы, демонология, культурный синтез, компаративный анализ

The study is devoted to the analysis of the specifics of the East Slavic mythological system in the context of pan-European traditions. The dialectic of preservation and transformation of archaic elements under the influence of Christianization and intercultural interactions is considered. Special attention is paid to the unique adaptive mechanisms of mythological consciousness and the specifics of demonological representations.

Keywords: mythological transformation, archaic elements, demonology, cultural synthesis, comparative analysis

Восточнославянская мифология представляет особый научный интерес как пример синтеза индоевропейского наследия и уникальных культурных адаптаций. Ее становление происходило в условиях интенсивного взаимодействия с финно-угорскими и тюркскими традициями при особом характере христианизации.

Архаическое ядро и его модификации. Мифологическое сознание восточных славян демонстрирует парадоксальное сочетание сохранения древних индоевропейских структур и их глубокого переосмысления. Бинарная оппозиция «своего» (культурного) и «чужого» (природного) пространства получает здесь особое наполнение, отражающее специфику освоения территорий.

Значительную трансформацию претерпевает архетип Мирового Древа. Как отмечает Л.С. Винокуров, в местной традиции происходит «смещение акцента с космологической функции на практико-магическую: древо становится скорее порталом в иные миры, нежели структурной осью мироздания» [1, с. 45]. Эта переориентация свидетельствует об утилитарном подходе к сакральным символам.

Своеобразной реконфигурации подвергся и пантеон богов. Характерной особенностью становится маргинализация верховных существ и расцвет низшей мифологии. Данный процесс обусловлен как отсутствием развитого жреческого института, так и спецификой народного земледельческого культа. Христианизация активизировала процессы синкретизма: языческие божества либо демонизировались, либо ассимилировались с образами христианских святых.

Персонажи низшей мифологии («хозяева» природных локусов) отличаются высокой степенью абстрактности. По наблюдению А.К. Федоровича, они «воспринимаются скорее как персонифицированные функции природных стихий, нежели как антропоморфные существа» [2, с. 112], что указывает на глубокую архаичность этих представлений.

Специфика демонологических образов. Сравнительный анализ мифологических героев раскрывается через уникальные черты восточнославянской

демонологии. Образ русалки, в отличие от западноевропейской традиции, связан не с морской стихией, а с культом «заложных» покойников и пресноводными водоемами.

Концепция упыря также демонстрирует своеобразие: здесь акцент смещен на «прижизненный» демонизм, когда носитель злой силы может действовать еще до физической смерти. Это отражает глубокую интеграцию магических представлений в демонологию.

Культурные взаимодействия. Специфика восточнославянской мифологии формировалась в условиях интенсивных культурных контактов. Финно-угорский субстрат повлиял на развитие отдельных образов и культов, в то время как балтийские и тюркские взаимодействия обогатили мифологическую систему новыми элементами, не нарушая ее базовой структуры.

Таким образом, восточнославянская мифологическая традиция представляет собой уникальный пример культурной адаптации, где сохранение архайческого ядра сочетается с его глубокой трансформацией. Эволюция шла по пути демифологизации верховного пантеона и расцвета низшей демонологии, что отразило практическую ориентацию народного сознания. Специфические черты мифологических персонажей и их функциональность позволяют рассматривать эту традицию как самобытную ветвь европейского культурного наследия.

Литература

1. Винокуров, Л. С. Архаические мотивы в белорусском фольклоре / Л. С. Винокуров. – Минск : Наука и техника, 2015. – 234 с.
2. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М. : Индрик, 1997. – 528 с.
3. Иванов, В. В. Исследования в области славянских древностей / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – М. : Наука, 1974. – 342 с.
4. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1946. – 364 с.
5. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1981. – 608 с.
6. Толстой, Н. И. Очерки славянского язычества / Н. И. Толстой. – М. : Индрик, 2003. – 622 с.
7. Федорович, А. К. Духи места в верованиях восточных славян / А. К. Федорович. – СПб. : Алетейя, 2018. – 189 с.

Кононкова Елена Викторовна
Средняя школа № 38 г. Могилева
(г. Могилев, Республика Беларусь)
helen_a_212@mail.ru

Денисенко Полина Максимовна
Средняя школа № 38 г. Могилева
(г. Могилев, Республика Беларусь)
school38@octroomog.by

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТИХОТВОРЕНИЯ НАТАЛЬИ МИХАЛЬЧУК «РАЙСКИЙ УГОЛОК»

В статье анализируется стихотворение Натальи Михальчук «Райский уголок», в котором раскрывается тема единства природы и внутреннего мира человека. Пейзаж рассматривается как отражение душевного состояния лирической героини, для которой природа становится источником утешения и духовной силы. Особое внимание уделяется символике образов: водопад олицетворяет очищение, ромашки – надежду, клевер – счастье. Показано, что гармония и счастье постигаются через страдание и внутреннее преодоление, различные художественные средства (эпитеты, метафоры, олицетворения, антитезы, аллитерации) создают музыкальность и эмоциональную глубину текста. Подчеркивается, что стихотворение соотносится с традициями русской лирики XIX–XX вв. и современными поисками духовного равновесия в природе, «райский уголок» – это не только пейзаж, но и символ внутреннего света, обретенного через испытания.

Ключевые слова: русская поэзия, природа, внутренний мир, гармония, символика, духовное очищение, пейзаж, лирическая героиня, внутренний свет

The review is devoted to the analysis of Natalia Mikhaltchuk's poem «Heavenly Corner», which reveals the theme of the unity between nature and the inner world of a person the author of the review interprets the landscape as a reflection of the lyrical heroine's emotional state, for whom nature becomes a source of comfort and spiritual strength. Special attention is paid to the symbolism of images: the waterfall represents purification, daisies symbolize hope, and clover stands for happiness. The review demonstrates that harmony and happiness are attained through suffering and inner overcoming. The analysis focuses on the use of artistic devices such as epithets, metaphors, personifications, antitheses, and alliterations, which create the poem's musicality and emotional depth. The poem is correlated with the traditions of Russian lyric poetry of the 19th – 20th centuries and with contemporary quests for spiritual balance in nature. The review emphasizes that the «heavenly corner» is not only a landscape but also a symbol of inner light gained through trials.

Keywords: Russian lyric poetry, nature, inner world, harmony, symbolism, spiritual purification, landscape, lyrical heroine, inner light

В стихотворении «Райский уголок» Натальи Михальчук органично сочетаются темы единства природы и внутреннего мира человека. «Райский уголок» – это не только красивый пейзаж, но и символ душевного утешения, которое рождается через страдание. Авторская идея прослеживается во всем

стихотворении: истинная красота и счастье становятся ценными лишь тогда, когда они выстраданы. Природа – источник духовной силы, она отражает и боль, и свет, помогая человеку обрести гармонию.

Художественное пространство в произведении – это “райский уголок”, окружённый ромашками, клевером, водопадом. Оно изображается как особое место силы, где природа оживает и становится действующим лицом: растения и птицы – “зрители”, водопад “смеётся”. В стихотворении можно выделить не только природное, но и символическое пространство. Это не просто пейзаж, а образ внутреннего мира лирической героини. *Водопад* – символ очищения, *ромашки* – символ надежды, *клевер* – счастья. Пространство в стихотворении замкнутое, оно выделено из окружающего мира, противопоставлено “обычной жизни”.

Временные рамки в стихотворении не конкретизированы, но по образу *белым-бело от каши* можно предположить летний пейзаж в цветении. Время в стихотворении лирическое и условное: оно не течет, а как будто “останавливается” в момент созерцания. Ощущается эффект непосредственного присутствия и вечности, потому что лирическая героиня говорит в настоящем времени: *заслушаюсь, не могу уйти, дрожат*. Для героини важен именно миг откровения, когда душа и природа совпадают, а прошлое и будущее остаются “за кадром”. Такое художественное время и пространство подчёркивают философскую идею: истинная гармония достигается в мгновении созерцания, через страдание и обретение света.

Лирическая героиня не просто созерцает этот мир, она вступает с ним в диалог: птицы, растения, вода – все становятся участниками переживания. Особенно сильным звучит мотив двойственности: свет и милость соседствуют с бедой, а отчаяние – с “весёлым” верованием. Именно этот мотив делает стихотворение честным и человечным: оно не обещает гармонии, а показывает, что красота и смысл рождаются именно через испытания.

Поэтический язык насыщен образами: *водопад, смеющийся от боли; клевера дрожат от восхищенья; истерзанная камнями вода*. Всё это находит отклик в душе, потому что соединяет внешнюю картину с внутренним состоянием человека.

Стихотворение состоит из пяти строф. В первой строфе дается описание природы: небесный свет и ромашки, дающие надежду. Во второй строфе – переход к внутреннему состоянию лирической героини: *отчаянье веселое; водопад, смеющийся от боли*. В третьей строфе лирическая героиня осознаёт силы природы, которая даёт поддержку. Для неё природа – *крылья для души*. В четвертой строфе природа сама участвует в действии: “птицы и растения – зрители”. В пятой строфе виден вывод о цене красоты, рождающейся через страдание.

Стихотворение “Райский уголок” – не просто личное переживание автора, а произведение, которое вписывается в широкий социокультурный контекст.

Во-первых, стихотворение “Райский уголок” продолжает традиции русской классической поэзии XIX–XX веков. Как и у Ф. Тютчева, А. Фета, С. Есенина, природа становится не просто фоном, а “собеседником” человека, отражает его внутреннее состояние. Во-вторых, название “Райский уголок” отсылает к библейскому образу рая как утраченной гармонии, к поиску света и милости среди испытаний. В-третьих, прослеживается современный культурный контекст. В XXI веке интерес к природе усиливается на фоне кризисов: экологических, социальных, психологических. Лирическая героиня ищет опору в мире, где природа мудрее и “чутче” людей – это современные поиски духовной опоры в природе. В-четвёртых, присутствуют фольклорные и символические элементы: *ромашка* – традиционный символ чистоты, надежды и гаданий о любви, *вода* – символ очищения и обновления, *клевер* – растение, связанное с удачей и счастьем в народной культуре.

В стихотворении “Райский уголок” используется богатый набор художественных средств, которые создают его эмоциональную глубину и образность. Эпитеты *белым-бело*, *небесные улыбки*, *отчаянье веселое* усиливают настроение стихотворения, помогают ощутить красоту и драматизм поэтической картины. Олицетворение *водопад, смеющийся от боли* соединяет противоположные чувства в одном образе. Олицетворения *клевера дрожат от восхищения*, *растенья – зрители* способствуют тому, что природа изображается как живой участник переживаний. Метафора *для сокрушенности душевной крылья* показывает внутреннее возрождение через страдание, а метафора *слез пролилось* раскрывает красоту места как результат испытаний. Антитезы *беда – свет и милость*, *бессилье – сила* подчеркивают контраст между страданием и надеждой. Символика: *ромашки* – надежда и простота; *водопад* – не только буря чувств и испытаний, но и очищение; *райский уголок* – не только место, но и духовное состояние, достигнутое через страдания. Все художественные средства в стихотворении работают на главное: показать, что подлинная красота и “рай” не даны легко, а выстраданы и потому особенно ценны.

Стихотворение “Райский уголок” написано пятистопным ямбом, рифмовка перекрёстная (АВАВ), иногда чередующаяся с опоясывающей (АВВА). Автор активно использует неточные (ассонансные) рифмы: *весельем – бессилья*; *растенья – восхищения*. Рифмовка в “Райском уголке” не строго классическая, а гибкая: в основе – перекрёстная рифма, но часто с элементами неточной или ассонансной. Это создаёт живое звучание и внутреннюю эмоциональность текста.

Стихотворение “Райский уголок” относится к жанру пейзажно-философской лирики с элементами исповедальности, потому что в нем соединены три пласта: конкретный природный образ, философские размышления о смысле страдания и источниках духовной силы, личные переживания автора.

В стихотворении используются приемы и средства выразительной и образной речи. Прилагательные активно используются для передачи образ-

ности: *белым-бело, небесные, чутье, зорче*. Сравнительная степень прилагательных *чутье, зорче* – для усиления впечатления от природы. Местоимения *я, моего* подчеркивают личную позицию лирической героини. Динамичные формы глаголов *верят, влечет, добрести, дрожат, звенит* оживляют текст. Интересны и словообразовательные приёмы. Суффиксальные абстрактные существительные *сокрушенность, бессилье, восхищенье* передают состояние лирической героини. Префиксальные глаголы *добрести, заслушаюсь* – движение и процесс. Аллитерация усиливает образность и ритмику, имитирует шум природы, журчание воды, ассонанс создаёт певучесть, мягкость, иногда – грустный оттенок.

Как видим, стихотворение “Райский уголок” вписывается в широкий культурный контекст от фольклора и христианских мотивов до современного взгляда на гармонию человека и природы. Приемы и средства выразительной и образной речи помогают раскрытию темы стихотворения – темы единства природы и внутреннего мира человека.

Литература

1. Квятковский, А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский. – М.: СовЭн, 1966. – 375 с.
2. Михальчук, Н. Светлый день : стихотворения / Н. Михальчук. – Могилев : Информационное агентство «Могилевские ведомости», 2021. – 91 с.

УДК 821.161.1.09

Лавшук Оксана Анатольевна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

lavshuk_oa@m.msu.by

ДОМИНАНТЫ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ БЕЛАРУСИ

В статье описывается феномен русскоязычной поэзии Беларуси как уникального культурного образования, в котором национально-культурная идентичность обретает специфические формы репрезентации. На материале творчества современных русскоязычных поэтов выявляются содержательные и стилевые доминанты, формирующие идентичность в условиях билингвизма и пограничья культур. Делается вывод о том, что русскоязычная поэзия Беларуси представляет собой не маргинальное явление, а полноценную часть национального литературного процесса, вырабатывающую особые механизмы идентификации в ситуации транскультурного пограничья.

Ключевые слова: русскоязычная поэзия Беларуси, национально-культурная идентичность, гибридная идентичность, транскультура

The article examines the phenomenon of Russian-language poetry in Belarus as a unique cultural education in which national and cultural identity acquires specific forms of representation. Based on the creative work of modern Russian-speaking poets, meaningful and stylistic dominants that form identity in the context of bilingualism and the borderlands of cultures are revealed. It is concluded that the Russian-language poetry of Belarus is not a marginal phenomenon, but a full-fledged part of the national literary process, developing special identification mechanisms in the situation of the transcultural frontier.

Keywords: Russian-language poetry of Belarus, national and cultural identity, hybrid identity, transculture

Национально-культурная идентичность в литературоведческом дискурсе понимается как совокупность устойчивых представлений о национальном характере, историческом пути, духовных ценностях и культурных традициях, находящих выражение в художественных текстах. Русскоязычная литература, создаваемая писателями, живущими в Беларуси, является полноправным участником национального литературного процесса, что закономерно ставит вопрос о способах репрезентации в ней национально-культурной идентичности. Актуальность темы обусловлена необходимостью осмысления того, каким образом в русскоязычной поэзии Беларуси формируются, сохраняются и транслируются доминанты национально-культурной идентичности в условиях глобализации и культурного пограничья.

Важным теоретическим основанием является концепция гибридной идентичности, разрабатываемая в современной гуманитаристике. Применительно к русскоязычной литературе Беларуси это означает, что идентичность писателей не является раз и навсегда заданной, но формируется в постоянном диалоге двух культурных традиций. М. Эпштейн вводит понятие «транскультуры», которое оказывается чрезвычайно продуктивным для анализа русскоязычной поэзии Беларуси, поскольку «транскультура предполагает диффузию исходных культурных идентичностей по мере того, как индивиды пересекают границы разных культур и ассимилируются в них». Конечно, важно учитывать и бахтинское понимание гибридизации как «смешения двух социальных языков в пределах одного высказывания, встречи на арене этого высказывания двух разных языковых сознаний» [1, с. 170].

Ключевым механизмом формирования национально-культурной идентичности в русскоязычной поэзии Беларуси выступает оппозиция «свой / чужой». Исследованию этой доминанты посвящен ряд работ, в которых показывается, что противостояние «Своего» и «Чужого» обычно решается русскоязычными поэтами Беларуси в пользу первого, они сакрализируют образы родины, ценят свою национальную историю и искусство [4, с. 312; 5, с. 18]. Однако специфика русскоязычной поэзии заключается в сложности, неоднозначности самого противопоставления. Поэты воспринимают русскую культуру как «свою» [4, с. 312]. Это наблюдение принципиально значимо для понимания идентично-

сти русскоязычных авторов Беларуси. Они не оказываются в ситуации выбора между двумя культурами, но существуют в пространстве их продуктивного взаимодействия, где русская культура перестает быть «чужой» (как культура иного государства), но осмысливается как своя, родная.

Данный феномен можно интерпретировать в контексте понятия «пограничья», разрабатываемого в современных культурологических исследованиях. Культура пограничья формирует «особую социальную память мультикультурного пространства», которая откладывается в языке [2].

Показательным примером репрезентации гибридной идентичности является творчество Валентины Поликаниной. В её стихотворении «Корни» находим классическую формулу двойной идентичности: *Над Днепром широким желтый берег узкий... / Хоть язык мой – русский, сердцем – белоруска* [3, с. 104]. Этот пример фиксирует важнейший для русскоязычной поэзии Беларуси принцип: выбор языка творчества не тождествен выбору национальной идентичности. Русский язык выступает средством художественного выражения, тогда как глубинная эмоциональная связь с белорусской землей, с «сердцем» определяется через принадлежность к белорусскому этносу. Пространственный образ («Над Днепром широким желтый берег узкий») создает конкретно-чувственную основу этой идентичности – привязку к определенному ландшафту, к реке как одному из ключевых символов Беларуси. В этом же стихотворении Поликанина использует прием языкового смешения, создавая эффект бахтинской полифонии: *По родине “бульбы”, соленых горбушек, / Морщинистых, подслеповатых избушек, / По родине, где столько бед пережито, / По родине “свята”, по родине “жыта”* [3, с. 104]. Включение белорусских лексем («бульба», «свята», «жыта») в русскоязычный текст выполняет несколько функций. Во-первых, они выступают маркерами национальной культуры, отсылая к ключевым концептам белорусского быта и календарной обрядности. Во-вторых, создают эффект двуязычия, характерный для реальной языковой ситуации в Беларуси.

Центральное место в системе доминант национально-культурной идентичности занимает концепт «Родина». Анализ поэтических текстов позволяет выделить несколько уровней репрезентации концепта «Родина».

Топографический уровень – создание образов конкретных мест, городов, ландшафтов Беларуси. Так, например, в творчестве Т. Красновой-Гусаченко («Двина») и других поэтов белорусская природа и городские пейзажи становятся не просто фоном, но активным участником лирического переживания [6].

Исторический уровень – обращение к исторической памяти, событиям Великой Отечественной войны, которая, как отмечается в учебных материалах, является «центральной темой русскоязычной литературы Беларуси» [6]. Хрестоматийным стало стихотворение А. Аврутина «Грушевка», где «обычная

бытовая сценка в одном из районов послевоенного Минска показывает неисправимые, неизгладимые следы войны» [6].

Культурно-символический уровень – использование образов, отсылающих к национальной культуре, фольклору, традициям. При этом, как отмечает М.П. Жигалова, «образно-метафорические, семантико-символические составляющие поэзии» фиксируют «ностальгическую тоску по родине в поэтических образах, имеющих поликультурный характер» [2].

Важнейшим культурным кодом, помогающим выявить национально-культурную идентичность писателей, является образ дома. Дом символизирует место, где человек чувствует себя в безопасности. С древнейших времен дом мыслится как центр мира, связь с духами предков, как символ семьи, рода и родины. Он также является отражением пространственного кода культуры и древнейшей архетипической оппозиции «Свой/Чужой» в языковом сознании русских и белорусов [5]. Так, например, в творчестве Анатолия Аврутина образ дома предстает в нескольких ипостасях. Во-первых, это конкретный, бытовой образ жилища, связанный с повседневностью, с теплого семейного очага. Во-вторых, это метафора родины, большого пространства, в котором человек ощущает свою укорененность. В-третьих, это экзистенциальный образ – дом бытия, мироздание, в котором человек ищет свое место.

Содержательные доминанты национально-культурной идентичности реализуются в русскоязычной поэзии Беларуси через систему стиливых приемов и языковых стратегий. К числу наиболее значимых можно отнести следующие доминанты.

Интеллектуализм и философская насыщенность – ориентация на осмысление глубинных вопросов бытия, национальной истории, места человека в мире. Это отличает русскоязычную поэзию Беларуси от массовой поэтической продукции и сближает ее с классической традицией русской философской лирики.

Интертекстуальность – активное включение в поэтический текст отсылок к русской и мировой литературе. Так, например, в стихотворениях К. Михеева («Царскосельские сумерки») и Ю. Сапожкова («У памятника Пушкину») пушкинская тема становится способом осмысления связи времён и культур [6].

Образно-метафорическая сложность – использование развернутых метафор, символов, аллегорий, позволяющих передать многослойность культурного опыта.

Использование белорусизмов. Обращение к белорусским языковым элементам в поэтических текстах обусловлено особенностями структуры художественного текста для создания адекватных художественных образов белорусской культуры на русском языке. В поэзии встречаются белорусские выражения, пословицы и поговорки. В некоторых текстах встречается сознательное

смешение языков, создающее эффект полиглоссии. Пример из поэзии В. Поликаниной уже приводился выше. Такие эксперименты позволяют передать специфику реальной языковой ситуации в Беларуси, где повседневное общение часто происходит с переключением языковых кодов.

Исследование показало, что доминанты национально-культурной идентичности в современной русскоязычной поэзии Беларуси формируются в условиях художественного билингвизма и гибридной идентичности, которые выступают не препятствием, а продуктивным механизмом репрезентации национального содержания. Оппозиция «свой/чужой» в русскоязычной поэзии решается не через отторжение «чужого», а через сложное взаимодействие, в котором русская культура воспринимается как «своя», что отражает реальность исторического и культурного развития Беларуси. Концепт «Родина» является центральным в структуре идентичности и реализуется на топографическом, историческом и культурно-символическом уровнях, обнаруживая тенденцию к «мультикультурному патриотизму» – нераздельности двух родин в творческом сознании поэтов. Формула «Хоть язык мой – русский, сердцем – белоруска» В. Поликаниной становится своего рода манифестом этой двойной идентичности. Интертекстуальные связи с русской классической литературой выступают одним из главных маркеров культурной идентичности. Обращение к именам Пушкина, Блока, Ахматовой, Пастернака и других свидетельствует о глубокой укорененности русской культурной традиции в творчестве русскоязычных поэтов Беларуси. Стилиевые доминанты обеспечивают художественную реализацию национального содержания и включенность русскоязычной поэзии Беларуси в широкий литературный контекст.

Таким образом, русскоязычная поэзия Беларуси представляет собой уникальный культурный феномен, в котором национально-культурная идентичность не только сохраняется, но и обретает новые формы художественного выражения.

Литература

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – 504 с.
2. Жигалова, М. П. Поэтическая репрезентация национальной художественной картины мира в русскоязычной белорусской поэзии «пограничья» (Л. Красевская и А. Аврутин) / М. П. Жигалова // Русистика и компаративистика. – 2022. – Вып. 16. – С. 28–46.
3. Исповедь: русскоязычная поэзия Беларуси (конец 20 – начало 21 века) / сост. Т. Ф. Рослик. – Минск : БелЭн, 2010. – 280 с.
4. Лавшук, О. А. Проблема репрезентации национальной идентичности в русскоязычной литературе Беларуси / О. А. Лавшук // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте — VII : сб. науч. ст. / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2022. – С. 311–316.

5. Лавшук, О. А. *Оппозиция своей / чужой* и проблема национальной идентичности в современной русскоязычной поэзии Беларуси / О. А. Лавшук // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А. А. Кулешова 2020 г. : материалы науч.-метод. конф., 28 января – 12 февраля 2021 г. / под ред. Н. В. Маковской, Е. К. Сычовой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2021. – С. 17–19.

6. Русскоязычная литература Беларуси [Электронный ресурс] // Профильное обучение. Русская литература. 11 класс. – 2025. – Режим доступа : <https://profil.adu.by/mod/book/view.php?id=5194>. – Дата доступа : 28.11.2025.

УДК 821.161.3+821.111

Лиденкова Ольга Александровна

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины

(г. Гомель, Республика Беларусь)

hollin7@gmail.com

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА БЕЛАРУСИ И БРИТАНИИ (ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ)

В статье представлена попытка обобщения универсальных и национально-специфических черт в способах художественного представления прошлого на основе творчества белорусских и британских авторов конца XX – начала XXI века.

Ключевые слова: компаративистика, белорусская литература, британская литература, историческая проза, память, идентичность, субверсия

The article presents an attempt to generalize universal and nationally specific features in the methods of artistic representation of the past based on the works of Belarusian and British authors from the late 20th to early 21st centuries.

Keywords: comparative studies, Belarusian literature, British literature, historical prose, memory, identity, subversion

Как известно, литературные произведения нередко выступают основным источником, формирующим представления о прошлом у широкой аудитории, замещаая или существенно дополняя академические публикации. По аналогии с тем, как медицинский анамнез необходим для объяснения этиологии недугов человека, ретроспективный анализ исторического пути народа позволяет не только выявить истоки актуальных общественно-политических феноменов, но и служит онтологической основой для легитимации существования государственных институтов, а также выступает мощным консолидирующим фактором, формирующим чувство общности и единства среди граждан.

В контексте современной художественной прозы – как британской, так и белорусской – осознание народом собственной позиции в историческом процессе рассматривается как необходимая предпосылка для осмысления долго-

срочных перспектив национального развития. Данное обстоятельство обусловило настоятельную необходимость анализа нарративов о прошлом, транслируемых современной художественной прозой. Это позволяет понять, каким образом литература участвует в конструировании исторической памяти и какие версии прошлого, нравственные оценки и идеалы предлагаются обществу в качестве ориентиров для будущего.

Цель исследования – систематизация некоторых специфических черт в подходах к художественному отображению истории современными белорусскими и британскими авторами.

Американский писатель Вьет Тхань Нгуен заметил, что все войны случаются дважды: первый раз на поле сражения, а второй раз – в нашей памяти: «All wars are fought twice, the first time on the battlefield, the second time in memory» [1, р. 24]. Именно идейные «войны» за память, за определенную картину и оценку прошлого обусловили наличие в современной прозе двух разнонаправленных ракурсов, моделей его отображения. Первая модель, которую можно назвать консолидирующей либо традиционной, апеллирует к достижениям современной исторической науки, выстраивает аргументированную авторскую концепцию произошедшего в попытке достичь некоторой объективности понимания исторических процессов в их сопряженности (термин Т.Е. Комаровской) с настоящим. Это творчество В. Гниломедова, Л. Дайнеко, Э. Ялугина, В. Мажилковского, Б. Корнуэлла, К. Фоллета, С. Барри, С. Харви, Э. Миллера, Х. Мантел и др.

В своих произведениях авторы анализируемых произведений предпринимают целенаправленную попытку преодоления комплекса фундаментальных проблем, связанных с общественным восприятием прошлого. Во-первых, это отсутствие системности в понимании национальной и мировой истории, что выражается в том, что в массовом сознании среднестатистического обывателя прошлое предстает не как цепочка причинно-следственных связей, а как хаотичная совокупность разрозненных персоналий, событий и фактов, лишенная любой логики. Например, при изучении литературы, студенты с трудом соотносят фамилии писателей с конкретным историческим периодом, а вопросы о том, что же происходило в общественно-политической сфере во время жизни конкретного автора, кто были его современники ставят их в тупик. А ведь литературное творчество – непосредственный культурный продукт мировоззрения эпохи, изучать ее в отрыве от исторического процесса невозможно. Следствием фрагментарности исторического сознания является отсутствие ясного и когерентного представления даже о собственных корнях, генеалогии и семейных традициях. Иными словами, макроисторическая канва оказывается полностью оторванной от микроистории.

Во-вторых, историческая проза стремится преодолеть отчужденность и психологическую дистанцированность современного постмодернистского

человека от собственной культурной традиции. Данный феномен проявляется в том, что события прошлого не интернализируются жителями страны как органическая, неотъемлемая часть личной или семейной истории. Прошлое становится чем-то внешним, хронологически удаленным и онтологически не связанным с жизнью конкретного человека.

В-третьих, как следствие двух вышеназванных проблем, прошлое утрачивает свою прагматическую и экзистенциальную функцию. Оно перестает служить источником ролевых моделей и поведенческих паттернов. Оно не выступает более в качестве ценностной опоры для процесса формирования личности (персональной идентичности). Дефицит системных исторических знаний и эмоциональная отчужденность от культурной традиции лишают человека возможности черпать в опыте отцов ресурсы для самоопределения, нравственного выбора и построения жизненных стратегий.

Помимо структурирования исторического материала и установления связей между событиями, традиционный художественный исторический нарратив выполняет также эмоционально-эмпатийную функцию. Благодаря иммерсивности, погружению в воссозданный писателем мир и возможности «проживания» прошлого вместе с героями, такой нарратив не только способствует лучшему запоминанию и усвоению информации, но и переводит историческое знание из абстрактно-академического в личный опыт. Как писал Т. Маколей, прежде чем быть усвоенной разумом, история должна быть «выжжена в нашем воображении» [2]. Стоит серьезно рассмотреть потенциал художественной прозы в преподавании истории в младшей и средней школе. Например, перспективным представляется согласование школьных программ по истории и литературе, когда школьники смогут изучать древние белорусские княжества и одновременно знакомиться с художественными портретами конкретного князя в литературных произведениях Л. Дайнеко, И. Саверченко и др.

В рамках современной литературной традиции правомерно выделить вторую модель художественной репрезентации прошлого, которая получает в настоящем исследовании характеристику субверсивной (от лат. *subversio* – переворот, разрушение). Сущностной чертой данной модели является ее деструктивная направленность: она ориентирована не на консолидацию общества на основе общей исторической памяти, а, напротив, на подрыв, последовательное разрушение самой идеи о возможности и необходимости объединения социума посредством апелляции к единому прошлому. Субверсивная модель предлагает множественные конкурирующие или взаимоисключающие версии событий, дискредитируя историю как основание для социального согласия (например, «История мира в 10½ главах» Дж. Барнса, творчество Дж. Фаулза, С. Рушди, Дж. Мика и др.).

Применительно к белорусской литературной традиции следует отметить, что субверсивная модель в значительной степени является заимствованной.

Ее возникновение и последующее распространение в национальном литературном поле обусловлено, во-первых, активным проникновением идей постмодернистской философии с характерным для нее пафосом децентрации, отрицанием любых форм непреложного знания как тотализирующего фактора. Во-вторых, свою роль сыграло воздействие образцов западноевропейской литературы, где субверсивные стратегии письма стали одной из доминирующих эстетических практик во второй половине XX столетия.

Нельзя не отметить определенные положительные черты данной модели в переосмыслении отечественной истории. Например, творчество таких известных авторов, как С. Балахонов, Л. Рублевская, П. Васюченко направлено на разрушение непродуктивных, научно несостоятельных, но устоявшихся стереотипов об архаичности и бедности белорусской культуры. Через свое часто фантазмагоричное мифотворчество («Зямля пад крыламі Фенікса», цикл о Прантише Вывиче и др.) писатели возвращают в сознание читателей богатый легендарный белорусский фольклорный и книжный традиций; через обилие исторических анекдотов оживляют и переосмысливают штампы о выдающихся персоналиях прошлого, возвращают забытые имена Алены Киш, Саломеи Русецкой, Анастасии Слуцкой, Давида Городенского. В отличие от первой модели, авторы апеллируют не к фактам и логическому анализу, а к эмоциям и воображению с целью воодушевить, удивить, даже эпатировать читателя, вследствие чего отображение прошлого как такового носит поверхностный и игровой характер, однако свою основную функцию – заставить читателя переосмыслить свои представления о собственном народе – подобные произведения успешно реализуют. Сущность такого рода произведений хорошо передает сформулированная З. Каминской в повести «Русалкі клічуць» идея создания привлекательного «провенанса» для белорусской традиции.

Английские образцы субверсивной модели представления прошлого (творчество М. О'Фаррел, С. Уотерс, А. Торпа и др.) более склонны к нигилистическому отрицанию единой британской истории, что в немалой степени обусловлено не только гораздо более сильной культурной и ценностной эрозией, вызванной доминированием постколониальной теории и постмодернистского мировоззренческого релятивизма, но и изменениями в этническом составе населения. Не секрет, что в последние десятилетия Британия приняла значительное число (до нескольких миллионов) жителей с совершенно иным культурным кодом, соответственно, невозможно консолидировать подобную общность на основе единого прошлого. Судя по происходящим в литературном и общественном поле тенденциям, было принято решение акцентировать внимание на изначальной диверсифицированности английского общества (концепция Британии как «страны иммигрантов» [3]) даже если это противоречит установленным историческим фактам. При этом неизбежно происходит логическая ошибка индукции, когда единичные переселенцы в Британию эпо-

хи Тюдоров или более ранних периодов бесосновательно мультиплицируется и позиционируется как история типичного британца. Государственная поддержка подобной стратегии приводит к появлению авторов, которые стремятся обрести легкую популярность на разрушении национальных исторических мифов.

Регулярным объектом подобных переосмыслений становится фигура и творчество Уильяма Шекспира. В негативном феминистическом ключе его образ деконструируется в романе «Hamnet» М. О'Фаррел (в Великобритании «Книга 2020 года» по версии *Guardian*, *Financial Times*, *Literary Hub* и *NPR*). В книге И. Кослет «The Real Shakespeare: Emilia Bassano Willoughby» (2026) утверждается, что произведения драматурга были на самом деле написаны чернокожей поэтессой еврейского происхождения. Книга позиционируется как документалистика и новейшее архивное исследование, но по сути является мистификацией, принесшей автору широкую известность. В 2025 г. разразился скандал вокруг требований по деколонизации дома-музея Шекспира в его родном городе, так как экспозиция была сочтена посетителями слишком «белой» и «английской».

Целый ряд писателей (Дж. Мик, Д. Олусога и др.) стремятся поддержать государственную политику по снятию общественного напряжения через прямое изобретение исторических корней для различных групп иммигрантов на британской почве. Данный процесс критически осмыслен К. Исигуро в его философском романе «The Buried Giant», где автор рассматривает продуктивность внедрения примиряющей, но фальшивой истории с целью примирения и объединения полиэтничного государства.

Таким образом, необходимость изучения способов художественной репрезентации истории в настоящее время обусловлена усиливающейся ролью литературы как инструмента трансляции и сохранения культурного кода через обращение к прошлому как основе национальной идентичности, а также систематическим использованием исторических сюжетов и их интерпретаций для распространения и укрепления ценностей и идеологием, часто противоречащих реальным историческим фактам.

Литература

1. Nguyen, V. T. Nothing Ever Dies Vietnam and the Memory of War / V. T. Nguyen. – Harvard University Press, 2018. – 384 p.
2. Macaulay, T. B. Critical, Historical, and Miscellaneous Essays : in 6 vols. / T. B. Macaulay. – New York : Sheldon and Company, 1860. – Mode of access : <https://www.gutenberg.org/files/55905/55905-h/55905-h.htm>. – Date of access : 19.11.2025.
3. Shabi, R. Britain Is an Immigrant Nation / R. Shabi. – 2017. – Mode of access : <https://www.nytimes.com/2017/03/09/opinion/britain-the-immigration-nation.html>. – Date of access : 16.04.2026.

Милошевский Павел Дмитриевич

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

pashamiloshevskiy@gmail.com

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТОВ КУЛЬТУРЫ В ЛИТЕРАТУРНЫХ АФОРИЗМАХ

В статье рассматриваются ключевые концепты британской культуры через призму их вербализации в литературных афоризмах. На материале сборника афоризмов Л.П. Смита «A Treasury of English Aphorisms» (1928) проводится анализ структурно-семантических и прагматических особенностей афоризмов, репрезентирующих концепты «Свобода», «Счастье», «Брак», «Семья», «Дружба», «Разум».

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, британская культура, афоризм, вербализация

The article examines the key concepts of British culture through the prism of their verbalization in literary aphorisms. Based on the material of L. P. Smith's collection "A Treasury of English Aphorisms" (1928), an analysis of the structural, semantic and pragmatic features of aphorisms representing the concepts of "Liberty", "Happiness", "Marriage", "Family", "Friendship", "Reason" is carried out.

Keywords: linguoculturology, concept, British culture, aphorism, verbalization

Афоризм, будучи сложным и многогранным явлением, не имеет единого общепринятого определения в науке. Как объект лингвистического изучения он начал рассматриваться в начале XX века в рамках стилистики, а с развитием исследований устойчивых сверхсловных комплексов понятие афоризма было транспонировано во фразеологию.

Цель исследования – выявить и проанализировать специфику вербализации ключевых концептов британской культуры в литературных афоризмах. В качестве методологической базы использованы основные положения теории литературного афоризма [2; 3], теории концепта и его вербализации [1; 4]. Фактическим материалом для исследования послужил корпус из 170 литературных афоризмов, отобранных методом сплошной выборки из классического сборника Л.П. Смита «A Treasury of English Aphorisms» (1928) [5].

В современной лингвистике наблюдается интенсивное становление лингвистики афоризма, что подтверждает статус афоризма как значимой единицы, концентрирующей в себе культурный и ментальный опыт нации. Существуют различия в подходах к определению афоризма между русскоязычной и англоязычной научной традицией. В англоязычных энциклопедических и толковых словарях афоризм трактуется в качестве научно-философского понятия. В русскоязычной традиции афоризм принято изучать в рамках лингвистики, фразеологии, лингвокультурологии.

Концепт определяется как базовая оперативная единица картины мира, «содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга». Язык выступает связующим звеном между человеком и окружающим миром, а афоризм, будучи концентрированной, эстетически совершенной формой высказывания, является идеальным способом выразить концепт, вобравший в себя национально-культурную информацию и оценку. Таким образом, афоризмы и концепты тесно связаны. Изучая британские афоризмы, мы получаем прямой доступ к пониманию того, какие концепты для данной культуры являются самыми важными и как они осмысляются в коллективном сознании.

Наиболее репрезентативной является модель прагматичной деконструкции социальных институтов, применяемая к таким концептам, как «Брак», «Семья», «Дружба». Афоризмы последовательно снимают романтическую ауру с этих явлений, представляя их как сложные, требующие постоянных усилий и лишённые сентиментальности проекты. Например, брак вербализуется не как союз сердец, а как экономический или силовой договор. В афоризме «*If thou marriest a rich Wife, thou art sure to have somewhat to be in Love withal*» объектом привязанности становится материальное состояние («somewhat»), что подчёркивает прагматичную, циничную основу института. Другой пример, «*Some cunning men choose fools for their wives, thinking to manage them, but they always fail*», представляет брак как поле для стратегии и борьбы за власть, где изначальный расчёт часто оказывается ошибочным. Аналогично деконструируется концепт семьи. Афоризм «*The building up of a Family is a Manufacture very little above the building a House of Cards*» вербализует семью как крайне хрупкую, почти бессмысленную конструкцию, лишённую фундамента. В другом ключе, «*Home is the girl's prison and the woman's workhouse*» представляет дом для женщины не как убежище, а как место социального заключения и каторжного труда. Что касается дружбы, то она моделируется как сознательный, а не стихийный труд. Высказывание «*Friendship is to be purchased only by friendship*» представляет её как акт взаимного обмена, «покупку», а «*Kindness is in our power, but fondness is not*» противопоставляет контролируруемую доброжелательность неконтролируемой слепой привязанности, отдавая предпочтение первой как основе прочных отношений. Таким образом, эти социальные институты лишаются своего сакрального статуса и предстают как земные, трудные и часто конфликтные формы человеческого общежития.

Центральное место в британском афористическом дискурсе занимает модель антиномичного осмысления абстрактных идеалов, особенно характерная для концептов «Счастье» и «Свобода». Эта модель раскрывает эти ценности через их внутренние противоречия, создавая эффект интеллектуальной глубины и горького реализма. Счастье, с одной стороны, представляется как результат рационального управления – почти как технологический проект, который можно реализовать по определённым правилам. Афоризм «*It is by studying little*

things that we attain the great art of having as little misery and as much happiness as possible» предлагает практический рецепт, превращая счастье в «великое искусство», достигаемое через внимательное изучение мелочей. Другой пример, «*Happiness consists in the multiplicity of agreeable consciousness*», описывает счастье как накопление приятных моментов в сознании, то есть как нечто, что можно подсчитать и на что можно повлиять. С другой стороны, существует противоположный взгляд, где счастье предстаёт как мимолётная, неуправляемая вспышка: «*Our brightest blazes of gladness are commonly kindled by unexpected sparks*». Это противоречие усиливается уникальной для британской культуры мыслью о счастье как о нравственном долге: «*There is no duty we so much underrate as the duty of being happy*». Концепт свободы подвергается ещё более жёсткому анализу через противоречия. Свобода представляется не как безусловное благо, а как бремя, неразрывно связанное с ответственностью: «*Liberty means responsibility. That is why most men dread it*». В другом афоризме, «*Liberty is the Mistress of Mankind, she hath powerful Charms which do so dazzle us...*», свобода олицетворяется как коварная возлюбленная, чьи чары ослепляют, подчёркивая её иррациональную, почти иллюзорную природу. Политический аспект свободы описывается с глубоким цинизмом: «*When the People contend for their Liberty, they seldom get anything by their Victory but new Masters*» – борьба за свободу представлена как бессмысленная, ведущая лишь к смене правителей.

Не менее важна модель рационально-критической рефлексии, лежащая в основе осмысления концептов «Разум» и «Любовь». Эта модель предполагает холодный, аналитический взгляд на самые сокровенные человеческие переживания и способности, часто развенчивая их сущность. Разум и истина описываются как трудный, одинокий и социально рискованный путь. Афоризм «*What is now proved was once only imagined*» представляет разум как динамичный процесс, где смелое воображение предшествует доказанному знанию. Однако кульминацией этой модели является высказывание «*Truth ... never comes into the World, but like a Bastard, to the ignominy of him that brought her forth*», где истина метафорически сравнивается с незаконнорождённым ребёнком, а тот, кто её высказывает, разделяет с ней участь изгоя, подвергаясь общественному осуждению. Любовь, в свою очередь, подвергается аналогичному трезвому анализу. В афоризме «*If things were seen as they truly are, the beauty of bodies would be much abridged*» любовное влечение раскрывается как иллюзия, основанная на субъективном, искажённом восприятии, а не на объективных достоинствах. Другой пример, «*Affection should not be too sharp-eyed, and love is not to be made by magnifying glasses*», предлагает модель умеренности, где излишняя придирчивость и анализ убивают чувство, которое живёт умением не замечать недостатки. Таким образом, и разум, и любовь лишаются своего возвышенного, неоспоримого статуса и предстают как сложные явления, зависящие от восприятия и социального контекста.

Важной составляющей афористического дискурса является модель гендерно-детерминированной характеристики, применяемая для осмысления концепта «Женщина». В рамках этой модели женщина предстаёт не как самостоятельный субъект, а как объект, чьи природные качества противопоставляются мужским и требуют внешнего контроля. Её сущность сводится к красоте, чувствам и скрытой, но опасной силе. Афоризм «*Woman's beauty, like men's wit, is generally fatal to the owners, unless directed by a judgement which seldom accompanies a great degree of either*» прямо противопоставляет женскую красоту мужскому уму, объединяя их как опасные дары, но подразумевая, что женщине в большей степени недостаёт рассудка для управления своей «силой». Другой пример, «*Naturae has given women so much power that the law has very wisely given them little*», признаёт «природную» силу женщины лишь для того, чтобы сразу обосновать необходимость её законодательного ограничения, описывая женщину как объект, требующий контроля со стороны мужских институтов. В афоризме «*As the faculty of writing has been chiefly a masculine endowment, the reproach of making the world miserable has been always thrown upon the women*» женщина представлена как коллективный «козёл отпущения» в мире, где право голоса традиционно принадлежало мужчинам. Эта модель создаёт образ иррационального, потенциально опасного существа, чьё место в обществе определяется через её отношения с мужчиной и необходимость обуздания её природных свойств.

Таким образом, через совокупность этих взаимосвязанных моделей – прагматичной деконструкции, антиномичного осмысления, рационально-критической рефлексии и гендерно-детерминированной характеристики – британская литературная афористика выстраивает целостную и последовательную картину мира. Эта картина отвергает упрощённые идеализации, предлагая вместо них сложный, часто безжалостно трезвый взгляд на человеческое существование, где высшими ценностями выступают разум, личная ответственность, осознанный выбор и готовность видеть мир без прикрас.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. — М. : Наука, 1993. — С. 3–6.
2. Иванов, Е. Е. Лингвистика афоризма / Е. Е. Иванов. — Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. — 156 с.
3. Лукьянец, И. В. Система афористики: семантика, прагматика, поэтика : дис. ... д-ра филол. наук / И. В. Лукьянец. — СПб., 2003. — 340 с.
4. Цветкова, М. Ю. Концепт «свобода» в английской и русской лингвокультурах / М. Ю. Цветкова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2006. — № 2. — С. 75–80.
5. Smith, L. P. A Treasury of English Aphorisms / L. P. Smith. — London : Constable & Co., 1928. — 262 p.

Михальчук Наталья Александровна
Белорусский государственный университет
(г. Минск, Республика Беларусь)
n-mihalchuk@list.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРИЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НАМЕКОВ, В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ПРОЗЫ XX–XXI ВВ.)

В статье показаны основные коммуникативные приемы употребления намеков в художественном тексте: непреднамеренное намеkanie, «ложный» намек, вербализация иллокуции, встречный намек, акцентирование прямого смысла, отказ от интерпретации. Определены стилистические задачи, которые выполняют данные коммуникативные приемы.

Ключевые слова: непрямая коммуникация, намек, косвенный речевой акт

This article identifies the main communicative techniques for using allusions in fiction: unintentional allusion, “false” allusion, verbalization of illocution, counter-allusion, emphasizing the direct meaning, and refraining from interpretation. The stylistic purposes these communicative techniques serve are defined.

Keywords: indirect communication, hint, indirect speech act

Взгляд на намек как на особую разновидность непрямой коммуникации присущ большинству исследователей в области лингвистической прагматики и коммуникативной лингвистики. Так, намек определяется в качестве одного из типов непрямой коммуникации в работах В.В. Дементьева [1], как способ выражения непрямой коммуникации – в статьях Т.В. Нестеровой [2]. И.М. Кобозева и Н.И. Лауфер в качестве определяющих признаков, позволяющих выявить ситуацию намеkania, называют следующие: интенциональность, вербальность, косвенность, обоснованность, выводимость и нетривиальность [3, с. 463].

Основные отличия намека от косвенного речевого акта состоят в следующем. Намек не имеет грамматических показателей косвенной речевой реализации интенций, косвенный речевой акт их, как правило, содержит. В то же время имеется и переходная (синкретичная) зона между намеком и косвенным речевым актом.

Косвенный речевой акт выражает интенцию в эксплицитной форме, намек – в имплицитной. Ср., в примерах: «*Не сходишь ли ты в магазин?*», «*Сходил бы ты в магазин*», «*Сходишь в магазин*» побуждение выражается в форме высказывания с двойной иллокутивной функцией эксплицитно. Действие, к которому говорящий побуждает слушающего, называется прямо, у адресанта нет желания скрывать свое намерение, а выбор им косвенной формы продиктован, прежде всего, стремлением к вежливости. Данные высказывания мы относим к косвенным речевым актам, среди которых отмечаются как конвен-

циональные, так и неконвенциональные. В то же время в намеке «*Ой, молоко кончилось... И нет времени купить...*», в котором также наблюдаются две иллокутивные функции, побуждение выражено в имплицитной форме: коммуникативное намерение адресанта (=сходи в магазин) скрывается в пропозиции и не имеет формальных показателей выражения.

Для намека (неявного) характерна интенциональная неопределенность, создаваемая адресантом для адресата, косвенному речевому акту она не свойственна (признак выделен И.Б. Шатуновским). Косвенный речевой акт предполагает переистолкование речевой формы, а намек, как правило, – ее сокращение (выделено А.Н. Барановым).

Имплицитные высказывания являются одним из действенных средств создания художественных образов персонажей, так как данные единицы коммуникации представляют собой сбой в традиционной прямой коммуникации, предполагающей ясность и прямолинейность выражения содержания и отсутствие помех в его восприятии. Говорящий порождает высказывания с очевидным расхождением между их планом выражения и планом содержания, осознанно нарушая коммуникативные правила и нормы общения [4]. Коммуникативный сбой является следствием определенных мотивов и специфических целей говорящего, знание которых способствует предположениям о том, каковы специфические черты личности, реализующей коммуникативные намерения.

На материале русской прозы XX–XXI вв. выделим коммуникативные приемы, с помощью которых намеки со значением побуждения могут быть реализованы в художественном тексте.

Непреднамеренное намерение. Говорящий порождает репрезентативное высказывание, с которым слушающий устанавливает собственные ассоциативные связи, в результате чего воспринимает его как намек со значением побуждения. В то же время выполнение адресатом действия, к которому его побуждает импликатура, совпадает с подсознательным желанием адресанта. Таким образом, говорящий достигает своей цели, не вербализируя при этом целенаправленных речевых действий. Ср. «– *Я так больше не могу, – забормотала Марта, меж припадков лающего кашля, – ...не могу... И посмотри на себя: ты бледен, как смерть... Шум за стеной разрастался, близился; уже казалось, – вот эта огромная елка орет всеми своими лампочками. – Как смерть, – сказала Марта и закашлялась*». (В. Набоков «Король, дама, валет») Параметры ситуации: диалог любовников. Героиня дважды употребляет слово *смерть* и тем самым неявно побуждает адресата к осуществлению убийства ее супруга.

Данный коммуникативный прием выполняет стилистическую задачу: сигнализирует о значимом повороте сюжета, вводит в текст произведения новый мотив (в приведенном примере это мотив убийства, которое замышляется любовниками). Показательно, что И.Б. Шатуновский приводит сходный с данным пример из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», в котором

нарек выполняет ту же стилистическую функцию, что и у В. Набокова, ср. «Так, в романе «Братья Карамазовы» слова Ивана, обращенные к Смердякову (предлагавшему ему поехать в Чермашню, а не в Москву, чтобы ближе было возвращаться в случае убийства отца): *Видишь... в Чермашню еду...*, представляя собой своего рода «бессознательный намек», подтолкнувший Смердякова к убийству» [5, с.259].

«Ложный» намек. Слушающий ошибочно воспринимает репрезентативное высказывание говорящего как намек с побудительным значением. В выполнении данного действия адресатом адресант не заинтересован – во фрагменте диалога наблюдается коммуникативная неудача. Ср. «– *Нет, не угадали. Холодно!* – *Она даже поежилась. – Можно закрыть форточку,* – *предложил недогадливый писатель. – Ну, Андрей Львович, просыпайтесь же! Вы забыли игру в «холодно – горячо»?*» (Ю. Поляков «Гипсовый трубач»). Стилистическая функция высказывания – изображение психологического состояния говорящего (в данном случае – создаваемый автором образ растерянного, погруженного в себя персонажа).

Вербализация иллюкуции. В ответной реплике слушающий эксплицирует репрезентированную в форме намека интенцию говорящего. Ср. «– *Мы не все знаем,* – *мягко уточнил Валун. – Мы, например, не знаем настроения в вашей среде. У нас недостаточно информации. – Вы предлагаете мне быть стукачом?* – *догадался Зверев*» (В. Токарева «Тихая музыка за стеной»). При помощи интерпретирующего речевого акта (термин И.М. Кобозевой) акцентируются личностные черты героя (в рассматриваемом контексте – его склонность к прямоте, к разговору «без обиняков»).

Встречный намек. В качестве речевой реакции на намек-1 говорящего выступает намек-2 слушающего. Ср. «*Гервак рассмеялась. – О нет! Всего лишь расчет на ваше благоразумие. Отбросьте сильные выражения и сообщите, с каким чувством ваша сестра может прочесть письмо, говорящее о роде ее болезни. – Довод убедительный, но он имеет обратную сторону, так как я не буду молчать о тех руках, которые продали мне флакон*» (А. Грин «Джесси и Моргиана»). Параметры ситуации: шантаж преступника свидетелем убийства. Прием приводит к появлению в тексте «имплицитных диалогических единств», которые, как правило, репрезентируют тему, связанную с аморальными либо противозаконными действиями персонажей.

Акцентирование прямого смысла (усиление имплицитности). Высказывание с двойной иллюкутивной функцией вербализуется говорящим таким образом, чтобы его прямой смысл высвечивался, а косвенный – затемнял. При поверхностном восприятии адресат сталкивается с репрезентативным речевым актом, и ему необходимо приложить значительные интерпретационные усилия, чтобы декодировать туманный намек. Ср. «– *Да, – сказала Ева серьезно, ничуть не упрекая себя за выдумку, – Джесси Тренган прекрасная девушка. Кое-кто медлит, но я уверена, что осенью она обвенчается. Детрей со*

смехом поцеловал Еве руку. – Всякая история имеет конец, – сказал он, – будем надеяться, что история Джесси окончится благополучно и скоро» (А. Грин «Джесси и Моргиана»). Параметры ситуации: Ева хочет поспособствовать более близкому знакомству своей подруги Джесси с молодым человеком Детреем. Ева сообщает Детрею, что Джесси вскоре может обручиться с другим, тонко намекая на то, чтобы он действовал более решительно.

Неопределенное местоимение *кое-кто* в конструкции «*кое-кто медлит*» двузначно: оно может указывать как на третье лицо (в таком случае мы имеем дело с репрезентативным высказыванием), так и на слушающего (тогда в тексте наблюдается намек с директивным значением). В первой части сложносочиненного предложения субъект выражен неопределенным местоимением, вторая же часть подразумевает результат участия в действии того же субъекта, который вербализирован в первой части. Как видим, высказывание грамматически оформлено таким образом, чтобы на переднем плане восприятия слушающего оказался его прямой смысл.

В стилистическом плане подобные реплики способствуют речевой характеристике говорящего.

Отказ от интерпретации. Ложная коммуникативная неудача, выполняющая характеризующую функцию, фиксируется в том случае, если адресат мысленно декодирует не прямое высказывание, но вербализирует непонимание, так как не заинтересован в выполнении действия, к которому его побуждает говорящий, и не желает вступать с ним в конфликт. Ср. «*Мы опять на кухне, кофе, и Курнеев заводит старую песню: – Мы, Петрович, мужчины – за женщину в ответе... Я молчу. – Если мужчина вдруг заметил грешок за чьей-то женой, не надо, чтоб все знали, ты согласен? Не надо лишней болтовни. Не надо скандала. Спокойно предупредить мужа – это и значит помочь семье пережить трудный час... Он ждет. Я молчу.* (= Расскажи, что ты знаешь о моей жене) (В. Маканин «Андеграунд, или Герой нашего времени»). Параметры ситуации: диалог жильца дома и сторожа.

Литература

1. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. – М. : Гнозис, 2006. – 374 с.
2. Нестерова, Т. В. Непрямая коммуникация в этикетных ситуациях обиходной сферы / Т. В. Нестерова // Русский язык в контексте культуры : сб. науч. ст. / под ред. Т. Г. Михальчук. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2010. – С. 18–21.
3. Кобозева, И. М. Об одном способе косвенного информирования / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1988. – Т. 47. – № 5. – С. 462–471.
4. Грайс, Г. Логика и речевое общение / Г. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С. 217–238.
5. Шатуновский, И. Б. Речевые действия и действия мысли в русском языке / И. Б. Шатуновский. – М. : Издательский дом ЯСК, 2016. – 480 с.

Пашук Анастасия Ивановна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

pashuknastia9@gmail.com

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХ АФОРИЗМОВ

В статье рассматриваются стилистические особенности литературных афоризмов английского языка. Анализируются различные стилистические приемы, которые используются авторами в литературных афоризмах.

Ключевые слова: афоризм, стилистика, стилистические приемы, английский язык

The article examines the stylistic features of literary aphorisms of the English language. The various stylistic techniques used by the authors in literary aphorisms are analyzed.

Keywords: aphorism, stylistics, stylistic techniques, English

Интерес к афористике чрезвычайно возрос за последние годы. Это можно объяснить тем, что афоризмы, изречения и пословицы как нельзя лучше соответствуют духу нашего времени, требующему быстроты и особой краткости выражения мысли.

Также данный интерес объясняется универсальностью самих афоризмов, так как они одинаково близки и к литературе, и к науке. Такой вывод можно сделать из того факта, что многие выдающиеся ученые были одновременно и авторами известных афоризмов. Так, например, Гиппократ (родоначальник афористики), Паскаль, Гёте, Лихтенберг были успешными учеными своего времени и авторами афористических книг.

Цель исследования – выявить стилистические особенности при создании афоризмов в английском языке и проанализировать их. В качестве методологической базы исследования использованы основные положения теории литературного афоризма [3; 4; 6; 7; 8; 9; 10], теории классификации стилистических средств [1; 2; 5]. Фактическим материалом для исследования послужил сборник английских литературных афоризмов «A Treasury of English Aphorisms» [11].

Исследование показало, что чаще всего в афоризмах используется антитеза. Авторы используют противопоставления, чтобы сделать яркий контраст и выразить истину через обратное.

Случаев употребления антитезы нами было выявлено 77. *There is more pleasure in building castles in the air than on the ground.* В данном примере мы видим явный контраст идей замка в воздухе и на земле, где замки в воздухе представляют собой мечтания, несбыточные планы и фантазии, а на земле – реальные дела, осязаемость, усилия. Автор противопоставляет строительство

замков в воздухе, то есть мечты и фантазии, строительству замков на земле, то есть реальным достижениям и усилиям, говоря читателю, что процесс желания чего-то куда приятнее, чем процесс реализации.

Hope is generally a wrong Guide, though it is very good company by the way. Здесь мы видим антитезу в противоположных качествах, которыми автор наделяет Надежду: неверный проводник и хорошая компания. С одной стороны надежда может ввести в заблуждение, сбить с пути. С другой стороны, надежда выступает помощником, хорошим компаньоном, который может утешить, облегчить трудности. Противопоставление так же подчеркивается союзом though.

Every man seeks for truth; but God only knows who has found it. Автор в своем высказывании противопоставляет бога и человека. Бог выступает носителем правды и истины, а человек лишь тем, кто обречен на ее вечные поиски. Антитеза подчеркивает непреодолимое расстояние от человека к богу, говоря, что одному никогда не достичь и не постичь первого.

Нами было выделено и то, что парадоксы и оксюмороны широко используются в афоризмах.

Парадокс представлен в афоризме *One of the greatest pains to human nature is the pain of a new idea.* Здесь мы видим диалектическое взаимодействие противоположностей: greatest pains (величайшие муки) и new idea (новая идея). Величайшие муки всегда были тем, от чего люди старались бежать из-за их негативной и разрушительной силы. Новая идея в современном понимании является синонимом прогресса и роста, шага вперед. Автор соединяет эти понятия в причинно-следственную связь, формируя тем самым парадокс. Этот афоризм не просто парадоксален, но и открывает истину. Новые идеи всегда будут ломать старые устои, что для них и будет величайшей мукой. В истории полно случаев, когда новые идеи причиняли страдания человеку и даже целым народам. Отличие от антитезы тут объясняется неожиданностью и непредсказуемостью.

An artist is a dreamer consenting to dream of the actual world. Оксюморон сосредоточен в противопоставлении понятий «dreamer» (мечтатель) и «actual world» (реальный/действительный мир), а также в действии «dreaming of the actual world». Мечтатель, по своей сути, ассоциируется с фантазиями, воображением и уходом от реальности. В то время как реальный мир является противопоставлением мечтам и фантазиям. Сочетание «dreaming of the actual world» (мечтать о реальном мире) создает оксюморон. Мечтать о чем-то обычно означает создавать в уме нечто, что не является реальным или что отличается от текущей реальности. Однако здесь мечтатель целенаправленно направляет свою фантазию на саму реальность. Оксюморон здесь использован, чтобы подчеркнуть уникальность художника. Он не просто копирует и рисует реальность, а пропускает ее через свои фантазии и мечты. Он «мечтает» о реальном мире, придавая ему новые смыслы и ракурсы, которые не заметны для обывателей.

Вторым приемом по частоте употребления выступает метафора. Она используется авторами для создания живого и запоминающего образа, нередко в комбинации с антитезой, делая афоризм лаконичным и простым для понимания.

Например, в афоризме *In brief, we are all **monsters**, that is, a composition of man and beast* человек метафорически представлен монстром, который сочетает в себе зверя и человека. Монстр здесь не только страшное существо, но и отражение внутреннего конфликта человека при выборе «быть человеком или животным?». Этот афоризм показывает, что постоянный выбор между человечностью и ее отсутствием делает из людей монстров, сочетающих в себе две личности: рационального, культурного человека и инстинктивного, животного зверя.

Еще одним примером использования метафоры может служить афоризм *The man who never in his mind and thought **travelled to heaven**, is no artist*. Здесь метафорой будет словосочетание *travelled to heaven*. Эта метафора образно выражает внутренний, творческий полёт мысли, возможно даже стремление к идеалу. «Путешествие на небеса» символизирует духовный или умственный подъём, необходимый художнику для создания настоящего искусства. Здесь метафора подчёркивает, что истинное творчество требует выхода за пределы обыденности и стремления к возвышенному.

Метафора, в свою очередь, подкрепляется персонификацией. Придание абстрактным, метафорически выраженным понятиям, человеческих черт характера и поведения помогает создать образ, близкий и понятный читателю.

*Nature is **innocent**, and so are all **her impulses and moods**, when taken in isolation, it is only on meeting that they **blush***. Здесь мы видим, что автор наделяет природу человеческой невинностью. Ей приписывается женский род в местоимении *her*, и она наделяется импульсами и настроением. Таким образом природа предстает перед нами в женском образе со своими характеристиками и внутренним миром. Так же в афоризме персонифицируются импульсы и настроение природы при помощи глагола *blush*. При встрече желания и настроения природы краснеют то ли от стыда, то ли от смущения или волнения. Персонификация тут предполагает, что отдельные элементы природы (импульсы, настроения) сами по себе чисты, но, когда они «встречаются» или взаимодействуют (возможно, в человеческом восприятии или в сложных природных явлениях), они как будто обретают самосознание и смущение, теряя свою изначальную невинность. Это придает им тонкую эмоциональную чувствительность.

*A mortified appetite is never a **wise companion***. В данном афоризме автор представляет подавленные желания и страсти как умерщвленный аппетит, наделяя их мудростью, то есть человеческим качеством. Автор называет такие желания спутником, что также является персонификацией. Это подразумевает, что подавленное желание, вместо того чтобы исчезнуть, остается с человеком

как невидимый спутник, который не приносит пользы и не дает мудрых советов, вероятно продолжая искушать и отвлекать.

Our dead are never dead to us until we have forgotten them they can be injured by us, they can be wounded. Этот афоризм персонифицирует мертвых, приписывая им возможности живых, такие как быть ранеными как физически, так и морально. Хотя физически мертвые люди не могут чувствовать боль, эта персонификация придает их памяти и образу в нашем сознании уязвимость живого существа. Автор предполагает, что, забывая о них, оскверняя их память или действуя вопреки их ценностям, мы раним их в некотором метафорическом смысле, подчеркивая глубокую эмоциональную связь и ответственность живущих перед ушедшими.

Остальные приемы используются редко, либо для подчеркивания эмоциональности, либо для добавления какого-то определенного оттенка афоризму. Такое употребление различных стилистических приемов может быть связано с тем, что редко использованные приемы требуют более раскрытого и широкого контекста. Поскольку афоризм отличается краткостью, употребление таких приемов, как градация, параллелизм или аллюзия ограничено.

Литература

1. Гальперин, И. Р. Опыт систематизации выразительных средств / И. Р. Гальперин. – М. : Либроком, 2016. – 375 с.
2. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М. : Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 460 с.
3. Иванов, Е. Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки / Е. Е. Иванов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2020. – № 4. – С. 659–706.
4. Кулишкина, О. Н. Лев Шестов: афоризм как форма «творчества из ничего» / О. Н. Кулишкина // Русская литература. – 2003. – № 1. – С. 49–67.
5. Скребнев, Ю. М. Основы стилистики английского языка / Ю. М. Скребнев. – М. : Астрель : АСТ, 2003. – 221 с.
6. Успенский, Л. В. Коротко об афоризмах / Л. В. Успенский // Афоризмы. Избранные изречения деятелей литературы и искусства / сост. Е. Райзе. – Л. : Лениздат, 1964. – С. 45–47.
7. Федоренко, Н. Т. Жанровые и видовые особенности афоризмов / Н. Т. Федоренко, Л. И. Сокольская // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1985. – Т. 44. – № 3. – С. 245–256.
8. Іваноў, Я. Я. Дыскурсіўная самастойнасць як лінгвістычная прымета афарыстычных адзінак / Я. Я. Іваноў // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. – 2019. – № 10. – С. 100–103.
9. Іваноў, Я. Я. Тэкставасць як лінгвістычная прымета афарыстычных адзінак / Я. Я. Іваноў // Известия ГГУ им. Ф. Скорины. Серия «Гуманитарные науки: История. Филология. Философия». – 2019. – № 4 (115). – С. 66–72.
10. Іваноў, Я. Я. Узнаўляльнасць і ўстойлівасць як катэгорыяльныя прыметы афарыстычных адзінак / Я. Я. Іваноў // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. – 2019. – № 1 (53). – С. 119–125.

11. Smith, L. P. A Treasury of English Aphorisms / edited, with an introduction, by Logan Pearsall Smith. – London : Constable, 1928. – 261 с.

УДК 821.161.3-1+821.111(417)-1

Поўх Ірына Васільеўна

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
(г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)
iryna_powkh@tut.by

САКРАЛІЗАЦЫЯ ПРЫВАТНАЙ ПРАСТОРЫ Ў ПАЭЗІІ ШЭЙМАСА ХІНІ І РЫГОРА БАРАДУЛІНА

У артыкуле разглядаецца творчасць ірландскага паэта Шэймаса Хіні і беларускага паэта Рыгора Барадуліна з пункту погляду ўвасаблення ў ёй катэгорыі сакральнасці прыватнай (хатняй) прасторы. Вылучаны асноўныя тыпалагічныя сыходжанні на ўзроўнях сакралізацыі хатняй прасторы як асяроддзя сацыялізацыі моладзі і вобразаў бацькоў як носьбітаў сакральнага досведу, матываў роднай мовы, “свайго – чужога”, біблейных і міфалагічных алюзій і інш.

Ключавыя словы: ірландская паэзія, беларуская паэзія, кампаратывістыка, Шэймас Хіні, Рыгор Барадулін, сакральны, прастора

The article discusses the literary heritage of an Irish poet Seamus Heaney and a Belarusian poet Ryhor Baradulin with reference to the category of sacred private (domestic) space. The author points out some major typological parallels manifested through the depiction of domestic space as educational environment and parents as bearers and transmitters of the sacred experience, native language, the categories of Self and Other, allusions to the Bible and mythology, etc.

Keywords: Irish poetry, Belarusian poetry, comparative studies, Seamus Heaney, Rygor Baradulin, sacred, space

Нягледзячы на геаграфічную аддаленасць, гістарычна і культурна абумоўленае тыпалагічнае падабенства літаратурных працэсаў у Беларусі і Ірландыі здаўна адзначалася даследчыкамі. Апрача таго, жыццёвы і творчы шлях асобных прадстаўнікоў літаратуры гэтых краін уражвае наяўнасцю шэрагу сыходжанняў. Яскравым прыкладам гэтага выступаюць постаці ірландскага паэта Шэймаса Хіні і беларускага паэта Рыгора Барадуліна. Абодва паэты належаць да аднаго пакалення, нарадзіўшыся ў другой палове 1930-х гг. і пакінуўшы гэты свет з інтэрвалам у адзін год, у 2013 і 2014 гг. адпаведна. Абодва яны выдалі першыя зборнікі вершаў ва ўзросце да трыццаці гадоў, а ў 1990-я гг. атрымалі найважнейшыя ўзнагароды і прызнанне на найвышэйшым для сябе ўзроўні (у 1992 годзе Рыгор Барадулін атрымаў званне Народнага паэта Беларусі, у 1995 Шэймасу Хіні была прысуджана Нобелеўская прэмія). 2006 год таксама стаў знакавым для абодвух паэтаў: Шэймас Хіні атрымаў прэмію Т.С. Эліота, а Рыгор Барадулін быў намінаваны на Нобелеўскую прэмію.

Лейтматывам шэрагу вершаў абодвух паэтаў выступае тэма малой радзімы як сакральнай прасторы, першаасновы ўсяго існага. Невыпадкава Р. Барадулін нязменна маркіруе хатнюю прастору шматлікімі лексэмамі адпаведнага семантычнага поля (святое, бласлаўляла, “алтар стала” і інш.). Культурна абумоўлены падзел прасторы на публічную і прыватную – найбольш яскравая праява адзінства прасторы і ідэнтычнасці. Катэгорыя прыватнай прасторы ўвасабляецца ў творчасці Ш. Хіні і Р. Барадуліна праз вобразы бацькоў, апісанне побытавых заняткаў і традыцыйнага ладу жыцця, шматлікія тапонімы і вызначальныя локусы.

Персаніфікацыя дому як увасаблення страчанага / пакінутага назаўжды мінулага праз вобраз жанчыны (найперш, маці) складае аснову для бясконцага і бесперапыннага працэсу стварэння “ідэнтычнасці месца”, аналагічнага культурнай ідэнтычнасці. Шэймас Хіні стварае вобразы ірландскіх вясковых жанчын за тыповымі для іх заняткамі: збіванне масла, штодзённыя хатнія справы ці нават адпачынак (*Churning Day, Sunlight*). Сакральны характар побытавай працы перадаецца праз дзеясловы руху (задаваць рытм, танцаваць), тыповага для рытуальных перформансаў, традыцыйную колеравую гаму храмавага ўбрання (жоўты, белы, залаты), яскравыя перыфразы (*coagulated sunlight* ‘згустак сонечнага святла’) [1], лексемы семантычнага поля “святло” (*sun* ‘сонца’, *sunlit* ‘заліты сонцам’, *gleam* ‘ззянне’) [2, с. 93]. Нельга не адзначыць яскравыя метафары, якімі паэт узвялічвае хатнюю прастору, называючы яе “першым каралеўствам” (*the first kingdom*) у аднайменным вершы, каровіны сцежкі – “каралеўскімі дарогамі” (*the royal roads*), а гаспадыню – “каралевай маці” (*the queen mother*) [2, с. 250].

Вобраз маці – адзін з цэнтральных у творчасці Рыгора Барадуліна. Найбольш паказальнымі з пункту погляду сакралізацыі хатняй прасторы праз вобраз маці як яе сімвала з’яўляюцца, на нашу думку, вершы, што склалі зборнікі “Евангелле ад мамы” (1995) і “Ксты” (2006). Матчыны вочы “святлыя ад слёз” [3, с. 257], у матчыны вусны паэт укладае малітвы, маці вучыць сына “кціцца й // пакланяцца святой Нядзельцы” [4, с. 137], “багоўнічае ля катла” [4, с. 186], мые святой вадой у Чысты Чацвер [3, с. 251], у вершы “Веды” яна выступае сімвалам самаахвярнасці, народнай мудрасці, вышэйшай і глыбейшай за акадэмічныя веды. Вобраз маці з’яўляецца неад’емным атрыбутам хатняй прасторы (“Вечная маміна хата. // А мама сама не выйдзе.” [4, с. 56]). Варта адзначыць таксама шматлікія прыклады паралелізму паміж вобразам маці і локусамі хатняй прасторы: памірае маці – зарастае травой і хата; крыніца паіла, як мама; мама, як і крыніца, вечная, прабіваецца “святлом да святла” [4, с. 134].

Прастора выступае таксама адным са сродкаў сацыялізацыі моладзі, прычым у традыцыйных супольнасцях сацыялізацыя адбываецца пераважна ў хатняй прасторы шляхам перадачы ведаў ад старэйшых. У вершах *Digging* ‘Раскопкі’, *Follower* ‘Паслядоўнік’ і шэрагу іншых Шэймас Хіні рэпрэ-

зентуе досвед папярэдніх пакаленняў як сакральныя веды, якія складаюць аксіялагічную і гнасеалагічную аснову побытавай культуры. Сакральны характар дзеянняў дарослых перадаецца лексэмамі з канататыўным значэннем абагаўлення і пашаны (*bends low* ‘нізка схіляецца’, *loving* ‘з любоўю’, *by God* ‘Богам клянуся’, *an expert* ‘адмысловец’ і інш.). Вобраз бацькі дапаўняецца сакральнымі аб’ектамі, у прыватнасці Кнігай Страшнага Суда (*Doomsday Book*) – метафарычным увасабленнем бухгалтарскай кнігі, па якой ён падлічвае страты і прыбытак, – сімвалам усёіснасці і ўсёведання [2, с. 130].

Вобраз бацькі актыўна распрацоўваўся і Рыгорам Барадуліным. Так, напрыклад, у праграмным вершы “Бацьку” (1958) паэт сакралізуе вобраз бацькі, які не вярнуўся з вайны, праз яго ўвасабленне ў дрэве, што кранае гадзінамі за плечы. Бацька будзе хату і гадуе сына (верш “Бацька хату ‘ў пальчыкі’ рубіў”), да бацькавага вяза паэт прыходзіць у цяжкі час (“Вечар бацькавага вяза”).

Неабходнасць абароны ўласнай сімвалічнай прасторы ад чужынцаў выступае адной з перадумоў фарміравання асабістай ідэнтычнасці, а таксама прыналежнасці да той ці іншай супольнасці. Рыгор Барадулін прысвячае вялікую колькасць вершаў Вялікай Айчыннай вайне, сакралізуючы яе ахвяры – людзей, якія аддалі за радзіму ўласнае жыццё. Матыў уварвання варожага элемента ў бяспеку хатняй прасторы, яе руйнавання і ператварэння ва ўласную супрацьлегласць найбольш яскрава прасочваецца ў ранніх вершах Шэймаса Хіні. Дзіцячае захопленне навакольным асяроддзем перадаецца праз становачы афарбаваныя эпітэты (*delicately* ‘далікатна’, *glossy* ‘бліскучы’), колеравую гаму (ззялены, крэмавы), зрокавыя вобразы (матылі, стракозы), змяняючыся лексэмамі семантычнага поля “варожасць” (*angry* ‘злосны’, *invaded* ‘захапілі’, *obscene threats* ‘прыхаваная пагроза’, *vengeance* ‘помста’ і пад.). Асаблівай увагі заслугоўваюць локусы вясковай прасторы, якія ў спалучэнні са зрокавымі (*sunlit yard* ‘заліты сонцам двор’) эпітэатамі ствараюць атмасферу святла і спакою. У пазнейшых вершах супрацьпастаўленне бяспекі ўласнай прасторы і варожасці чужынцаў аб’ектывуецца: пагроза, якая існавала выключна ва ўяўленні дзіцяці, змяняецца рэальнай небяспекай з боку іншаземных захопнікаў. Кантрастыўнае супастаўленне двух корпусаў лексем семантычных палёў “гаспадарка” (*tractors, buckrakes, fields, cattle, chill gates, outhouse roofs*) і “ворат” (*armoured cars, convoy, camouflaged, soldiers, turrets, guns*) як увасабленняў унутранай і знешняй прастор адпаведна ў вершы *The Toome Road* ‘Дарога на Тум’ са зборніка *Field Work* ‘Праца ў полі’ выступае структураўтваральным элементам, выразна акрэсліваючы замкнёную трохчасткавую структуру верша.

У наступных зборніках вершаў Шэймаса Хіні не абмяжоўвае прыватную прастору хатнім асяроддзем, а пашырае яе на ўсю Ірландыю, ілюструючы, як па меры сталення пачуццё прыналежнасці да пэўнай супольнасці як вызначальны фактар фарміравання ідэнтычнасці змяняецца пачуццём нацыя-

нальнай самасвядомасці. Дыяпазон сродкаў сакралізацыі прасторы таксама павялічваецца. Так, у вершы *The Other Side* ‘На тым баку’ са зборніка *Wintering Out* ‘Узімку на свежым паветры’ вобраз Ірландыі ствараецца, апроча іншага, праз біблійныя алюзіі (зямля “нішчымная, як Лазар”, зварот да вобразаў цара Саламона, Давіда і Галяіфа) і лексемы семантычнага поля “рэлігія” (*biblical dismissal* ‘біблійнае адпушчэнне’, *the tongue of chosen people* ‘мова абраных’, *prophesied* ‘праказаў’, *litany* ‘літанія’, *kirk* ‘царква’) [5, с. 24-25]. Крыж Брыгіты – ірландскай паганскай, а пасля і хрысціянскай святой – у вершы *Traditions* ‘Традыцыі’ з таго ж зборніка сімвалізуе заняпад ірландскай мовы як адной з вызначальных прыкмет нацыі, нароўні з прасторай, і замяшчэнне яе ангельскай, пашырэнне англамоўнай прасторы на тэрыторыю Ірландыі падобна да таго, як паганства ў свой час было выціснута хрысціянствам. Супрацьпастаўленне ангельскай і ірландскай моў як маркераў нацыянальнай прыналежнасці прасторы, на якой яны бытуюць, назіраецца і ў “Заходніх станцыях” (*The Stations of the West*): Шэймас Хіні прыпадабняе ірландскія тапонімы *Rannafast*, *Errigal*, *Annaghry* і *Kincasslagh* да алтарных камянёў, падкрэсліваючы сакральны характар родных мясцін для чалавека, у той час як сакральнасць хатняй прасторы жыхароў ірландскамоўнага рэгіёна *Gaeltacht* ‘Гэльтахт’ увасабляецца праз наданне ёй звышнатуральнай здольнасці да прароцтва. Сакральны характар роднай мовы сцвярджае і Р. Барадулін: беларускай мовай дабраслаўляе вернікаў Папа Рымскі (верш “28 чэрвеня 2004 года”), чужая мова – “як дзіця ад акупантаў” [4, с. 46], мова цячэ па жылах “і сонным Сажом і Нёманам” (верш “Мая мова”). Родная мова атрымлівае шэраг эпітэтаў з дэнататыўным і канататыўным значэннем сакральнасці (“святая мова-крывічанка” [8, с. 50], “мова жаланай зямлі” [4, с. 53]).

Адным са шляхоў сакралізацыі нацыянальнай прасторы ў паэзіі Шэймаса Хіні выступае таксама апісанне шматлікіх рытуальных ахвярапрынашэнняў, што мелі месца як на тэрыторыі Ірландыі, так і за яе межамі (вершы *The Tollund Man* ‘Чалавек з Толанда’, *The Grauballe Man* ‘Чалавек з Граўбала’, *The Bog Queen* ‘Каралева багны’, *Punishment* ‘Пакаранне’ і інш.). Натуральна, што ў вершах адзначанай тэматычнай групы таксама назіраецца актыўнае выкарыстанне рэлігійнай лексікі (*faithful* ‘вернікі’, *sacred* ‘святы’, *goddess* ‘багіня’ і інш.).

Родная зямля вызначаецца як сакральная прастора, якая жывіць чалавека як фізічна, так і духоўна, у алюзіях на біблійныя і міфалагічныя сюжэты. У вершы *Hercules and Antaeus* ‘Геркулес і Антэй’ Шэймас Хіні стварае вобразы асілкаў, падкрэсліваючы іх залежнасць ад сувязі з зямлёй праз лексемы з канататыўнай сілы і нядужасці адпаведна. У той час як Геракл “жывіцца зямлёй” (*feeding off the territory*), што надае яму трываласць (*resistance*) і моц (*powers*), адарваны ад зямлі Антэй *is weaned at last* ‘адлучаны ад маці’ [2, с. 121]. Матыў роднай зямлі як крыніцы жыцця і сілы прысутнічае і ў паэзіі Р. Барадуліна.

Паэт заклікае чытача “дома бываць часцей”, “трэцца ў бацькоў”, каб захаваць маладосць,

У вершы *A Drink of Water* ‘Глыток вады’ Шэймас Хіні сакралізуе хатнюю прастору праз вобраз вясковай жанчыны, якая штодня прыходзіць па ваду. Яе вуснамі паэт цытуе радок з хрысціянскіх духоўных тэкстаў *Remember the Giver* ‘Помні таго, хто дае’, узмацняючы яго лексэмай адпаведнага семантычнага поля (*faithful* ‘адданы’, *admonishment* ‘наказ’). Сакральны характар надаецца не толькі людзям як прадстаўнікам той ці іншай прасторы, але і прадметам, якія да яе належаць. Словамі Хрыста *Come to me /.../ all you who labour and are burdened* ‘Прыходзьце да мяне /.../ усе прыгнечаныя і знясіленыя’ звяртаецца да чытача кавалак граніту з аднайменнага верша. У нізцы вершаў *Album* ‘Альбом’ са зборніка *Human Chain* ‘Жывы ланцуг’ дэвіз *Seek ye first the Kingdom* ‘Найперш шукайце Царства’ выкладзены на падлозе Каледжа Св. Калумба (рымска-каталіцкай гімназіі для хлопчыкаў) у паўночнаірландскім мястэчку Дэры – навучальнай прасторы, якая гартуе і жывіць светапогляд і менталітэт маладых ірландцаў.

Такім чынам, праведзены аналіз паэтычнай спадчыны Шэймаса Хіні і Рыгора Барадуліна дазваляе вылучыць у творчасці абодвух паэтаў шэраг падабенстваў з пункту погляду ўвасаблення сакральнасці прыватнай прасторы. Сакралізацыя хатняй прасторы як увасаблення страчанага / пакінутага назаўжды мінулага адбываецца праз вобраз жанчыны (найперш, маці) як гаспадыні і яе духоўнага сімвала. Хатняя прастора выступае адным са сродкаў сацыялізацыі моладзі, перадачы ведаў з пакалення ў пакаленне, прычым у творчасці абодвух паэтаў носьбітам “сакральных” ведаў найчасцей выступае бацька. Магчыма абароны ўласнай сімвалічнай прасторы ад чужынцаў як адной з перадумоў фарміравання асабістай ідэнтычнасці ўвасабляецца Р. Барадуліным пераважна ў вершах ваеннай тэматыкі, у той час як Шэймас Хіні звяртаецца да значна шырэйшага дыяпазону кантэкстаў: ад уяўнай пагрозы, што нясе навакольнае асяроддзе, да рэальнай небяспекі з боку іншаземных захопнікаў. Сакралізацыя прасторы адбываецца таксама на ўзроўні мовы як маркера нацыянальнай прасторы і алюзій на міфалагічныя і біблейныя сюжэты.

Літаратура

1. Heaney, S. *Death of a Naturalist* / S. Heaney – London ; Boston : Faber and Faber, 1987. – 57 p.
2. Heaney, S. *Opened Ground : Poems 1966–1996* / S. Heaney. – New York : Farrar, Straus and Giroux, 2000. – 444 p.
3. Барадулін, Р. Ксты / Р. Барадулін. – Мінск : Рымска-каталіцкая парафія святога Сымона і святой Алёны, 2006. – 528 с.
4. Барадулін, Р. Евангелле ад мамы / Р. Барадулін. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1995. – 203 с.
5. Heaney, S. *Wintering Out* / S. Heaney. – London ; Boston : Faber and Faber, 1993. – 68 p.

Резцова Ольга Олеговна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

rezvova@m.msu.by

DIFFICULTIES IN INTERPRETATING DECONSTRUCTED TEXTS

В статье рассматриваются известные постмодернистские романы Джулиана Барнса и Зэди Смит. Интерпретация текстов основывается на идее деконструкции. Уделяется внимание интотекстуальности и симулякру.

Ключевые слова: постмодернистский, деконструкция, интертекстуальность, симулякр, Джулиан Барнс, Зэди Смит

The article deals with famous postmodern novels by Julian Barnes and Zadie Smith. The interpretation of the texts is based on the idea of deconstruction. Intertextuality, simulacrum are paid attention to

Keywords: postmodern, deconstruction, intertextuality, simulacrum, Julian Barnes, Zadie Smith

One of the fundamental components of postmodern discourse is deconstruction. This term was introduced and described by the philosopher Jacques Derrida. In postmodern literature deconstruction can be viewed as the destruction and endless re-creation of a text's meaning depending on the reader's cultural thesaurus. Each reader can create his own meaning. Deconstruction can be also understood as a form of existence for a postmodern text, or more precisely, as an anti-form, akin to a simulacrum.

Julian Patrick Barnes (born 1946) won the Man Booker Prize in 2011 with *The Sense of an Ending*, was shortlisted three times previously with *«Flaubert's Parrot»* (1984), *«England, England»* (1998), and *«Arthur & George»* (2005).

Julian Barnes has created postmodern texts which are open to various interpretations because of numerous deconstructed borrowings. «In his works the truth is not something fixed. It is begetting arguments and counterarguments. Distrust means a sceptical attitude towards classical books about man and society whose ideas seemed to be disproved by the realities of the XXth century. The strategies of intertextuality are widely used in Barnes' texts. Borrowed plots, images, characters are exploited for creating new literature works with new ideas, approaches to eternal and topical problems. His postmodern texts abound in allusions and quotations. The works of predecessors are transformed via parody and irony» [1, p.113].

In the novel *«Flaubert's Parrot»* the great French writer Gustave Flaubert appears to the readers as a successful, friendly, sociable man, a recognized genius who died in the prime of his glory, and as an irritable epileptic, a misogynist who is misunderstood and unrecognized. The title "Flaubert's Parrot" can be interpreted

in several ways: firstly, the parrot, or rather its stuffed form, is an important plot element; secondly, Flaubert's parrot is the narrator, Braithwaite, whose unhappy family life is in many ways similar to the tragedy described in «Madame Bovary»; thirdly, the parrot is the text of the novel itself, replete with quotes from Gustave Flaubert. The story is primarily told from the perspective of an elderly Englishman, a widowed retired doctor and an ardent connoisseur of Flaubert, Geoffrey Braithwaite. While traveling in France, Geoffrey discovers a stuffed parrot in two museums, both of which claim that their birds were on Flaubert's desk when he was writing the story «A Simple Heart». Braithwaite decides to discover the truth, to find evidence in Flaubert's works, in his papers, and in what has been written about the writer himself, confirming the authenticity of this or that bird.

The objective meaning of this Barnes' text is complicated by excessive citation, reinterpretation of borrowings, and deconstruction of different genres. In the novel we can find such genre fragments as biography, literary criticism, psychological novel, travel essay, test, etc. All this semantic and formal chaos bewilder the reader.

Other deconstruction of great man's biography is the novel «Arthur & George». The image of Arthur Conan Doyle is being deconstructed.

Intertextual engagement with various concepts and ideas can be found in Barnes' novel «England, England». Barnes deconstructs the idea of «Englishness». One of the main characters of the novel Jack Pitman comes up with a multi-billion-dollar project called "Quality Leisure". Using financial machinations and political intrigue, Pitman purchases the Isle of Wight, where he establishes his new «England, England». The island replicates famous landmarks: Big Ben, the Tower of London, Buckingham Palace, Stonehenge, the graves of Shakespeare and Princess Diana, Sherwood Forest, Wembley Stadium, and so on. English identity is to be recreated by professional actors hired to portray representatives of different eras, famous historical figures, and literary characters in carefully rehearsed scenes. Pitman wants to create a new reality consisting of simulacra (copies of the original, irretrievably lost). This new reality, or rather hyperreality, is intended to destroy the natural laws of time, erasing the boundaries between the real and the imaginary, the authentic and the copied.

The theory of simulacrum of Jean Baudrillard can be found in this novel. «According to Baudrillard the contemporary world consists of fakes (simulacra). The creator of the Park Sir Jack Pitman reflects on reality and simulacra "What is real? This is sometimes how I put the question to myself. Are you real, for instance- you and you? ...And you will forgive me for my candour, but I could have you replaced with substitutes, with... simulacra, more quickly than I could sell my beloved Brancusi". Other personage says: "...nowadays we prefer the replica to the original. We prefer the reproduction of the work of art to the work of art itself, the perfect sound and solitude of the compact disc to the symphony concert..." [1, p. 115]. To understand these reflection the reader should know the concept of simulacrum.

To analyze «England, England» one should take into consideration borrowings from English history, literature, folklore which are ironically deconstructed.

The novel «White Teeth» (2000) by the writer Zadie Smith (born 1975) embraces the aesthetics of postmodern writing. This debut novel became a hit with the intellectual public of the early XXIst century. The text contains multiple meanings. Some lie on the surface, while others are generated by decoding intertextual references.

The characters of the novel «White Teeth» are immigrants from different countries, with diverse cultural backgrounds, living in London at the end of the XXth century. The novel explores such themes as multiculturalism, identity, multi-ethnic society, discrimination based on nationality and gender, and interethnic marriage and friendship. Intertextuality is one of the key features of the novel. The deconstructive potential of «White Teeth» encompasses the interpretation of intertextual connections from various spheres. There are references to literary works: «A Passage to India» by E.M. Foster, «David Copperfield» by Charles Dickens, «The Rime of the Ancient Mariner» by S. Coleridge. Representatives of various nationalities from film and music industries are mentioned. One can find references to actors (O. Sharif, H. Bogart, D. Niven), singers (E. Presley, M. Jackson).

The plot of the novel focuses on the interconnected lives of three main families in multicultural London: the Joneses (half-English / half-Jamaican), the Iqbals (Bangladeshi), and the Chalfens (white English / Jewish). In her dialogue with Clara Jones, Alsana Iqbal refers to the Chalfens as «chaffinch», emphasizing their resemblance to chaffinches, describing them as nasty English birds that peck at all the best seeds. By «seeds» Alsana means her son, Millat, who has begun spending most of his free time at the Chalfens' house. «Alsana blew air out of her nose. 'I'll call them Chaffinches – little scavenging English birds pecking at all the best seeds! Those birds do the same to my bay leaves as these people do to my boy» [2, p. 344]. «So what's all this about a conspiracy of Chaffinches? Sounds like Hitchcock» [2, p. 345]. Alfred Hitchcock's famous film «The Birds» is mentioned here. Throughout the film, flocks of birds attack people and peck out their eyes. Alsana sees the situation exactly the same way, since, while spending time with the Chalfens, Millat has become completely blind to what's happening in his own home. The reader can interpret this episode in this way if he knows the film «The Birds».

So, difficulties in interpreting deconstructed texts are connected with capabilities of understanding intertextual references.

Литература

1. Резцова, О. О. Understanding Julian Barnes / О. О. Резцова // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А. А. Кулешова 2014 г. : сб. науч. ст. / под ред. Е. К. Сычовой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. – С. 112–116.

2. Smith, Z. White Teeth / Z. Smith. – London : Penguin books, 2001. – 548 p.

Чмарава Марына Іванаўна

Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова

(г. Магілёў, Рэспубліка Беларусь)

chmarova@m.msu.by

УПЛЫЎ УКРАЇНСКОЙ ЛІТАРАТУРЫ І КУЛЬТУРЫ НА БЕЛАРУСКАЕ НАЦЫЯНАЛЬНАЕ АДРАДЖЭННЕ ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯ

У артыкуле разглядаюцца старонкі ўкраінска-беларускіх літаратурных сувязей пачатку XX стагоддзя, узаемаўплываў і вынікаў літаратурных кантактаў абодвух народаў нашаніўскага перыяду.

Ключавыя словы: уплывы, традыцыі, кантакты, беларуская літаратура, украінская культура, друк

The article studies the degree of influence of Ukrainian literature on the Belorussian literature in the early twentieth century, the results of the Belarusian-Ukrainian literary contacts that period.

Keywords: influens, traditions, contacts, Belarusian literature, Ukrainian culture, periodicals

У гісторыі беларуска-ўкраінскіх літаратурных узаемасувязяў ёсць усе падставы нашаніўскія гады вылучаць як асобны перыяд, паколькі гэтыя гады пазначаны вялікай сукупнасцю мэтанакіраваных паслядоўных дзеянняў і сталі самымі разнастайнымі па форме культурнымі беларуска-ўкраінскімі адносінамі [5; 6]. Газета бачыла вялікае, моцнае, здаровае, што было ў кожнай нацыі, кожнай літаратуры. Шаўчэнкаўскія словы “І чужому навчайцеся, й свого не цурайтесь” сталі своеасаблівым дэвізам газеты, яны далі назву аднаму з яе раздзелаў, іх, як эпіграф, пісалі на вокладках штогодніх “Беларускіх календароў”, што выдаваліся “Нашай Нівай”. Цесная і плённая сувязь “Нашай Нівы” з Украінай была знешнім выяўленнем павагі беларусаў да братняга ўкраінскага народа, роднаснага яму і па крыві, і па сваёй гісторыі. У інфармацыйных раздзелах газеты вельмі часта змяшчаліся матэрыялы з украінскага жыцця. Прычым іх падбор быў выразна сацыяльна і нацыянальна арыентаваны. Яны прымушалі беларусаў зірнуць і на сваё жыццё, такое ж гаротнае і бяспраўнае, клікалі змагацца за лепшую долю. Рэвалюцыя 1905-1907 гг. актывізавала справу нацыянальнага адраджэння.

Духоўнае адраджэнне беларускага народа ў значнай ступені арыентавалася на ўкраінскі культурна-асветны і літаратурны рух. Вялікі ўклад у беларуска-ўкраінскія ўзаемаадносіны ўнеслі Янка Журба і Сяргей Палуян, якія ў той час жылі ва Украіне, пастаянна праз газету інфармавалі беларускую грамадскасць пра ўкраінскае грамадска-палітычнае і культурнае жыццё, зацікаўленасць украінцаў беларускай літаратурай, культурай і інш. Іх допісы ў “Нашу Ніву”

склалі дванаццаць “Лістоў з Украіны”, насычаных багатым фактычным матэрыялам, духам братэрскай павагі да Украіны і яе народа.

Літаратурная спадчына Сяргея Палуяна, пісьменніка рана памершага, займае віднае месца ў гісторыі беларускай культуры пачатку XX ст. Яго апавяданні, п’есы, нарысы, артыкулы і рэцэнзіі да гэтага часу не сабраны, бо друкаваліся яны на старонках розных газет (“Наша Ніва”, “Рада”) і часопісаў (“Украінска хата”). Калі ў “Нашай Ніве” ён паведамляў аб навінках літаратурнага жыцця на Украіне (гэта адзначала ў сваім даследаванні Т. Кабржыцкая), то ў кіеўскіх газетах і часопісах Палуян друкаваў галоўным чынам матэрыялы аб беларускай літаратуры, а таксама аб літаратуры ўкраінскай, якую добра ведаў. У іх Палуян спрабуе адстаяць звычайны для яго часу пункт гледжання на беларускі тэатр як новую сферу творчасці беларускай літаратуры. Гэтыя артыкулы, адыгралі прыкметную ролю ў актывізацыі культурнага жыцця Беларусі пачатку XX ст., а таксама ва ўмацаванні беларуска-ўкраінскіх літаратурных сувязей.

Не толькі для ўкраінцаў, але і для беларусаў сцягам нацыянальнага адраджэння на доўгі час стаў Тарас Шаўчэнка. Імя Кабзара часта з’яўлялася на старонках газеты. Так, да 95-годдзя з дня яго нараджэння ў “Нашай Ніве” былі змешчаны здымак і невялікая біяграфічная нататка, а таксама верш Янкі Купалы “Памяці Шаўчэнка”. 50-годдзе з дня смерці Кабзара газета адзначыла двума вялікімі артыкуламі – “Памяці Тараса Шаўчэнка” А. Бульбы і “Тарас Шаўчэнка і беларусы” Рамуальда Зямкевіча. У 1914 г., калі царскі ўрад забараніў святкаваць 100-годдзе з дня нараджэння Кабзара, “Наша Ніва” не палічылася з забаронай і надрукавала вялікі артыкул Л. Гмырака “Тарас Шаўчэнка” са шматлікімі – у рыгінале – цытатамі з твораў Кабзара. Апрача Тараса Шаўчэнка, “Наша Ніва” публікавала матэрыялы і пра іншых ўкраінскіх пісьменнікаў – Івана Франка, Лесю Українку, Марка Крапіўніцкага і інш. Побач з літаратурнакрытычнымі нататкамі і артыкуламі газета даволі часта змяшчала пераклады ўкраінскіх мастацкіх твораў. Перакладаліся творы Тараса Шаўчэнка, Яўгена Грабінкі, Васіля Стафаніка і інш. Як заўважае Т. Кабржыцкая [4], україніца дапамагала рэдакцыі газеты “Наша Ніва” паглыбляць і пашыраць уласна нацыянальную жыццёвую і літаратурную тэматыку і праблематыку

Літаратурная традыцыя з’яўляецца адным з элементаў таго асяроддзя, якое спрыяе працэсу станаўлення пісьменніка, падказвае формы яго творам, пры гэтым не выключана індывідуальнае прыцягненне пераважна да традыцыі таго або іншага канкрэтнага папярэдніка. Такой вяршыняй для М. Багдановіча стаў вялікі Кабзар – Тарас Шаўчэнка, бо шматлікія тэмы і вобразы ў іх паэзіі пераклікаюцца, у нечым нават падобныя. У беларускім літаратуразнаўстве тыпалогія Тарас Шаўчэнка – Максім Багдановіч даўно прыцягвае даследчыцкую ўвагу, у цэнтры якой знаходзяцца вядомыя Багдановічавы артыкулы “Краса і сіла” і “Памяці Т. Шаўчэнка”. І гэта заканамерна, бо, як заўважыў Міхась Мушынскі, “Багдановіч-вучоны і крытык – роўнавялікі Багдановічу-мастаку” [1, с. 294]. Кампетэнтнасць М. Багдановіча ў ацэнцы спадчыны вялікага Каб-

зара адзначана і ва ўкраінскім шаўчэнказнаўстве, але ў раскрыцці ідэйна-тэматычнай тыпалогіі навукоўцы закранулі хіба толькі блізкасць некаторых сацыяльных матываў у творах паэтаў. М. Багдановіч высока цаніў паэзію Т. Шаўчэнкі, лічыў за ўзор. Паэзія Кабзара ўніверсальная па мастацка-эстэтычнай, духоўна-філасофскай, хрысціянска-культурнай сутнасці, тыпалагічнае адзінства твораў М. Багдановіча і Т. Шаўчэнкі грунтуецца не толькі на развіцці сугучных тэм, распрацоўцы роднасных матываў, выяўляецца на ўзроўні элементаў вобразнай структуры і вершаванага строю, а заключаецца менавіта ў адзінай канцэпцыі творчасці на фоне духоўна-гістарычнага забыцця нацыі.

Жыццёвы і творчы подзвіг Кабзара быў асабліва актуальны ў грамадска-гістарычнай, нацыянальна-культурнай сітуацыі, што склалася на Беларусі на пачатку XX ст., і ў многім прадвызначаў ідэйна-эстэтычныя арыенціры мастацкай думкі. М. Багдановіч быў адным з першых, хто падкрэсліў мастацка-эстэтычны, духоўна-светапоглядны ўніверсалізм паэзіі Кабзара, якую часта ўспрымалі толькі ў межах сацыяльных маштабаў, абавіраючыся на грамадска-палітычныя каардынаты. Ён таксама заўважаў, што творчасць Т. Шаўчэнкі не разглядалася ў эстэтычным рэчышчы. М. Багдановіч плённа скарыстоўваў досвед сусветных інтэлектуальна-культурных традыцый на карысць справы нацыянальнага адраджэння. Ён усведамляў, у якім незайздросным, заняўдбавым, абмежаваным стане знаходзіцца народная свядомасць, як многа трэба прыкладзі намаганняў, каб узняць яе на высокі духоўна-эстэтычны ўзровень: *Народ, Беларускі Народ! // Ты – цёмны, сляпы, быццам крот. // Табою ўсягды пагарджалі, // Цябе не пушчалі з яра. // І душу тваю абакралі // У ёй нават мовы няма* [2, с. 266]. Беларускі паэт падкрэсліваў ролю паэтычнага слова Кабзара ў абуджэнні нацыянальнай свядомасці, вырашэнні праблем грамадскага жыцця Беларусі. Сваю грамадзянскую пазіцыю ён засведчыў у шматлікіх вершах (“Краю мой родны! Як выкляты Богам...”, “Кінь вечны плач свой аб старонцы!..”, “Зразаюць гадзіны таполі адна за адной...”, “Песняру” і інш.). Ідэйна-сэнсавай змястоўнасці слова спрыяе скарыстаная М. Багдановічам сімволіка агню, канцэптуальна замацаваная ў шаўчэнкаўскай эстэтыцы. Закладзеная ў гэтым сімвале энергія кардынальнага абнаўлення, ачышчэння, як і ў Кабзара, распаўсюджваецца далей за грамадска-сацыяльныя сферы, падсвечвае духоўна-эстэтычную, культурна-асветніцкую місію паэта: *Разгарайся хутчэй, мой агонь, між імглы, // Хай цябе шум вятроў не пужае; // Пагашаюць яны аганёчак малы, // А вялікі – крапчэй раздуваюць* [2, с. 240]. Заклапочанасць лёсам Бацькаўшчыны ў творчасці М. Багдановіча паяднаны з сумам па Радзіме, што ўспрымаецца як выток і сэнс існавання: *Даўно ўжо цэлам я хварэю, // І хвор душой, – // толькі на цябе надзея, // Край родны мой! // У родным краю ёсць крыніца // Жывой вады. // Там толькі я змагу пазбыцца // Сваёй нуды. // Калі ж у ім умру-загіну, – // Не жалюся я! // Не будзеш цяжкая ты сыну // Свайму, зямля. // Там, хоць у гліне, хоць у брудзе, // Там, пад зямлёй, // Найдучы мае слабыя грудзі // Сабі пакой* [2, с. 118].

У экспрэсіі настальгічнага пачуцця Ж. Шаладонава заўважае перамнась з паэзіяй Тараса Шаўчэнкі, у якой шырока развітая ідэя духоўна-фізічнага ўзаскрасьнення праз вяртанне на Радзіму: *А можа, ще добро побачу? // Може, лихо переплачу? // Води дніпрової нап'юсь...* [3, с. 183]. Жаданне М. Багдановіча быць пахаваным у родным краі можна суаднесці з шаўчэнкаўскім “Заповітом” асабіста-інтымным памкненнем назаўсёды, нават пасля смерці, застацца са сваім народам, Бацькаўшчынай, і менавіта такім чынам выявілася вяршыннасьць патрыятычнага пачуцця беларускага паэта. Прадметам мастацкага адлюстравання ў паэзіі Тараса Шаўчэнкі не з’яўляюцца ні Пецярбург, ні арэнбургскія пейзажы. Успамінаючы гады навучання ў Акадэміі мастацтваў, Кабзар падкрэсліваў, што ў майстэрні Брулова перад ім мілгачелі пакутніцкія цені бедных гетманаў, расццілаўся стэп, засеяны курганамі, – яго цудоўная бедная Украіна ва ўсёй яе цнатлівай меланхалічнай прыгажосці. Таксама ж і Максім Багдановіч не згадваў у вершах Ніжні Ноўгарад, у якім правёў дзяцінства і юнацтва, краявіды Паволжа, прыуральскага стэпу, Крыма, дзе яму даводзілася бываць. Увесь час мастак жыў роднымі беларускімі рэаліямі. Творчасць Тараса Шаўчэнкі і Максіма Багдановіча аднолькава ўнікальная ва ўзнаўленні нявыўленай народнай культуры, прыгажосці нацыянальнай спадчыны, якой яны свядома аддалі прыярытэт перад усімі іншымі рэаліямі. Абодва паэты па-наватарску стварылі тое, чаго яшчэ не было ў літаратуры, спрычыніліся да высакароднай справы адраджэння як рэальна магчымага духоўнага і матэрыяльнага быцця, патэнцыялу нацыі.

Гісторыя беларуска-ўкраінскіх літаратурных сувязей XIX і XX стст. падрыхтавала глебу для далейшага іх развіцця. Беларускі і ўкраінскі народы былі аб’яднаныя не толькі генетычным, але і гістарычным лёсам, агульнымі праблемамі, што і прадвызначыла ўплывы і падабенства ў літаратурных творах.

Літаратура

1. Мушынскі, М. Максім Багдановіч – крытык і гісторык літаратуры / М. Мушынскі // *Полымя*. – 1985. – № 9. – С. 294.
2. Багдановіч, М. Поўны збор твораў / М. Багдановіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1992. – Т. 1. – 751 с.
3. Шаладонава, Ж. Шаўчэнказнаўства ў Беларусі / Ж. Шаладонава // *Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук*. – 2004. – №1. – С. 102–105.
4. Кабржыцкая, Т. Нашаніўскія ўзоры [Аб гісторыі беларуска-ўкраінскіх літаратурных узаемасувязяў] / Т. Кабржыцкая // *Крыніца*. – 2000. – № 11–12. – С. 160–170.
5. Чмаравы, М. І. Украінскі вектар у беларускай літаратуры XIX – пачатку XX ст. / М. І. Чмаравы // *Ітогі навуковых даследаванняў вучоных МГУ імя А. А. Кулешова* 2014 г. : сб. навуц. ст. / пад рэд. Е. К. Сычовой. – Могилев : МГУ імя А. А. Кулешова, 2015. – С. 105–110.
6. Чмаравы, М. Спецыфіка вырашэння тэмаў у творчасці Тараса Шаўчэнкі і Янкі Купалы / М. Чмаравы // *Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай: да 900-годдзя Кірыла Тураўскага і 200-годдзя Тараса Шаўчэнкі : матэрыялы XI Міжнарод. навуц. канф.*, Мінск, 26–26 кастрычніка 2013 г. : у 2 ч. / пад рэд. Т. П. Казакавай. – Мінск : РІВШ, 2013. – Ч. 1. – С. 160–163.

Юзефович Сергей Дмитриевич
Белорусский государственный университет
(г. Минск, Республика Беларусь)
yuzefovichsergey1@gmail.com

ЕВРОПЕЙСКИЕ КОНТУРЫ ПОЛЬСКО-БЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО СИНТЕЗА

В статье дается общая характеристика польско-белорусского литературного синтеза в контексте развития европейской филологической традиции. Анализируются основные векторы взаимовлияния национальных литературных традиций, роль культурных контактов в формировании общего литературного пространства восточнославянских и соседствующих с ними народов. Подчеркивается значение трансграничного диалога для укрепления культурного единства европейского региона.

Ключевые слова: литературный синтез, польская литература, белорусская литература, европейский контекст, культурный диалог, филологическая традиция

The article examines the main features of the Polish-Belarusian literary synthesis in the context of European philological traditions. The analysis focuses on the key vectors of mutual influence of national literary traditions and the role of cultural contacts in shaping a common literary space of East Slavic and neighboring peoples. The importance of cross-border dialogue for strengthening the cultural unity of the European region is emphasized.

Keywords: literary synthesis, Polish literature, Belarusian literature, European context, cultural dialogue, philological tradition

Проблема взаимодействия литературных традиций восточнославянских народов и соседствующих европейских культур остаётся одной из ключевых в современной компаративистике. Польско-белорусский литературный синтез представляет собой сложное явление, отражающее исторические, культурные и географические особенности развития этих народов на протяжении многих столетий [1].

Литературные контакты между Польшей и Беларусью складывались в условиях формирования единого европейского пространства, где взаимопроникновение идей, образов и художественных форм создавало основу для общей культурной идентичности региона [2]. Геополитическое положение Беларуси между Европой и Россией, её историческая связь с Речью Посполитой привели к формированию уникального культурного ландшафта [6].

Синтез польской и белорусской литературных традиций исторически обусловлен общей судьбой этих народов в рамках Великого княжества Литовского и впоследствии Речи Посполитой [6]. В средневековую и раннемодерную эпохи оба народа разделяли общее культурное пространство, где взаимопроникновение традиций способствовало формированию единого литературного пейзажа [3].

Белорусская литература развивалась под влиянием польской традиции, перенимая многие её структурные и тематические особенности, в то время как польские авторы часто обращались к восточнославянским мотивам [2; 7]. Характер этого синтеза определяется рядом факторов: общностью религиозного контекста, языковой близостью и общностью исторических судеб, включая периоды борьбы за культурное самоопределение [4].

Польско-белорусский синтез не может быть понят без учёта его включённости в европейский литературный процесс. Европейский контекст предполагает наличие общих эстетических принципов, которые разделялись авторами различных европейских традиций [3]. Ренессансные, барочные, просветительские и романтические движения проникали в литературы Беларуси и Польши как органичные элементы развития общеевропейского культурного сознания [4].

Польская литература, имея более развитые институциональные и типографские возможности, часто выступала посредником в распространении европейских идей в восточнославянское пространство [2]. Белорусская литературная традиция, сохраняя свои уникальные черты, вносила самобытный вклад в европейское литературное развитие [7].

Польско-белорусский литературный синтез проявляется на различных уровнях текстуального и жанрового взаимодействия. На уровне жанровых форм это выражается в развитии эпопеи, драмы, лирической поэзии в контексте единого регионального пространства [8]. На уровне образности это отражается в появлении общих мифологических, исторических и фольклорных мотивов [1].

Важным аспектом синтеза является роль переводческой деятельности, которая превращала произведения из одной национальной традиции в достояние другой [5]. Переводы способствовали не только расширению читательского кругозора, но и взаимному обогащению литературных языков, внедрению новых стилистических приёмов [5].

Польско-белорусский литературный синтез представляет собой значимое явление европейской филологической культуры, отражающее многовековой процесс взаимовлияния и сотрудничества двух соседних народов. Этот синтез характеризуется как процесс интеграции двух самостоятельных национальных литературных традиций в единое культурное пространство, где каждая из сторон вносит свой вклад в развитие общеевропейской литературной парадигмы [1; 7]. Европейский контекст этого синтеза подчёркивает его значимость для понимания более широких процессов литературного развития региона и его потенциала для будущего межкультурного диалога.

Литература

1. Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – VI : сб. науч. ст. / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – 480 с.

2. Балашов, Н. Г. Польская литература в контексте восточнославянской культуры / Н. Г. Балашов. – М. : Наука, 2008. – 256 с.

3. Евсеев, В. А. Синтез национальных литературных традиций в средневековой Европе / В. А. Евсеев // История европейской литературы. – 2018. – № 3. – С. 45–62.

4. Карасюк, О. А. Межкультурные контакты в европейском литературном пространстве XVI–XVIII веков / О. А. Карасюк. – Киев : Академия, 2015. – 198 с.

5. Нечипоренко, А. В. Роль переводческой деятельности в формировании европейского литературного диалога / А. В. Нечипоренко // Компаративистика и история литературы. – 2019. – Т. 25. – № 4. – С. 112–128.

6. Речь Посполитая в европейском культурном контексте: коллективная монография / под ред. В. В. Краснова. – СПб. : Европейский центр культурных исследований, 2017. – 352 с.

7. Таулина, Г. В. Белорусская литература в европейской компаративистике / Г. В. Таулина // Восточнославянские исследования. – 2020. – № 2. – С. 78–95.

8. Шиян, А. М. Жанровые формы в польской и белорусской литературах: сравнительный анализ / А. М. Шиян. – Минск : БелГУ, 2016. – 187 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алейникова Ольга Сергеевна — магистр педагогических наук, старший преподаватель кафедры мировых языков, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова.

Аніперова Марыя Віктараўна / Аниперова Мария Викторовна — студент филологического факультета, Белорусский государственный университет (научный руководитель — кандидат филологических наук, доцент Короткий Владимир Георгиевич).

Антоненко Татьяна Ивановна — магистр филологических наук, старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Арзиева Евгения Руслановна — кандидат филологических наук, доцент, Университет Нархоз (г. Алматы, Республика Казахстан).

Ахметов Руслан Бахтиярович — магистрант факультета иностранных языков, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (научный руководитель — кандидат филологических наук, доцент Рубанова Евгения Викторовна).

Белая Дарья Вадимовна — студент факультета иностранных языков, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (научный руководитель — кандидат филологических наук, доцент Шевцова Алеся Константиновна).

Белик Владислава Александровна — студент факультета иностранных языков, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (научный руководитель — кандидат филологических наук, доцент Довгаль Алеся Валерьевна).

Берестовая Анна Вячеславовна — магистр филологических наук, преподаватель-стажер кафедры романо-германской филологии, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Бирюк Ирина Борисовна — старший преподаватель кафедры романо-германской филологии, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Бобылева Лиана Ивановна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры мировых языков, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова.

Богданова Оксана Александровна — магистрант факультета иностранных языков, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (научный руководитель — кандидат филологических наук, доцент Грушецкая Елена Николаевна).

Борбат Таццяна Іванаўна / Борбат Татьяна Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, заместитель декана историко-филологического факультета, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Бредис Михаил Алексеевич — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, филологический факультет, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва, Российская Федерация).

Бычковская Анастасия Владимировна — магистр филологических наук, преподаватель-стажер кафедры романо-германской филологии, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Бэтова Елена Николаевна — старший преподаватель кафедры романо-германской филологии, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Ваджибов Малик Джамалутдинович — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы, Дагестанский государственный университет (г. Махачкала, Российская Федерация).

Ван Хунчжань — магистрант историко-филологического факультета, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Сердюкова Екатерина Ивановна).

Ван Янь — магистрант факультета иностранных языков, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Доминикова Светлана Федоровна).

Вераксо Елена Геннадьевна — старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Волкова Карина Вадимовна — студент факультета иностранных языков, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Иванов Евгений Евгеньевич).

Вьюновец Анастасия Андреевна — студент факультета иностранных языков, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Иванов Евгений Евгеньевич).

Гавриловец Екатерина Сергеевна — студент филологического факультета, Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина (научный руководитель – старший преподаватель Гуцко Ирина Николаевна).

Гишкаева Лаура Ибрагимовна — ассистент кафедры иностранных языков, Медицинский институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва, Российская Федерация).

Голякевич Наталья Дмитриевна — старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Городецкий Иван Вячеславович — аспирант кафедры фонетики и практики английской речи, Белорусский государственный университет иностранных языков (научный руководитель — доктор филологических наук, доцент Артёмова Ольга Александровна).

Гриб Дарья Геннадьевна — студент филологического факультета, Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина (научный руководитель — кандидат филологических наук, доцент Ковалёва Елена Валерьевна).

Груммо Екатерина Николаевна — студент факультета иностранных языков, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (научный руководитель — кандидат филологических наук, доцент Шевцова Алеся Константиновна).

Грущеская Елена Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Губич Полина Андреевна — магистр филологических наук, старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Дай Яньян — магистрант историко-филологического факультета, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (научный руководитель — кандидат филологических наук, доцент Лавшук Оксана Анатольевна).

Дедович Ольга Геннадьевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка.

Денисенко Полина Максимовна — учащийся, Средняя школа № 38 г. Могилева.

Динькевич Алевтина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Довгаль Алеся Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Доўгаль Дзмітрый Аляксандравіч / Довгаль Дмитрий Александрович — старший преподаватель кафедры теории и методики начального образования, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Жишкевич Алёна Игоревна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языкознания и лингводидактики, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка.

Заблоцкая Марина Валентиновна — кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана факультета иностранных языков, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Зубрий Сергей Петрович — магистр филологических наук, аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Иванов Евгений Евгеньевич).

Зуева Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, Белорусский государственный университет.

Иванькова Ольга Николаевна — старший преподаватель кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин, Витебский филиал «Международный университет МИТСО».

Иваноў Яўген Яўгенавіч / Иванов Евгений Евгеньевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Каранчук Родион Васильевич — магистрант факультета иностранных языков, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Иванов Евгений Евгеньевич).

Кармызова Анна Сергеевна — студент историко-филологического факультета, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Сердюкова Екатерина Ивановна).

Карчевская Алиса Михайловна — студент факультета иностранных языков, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Иванов Евгений Евгеньевич).

Кидакова Дарья Юрьевна — студент факультета иностранных языков, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Иванов Евгений Евгеньевич).

Кидеява Людмила Тимофеевна — доктор филологических наук, профессор, Казахский национальный исследовательский технический университет имени К. Сатпаева (г. Алматы, Республика Казахстан).

Кириленко Ольга Владимировна — магистр филологических наук, старший преподаватель кафедры романо-германской филологии, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Ковалёва Елена Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и методики преподавания иностранных языков, Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина.

Комкова Нина Илькамовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, Тульский государственный университет (г. Тула, Российская Федерация).

Кононкова Елена Викторовна — учитель, Средняя школа № 38 г. Могилева.

Космачева Елизавета Сергеевна — студент факультета иностранных языков, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Шевцова Алеся Константиновна).

Криштапова Дарья Валерьевна — учитель, Средняя школа № 24 г. Могилева имени К.М. Симонова.

Кураш Сяргей Баніфацьевіч / Кураш Сергей Бонифацевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры белорусской и русской филологии, Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина.

Лавицкий Антон Алексеевич — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой правоведения и социально-культурных дисциплин, Витебский филиал «Международный университет МИТСО».

Лавшук Оксана Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры славянской филологии, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Лалаева Анфиса Игоревна — студент факультета иностранных языков, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Шевцова Алеся Константиновна).

Лиденкова Ольга Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики английского языка, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины.

Лобейко Татьяна Сергеевна — студент факультета иностранных языков, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Иванов Евгений Евгеньевич).

Ломакина Ольга Валентиновна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, филологический факультет, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва, Российская Федерация).

Лукина Ольга Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры мировых языков Витебский государственный университет имени П.М. Машерова.

Лю Юэминь — магистрант факультета иностранных языков, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Доминикова Светлана Федоровна).

Макась Анастасія Вячаславаўна — студэнт факультэта іностранных языков, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Иванов Евгений Евгеньевич).

Милошевский Павел Дмитриевич — студент факультета иностранных языков, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Иванов Евгений Евгеньевич).

Михальчук Наталья Александровна — кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры русского языка, Белорусский государственный университет (научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Ровдо Иван Семенович).

Михальчук Тамара Григорьевна — кандидат филологических наук, доцент, независимый исследователь (г. Могилев, Республика Беларусь).

Нестерович Ольга Борисовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного, Белорусский государственный университет культуры и искусств.

Нивина Ирина Васильевна — старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Пашук Анастасия Ивановна — студент факультета иностранных языков, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Иванов Евгений Евгеньевич).

Перезашкевич Анастасия Юрьевна — магистр филологических наук, преподаватель-стажер кафедры романо-германской филологии, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Поўх Ірына Васільеўна / Повх Ирина Васильевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина.

Протасова Наталья Александровна — старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Резова Ольга Олеговна — старший преподаватель кафедры романо-германской филологии, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Рубанова Евгения Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Руклянский Дзмітрый Аляксандравіч / Руклянский Дмитрий Александрович — старший преподаватель кафедры теории и методики начального образования, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Рыжанкова Татьяна Михайловна — магистр филологических наук, аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (научный руководитель — доктор филологических наук, профессор Иванов Евгений Евгеньевич).

Струкаў Віктар Віктаравіч / Струков Виктор Викторович — председатель первичной профсоюзной организации, Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина.

Сяо Юе — магистрант историко-филологического факультета, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (научный руководитель — кандидат филологических наук, доцент Болтовская Елена Александровна).

Тарасова Наталья Владимировна — старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Таркан Наталья Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры славянской филологии, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Угликова Ирина Валерьевна — старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Ху Ипэн — магистр филологических наук, магистр педагогических наук, аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (научный руководитель — доктор филологических наук, профессор Иванов Евгений Евгеньевич).

Цеплякова Альбіна Дзмітраўна / Теплякова Альбина Дмитриевна — старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Чабанова Анастасия Александровна — студент факультета иностранных языков, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (научный руководитель — доктор филологических наук, профессор Иванов Евгений Евгеньевич).

Чмарова Марына Іванаўна / Чмарова Марина Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры славянской филологии, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Шаблинская Вероника Александровна — студент факультета иностранных языков, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (научный руководитель — кандидат филологических наук, доцент Шевцова Алеся Константиновна).

Шао Цзинцзин — магистрант факультета иностранных языков, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (научный руководитель — доктор филологических наук, профессор Иванов Евгений Евгеньевич).

Шаршнёва Вольга Мікалаеўна / Шершнёва Ольга Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры славянской филологии, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Шевцова Алеся Константиновна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романо-германской филологии, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

Юзефович Сергей Дмитриевич — преподаватель-стажер кафедры общеобразовательных дисциплин, факультет доуниверситетского образования иностранных граждан, Институт дополнительного образования, Белорусский государственный университет.

Ячмянёва Ірына Мікалаеўна / Ячменёва Ирина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры славянской филологии, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

<i>Ахметов Р.Б.</i> МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ВРЕМЯ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ).....	3
<i>Белик В.А.</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРЯМОЙ ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ В ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ.....	6
<i>Бычкова А.В.</i> ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ МАНИПУЛИРОВАНИЯ ПОСРЕДСТВОМ ТАКТИКИ СМЕЩЕНИЯ АКЦЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ЦИСФОБИИ	10
<i>Ваджибов М.Д.</i> ОТРАЖЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ ОБОГАЩЕНИЯ ЛЕКСИКИ ТАБАСАРАНСКОГО ЯЗЫКА ПОСРЕДСТВОМ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ш.И. ШАХМАРДАНОВА)	13
<i>Груммо Е.Н.</i> ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КРИЗИСНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ	17
<i>Дедович О.Г.</i> ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ВИЗУАЛЬНЫХ МЕТАФОР ЛИНГВОДИДАКТИКИ	21
<i>Довгаль А.В., Криштанова Д.В.</i> ТАКТИКИ ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ КОММЕНТАРИЕВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ИНСТАГРАМ).....	25
<i>Зуева О.В.</i> НОМИНАЦИЯ КЪНИГЫ ‘ПИСЬМО, ПОСЛАНИЕ’ В ДРЕВНЕРУССКОМ И СТАРОРУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	29
<i>Килева Л.Т., Арзиева Е.Р.</i> ПРОСПЕКТИВНАЯ СЕМАНТИКА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ГЛАГОЛА В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ	33
<i>Кураш С.Б., Струкаў В.В.</i> ТЭКСТАЎТВАРАЛЬНАЯ ФУНКЦЫЯ І ЛІНГВАКУЛЬТУРНА-ІДЭНТЫФІКАЦЫЙНЫ СТАТУС ЛЕКСЕМЫ БАЛОТА Ў РАМАНЕ ІВАНА МЕЛЕЖА “ЛЮДЗІ НА БАЛОЦЕ”.....	37
<i>Лавицкий А.А.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ В БЕЛАРУСИ И РОССИИ.....	41
<i>Лукина О.А.</i> СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЭККЛЕЗИОНИМИКИ	45
<i>Михальчук Т.Г.</i> ФОНЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭТИКЕТНОСТИ.....	49

<i>Перезайкевич А.Ю.</i> МЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС КАК ОБЛАСТЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	54
<i>Рукляні Д.А.</i> ТЭМАТЫЧНАЯ КЛАСІФІКАЦІЯ СУБСТАНТЫЎНАЙ ЛЕКСІКІ Ў МОВЕ “ЛІСТОЎ” Ф.С. КМІТЫ-ЧАРНАБЫЛЬСКАГА	58
<i>Шаблинская В.А.</i> ЭМОТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЕ (СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ПРАГМАТИЧЕСКАЯ РОЛЬ).....	64
<i>Шаринёва В.М.</i> ЛІНГВАСТАТЫСТЫЧНЫ НАПРАМАК ДАСЛЕДАВАННЯ ІНДЫВІДУАЛЬНАГА АЎТАРСКАГА СТЫЛЮ	68
<i>Шевцова А.К.</i> СОЦИОКОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ЭМБИЕНТНОЙ РЕКЛАМЫ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АНГЛОЯЗЫЧНОГО И БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСОВ).....	72

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ИДИОМАТИКА В ЕВРОПЕЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ КОНТЕКСТЕ

<i>Бредис М.А.</i> ТРАДИЦИИ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ И ТЮРКСКИХ ПОСЛОВИЦ	77
<i>Ван Янь.</i> ОБРАЗНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА КИТАЙСКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ).....	84
<i>Гишкаева Л.И.</i> СЕМАНТИКА ПОСЛОВИЦ ЮРИДИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ.....	87
<i>Городецкий И.В.</i> ДЕЙКТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С СЕМАНТИКОЙ ОДНОВРЕМЕННОСТИ В БЕЛОРУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ (КОНТРАСТИВНЫЙ АСПЕКТ)	91
<i>Зубрий С.П.</i> ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ПОСЛОВИЦ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	94
<i>Іваноў Я.Я.</i> БЕЛАРУСКАЯ ФАЛЬКЛОРНАЯ І ЛІТАРАТУРНАЯ АФАРЫСТЫКА Ў КАНТЭКСЦЕ ІНШЫХ МОЎ І КУЛЬТУР (АКТУАЛЬНЫЯ ПРАБЛЕМЫ І ЗАДАЧЫ ДАСЛЕДАВАННЯ)	97
<i>Іванькова О.Н.</i> О СЕМАНТИКЕ ФРАНЦУЗСКИХ И РУССКИХ ЗАГАДОК О ПРИРОДЕ.....	104
<i>Каранчук Р.В.</i> ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУЩНОСТИ ПОСЛОВИЦЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЕЕ ОСНОВНЫХ ПРИЗНАКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ.....	108
<i>Ковалёва Е.В., Гриб Д.Г.</i> СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘УМСТВЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ И ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ’ В БЕЛОРУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ.....	113
<i>Комкова Н.И.</i> ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ПОСЛОВИЦЫ В РАССКАЗАХ БОРИСА ШЕРГИНА КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ.....	117

<i>Лобейко Т.С.</i> ФУНКЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСЛОВИЦ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ	123
<i>Ломакина О.В.</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПИСАТЕЛЯ КАК ПОНЯТИЕ И ТЕРМИН СОВРЕМЕННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ	126
<i>Лю Юэминь.</i> СЕМАНТИКА, ОБРАЗНОСТЬ И КУЛЬТУРОНОСНАЯ ФУНКЦИЯ ЭПИТЕТОВ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ	129
<i>Макась А.В.</i> ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЛИТЕРАТУРНОМ ТЕКСТЕ.....	132
<i>Рыжанкова Т.М.</i> ЛЕКСИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В НЕМЕЦКИХ И БЕЛОРУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ.....	135
<i>Цеплякова А.Д.</i> СПАЛУЧЭННІ РОЗНЫХ ВІДАЎ ТРАНСФАРМАЦЫІ АНГЛАМОЎНЫХ ЗАПАЗЫЧАННЯЎ КРЫЛАТЫХ СЛОЎ У МОВЕ СРОДКАЎ МАСАВАЙ ІНФАРМАЦЫІ.....	138
<i>Чабанова А.А.</i> БИБЛЕИЗМЫ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ.....	141
<i>Шао Цзинцзин.</i> СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОМПОНЕНТА 头 / ГОЛОВА В КИТАЙСКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ	145

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА (ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ И ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ)

<i>Белая Д.В.</i> ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ ИМПЛИЦИТНОЙ ОБРАЗНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕТАФОР И СРАВНЕНИЙ).....	149
<i>Берестовая А.В.</i> НАИМЕНОВАНИЯ ЖИВЫХ ОРГАНИЗМОВ В АВСТРАЛИЙСКОМ СЛЕНГЕ РАЗНЫХ ВРЕМЕННЫХ ПЕРИОДОВ	153
<i>Богданова О.А.</i> ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФРАЗЕОЛОГИИ И ФРАЗЕОГРАФИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА.....	156
<i>Ван Хунчжань.</i> КОНЦЕПЦИЯ КОМПЛИМЕНТА В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	161
<i>Грушецкая Е.Н.</i> ВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В МАССМЕДИЙНОМ ТЕКСТЕ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ.....	165
<i>Губич П.А.</i> ИСТОЧНИКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВЫХ МЕМОВ.....	168
<i>Дай Яньян.</i> СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ИМЁН СОБСТВЕННЫХ С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК	172
<i>Динькевич А.В.</i> ЯЗЫКОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ДИСКУРСА	174

<i>Карчевская А.М.</i> СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ АФОРИЗМОВ	178
<i>Кидакова Д.Ю.</i> СФЕРЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ И ФУНКЦИИ ПОЛИТКОРРЕКТ- НОЙ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	181
<i>Кириленко О.В.</i> СПЕЦИФИКА НУЛЕВОГО КОНТЕКСТА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	186
<i>Космачева Е.С.</i> ИНВЕРСИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КРИЗИСНОГО МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ).....	188
<i>Лалаева А.И.</i> СТИЛИСТИКА И ПРАГМАТИКА СЛЕНГИЗМОВ В МУЗЫ- КАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА).....	193
<i>Нивина И.В.</i> СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ.....	197
<i>Рубанова Е.В.</i> ВТОРИЧНЫЕ ЭТНОНИМЫ КАК СРЕДСТВО ПЕРЕДАЧИ ОБРАЗА ИММИГРАНТА В АНГЛИЙСКОМ СЛЕНГЕ	200
<i>Сяо Юе.</i> ИСТОРИЯ КИТАЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	204
<i>Ху Инэн.</i> ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КИТАЙСКИХ ПОСЛОВИЦ.....	206

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ И ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

<i>Алейникова О.С.</i> ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ДИВЕРГЕНТНОГО МЫШЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ	211
<i>Антоненко Т.И., Голякевич Н.Д.</i> STRATEGIES FOR BUILDING SPONTANEOUS ORAL COMMUNICATION SKILLS	215
<i>Бирюк И.Б.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	218
<i>Бобылева Л.И.</i> РАСШИРЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО СЛОВАРЯ УЧАЩИХСЯ КАК УСЛОВИЕ ОБУЧЕНИЯ БЕСПЕРЕВОДНОМУ ПОНИМАНИЮ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	223
<i>Бэтова Е.Н.</i> ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ В РАЗНОУРОВНЕВЫХ ГРУППАХ	226
<i>Вераксо Е.Г.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА У СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	230

<i>Гавриловец Е.С.</i> ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА	234
<i>Доўгаль Д.А.</i> АНАЛІТЫЧНЫЯ ЛАНЦУЖКІ ЯК СРОДАК РАЗВІЦЦЯ ЧЫТАЦКІХ УМЕННЯЎ МАЛОДШЫХ ШКОЛЬНІКАЎ	237
<i>Заблоцкая М.В.</i> АДАПТАЦІЯ УЧЕБНЫХ МАТЕРІАЛАВ ПО ДИСЦИПЛІНЕ «ДЕЛОВОЙ ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК» К КОГНИТИВНЫМ ОСОБЕННОСТЯМ ПОКОЛЕНИЙ Z И ALPHA.....	241
<i>Нестерович О.Б.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО.....	244
<i>Протасова Н.А.</i> РАЗВИТИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РОЛЕВЫХ ИГР И СИТУАЦИОННЫХ УПРАЖНЕНИЙ.....	248
<i>Тарасова Н.В.</i> FOSTERING LEARNER AUTONOMY IN EDUCATIONAL SETTINGS	251
<i>Таркан Н.Е.</i> ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ЧТЕНИЮ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ	255
<i>Угликова И.В.</i> ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В УНИВЕРСИТЕТЕ.....	258

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОР В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

<i>Аніперава М.В.</i> ІДЭЙНА-ТЭМАТЫЧНЫЯ АРЫЕНЦІРЫ ДУХОЎНАЙ ПАЭЗІІ ЎСХОДНЕСЛАВЯНСКАГА БАРОКА	262
<i>Борбат Т.І., Ячмянёва І.М.</i> МАСТАЦКАЕ АСЭНСАВАННЕ ТЭМЫ “ВАЙНА І ДЗЕЦ” У МАЛОЙ ПРОЗЕ ІВАНА ЧЫГРЫНАВА.....	266
<i>Волкова К.В.</i> ФУНКЦИИ ПОСЛОВИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АНГЛИЙСКИХ АВТОРОВ)	269
<i>Вьюновец А.В.</i> ОСОБЕННОСТИ АФОРИЗМА КАК ЛИТЕРАТУРНОГО ЖАНРА	273
<i>Жушкевич А.И.</i> СИНКРЕТИЗМ ЯЗЫЧЕСТВА И ХРИСТИАНСТВА КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРНОГО КОДА БЕЛОРУСОВ (СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)	276
<i>Кармызова А.С.</i> ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (АРХАЙКА И ТРАНСФОРМАЦИЯ)	281

Кононкова Е.В., Денисенко П.М. ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТИХОТВОРЕНИЯ НАТАЛЬИ МИХАЛЬЧУК «РАЙСКИЙ УГОЛОК»	284
Лавишук О.А. ДОМИНАНТЫ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ БЕЛАРУСИ.....	287
Лиденкова О.А. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА БЕЛАРУСИ И БРИТАНИИ (ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ)	292
Милошевский П.Д. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТОВ КУЛЬТУРЫ В ЛИТЕРАТУРНЫХ АФОРИЗМАХ	297
Михальчук Н.А. КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРИЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НАМЕКОВ, В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ПРОЗЫ XX–XXI ВВ.)	301
Пашиук А.Н. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХ АФОРИЗМОВ	305
Поўх І.В. САКРАЛІЗАЦЫЯ ПРЫВАТНАЙ ПРАСТОРЫ Ў ПАЭЗІІ ШЭЙМАСА ХІНІ І РЫГОРА БАРАДУЛНА.....	309
Резцова О.О. DIFFICULTIES IN INTERPRETATING DECONSTRUCTED TEXTS	314
Чмарава М.І. УПЛЫЎ УКРАЇНСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ І КУЛЬТУРЫ НА БЕЛАРУСКАЕ НАЦЫЯНАЛЬНАЕ АДРАДЖЭННЕ ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯ	317
Юзефович С.Д. ЕВРОПЕЙСКИЕ КОНТУРЫ ПОЛЬСКО- БЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО СИНТЕЗА.....	321
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	324

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Научное издание

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ
ЯЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРЫ
В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ IX

Сборник научных статей

Технический редактор *А. Г. Роскач*
Компьютерная верстка *А. И. Кривёнок*

Подписано в печать 11.09.2026. Формат 60х84/16
Гарнитура Times New Roman. Усл.-печ. л. 19,8.
Уч.-изд. л. 24,6. Тираж 9 экз. Заказ № 131.

Учреждение образования “Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова”, 212022, Могилев, Космонавтов, 1.
Свидетельство ГРИИРПИ № 1/131 от 03.01.2014 г.

Отпечатано в издательском отделе
МГУ имени А. А. Кулешова, 212022, Могилев, Космонавтов, 1.